Часто задаваемые вопросы анархизма

Йен МакКей

Оглавление

Введение

> «Пролетарии мира, идите в глубь к себе и там ищите и творите правду: больше вы ее нигде не найдете».
>
> Петр Аршинов, История махновского движения.

Добро пожаловать в наш FAQ по анархизму.

Этот FAQ был написан анархистами из разных стран в попытке представить анархические идеи и теорию тем, кто заинтересован в них. Это кооперативная работа, сделанная (виртуальной) рабочей группой и она существует, чтобы предоставить полезный организующий инструмент для анархистов в интернете и, мы надеемся, в реальном мире. Она желает представить аргументы, почему вам следует быть анархистами и также опровергнуть распространенные аргументы против анархизма и предложить решения для социальных проблем, которые стоят перед нами.

Анархические идеи так противоречат «здравому смыслу» (такому как «конечно нам нужно государство и капитализм»), поэтому мы должны показать, **почему** анархисты думают так, как мы. В отличие от многих политических теорий, анархизм отвергает легкомысленные ответы и вместо этого основывает свои идеи и идеалы в глубоком анализе общества и человечества. Для того чтобы сделать анархизм и справедливость читателя мы рассказали вкратце о наших аргументах, насколько это возможно, без их упрощения. Мы знаем, что это большой документ и может шокировать обычного наблюдателя, но его размер нельзя уменьшить.

Читатели могут посчитать наше частое использование цитат как пример «удобной вещи для тех, кто имеет трудности думать за себя». (А. А. Милн) Дело не в этом, конечно. Мы включили обширные цитаты многих анархистов по трем причинам. Во-первых, чтобы показать, что мы **не** придумываем утверждения о том, что думали или аргументировали определенные анархисты. Во-вторых, и это самое важное, это позволяет нам связать прошлые голоса анархизма с его нынешними сторонниками. И в-третьих, цитаты используются, чтобы передать идеи в краткой форме, а не как обращение к «авторитету».

В дополнение, многие цитаты используются, чтобы позволить читателям исследовать идеи тех, кто цитируется, и суммировать факты и таким образом занимать меньше места. Например, цитата Ноама Хомского про развитие капитализма под протекцией государства обеспечивает, что мы основываем наши аргументы на фактах, без предоставления всех доказательств и отсылок, которые использует Хомский. Похожим образом, мы цитируем экспертов в определенных областях (таких как экономика, например), чтобы поддержать и усилить наш анализ и утверждения.

Мы также должны рассказать об истории этого FAQ. Это началось в 1995 году, когда группа анархистов собралась вместе, чтобы написать FAQ, опровергающий

притязания некоторых «либертарианских» капиталистов на то, что они являются анархистами. Те, кто участвовал в этом проекте, потратили много часов, опровергая аргументы этих людей, что капитализм и анархизм могут быть совместимы. В конце концов, группа интернет-активистов решила, что лучше всего было бы написать FAQ, объясняющий, почему анархизм ненавидит капитализм и почему «анархо»-капиталисты это не анархисты. Однако, после предложения Майка Хубена, (который ведет страницу «**Критика Либертарианства**») было решено, что FAQ, поддерживающий анархизм, будет лучшей идеей, чем анти-«анархо»-капиталистический FAQ. Так появился Анархический FAQ. Он все еще несет некоторые признаки его предыдущей истории. Например, он дает людям, подобным Айн Рэнд, Мюррею Ротбарду, и так далее, слишком много места за пределами раздела F — они на самом деле не так важны. Однако, так как они представляют экстремальные примеры ежедневной капиталистической идеологии и предположений, они имеют свою пользу — они ясно показывают авторитарные последствия капиталистической идеологии, которые его более умеренные сторонники пытаются спрятать или минимизировать.

Мы думаем, что мы создали полезный онлайн-ресурс для анархистов и других анти-капиталистов. Возможно, в свете этого, мы должны посвятить этот анархический FAQ многим интернетным «либертарианским» капиталистам, которые, из-за своих глупых аргументов, вдохновили нас начать эту работу. Это даст им слишком много славы. Вне интернета они не имеют значения и в интернете они просто раздражают. Как вы можете догадаться, разделы F и G содержат большую часть этого раннего анти-либертарианского FAQ и включены только для того, чтобы опровергнуть утверждение, что анархист может быть сторонником капитализма, что относительно распространено в интернете (в реальном мире этого не требуется, так как почти все анархисты думают, что «анархо»-капитализм это оксюморон и что его сторонники не являются частью анархического движения).

Так, появившись по очень специальной причине, этот FAQ расширился в нечто большее, что мы вначале представляли. Он стал общим кратким рассказом об анархизме, его идеях и истории. Потому что анархизм признает, что не существует легких ответов и что свобода должна быть основана на индивидуальной ответственности, FAQ довольно глубокий. Так как он также бросает вызов многим предположениям, мы должны были рассказать о многих темах. Мы также признаем, что некоторые из «часто задаваемых вопросов», которые мы включили, более часто задаются, чем другие. Это происходит из-за того, что нам нужно было включить релевантные аргументы и факты, которые в другом случае не были бы включены.

Мы уверены, что многие анархисты не согласятся на 100% с тем, что мы написали в FAQе. Этого следовало ожидать в движении, основанном на индивидуальной свободе и критическом мышлении. Однако, мы уверены, что большинство анархистов согласятся с большей частью написанного и будут уважать те части, с которыми они не согласны, как настоящее выражение анархистских идей и идеалов. Анархическое движение отмечено широко распространенными разногласиями и спорами о разных аспектах анархистских идей и как их применить (но также, мы должны добавить, широко распространенной толерантностью к разным точкам зрения и желанием работать вместе, несмотря на мелкие разногласия). Мы попытались отразить это в FAQе

и надеемся, что сделали хорошую работу в представлении идей всех анархических течений, которые мы обсуждаем.

У нас нет желания писать на камне, что является анархизмом, а что нет. Вместо этого, FAQ это начальная точка для людей, чтобы читать и узнать больше об анархизме и перевести это знание в прямое действие и активизм. Делая так, мы делаем анархизм живой теорией, продуктом индивидуального и общественного активизма. Только применяя наши идеи на практике, мы можем найти их силу и ограничения и таким образом развить анархическую теорию в новых направлениях и в свете нового опыта. Мы надеемся, что FAQ отражает и помогает этому процессу активизма и самообразования.

Мы уверены, что существует много вопросов, которые не освещает FAQ. Если вы думаете о чем-то, что мы можем добавить, или чувствуете, что у вас есть вопрос и ответ, который должен быть включен, свяжитесь с нами. FAQ не наша «собственность», но принадлежит всему анархическому движению и таким образом стремится быть органическим, живым творением. Мы желаем видеть его растущим и расширяющимся с новыми идеями и дополнениями от стольких многих людей, сколько возможно. Если вы хотите быть задействованы в FAQ, тогда свяжитесь с нами. Похожим образом, если другие (в частности анархисты) хотят распространить все части, тогда это разрешается. Это средство для всего движения. По этой причине мы дали Анархическому FAQу лицензию копилефта (смотри http://www.gnu.org/copyleft/copyleft.html для деталей). Делая так, мы обеспечиваем, что FAQ остается свободным продуктом, доступным для использования для всех.

Последняя мысль. Язык сильно изменился за годы и это также относится к анархическим мыслителям. Использование термина «man» для обозначения человека это одно такое изменение. (man — мужчина, человек) Не нужно говорить, что в сегодняшнем мире такое использование неприемлемо, так как эффективно игнорирует половину человеческой расы. По этой причине FAQ старался быть гендерно-нейтральным. Однако, это осознание сравнительно недавнее и многие анархисты (даже женщины как Эмма Гольдман) использовали термин «man» чтобы обозначить любого человека. Когда мы цитируем товарищей из прошлого, которые используют слово «man» таким образом, это очевидно значит человечество в целом, а не мужской пол. Там, где возможно, мы добавляем «женщина», «женщины», «она» и так далее, но если это приведет к тому, что цитата сделается нечитаемой, мы оставляем ее как есть. Мы надеемся, что это сделает нашу позицию ясной.

Мы надеемся, что этот FAQ развлечет вас и заставит задуматься. Мы надеемся, что он произведет несколько новых анархистов и ускорит создание анархического общества. Если все остальное провалится, мы наслаждались созданием FAQа и показали, что анархизм это жизнеспособная, последовательная политическая идея.

> Мы посвящаем эту работу миллионам анархистов, живым и мертвым, которые пытались и пытаются создать более лучший мир. Анархический FAQ был официально выпущен 19 июля 1996 года по этой причине — чтобы отпраздновать Испанскую Революцию 1936 года и героизм испанского анархического движения. Мы надеемся, что наша работа здесь поможет сделать мир более свободным местом.

Следующие самоназванные анархисты, (по большей части) ответственны за этот FAQ:

- Йен Маккей (главный автор и редактор)
- Гэри Елкин
- Дэйв Нил
- Эд Бораас

Мы хотим поблагодарить следующих людей за их вклад и обратную связь:

- Эндрю Флуд
- Майк Баллард
- Франсуа Кокет
- Джамал Ханна
- Майк Хубен
- Грег Алт
- Чак Мунсон
- Паулин Маккормак
- Нетсор Макнаб
- Кевин Карсон
- Шон Уилбер

и наших товарищей по рассылкам anarchy и oneunion and organise!

«Анархический FAQ», версия 13.0

Раздел A. Что такое анархизм?

Введение

Три кризиса современной цивилизации поставили человечество на грань катастрофы: (1) социальный упадок — общее понятие, объединяющее рост нищеты, безработицы, преступности, насилия, отчуждения, злоупотребления наркотиками и алкоголем, социальной изоляции, политической апатии, дегуманизации, развала общественных структур взаимопомощи и т.п.; (2) разрушение хрупкой экосистемы планеты, от которой зависят все взаимосвязанные формы жизни; и (3) распространение оружия массового уничтожения, особенно ядерного оружия.

Тиражируемое мнение, включающее взгляды официальных «экспертов», мэйнстримных СМИ и политиков, рассматривает эти кризисы независимо друг от друга, будто каждый из них имеет свои причины и его можно решить отдельно, независимо от двух других. Однако такой подход не работает, так как положение ухудшается. Если же мы не решим проблемы иначе, то явно придём к катастрофе, будь то мировая война, экологический Армагеддон, падение в городское варварство или всё перечисленное.

Анархизм находит логичный способ объяснить появление этих кризисов, выявляя у них один общий источник. Это принцип иерархической власти, на котором основываются главные институты всех «цивилизованных» обществ, будь то капитализм или «коммунизм». Все крупные учреждения существуют в виде иерархий, т.е. организаций, чья власть сосредотачивается наверху пирамиды: акционерные общества, правительственные организации, армии, политические партии, религиозные организации, университеты и т. д. Анархический анализ показывает, как авторитарные отношения, присущие таким иерархиям, негативно влияют на отдельных людей, общество и культуру. В первой части этого FAQ (от раздела A до раздела E) мы предоставим анархический анализ иерархической власти и его негативные эффекты в подробных деталях.

Однако не стоит думать, что анархизм — это только критика современной цивилизации, только «отрицание» и «разрушение». Ведь анархизм означает нечто значительно большее. Прежде всего, это проект свободного общества. Эмма Гольдман поднимает то, что можно назвать «анархическим вопросом»: «Проблема, что встаёт перед нами и срочно требует своего решения… — как жить по собственным потребностям и одновременно не упускать из виду потребностей других, мочь интересоваться другими людьми и всё же сохранять свою личность.» [Red Emma Speaks, С. 158-159]. Иначе говоря, как мы можем создать общество, в котором потенциал каждого человека реализуется без ущерба окружающим? Чтобы такое стало возможным, анархисты представляют общество, которое не будет управляться «сверху вниз» иерархическими структурами централизованной власти. Наоборот, людская воля будет, цитируя Бенджамина Такера, «осуществляться личностями или вольными союзами» [Anarchist Reader, стр. 149]. Последующие разделы справочника (I и

J) будут описывать созидательные стороны анархизма по организации общества «снизу вверх», хотя часть конструктивного ядра анархизма будет видна и в ранних разделах. Эта созидательное ядро можно увидеть даже в анархической критике таких ошибочных решений этого общественного вопроса как марксизм или правое «либертарианство» (разделы F и H соответственно).

Клиффорд Харпер изящно отмечает: «Как и все великие идеи, анархизм весьма прост, когда вы всерьёз берётесь за него: люди всё делают лучше, когда свободны от власти, сами решая за себя, чем когда им приказывают». Желая максимально увеличить личную и, следовательно, общественную свободу, анархисты хотят разрушить все системы, подавляющие людей:

> «Всех анархистов объединяет желание общества, свободного ото всех политических и социальных институтов принуждения, которые стоят на пути развития свободного человечества.»[Rudolf Rocker, **Anarcho-Syndicalism**, стр. 9]

Как мы видим, все подобные институты есть иерархии, а их репрессивная природа имеет корни в их иерархичной форме организации.

Анархизм это социально-экономическая и политическая теория, но не идеология (даже антиидеология по своей сути). Разница очень важна. Теория значит, что ты имеешь идеи; идеология означает, что идеи имеют тебя. Анархизм состоит из идей, но они гибкие, находятся в постоянном развитии и движении и открыты к изменениям в свете новых знаний. Общество меняется и развивается, а с ним меняется и анархизм. Идеология же напротив состоит из «неподвижных» идей, в которые люди верят как в догмы, обычно игнорируя реальность или «изменяя» её так, чтобы она соответствовала идеологии, которая (по определению) верна. Все такие «неподвижные» идеи питают тиранию и противоречия и приводят к попыткам все вместить в прокрустово ложе. Это относится ко всем идеологиям, будь то ленинизм, объективизм, «либертарианство» или что угодно, у всех одно следствие: уничтожение людей во имя доктрины, которая обычно служит интересам какой-нибудь правящей элиты. Или, как говорил Михаил Бакунин:

«До настоящего времени вся история человечества была лишь вечным и кровавым приношением миллионов бедных человеческих существ в жертву какой-либо безжалостной абстракции: богов, отечества, могущества государств, национальной чести, прав исторических, прав юридических, политической свободы, общественного блага». [God and the State, стр. 59]

Догмы неподвижны и смертоносны в своей негибкости, часто они работа какого-нибудь мёртвого «пророка», религиозного или светского, чьи почитатели возвели его или её идеи в идол, неизменный как камень. Анархисты хотят, чтобы живые хоронили мертвых, чтобы люди освобождали мышление, а не сковывали его догмами. Живые должны управлять мёртвыми, а не наоборот. Идеология заклятый враг критического мышления и, следовательно свободы, она снабжает книгами правил и «ответами», которые избавляют нас от «бремени» мышления за себя.

Создавая этот справочник по анархизму, мы не хотели дать вам «верные» ответы или новую книгу правил. Мы расскажем немного об анархизме прошлого, но сосредоточимся больше на его современных формах и почему мы анархисты сегодня.

Этот справочник есть попытка побудить вас думать и анализировать. Если вы ищите новую идеологию, то извините, анархизм не для вас.

Хотя анархисты стремятся быть реалистами и практиками, мы не «благоразумные» люди. «Благоразумные» люди некритически воспринимают за правду то, что им предлагают «эксперты» и «авторитеты», поэтому они навсегда останутся рабами! Анархисты знают это, ведь как писал Бакунин:

«Человек силен только тогда, когда он весь стоит на своей правде, когда он говорит и действует сообразно своим глубочайшим убеждениям. Тогда, в каком бы положении он ни был, он всегда знает, что ему надо говорить и делать. Он может пасть, но осрамиться и осрамить своего дела не может». [цитируется по: Albert Meltzer, I couldn't Paint Golden Angels, стр. 2]

Бакунин описывает силу независимого мышления, что есть сила свободы. Мы призываем вас не быть «благоразумными», не принимать то, что другие говорят вам, но думать и действовать самостоятельно.

Напоследок, говоря очевидное, это не последнее слово об анархизме. Многие анархисты не согласятся с многим написанным здесь, но так предполагается, что люди думают за себя. Всё, что мы хотим, это обозначить основные идеи анархизма и дать анализ определённых тем, основываясь на том, как мы понимаем и применяем эти идеи. Мы, однако, уверены, что все анархисты согласятся с ключевыми идеями, изложенными здесь, даже если они не согласятся с их применением там или сям.

А.1 Что такое анархизм?

Анархизм – это политическая теория, цель которой — установление анархии, «ни хозяина, ни господина» (Прудон, «Что такое собственность?»). Другими словами, анархизм – политическая теория, в котором отношения между людьми строятся на принципах равенства и свободного договора. Анархизм выступает против всех видов иерархического управления — государственного или капиталистического — как вредных и ненужных для людей и их индивидуальности.

По мнению анархистки Л.Сьюзан Браун:

«Хотя под анархизмом большинство понимает насильственное антигосударственное движение, анархизм — намного более тонкая и богатая нюансами теория, чем лишь противостояние правительству. Анархисты выступают против идеи, что власть и господство необходимы для общества, и вместо этого предлагают кооперативные, антииерархические формы социальной, политической и экономической организации общества». [The Politics of Individualism, p. 106]

«Анархизм» и «анархия», несомненно, наиболее оболганные идеи в истории политических теорий. Часто эти слова используют для обозначения «хаоса» или «беспорядка», считая косвенно, что анархисты якобы желают социального хаоса и возвращения к «законам джунглей». С этим процессом ложного толкования можно провести исторические параллели. Например, в государствах, где провозглашалось правление одной персоны (монархия), слова «республика» и «демократия» использовались в точности как «анархия», подразумевая беспорядок и хаос. Политические силы, заинтересованные в сохранении существующего порядка, попытаются, конечно, оправдать это недоразумение тем, что сопротивление существующей системе не может работать на практике и что общественные изменения могут привести только к хаосу.

Как писал Эррико Малатеста:

«если существует вера в то, что правительство необходимо, и без него неизбежны беспорядок и хаос, естественно и логично полагать, что анархия, которая означает отсутствие правительства, должна также означать отсутствие порядка». [Anarchy, стр. 16]

Анархисты же хотят изменить это общепринятое представление об анархии, чтобы люди смогли увидеть, что правительство и другие иерархические общественные отношения вредны и не нужны:

«Измените мнение, убедите людей, что правительство не просто бесполезно, но и крайне вредно, и затем слово анархия, только потому что оно означает отсутствие правительства, будет значить для всех: естественный порядок, союз человеческих потребностей и интересов каждого члена общества, полная свобода при полной солидарности» [Там же, стр. 16]

Этот FAQ – часть процесса изменения общественного мнения об анархизме и анархии. Но это еще не все. Борясь с добросовестными ложными представлениями о значении слова «анархия», мы должны побороть ложь, которую годами льют на нас наши политические и общественные враги. Как утверждал Бартоломео Ванцетти, анархисты «радикалы из радикалов – черные коты, ужас для многих: всех эксплуататоров, шарлатанов, самозванцев и угнетателей. Поэтому мы также больше всех недопоняты, оклеветаны и преследуемы» [Nicola Sacco and Bartolomeo Vanzetti, The Letters of Sacco and Vanzetti, стр. 274]

Ванцетти знал, о чем он писал. Он и его товарищ Никола Сакко были схвачены американским правительством за преступление, которое они не совершали, и были убиты только за свои анархические убеждения. Таким образом, часть этого FAQ будет посвящена борьбе с ложью, которую льют на анархистов капиталистические СМИ, политики, идеологи и боссы (не упоминая ложь, произведенную нашими некогда товарищами либералами и марксистами).

Надеемся, когда мы закончим, вы поймете, почему власть имущие тратят столько времени и средств, атакуя анархизм — ведь это единственная идея, которая стремится обеспечить свободу для всех и конец всех систем, в которых меньшинство обладает властью над большинством.

A 1.1 Что означает «анархия»?

Приставка «а»/«ан» означает «не», «нехватка», «отсутствие». Слово «архос» значит «правитель», «вождь», «начальник» или «авторитет». Или, как отмечал П. Кропоткин, анархия происходит от греческих слов, означающих «против власти». [Anarchism, стр. 284]

Греческие слова anarchos и anarchia часто подразумевают «не имеющий правительства» или «существовать без правительства», но оригинальное значение «анархизма» — это не просто «нет правительства». «Анархия» означает «без господина», или если смотреть шире — «безвластие», в этом смысле анархисты употребляют это слово. Например, мы находим у Кропоткина, что анархизм «отрицает не только капитал, но также и главные источники власти капитализма: закон, власть, и государство.» [Там же, стр. 150]. Для анархистов, анархия это «не отсутствие порядка, как многие думают, но отсутствие правления». [Benjamin Tucker, Instead of a Book, стр. 13] Дэвид Вэйк превосходно сформулировал:

«Анархизм может быть представлен как универсальная социальная и политическая идея, которая выражает отрицание любой власти, господства, подчинения и иерархического разделения, и желание их уничтожить... Анархизм — поэтому больше чем антиэтатизм... [даже если] государство... центральный предмет анархистского критического анализа». [Reinventing Anarchy, стр. 139]

По этой причине, анархизм не просто антиправительственное и антигосударственное движение, но, прежде всего, анархизм — движение против иерархии. Почему? Потому что иерархия — организационная структура, которая воплощает и реализует власть. Так как государство — «высшая» форма иерархии, то анархисты, по определению, антигосударственники; но это — не достаточное определение анархизма. Это

означает, что анархисты оппозиционно настроены ко всем формам иерархической организации, а не только к государству. По мнению Брайена Морриса:

«Термин 'Анархия' происходит из Греции и в переводе означает 'отсутствие правителя'. Анархисты — люди, которые отрицают все формы правительственной или принудительной власти, все формы иерархии и подчинения. Они оппозиционно относятся к государству, капиталу и церкви — 'мрачной троице' по словам мексиканского анархиста Флореса Мэгона. Таким образом, анархисты враждебно настроены по отношению и к капитализму, и к государству, так же как и ко всем формам религиозной власти. Но анархисты также стремятся к установлению анархии, то есть децентрализованного общества без принудительных учреждений; общества, организованного через федерацию добровольных ассоциаций». [«Anthropology and Anarchism,» С. 35-41, Anarchy: A Journal of Desire Armed, no. 45, стр. 38]

Отсылка к «иерархии» в этом контексте — довольно недавнее развитие учения — «классические» анархисты вроде Прудона, Бакунина и Кропоткина действительно употребляли это слово, но редко (они обычно предпочитали термин «власть», который использовался как синоним «диктатуры»). Однако, и это ясно из их творчества, их философия направлена против иерархии, против любого неравенства, власти или привилегий в отношениях между людьми. Бакунин говорил об этом, когда критиковал «официальную» власть, но поддерживал «естественные отношения», и также когда он заметил:

«Вы хотите лишить возможности любого угнетать его собрата? Тогда удостоверьтесь, что никто не должен обладать властью». [The Political Philosophy of Bakunin, стр. 271]

Джефф Драун обращает внимание на то, что «эта тенденция всегда была скрытой частью 'революционного проекта' и только недавно она реализовалась в более широком понятии — антииерархия. Но источник этой тенденции явно видим в греческих корнях слова 'анархия'». [Between Anarchism and Libertarianism: Defining a New Movement]

Мы подчеркиваем, что это неприятие иерархии для анархистов не ограничивается только государством или правительством. Оно включает все авторитарные экономические и социальные отношения, так же как и политические, особенно связанные с капиталистической собственностью и наемным трудом. Из аргументов Прудона: «Капитал… в политическом плане аналогичен правительству… Экономическая идея капитализма, политика правительства или власти и теологическая идея церкви есть три сходные идеи, связанные различными способами. Что капитал делает с трудом, государство — со свободой, то церковь делает с разумом. Это триединство абсолютизма на практике столь же губительно, сколь и в философии. Наиболее эффективно поработить человека – это подчинить одновременно его волю, тело и мышление». [цитируется по: Max Nettlau, A Short History of Anarchism, С. 43-44]. Эмма Гольдман, исследуя капитализм, пишет, что «человек должен продавать свой труд» и, исходя из этого, «потребности рабочего и его суждения подчинены желанию капиталиста». [Red Emma Speaks, стр. 50] За сорок лет до нее Бакунин сделал тот же вывод, утверждая, что при существующей системе «рабочий продает свой труд и свою свободу на определенное время» капиталисту в обмен на заработную плату. [Там же, стр. 187]

«Анархия» значит гораздо больше, чем просто «отсутствие правительства», она означает сопротивление всем формам авторитарной власти и иерархии. Говоря словами Кропоткина: «понятие анархистского общества происходит из… критики… иерархических организаций и авторитарных концепций общества; и… анализа тенденций, которые были замечены в прогрессивном развитии человечества». [Там же, стр. 158] По Малатесте, анархизм «был рожден моральной революцией против социального неравенства», и «специфические причины социальной болезни» могут быть найдены в «капиталистической собственности и государстве». Когда угнетенные «попытались свергнуть государство и собственность – тогда был рожден анархизм». [Errico Malatesta: His Life and Ideas, стр. 19]

Следовательно, любая попытка утверждать, что анархизм является лишь антигосударственным движением, есть искажение смысла слова и идеи, в которых оно использовалось и используется анархистским движением. Как считает Брайан Моррис: «исследуя произведения классических анархистов… а так же и особенности анархистского движения… становится очевидно, что анархизм никогда не имел такого ограниченного видения [выступать только против государства]. Анархизм всегда бросал вызов всем формам власти и эксплуатации, и был одинаково враждебен и капитализму и религии, поскольку они поддерживают государство». [Там же, стр. 40]

Таким образом, анархия не хаос, а анархисты не стремятся создать хаос или беспорядок. Вместо этого, мы желаем создать общество, основанное на индивидуальной свободе и добровольном сотрудничестве. Другими словами, порядок изначально не является беспорядком, который исключительно властными решениями сверху превращен в порядок. Как и общество настоящей анархии, общество без правителей.

Перед тем как мы приступим к дискуссии, как анархическое общество должно выглядеть в разделе I, мы хотим привести слова Ноама Хомского, который объединил все ключевые аспекты того, как может выглядеть анархия, утверждая, что в по-настоящему свободном обществе «любые, исключая личные, человеческие взаимоотношения — то есть те отношения, которые подразумевают институциональную форму — в общине, на работе, в семье, большем обществе, без разницы какими они могут быть, должны быть под прямым контролем их участников. Это означает рабочие советы в промышленности, прямая демократия в коммунах, взаимоотношения между ними, свободные ассоциации в больших группах, вплоть до организации интернационального общества». [Anarchism Interview]

Общество более не будет разделено на иерархии боссов и рабочих, управляющих и управляемых. Вместо этого, анархическое общество будет основано на свободных ассоциациях участвующих организаций и управляемое «снизу вверх». Анархисты, нужно заметить, пытаются создать как можно больше таких обществ сегодня, в их организациях, усилиях и деятельности, столько, сколько они могут.

A.1.2 Что означает «анархизм»?

Цитируя П.А. Кропоткина, анархизм — «система безгосударственного социализма». [Anarchism, стр. 46] Иначе говоря, «избавление от эксплуатации и угнетения человека

человеком, а значит — избавление от частной собственности [то есть капитализма] и государства.» [Errico Malatesta, Towards Anarchism,», стр. 75]

Анархизм, таким образом, — политическое движение, цель которого создать общество без политической, экономической или социальной иерархии. Анархисты считают, что анархия (отсутствие господ) — жизнеспособная форма социальной системы, позволяющая добиться максимума свободы личности и социального равенства. Они видят цели свободы и равенства как взаимосвязанные. Или, по Бакунину:

«Свобода без социализма – привилегия и несправедливость, социализм без свободы – рабство и скотство». [The Political Philosophy of Bakunin, стр. 269]

История человеческого общества доказала эту точку зрения. Свобода без равенства была всего лишь свободой для господ, а равенство без свободы невозможно и служит оправданием для рабства.

Есть много различных типов анархизма (от анархо-индивидуализма до анархо-коммунизма – см. раздел А.3), но в их основе всегда было два общих положения – сопротивление правительству и капитализму. Как отмечал анархо-индивидуалист Бенджамин Таккер, анархизм выступает за «уничтожение государства и ростовщичества; за ликвидацию власти и эксплуатации человека человеком». [цитируется по Eunice Schuster, Native American Anarchism, стр. 140] Анархисты рассматривают прибыль, процент и арендную плату как ростовщичество (то есть эксплуатацию) и таким образом выступают против них и тех условий, которые делают их возможными, так же как и против правительства и государства.

В целом, по мнению Л. Сьюзан Браун, «связующей нитью» в анархизме является «общее осуждение иерархии и господства, и желание бороться за свободу индивида». [The Politics of Individualism, стр. 108] Для анархистов, человек не может быть свободен, если он подчинен государственной или капиталистической власти. Как резюмировала Вольтарина де Клер:

«Анархизм… учит возможности общества, в котором жизненные потребности могут быть полностью удовлетворены для всех, и в котором возможности для полного развития ума и тела должны принадлежать всем. [Он] учит, что существующая несправедливая организация производства и распределения благ должна быть полностью уничтожена, и заменена системой, которая гарантирует каждому свободу труда, без поиска собственника, которому он [или она] должна сдать десятину его [или ее] результатов труда; которая гарантирует свободу доступа к средствам производства и результатам труда… Слепую покорность он провоцирует на недовольство; из подсознательного недовольства, он воспитывает сознательное недовольство… Анархизм стремится пробудить сознание угнетенных, желание лучшего общества, и объяснить смысл необходимости ведения непрерывной войны против капитализма и государства». [Anarchy! An Anthology of Emma Goldman's Mother Earth, С. 23-4]

Таким образом, анархизм – политическая теория, которая отстаивает идею создания анархии, общества, основанного на принципе «без господ». Для достижения этого «как и все социалисты, анархисты настаивают, что частная собственность на землю, капитал, и заводы устарела и должна исчезнуть, и что все средства производства должны перейти — и перейдут! — в общественную собственность и управляться производителями благ. И… они заключают, что идеал политической организации общества – это такое положение вещей, при котором функции правительства сведены

до минимума… [и] что окончательная цель общества — сократить функции правительства до нуля – то есть общество без правительства, анархия». [Peter Kropotkin, Там же, стр. 46]

Таким образом, анархизм и предлагает, и отрицает. Анархические анализы и критика существующего общества, одновременно предлагают видение потенциального нового общества – общества, которое удовлетворит те человеческие потребности, которые современное общество удовлетворить не может. Эти потребности: свобода, равенство и солидарность, они будут отдельно оговорены в части А.2.

Анархизм объединяет критику с надеждой, поскольку, как отмечал Бакунин (еще не будучи анархистом), «страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть». Нельзя построить лучшее общество, не понимая, что не так с существующим.

Однако, нужно подчеркнуть, что анархизм больше чем только метод познания или представление о новом обществе. Он также основан на борьбе, борьбе угнетенных за свою свободу. Другими словами, он становится средством достижения новой системы, основанной на потребностях людей, безвластии, и который ставит приоритет планеты над прибылью. Цитируя шотландского анархиста Стюарта Кристи:

«Анархизм — движение за человеческую свободу. Он конкретен, демократичен и эгалитарен… Анархизм был создан — и остается — как прямой вызов неимущих их угнетению и эксплуатации. Он выступает против роста государственной власти и против пагубного идеала собственнического индивидуализма, которые, вместе или врозь, в конечном счете, служат только интересам меньшинства за счет большинства.

Анархизм — и теория, и практика жизни. В философском плане он стремится к максимальному согласию между человеком, обществом и природой. Практически он нацеливает нас на организацию и проживание наших жизней таким способом, чтобы сделать политиков, правительства, государства и их политику лишними. В анархистском обществе взаимоуважаемые свободные люди были бы организованы свободными отношениями в пределах естественно определенных сообществ, в которых средства производства и распределения продуктов труда принадлежат всем.

Анархисты не мечтатели, одержимые абстрактными принципами и теоретическими конструкциями… Анархисты хорошо знают, что идеальное общество не может быть достигнуто завтра. Действительно, борьба длится вечно! Однако, его представление побуждает борьбу против реальности, как она есть, ради реальности, которой она могла бы быть…

В конечном счете, борьба, определяющая результат и прогресс к лучшему обществу, должна начаться с сопротивления каждой форме несправедливости. В общих чертах, это значит бросить вызов эксплуатации и легитимности всей принудительной власти. Если у анархистов есть один пункт непоколебимой веры, то это то, что однажды, как только привычка к подчинению политическим деятелям или идеологам будет утрачена, а сопротивление подчинению и эксплуатации — приобретено, тогда обычные люди смогут организовать каждый аспект их жизней в соответствии с собственными интересами где угодно и в любое время, свободно и справедливо.

Анархисты не сторонятся народной борьбы, но при этом они не пытаются подчинить ее. Они практически пытаются сделать то, что могут, помочь в пределах этого

достичь максимально возможного уровня отдельного саморазвития и солидарности группы. Возможно опознать анархические идеи в добровольных отношениях, эгалитарном участии в процессах принятия решений, взаимной помощи и критике всех форм принуждения в философских, социальных и революционных движениях во всех временах и местах». [My Granny made me an Anarchist, с. 162-163]

Анархизм, как утверждают анархисты, проще говоря, — это теоретическое выражение нашей возможности самоорганизовываться и жить в обществе без начальников и политиков. Он позволяет рабочему классу и другим угнетённым людям осознать силу своего класса, защищать прямые интересы и бороться за революцию общества как такового. Только так мы можем создать общество, подходящее для жизни в нём.

Это не абстрактная философия. Анархические идеи осуществляются каждый день. Всякий раз, когда угнетённые люди защищают свои права, свою свободу, проявляют солидарность и кооперацию, сражаются против угнетения, организуются без лидеров и начальников, дух анархизма живёт. Анархисты просто ищут, как усилить эти либертарные стремления и воплотить их в жизнь. Как мы обсудим в разделе J, анархисты применяют свои идеи разными способами внутри капитализма, чтобы изменить его в лучшую сторону, пока они не избавятся от него полностью. В разделе I мы обсудим, что заменит его, т.е. к чему стремится анархизм.

A.1.3 Почему анархизм иногда называют либертарианским социализмом?

Многие анархисты, видя негативную реакцию на термин «анархизм», использовали другие термины, чтобы подчеркнуть по своей сути позитивную и созидательную сторону своих идей. Чаще всего использовались термины «свободный социализм», «свободный коммунизм», «либертарианский социализм» и «либертарианский коммунизм». Для анархистов либертарный социализм, либертарный коммунизм и анархизм слова-синонимы. Как писал Ванцетти:

«В конце концов, мы такие же социалисты, как и социал-демократы, социалисты, коммунисты, и IWW (индустриальные рабочие мира). Фундаментальное различие между нами и ними заключается в том, что они авторитарны, а мы либертарны; они верят в государство или свое правительство; мы не верим ни в чье государство или правительство». [Nicola Sacco and Bartolomeo Vanzetti, The Letters of Sacco and Vanzetti, с. 274]

Но правильно ли это? Возьмём определения из «American Heritage Dictionary»:

ЛИБЕРТАРИАНЕЦ: тот, кто верит в свободу действий и мысли; тот, кто верит в свободу воли.

СОЦИАЛИЗМ: общественная система, где производители обладают всей полнотой политической власти, средствами производства и результатами труда.

Просто взяв оба определения и соединив их, получим:

ЛИБЕРТАРИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ: общественная система, основанная на свободе действий, мысли и воли, в которой производители обладают всей полнотой политической власти, средствами производства и результатами труда.

(Однако стоит добавить, что традиционно словарям не хватает политической точности, это относится и к данному примеру. Мы лишь используем эти определения чтобы показать, что «либертарианский» не подразумевает «свободно-рыночный» капитализм, а «социализм» — государственную собственность. Другие словари, очевидно, будут давать другие определения, особенно для социализма. Те, кто любят спорить о словарных определениях, могут продолжить это бесконечное и политически бесполезное занятие, но без нас.)

Однако, из-за создания «Либертарианской партии США», многие люди думают, что идея «либертарианского социализма» — терминологическая ошибка. И верно: многие «либертарианцы» считают, что анархисты пытаются связать «анти-либертарианские» идеи «социализма» (так, как его видят либертарианцы) с либертарианской идеологией, чтобы «социалистические» идеи выглядели более «приемлемо»; иначе говоря, пытаются украсть «либертарный» ярлык у его законных обладателей.

Как же это далеко от истины! Анархисты использовали термин «либертарианский» для характеристики себя и своих идей с 1850-х гг. Согласно исследованиям историка анархизма Макса Неттлау, анархист-революционер Жозеф Дежак опубликовал журнал «Le Libertaire, Journal du Mouvement Social» в Нью-Йорке между 1858 и 1861 годами, а сам термин «либертарианский коммунизм» датируется ноябрём 1880 г., когда французский конгресс анархистов принял его. [Max Nettlau, A Short History of Anarchism, стр. 75 и стр. 145] Использование термина «либертарианский» анархистами стало практически всеобщим с 1890-х гг. после того, как анархисты начали использовать его во Франции, чтобы обойти анти-анархические законы и избежать неприятных ассоциаций со словом «анархия» в народном представлении (например, Себастьен Фор и Луиза Мишель выпустили газету «Le Libertaire» — «Либертарий» — во Франции в 1895 г.). С тех пор, особенно вне Америки, термин всегда связывался с анархическими идеями и движениями. Возьмем Новейшее время, в США анархисты организовали «Либертарианскую лигу» в июле 1954 г., у которой были стойкие анархо-синдикалистские принципы и которая просуществовала до 1965 г. Основанная в США «Либертарианская» партия с другой стороны существует лишь с ранних 1970-х гг., после более 100 лет использования термина анархистами для описания своих политических идей (и через 90 лет после того, как впервые приняли выражение «либертарианский коммунизм»). Следовательно, это партия, а не анархисты, «украла» слово. Позже мы обсудим, почему на самом деле идея «либертарианского» капитализма (как описывает его Либертарианская партия) – это терминологическая ошибка.

Также мы позже объясним, почему только либертарианская социалистическая система владения собственностью может расширить до максимума личную свободу. Не нужно и упоминать о том, что государственная собственность — то, что обычно называют «социализмом» — для анархистов и не социализм вовсе. На деле, и этому мы посвятим ряд отдельных вопросов, государственный «социализм» — это вид капитализма, без всякой социалистической составляющей. Как отмечал Рудольф Рокер, для анархистов социализм — это «не просто вопрос полного живота, но вопрос культуры, которая должна воспитывать чувство индивидуальности и свободной инициативы в человеке; без свободы социализм привел бы только к гнетущему государственному

капитализму, который принесет индивидуальное мышление и чувства в жертву фиктивному общему интересу». [цитируется по Colin Ward, «Introduction», Rudolf Rocker, The London Years, стр. 1]

Учитывая анархическое происхождение слова «либертарианский», анархисты не рады видеть, как оно используется идеологией, разделяющей мало общего с нашими идеями. В США, как заметил Мюррэй Букчин, «термин 'либертарианский', непосредственно, что и говорить, поднимает проблему обманчивой индентификации антиавторитарной идеологии с разбросанным движением за „чистый капитализм“ и „свободную торговлю“. Это движение не создавало слова, оно присвоило его у анархистского движения девятнадцатого века… И этот термин должен использоваться теми антиавторитариями, кто пытается выступать единым фронтом вместе со всеми угнетенными, а не индивидуалистами, отождествляющими свободу с предпринимательством и прибылью». Таким образом, анархисты должны «восстановить на практике традицию, которая была извращена» идеей свободного рынка. [The Modern Crisis, С. 154-5] И так как мы делаем это, мы продолжим называть наши идеи либертарианским социализмом.

А.1.4 Можно ли считать анархизм социалистическим учением?

Да. Все течения анархизма выступают против капитализма, потому что капитализм основан на подчинении, отчуждении и эксплуатации. (см. разделы В и С). Анархисты опровергают «представление, что люди не могут работать вместе, пока у них нет направляющего собственника, который присвоил бы часть их результатов труда» и считают, что в анархическом обществе «освобожденные рабочие установят свои собственные правила относительно того, когда, где и как производить» и, таким образом, освободят себя «от беспощадного гнета капитализма». [Voltairine de Cleyre, «Anarchism», Exquisite Rebel, стр. 75 и стр. 79]

(Мы снова подчёркиваем, что анархисты выступают против всех экономических форм, основанных на подчинении, отчуждении и эксплуатации, включая феодализм, советский «социализм» — или лучше называть его «государственный капитализм», рабовладение и т. д. Мы сосредоточились на критике капитализма, так как сейчас эта форма общественно-экономических отношений господствует в мире).

Индивидуалисты вроде Бенджамина Такера вместе с социальными анархистами вроде Прудона и Бакунина называли себя «социалистами». Они делали это потому, что, как писал Кропоткин в своем сочинении «Современная наука и анархия» «пока социализм понимался в его настоящем и широком смысле, как освобождение труда от эксплуатации его капиталом, анархисты шли в согласии с теми, кто тогда были социалистами». [Evolution and Environment, стр. 81] Или, словами Такера, «основное требование социализма в том, чтобы труд владел тем, что он создает», требование, в котором «обе школы социалистической мысли… государственный социализм и анархизм» согласны. [The Anarchist Reader, стр. 144] Следовательно, определение слова «социалист» изначально включало «всех тех, кто верит в неотъемлемое право человека владеть тем, что он производит». [Lance Klafta, «Ayn Rand and the Perversion

of Libertarianism,» из Anarchy: A Journal of Desire Armed, no. 34] Это стремление покончить с эксплуатацией (или ростовщичеством) объединяет всех настоящих анархистов и ставит их под социалистическое знамя.

Для большинства социалистов, «единственный способ для экономной затраты труда — это если производитель владеет орудиями труда». [Peter Kropotkin, The Conquest of Bread, стр. 145] Поэтому Прудон, например, поддерживал рабочие кооперативы, где «каждый человек, участвующий в ассоциации… имеет неделимую долю собственности компании», потому что «участие в потерях и доходах» приводит к тому, что «коллективное усилие [то есть стремление к превышению доходов над расходами] прекращает быть источником прибыли для небольшого количества собственников и становится собственностью всех рабочих.» [The General Idea of the Revolution, стр. 222 и стр. 223]. Таким образом, стремясь покончить с эксплуатацией труда капиталом, настоящие социалисты желают создать общество, где производители обладают и управляют средствами производства (включая, нужно подчеркнуть, рабочие места, предоставляющие услуги). Как производители достигнут этого — это спорный вопрос среди анархистов и других социалистов, но стремление остаётся общим. Анархисты поддерживают прямое рабочее управление и владение либо рабочими ассоциациями, либо коммунами (см. часть А.3 о разных видах анархистов).

Более того, анархисты к тому же отвергают капитализм как авторитарный, а не только как эксплуататорский. При капитализме рабочие не управляют сами собой во время производства и не управляют результатами труда. Такое положение точно не основано на равной свободе для всех и не может не быть эксплуататорским, поэтому анархисты отвергают его. Этот взгляд лучше всего раскрыт в работах Прудона (а он, в свою очередь, вдохновил Такера и Бакунина), где он утверждает, что при анархизме «капиталистическая и собственническая эксплуатация будет остановлена всюду, а система наемного труда — упразднена» и «каждый рабочий решит для себя: оставаться ли ему просто наемным слугой, ожидая собственника-капиталиста-хозяина; или участвовать в переустройстве общества на вольных началах… В первом случае рабочий подчинен, эксплуатируется: его условие выживания — повиновение… Во втором случае он восстановит свое достоинство как человек и гражданин… он станет частью организации производства, в которой он был прежде лишь рабом… Мы не должны колебаться, поскольку у нас нет выбора… необходимо сформировать АССОЦИАЦИЮ среди рабочих… потому что без нее, они останутся в отношении подчинения у господ, а результатом будут две… касты хозяев и наемных рабочих, что несовместимо со свободным самоуправляемым обществом». [Там же, стр. 233 и С. 215-216]

Следовательно, все анархисты анти-капиталисты («если трудящийся владеет результатом своего труда, то это не капитализм» [Alexander Berkman, What is Anarchism?, p. 44]) Бенджамин Такер, например — анархист, на которого сильнее всех повлиял классический либерализм (как мы обсудим позднее) — называл свои идеи «анархическим социализмом» и осуждал капитализм как систему, основанную на «ростовщичестве, получении процента, ренты и прибыли». Такер считал, что в анархическом некапиталистическом свободно-рыночном обществе, капиталисты станут не нужны и эксплуатация труда капиталом исчезнет, так как «трудящиеся… обеспечат себе естественную заработную плату, то есть все произведенное». [The

Individualist Anarchists, стр. 82 и стр. 85] Такая экономика будет основана на взаимном кредитовании и свободном обмене товаров между кооперативами, ремесленниками и крестьянами. Для Такера и других анархо-индивидуалистов капитализм это не настоящий свободный рынок, потому что он испорчен разными законами и монополиями, которые обеспечивают капиталистам преимущество над рабочими людьми, таким образом, гарантируя последним эксплуатацию через прибыль, процент и ренту. Даже Макс Штирнер, архи-эгоист, не испытывал ничего кроме презрения к капиталистическому обществу и его различным «призракам», означавшим для него идеи (такие, как: частная собственность, конкуренция, разделение труда и так далее.), с которыми носятся как с религиозными святынями.

Итак, анархисты считают себя социалистами, но особого вида — либертарными социалистами. Как объяснил анархо-индивидуалист Джозеф Лабади (вторя Такеру и Бакунину):

«Было сказано, что анархизм не социализм. Это ошибка. Анархизм — добровольный Социализм. Есть два вида социализма, правительственный и анархический, авторитарный и либертарный, государственный и свободный. Действительно, каждая программа улучшения социальных условий предлагает или увеличить или уменьшить полномочия внешних условий и сил над человеком. Если они увеличиваются, то это государственный социализм; если уменьшаются, то – анархический». [Anarchism: What It Is and What It Is Not]

Лабади часто повторял, что «все анархисты социалисты, но не все социалисты анархисты». Следовательно, комментарий Даниэля Герена, что «Анархизм — это на самом деле синоним социализма. Анархист — это в первую очередь социалист, чья цель уничтожить эксплуатацию человека человеком» эхом отзывается через всю историю анархического движения, будь это социальное или индивидуалистическое крыло. [Anarchism, стр. 12] Например, мученик Хеймаркета [имеется в виду расстрел рабочих 4 мая 1886 г. — прим. перев.] Адольф Фишер говорил почти те же слова, что и Лабади – «каждый анархист социалист, но каждый социалист не обязательно анархист» — признавая однако, что движение «разделилось на две фракции; коммунистические анархисты и прудонисты или анархисты среднего класса.» [The Autobiographies of the Haymarket Martyrs, стр. 81]

Итак, хоть индивидуалисты и социальные анархисты во многом не согласны — например, в том, что настоящий, т.е. некапиталистический, свободный рынок это лучшее средство, чтобы расширить до максимума свободу — они согласны, что капитализму как эксплуатации и отчуждению нужно противостоять, а анархическое общество должно, по определению, быть основано на совместном, а не наёмном труде. Только совместный труд сможет «уменьшить полномочия внешних условий и сил над человеком» в течение рабочих часов и добиться самоуправления производителям; это и есть основной идеал социализма. Эту перспективу можно проследить в аргументах Джозефа Лабади, когда он утверждал, что профсоюз был «наглядной иллюстрацией завоевания свободы ассоциацией» и что «без союза, рабочий имеет меньше возможностей в своих отношениях с собственником, чем с союзом». [Different Phases of the Labour Question]

Однако значения слов меняются со временем. Сейчас «социализмом» почти всегда называют государственный социализм, систему, против которой все анархисты, так

как она отрицает свободу и настоящие социалистические идеалы. Все анархисты согласятся с утверждением Ноама Хомского на этот счёт:

«Если понятие 'левый' включает 'большевизм', тогда я точно не 'левый'. Ленин был одним из самых вредоносных врагов социализма». [Marxism, Anarchism, and Alternative Futures, стр. 779]

Анархизм всю свою историю противопоставлял себя идеям марксизма, социал-демократии и ленинизма. Задолго до прихода Ленина к власти, Михаил Бакунин предупреждал последователей Маркса о «красной бюрократии», которая установит «худшее из деспотических правительств», если государственно-социалистические идеи Маркса будут осуществлены. И верно, работы Штирнера, Прудона и особенно Бакунина предсказывают все ужасы государственного социализма с потрясающей точностью. К тому же анархисты были среди первых и наиболее последовательных критиков и противников большевистского режима в России.

В любом случае, у анархистов как социалистов есть общие идеи с некоторыми марксистами (но не с ленинистами). Бакунин и Такер оба соглашались с анализом и критикой капитализма Марксом, и его трудовую теорию стоимости (об этом мы поговорим отдельно). На самого Маркса сильно повлияла книга Макса Штирнера «Единственный и его собственность», которая содержит блестящую критику того, что Маркс называл «вульгарным» коммунизмом, помимо критики государственного социализма. Также были люди внутри марксистского движения, придерживающихся идей, весьма близких социал-анархизму (особенно анархо-синдикалистской ветви социал-анархизма): Антон Паннекук, Роза Люксембург, Пауль Маттик и другие, которые были весьма далеки от Ленина. Карл Корш и другие благожелательно описывали анархическую революцию в Испании. Конечно, есть преемники марксизма-ленинизма, но так же есть преемники и более либертарного марксизма, которые резко критиковали Ленина и большевизм, и чьи идеи приближались к стремлению анархизма к свободным ассоциациям равных.

Поэтому анархизм — форма социализма, находящаяся в прямой оппозиции тому, что обычно определяется как «социализм» (то есть государственная собственность, контроль и управление). Вместо «центрального планирования», которое для многих ассоциируется со словом «социализм», анархисты защищают свободную ассоциацию и сотрудничество между людьми, рабочими и общинами, и, таким образом, выступают против «государственного» социализма как формы государственного капитализма, где «где каждый мужчина и женщина — наемные работники, а государство — единственный работодатель». [Benjamin Tucker, The Individualist Anarchists, стр. 81] Поэтому анархисты отвергают марксизм (под которым большинство людей подразумевают «социализм»), «идею государства как капиталиста к которой социал-демократическая фракция социалистической партии теперь пытается упростить понятие социализма». [Peter Kropotkin, The Great French Revolution, Т. 1, стр. 31].

Из-за этих различий с государственными социалистами и для избежания путаницы, большинство анархистов называют себя только «анархистами», так как считается само собой разумеющимся, что анархизм относится к социалистическим учениям. Однако, с развитием так называемого «либертарианства» в США, некоторые прокапиталистически настроенные силы стали называть себя «анархистами», и именно поэтому мы заострили внимание на этом пункте. Исторически и логически, анархизм

подразумевает антикапитализм, то есть социализм, и эта позиция, мы подчеркиваем, поддерживается всеми анархистами (о том, почему «анархо»-капитализм не анархичен, см. раздел F).

A.1.5 Как появился анархизм?

Об этом превосходно написано в Организационной Платформе Всеобщего Союза Анархистов, составленной участниками Махновского движения в российской Революции (см. главу A.5.4):

«Классовая борьба, создаваемая неволей и вековыми стремлениями трудящихся к свободе, породила в среде угнетенных идею анархизма — идею полного отрицания классовой и государственной системы общежития и замены последней свободным безгосударственным обществом самоуправляющихся тружеников.

Не из абстрактных размышлений ученого или философа вырос, таким образом, анархизм, а из той борьбы, которую трудящиеся вели непосредственно с капиталом, из их нужд и потребностей, из их психологии, из их стремлений к свободе и равенству, которыми трудовые массы особенно живут в лучшие героические эпохи своей жизни и борьбы.

Выдающиеся мыслители анархизма — Бакунин, Кропоткин и др. — не создавали идею анархизма, а находя ее в массах, силою своей мысли и своих знаний лишь помогали ее выявлению и ее распространению». [С. 15-16]

Как и анархистское движение вообще, махновщина была массовым движением трудящихся, сопротивляющихся власти: и красным (Коммунизму) и белым (Царизму/Капитализму) на Украине с 1917 до 1921. Петр Маршалл отмечал, что «анархизм… традиционно находил своих главных сторонников среди рабочих и крестьян». [Demanding the Impossible, стр. 652]

Анархизм был создан борьбой угнетенных за свободу. Для Кропоткина, например «анархизм… родился среди каждодневной борьбы» и «анархическое движение начиналось каждый раз под впечатлением какого-нибудь большого практического урока. Оно зарождалось из уроков самой жизни.» [Evolution and Environment, стр. 58 и стр. 57] Для Прудона «доказательство» его мутуалистских идей лежит в «существовавшей практике, революционной практике» … «тех трудовых ассоциаций… которые спонтанно… возникали в Париже и Лионе… [показывая, что] кредитные организации и организации труда сошлись в одном и том же.» Действительно, как утверждал один историк, ощущалось «довольно близкое сходство между идеалом Прудона… и программой Лионских Мутуалистов» что означало «удивительную конвергенцию [между идеями] и вероятно, что Прудон смог сформулировать его позитивную программу более последовательно благодаря примеру рабочих шелковых фабрик Лиона.

Социалистический идеал, который он защищал, уже был реализован этими рабочими». [K. Steven Vincent, Pierre-Joseph Proudhon and the Rise of French Republican Socialism, стр. 164]

Таким образом, анархизм появился благодаря борьбе за свободу и желанию жить полной человеческой жизнью, в которой у нас есть время на жизнь, любовь и развлечения. Анархизм не был создан несколькими людьми, отрезанными от жизни

во дворцах, смотрящих сверху вниз на общество и строящих свои выводы на собственных понятиях относительно того, что правильно, а что нет. Вовсе нет, он был и остается результатом борьбы и сопротивления рабочего класса против власти, принуждения и эксплуатации. Как Альберт Мельтцер пояснял:

«Теоретических создателей анархизма как таковых никогда не было, хотя он произвел много теоретиков, которые исследовали аспекты его философии. Анархизм остался учением, которое определялось действием, а не как воплощение интеллектуальной идеи. Очень часто буржуазный автор приходит и записывает то, что уже работает на практике у рабочих и крестьян; затем буржуазными историками этому автору приписываются свойства лидера, и последующими буржуазными авторами (цитирующих уже буржуазных историков) таким образом 'находится' еще один случай, который якобы 'доказывает', что рабочий класс полагался на буржуазное лидерство». [Anarchism: Arguments for and against, стр. 18]

Глазами Кропоткина: «анархизм получил свое начало из творческой созидательной активности масс, вырабатывающих учреждения обычного права... против тех мнимых благодетелей человечества, которые стремились все время либо уничтожить те из учреждений обычного права, которые мешали образованию личной власти, либо преобразовать их в своих личных интересах или в интересах своей касты... Анархизм родился из того же протеста, критического и революционного, из которого родился вообще весь социализм». Анархизм, в отличие от остальных форм социализма «поднимает свою святотатственную руку не только против капитала, но также против его оплотов: государства, централизации и установленных государством законов и суда». Все анархические авторы «работали над общим описанием принципов [анархизма], и теоретического и научного обоснования его учения», полученного из опыта борьбы рабочего класса и анализа эволюционных тенденций общества. [Там же, стр. 19 и стр. 57]

Действительно, анархические тенденции и организации в обществе существовали задолго до того, как Прудон взялся за перо в 1840 и объявил себя анархистом. Пока анархизм оформлялся окончательно как конкретная политическая теория, рожденная при раннем капитализме (Анархизм «появился в конце восемнадцатого века... [и] принял двойной вызов свержения и капитала, и государства». [Peter Marshall, Там же, стр. 4]), анархистские авторы анализировали историю либертарных тенденций. Кропоткин писал, например, что «во все времена в человеческих обществах сталкивались в борьбе два враждебных течения: анархическое и государственное». [Там же, стр. 16] Во «Взаимной помощи как факторе эволюции» Кропоткин проанализировал либертарные аспекты предыдущих обществ и отметил те, что успешно применяли (до некоторой степени) анархистскую организацию или отдельные аспекты анархизма. Он опознавал тенденцию реальных примеров воплощения анархических идей на практике задолго до возникновения «официального» анархического движения и утверждал, что:

«С самых отдаленных времен каменного века дикари должны были видеть, какие происходят плачевные последствия, как только люди позволяют завладеть властью кому-нибудь из своей среды, хотя бы то был самый умный, самый храбрый, самый мудрый из них. Вот почему наши предки уже в самые отдаленные времена старались выработать такие учреждения, которые мешали бы отдельным лицам захватывать

власть. Их племена, их роды, а в более поздний период — деревенская община, средневековые цехи (цехи доброго соседства, цехи ремесел и искусств, купцов, охотников и т. п.) и, наконец, вольные города или 'народоправства' (как их совершенно верно называл Костомаров) с двенадцатого по шестнадцатый век — все это были учреждения, возникшие среди народа. Они установлены были не предводителями и не вожаками, а самим народом, чтобы противодействовать захвату власти иноземными завоевателями или отдельными членами своего же рода, племени или города». [Anarchism, С. 158-9]

Кропоткин ставил борьбу людей рабочего класса (из которой и возник современный анархизм) в один ряд с этими историческими формами народной организации. Он утверждал, что: «рабочие союзы... — результат того же народного духа, который старается защитить себя на этот раз от насилия капиталистов и их пособников: церкви и государства» как и род, деревенская община или «такой же независимый народный образ действий в удивительно плодотворной деятельности 'секций' города Парижа и других больших городов, равно как и целого ряда маленьких коммун во время Великой Революции» в 1793 г. [Там же, стр. 159]

Таким образом, хотя анархизм как политическая теория и выражает борьбу рабочего класса и самоорганизацию против капитализма и современного государства, идеи анархизма непрерывно проявлялись в действии в истории человечества. Например, многие туземные народы Северной Америки и др. практиковали анархизм за тысячи лет до его появления как конкретной политической теории. Также анархические тенденции и организации существовали в каждой крупной революции: городские собрания Новой Англии во время Американской революции, парижские «секции» во время Французской революции, рабочие советы и заводские комитеты во время Русской революции — и это только несколько примеров (см. подробнее в книге Мюррэя Букчина «Третья революция»). Это предсказуемо, так как если анархизм, как мы утверждаем, — результат сопротивления власти, то любое общество, имеющее власть, будет вызывать сопротивление и породит анархические тенденции (и, конечно, любые общества без власти не могут не породить этих тенденций).

Иначе говоря, анархизм выражает борьбу против отчуждения, угнетения и эксплуатации, обобщение опыта и анализа рабочих людей о том, что не так с нынешней системой, надежды и мечты о лучшем будущем. Эта борьба существовала ещё до того, как её назвали анархизмом, но историческое анархическое движение (т.е. группа людей, называющих свои идеи анархизмом и стремящихся к анархическому обществу) — это плод борьбы рабочего класса против капитализма и государства, против отчуждения, угнетения и эксплуатации, и за свободное общество свободных и равных личностей.

А.2 Чего хотят анархисты?

Обратимся к стихотворению выдающегося английского поэта XIX века Перси Биши Шелли, чтобы получить общее представление о том, какими ценностями руководствуются анархисты и какие идеалы движут анархизмом:

> Человек,
> что жив в добре, не присягнёт позору.
> Чуме опустошающей подобна власть:
> касаньем раздаёт заразу; послушанье--
> бич гениев, добра, свободы, правды,--
> рабами делает людей, а образ человечий--
> подвластным инструментом.

Как можно понять из строчек Шелли, анархистам очень важна свобода, как для себя, так и для других. Они считают что индивидуальность, – которая делает человека личностью – самый важный аспект человечности. При этом они признают, что индивидуальность не существует в вакууме, а представляет собой социальный феномен. Вне общества индивидуальность невозможна, человеку нужны другие люди, чтобы расти и развиваться.

Кроме того, между индивидуальным и социальным развитием есть взаимосвязь: человек растет и формируется благодаря социальным условиям, и в то же время он формирует и меняет социальные условия (как для себя, так и для других) своими действиями и мыслями. Общество, не основанное на свободе людей, их надеждах, мечтах и идеях, бессмысленно и мертво. Таким образом, «создание человеческого бытия... – коллективный процесс, процесс, в котором участвуют и сообщество, и индивид». [Murray Bookchin, The Modern Crisis, стр. 79] Следовательно, неправы те политические теории, которые базируются либо только на социальном принципе, либо только на индивидуальном.

Для того, чтобы человек мог наиболее полноценно развиваться в обществе, анархисты считают, что общество должно быть основано на трех взаимозависимых принципах: свобода, равенство и братство (или солидарность). Эти принципы признаются всеми анархистами. Анархо-коммунист Петр Кропоткин говорил о революции, вдохновленной «красивыми фразами о Свободе, Равенстве и Братстве». [The Conquest of Bread, стр. 128]. Анархо-индивидуалист Бенджамин Такер описывал подобную идею, аргументируя, что анархизм «настаивает на социализме — истинном социализме, анархическом социализме: господстве на земле Свободы, Равенства и Братства». [Instead of a Book, стр. 363]

Свобода необходима для полного расцвета интеллекта, творческого потенциала и достоинства человека. Подчиненный другим, человек отучается думать и действовать самостоятельно, что является единственным способом развития собственной

индивидуальности. Подчинение также душит новаторство и личную инициативу, ведя к единообразию и посредственности. Таким образом, общество, стремящееся к максимальному росту индивидуальности, должно обязательно базироваться на добровольной ассоциации, а не на принуждении и власти. Цитируя Прудона: «Все вместе и все свободны». Или, как отмечал Луиджи Галлеан, анархизм – «автономия человека в свободной организации». [The End of Anarchism?, стр. 35] (См. главу А.2.2 Почему анархисты настаивают на необходимости свободы в обществе?).

Если свобода необходима для самого полного развития индивидуальности, то равенство необходимо для существования подлинной свободы человека. Не может быть реальной свободы в классовом иерархическом обществе, пронизанном неравенством, властью, богатством и привилегиями. В таком обществе лишь немногие – те, кто наверху иерархии – являются относительно свободными, а остальные – полурабы. Следовательно, без равенства свобода становится посмешищем: в лучшем случае это «свобода» выбрать себе хозяина, как при капитализме. Но даже элита при таких условиях не совсем свободна, потому что она вынуждена жить в чахлом обществе, созданном уродливой и бесплодной тиранией, испытывая на себе неприязнь большинства. И так как индивидуальность развивается наиболее полно только в самом широком контакте с другими свободными людьми, то члены элиты ограничены в возможностях для их собственного развития дефицитом свободных людей для взаимодействия. (См. также главу А.2.5 — Почему анархистов интересует равенство?)

Наконец, братство (или солидарность) означает взаимную помощь: добровольная совместная работа с людьми, которые разделяют те же самые цели и интересы. Но без свободы и равенства, общество становится пирамидой конкурирующих классов, основанных на подчинении низов верхам. В таком обществе, как мы знаем из собственного опыта, действуют принципы «угнетай или будь угнетенным», «собаки едят собак» и «каждый за себя». Такой «грубый индивидуализм» в таком обществе развивается в ущерб чувству общности интересов: низы ненавидят верхов, а верхи боятся низов. При таких условиях не может быть никакого всеобщего братства, только частичная форма солидарности в пределах классов, интересы которых противопоставлены и ослабляют все общество в целом. (См. также главу А.2.6 — Почему братство так важно для анархистов?)

Надо отметить, что солидарность не подразумевает собой самопожертвования или самоотрицания, подчинения своих интересов интересам общества. Как отмечал Эррико Малатеста:

«Мы – все эгоисты, все мы стараемся удовлетворить свои потребности. Но анархист находит самое большое удовлетворение в борьбе за пользу всех, борьбе для достижения общества, в котором он может быть братом среди братьев, среди здоровых, интеллектуальных, образованных и счастливых людей. А тот, кто приспособился, кто удовлетворен жизнью среди рабов и тянет себе прибыль от труда рабов, – не анархист и не может быть анархистом». [Errico Malatesta: His Life and Ideas, стр. 23]

Для анархистов настоящее богатство – другие люди и планета, на которой мы живем. Или, словами Эммы Голдман: оно «состоит в полезных и красивых вещах, которые помогают создать сильные, красивые тела, и обстановку рождающую желание жить... [Наша] цель – самое свободное по возможности выявление всех скрытых сил человека... Такое свободное проявление человеческой энергии возможно только

при полной индивидуальной и социальной свободе,» иначе говоря «социальном равенстве». [Red Emma Speaks, C. 67-8]

Такое внимание к индивидуальности, разумеется, не означает, что анархисты – идеалисты, воображающие, будто бы люди или идеи развиваются вне общества. Индивидуальность и идеи растут и развиваются в обществе, как результат материального и интеллектуального взаимодействия и опыта, которые люди активно анализируют и интерпретируют. Анархизм, поэтому, является материалистической теорией, признавая, что идеи развиваются и растут из социального взаимодействия и умственной деятельности людей (см. Михаил Бакунин, «Бог и Государство», чтобы подробней узнать о дискуссии между материалистами и идеалистами).

Это значит, что анархистское общество будет создано людьми, а не неким божеством или по иному абстрактному принципу, так как «ничто никогда не устраивается само собой, особенно в человеческих отношениях. Это люди меняют мир и делают это согласно своим воззрениям и своему пониманию бытия». [Alexander Berkman, What is Anarchism?, p. 185]

Поэтому анархизм основывается на силе идей и способности людей действовать и менять собственные жизни, основываясь на собственных предположениях относительно того, что верно, а что — нет. Иначе говоря, на свободе.

A.2.1 В чем смысл анархизма?

Как мы выяснили, под «анархией» подразумевается общество «без правителей» или «без (иерархической) власти». Анархисты не против «власти» в смысле авторитета экспертов, наиболее хорошо осведомленных, квалифицированных и мудрых в обществе, но они считают, что даже такая власть не имеет права принуждать остальных следовать их рекомендациям или отчуждать остальных от процесса принятия решений (см. часть B.1). В двух словах это значит, что анархизм антиавторитарен.

Анархисты антиавторитаристы, потому что они утверждают, что человек не должен подчинять себе собратьев. Анархисты, по словам Сьюзен Браун, «верят во врожденное достоинство и ценность человеческой индивидуальности». [The Politics of Individualism, стр. 107] Власть, ведет общество к деградации и унижению, так как подчиняет волю и суждения угнетенных воле и суждениям угнетателей, этим уничтожая человеческое достоинство и чувство самоуважения, которые развиваются только при персональной независимости. Кроме того, власть ведет (и делает возможной) к эксплуатации, корню неравенства, бедности и социальной несправедливости.

Иначе говоря, смысл анархизма (позитивное определение) в добровольном сотрудничестве между равными людьми ради их максимально возможной свободы и всестороннего развития индивидуальности.

Сотрудничество между равными людьми – ключевое понятие антиавторитаризма. Сотрудничеством мы можем развить и защитить нашу ценность как уникальных личностей, а также обогатить нашу жизнь и свободу, потому что «человек становится человеком и достигает как сознания, так и осуществления своей человечности лишь в обществе и лишь коллективной деятельностью всего общества… Я могу назвать себя действительно свободным лишь тогда, когда моя свобода или, что тоже, мое

человеческое достоинство, мое человеческое право, заключающееся в том, чтобы не повиноваться никакому другому человеку и руководствоваться в моих действиях лишь моими собственными убеждениями, лишь когда эта моя свобода, отраженная равно свободным сознанием всех людей возвращается ко мне, подтвержденная согласием всех». [Михаил Бакунин, цитируется по: Errico Malatesta, Anarchy, стр. 30]

Антиавторитаризм вовсе не мешает анархистам утверждать, что человеческое существование носит социальный характер и что люди взаимно влияют друг на друга. Мы не можем избежать «власти» этого взаимного влияния, потому что, как Бакунин напоминает нам:

«Уничтожение этого взаимного влияния было бы, стало быть, смертью. И когда мы требуем свободы масс, мы не претендуем уничтожать ни одного из этих естественных влияний на них ни одной личности, ни одной группы лиц. Мы хотим уничтожения искусственных, привилегированных, законных, официальных влияний». [цитируется по: Malatesta, Anarchy, стр. 51]

Иначе говоря, тех влияний, которые порождает иерархическая власть.

Иерархические системы, например капитализм, посягают на свободу, и в результате «умственные, моральные, интеллектуальные и физические качества людей стагнируют, чахнут и деградируют». (см часть B.1). Поэтому одна из «великих истин анархизма» состоит в том, что «быть действительно свободным означает позволить каждому прожить свою жизнь по собственному усмотрению, при условии, что каждый позволит всем остальным сделать то же самое». Ради этого анархисты сражаются за лучшее общество, за общество, которое будет уважать людей и их свободу. При капитализме «все идет на рынок, на продажу: все — товар». Но ведь есть «вещи, которые бесценны. Среди них жизнь, свобода и счастье, и все это общество будущего, свободное общество, гарантирует всем». Анархисты стремятся формировать у людей осознание собственного достоинства, индивидуальности и свободы, и поощрить дух восстания, сопротивление и солидарность против власти. За это власть имущие постоянно винят анархистов в нарушении общественного порядка, но анархисты уверены, что завоевание свободы много лучше мирного рабства. Анархисты, сообразно нашим идеалам, «верят в общественный порядок любой ценой — кроме, разумеется, цены свободы. Но трудящимися этот драгоценный дар, кажется, уже утрачен. Жизнь… у них, конечно, есть; но чего стоит их жизнь, лишенная вышеобозначенных ценностей?» [Lucy Parsons, Liberty, Equality & Solidarity, стр. 103, стр. 131, стр. 103 и стр. 134]

Подытоживая вышесказанное, скажем, что анархисты стремятся к обществу, в котором люди взаимодействуют способами, которые увеличивают свободу всех, вместо способов уничтожения свободы (в том числе потенциально) большинства в пользу меньшинства. Анархисты отказываются дать власть над собой кому-либо, власть говорить им, как жить под угрозой наказания в случае неповиновения. Возможно, не-анархистам стоило бы честно спросить себя: разве эта позиция нуждается в более подробном объяснении?

A.2.2 Почему анархисты настаивают на необходимости свободы в обществе?

Анархиста можно описать словами Бакунина как «фанатичного приверженца свободы, видящего в ней единственную среду, где может развиться ум, достоинство и счастье людей». [Michael Bakunin: Selected Writings, стр. 196] Поскольку люди обладают разумом, отрицать их свободу – значит отрицать их возможность мыслить самостоятельно, а значит, отрицать само существование людей. Для анархистов, свобода — это продукт нашей человечности, потому что:

«Сам факт… что человек имеет сознание, отличное от других, порождает у него желание действовать свободно. Тяга к свободе и самовыражению – фундаментальная и преобладающая черта человека». [Emma Goldman, Red Emma Speaks, стр. 439]

Поэтому анархизм «предлагает восстановить самоуважение, независимость личности и свободу от всяких стеснений и вмешательств власти. Только свободный человек может встать во весь свой рост. Только свободный он научится думать, действовать и проявлять свои лучшие стороны. Только свободный он уяснит себе истинную силу общественных связей, которые соединяют людей воедино и являются основанием нормальной общественной жизни». [Там же, С. 72-3]

Таким образом, для анархистов, свобода – это возможность людей достигать своих целей своими методами. Принимая самостоятельно решения, отражающиеся на своих жизнях, люди преодолевают апатию и пассивность. Только свобода может гарантировать человеку индивидуальное развитие и многообразие. Самоуправление и принятие своих решений — вот отличное упражнение для разума, развивающее и поощряющее вовлеченных людей. Как писал Малатеста: «людей, стремящихся учиться свободе и управлению собственными интересами, стоит оставить, предоставив их самим себе, чтобы они смогли почувствовать ответственность за свои действия в плане того, хорошо или плохо они поступают. Они могут ошибиться, но они поймут из последствий, что было сделано не так и попробуют новые пути». [Fra Contadini, стр. 26]

Свобода – необходимая предпосылка для максимального развития индивидуального потенциала. А индивидуальный потенциал – социальный продукт, поскольку может развиваться только в сообществе. Здоровое свободное сообщество воспитает свободных личностей, которые в свою очередь преобразуют сообщество и обогатят социальные отношения между людьми, ранее составлявшими это сообщество. Свободы, будучи социально рожденными, «существуют не потому, что в законодательном порядке занесены на бумагу, а только потому, что они стали для людей внутренней привычкой и любая попытка посягнуть на них вызывает бурную реакцию населения… Угнетенные могут заставить уважать себя только в том случае, если они умеют защищать свое человеческое достоинство. Это верно не только для частной, но и для политической жизни». Мы «пользуемся всеми политическими правами и завоеваниями, которых мы на сегодня более или менее добились, не по доброй воле своих правительств, но благодаря собственной решительности». [Rudolf Rocker, Anarcho-syndicalism, стр. 75]

Поэтому анархисты поддерживают тактику «прямого действия», поскольку, как утверждает Эмма Гольдман, мы «получаем такую свободу, какую хотим иметь. Анархизм призывает к прямому действию, открытому вызову и борьбе против всяких законов и стеснений: экономических, социальных и моральных». Это требует «цельности, положительности, храбрости и мужества, требует свободного, независимого духа», только «упорное сопротивление» может «окончательно освободить [нас]. Прямое действие, направленное против власти на заводе, против судебной власти, против власти вторгающегося всюду морального кодекса, есть логический и последовательный метод борьбы анархизма». [Red Emma Speaks, С. 76-77]

Прямое действие, иначе говоря, — это приложение свободы, не только как сопротивление притеснению здесь и сейчас, но и как средство создания свободного общества. Оно создает необходимую индивидуальную ментальность и социальные условия, в которых свобода расцветает. Что крайне существенно, поскольку свобода развивается только в обществе. Как писал Мюррей Букчин:

«То, что люди имеют свободу, независимость и автономию в данный исторический период – результат длительных социальных традиций… и коллективного развития; последнее не отрицает того, что индивиды играют важную роль в этом развитии, наоборот, они должны делать это, если они хотят быть свободными». [Social Anarchism or Lifestyle Anarchism, стр. 15]

Но свобода требует и правильной социальной среды, чтобы расти и развиваться. Социальная среда должна быть децентрализована и базироваться на прямом управлении производства трудящимися. Поскольку централизация возможна только при принудительной власти, то именно самоуправление – сущность свободы. Самоуправление гарантирует, что люди разовьют все свои способности, особенно умственные. Иерархия, напротив, ликвидирует активность и мышление большинства в пользу активности и мышления меньшинства. Поэтому, вместо того, чтобы развивать их способности наиболее полным образом, иерархия маргинализирует людей, и их развитие чахнет. (см. часть B.1).

По этой причине анархисты выступают и против капитализма, и против государства. Французский анархист Себастиан Фор заметил, что власть «скрывается в двух основных формах: в политической форме, то есть государстве; и в экономической форме, то есть частной собственности» [цитируется по: Peter Marshall, Demanding the Impossible, стр. 43]. Капитализм, как и государство, основан на централизованной власти (т.е. власть босса над рабочими), основная цель которой состоит в том, чтобы исключить трудящихся из управления производством. Поэтому «серьёзное, окончательное и полное освобождение рабочих возможно только лишь при одном условии: экспроприация капитала, то есть сырья и всех орудий труда, включая землю, всеми рабочими». [Михаил Бакунин, цит. по Rudolf Rocker, Там же, стр. 50]

Следовательно, как утверждает Ноам Хомский, «последовательный анархист должен выступить против частной собственности на средства производства и наемного труда как компонента этой системы, как несовместимых с принципом, что труд должен быть свободным и контролироваться трудящимися». [«Notes on Anarchism», For Reasons of State, стр. 158]

Таким образом, свобода для анархистов означает общество безвластия, в котором реализовано на практике самоуправление индивидов и их групп, т.е. они управляют только собой. Следствия этого очень важны.

Во-первых, анархическое общество будет носить непринудительный характер, а насилие или угроза насилия не будут использоваться, чтобы «убедить» людей сделать что-либо;

Во-вторых, так как анархисты – последовательные сторонники индивидуального суверенитета, то они также выступают против учреждений, основанных на принудительной власти, т.е. иерархии;

И, наконец, анархисты, выступая против «организации», на самом деле выступают против централизованных, иерархических и бюрократических организаций, как, например правительство. Они не выступают против самоуправления через конфедерации децентрализованных организаций, до тех пор, пока они основаны на прямой демократии, а не на делегации власти «представителям» (смотри главу А.2.9 об анархической организации). Поскольку власть – противоположность свободы, следовательно, любая форма организации, основанной на делегации власти – угроза свободе и достоинству людей, подчиненных такой власти.

Анархисты считают, что свобода – единственная социальная среда, в которой человеческие достоинство и многообразие расцветают. При капитализме и государственном устройстве, однако, нет никакой свободы для большинства, поскольку частная собственность и иерархия гарантируют, что склонности и суждения большинства будут подчинены воле господ, строго ограничивая их свободу и делая невозможным «полное развитие всех способностей, интеллектуальных и моральных, скрытых в каждом человеке». [Michael Bakunin, Bakunin on Anarchism, стр. 261]. Вот почему анархисты стремятся гарантировать «что реальное правосудие и реальная свобода придут на землю» для «всего лживого, всего ненужного, этой чудовищной траты человеческой жизни, костей, сухожилий, мозга и сердца, превращения людей в человеческое тряпье, призраков, жалких карикатурных существ, которых господа держат ради своего существования; вот что зовется 'экономикой', в действительности это наиболее ужасная трата — жертва производителя произведенному — всех прекрасных и благородных инстинктов к выгоде одного аттрибута: власти расчета». [Voltairine de Cleyre, The First Mayday: The Haymarket Speeches 1895-1910, C, 17-18]

(см. раздел B об иерархической и авторитарной природе капитализма и государства)

А.2.3 Может ли организация быть анархической?

Да. Без взаимодействия между людьми полноценная человеческая жизнь невозможна. Свобода не может существовать без общества и организации. Как писал Георг Баррет:

«Чтобы жить полноценной жизнью, нам необходимо сотрудничать друг с другом, а сотрудничая, мы заключаем некие соглашения со своими товарищами. Но предположение, что такие соглашения ограничивают свободу, совершенно нелепо; напротив, они воплощают нашу свободу.

Если же кому-то захочется выдумать догму, будто бы такие соглашения вредят свободе, тогда такая свобода неизбежно превратится в тиранию, поскольку она запретит людям обычные ежедневные удовольствия. Следуя такой догме, я не могу прогуляться со своим другом, потому что это якобы против принципов свободы, так как я должен согласиться быть в определенном месте в определенное время, чтобы встретить его. Мои полномочия должны распространяться только на меня, но, делая так, я должен сотрудничать с кем-то еще, а сотрудничество подразумевает соглашение, и это якобы против свободы. Очевидно, насколько этот аргумент абсурден! Я не ограничиваю, но воплощаю свою свободу, когда я соглашаюсь гулять со своими друзьями.

Если же, с другой стороны, я решаю, что, благодаря моим превосходным знаниям, моему другу неплохо бы получить опыт прогулки со мной, а затем пытаюсь принудить его выйти погулять, тогда я начинаю ограничивать свободу. Вот в чем разница между свободным соглашением и правительством». [Objections to Anarchism, С. 348-9]

«Единственное средство» избежать в организации проявлений власти, по мнению анархистов, заключается в том, «чтобы каждый из нас принимал активное и сознательное участие в коллективной работе и прекратил быть пассивным инструментом в руках лидеров». [Errico Malatesta, Errico Malatesta: His Life and Ideas, стр. 86]

Итак, анархисты хорошо осведомлены о необходимости организации в структуры открытого типа. Как утверждала Кэрол Эрлих, хотя анархисты «не выступают против организационных структур вообще», а лишь «хотят отменить иерархические структуры», стереотипы о них «почти всегда включают желание тотальной дезорганизации». Это не так, ведь «организации, которые построены на ответственности, распылении власти среди максимально возможного числа людей, чередования задач (в противоположность разделению труда), обмене опытом и свободном распространении информации и ресурсов» основаны на «подлинно социально-анархических принципах организации!» [«Socialism, Anarchism and Feminism», Quiet Rumours: An Anarcha-Feminist Reader, стр. 47 и стр. 46]

Тот факт, что анархисты настаивают на анархических организациях, может показаться странным, на первый взгляд, и это понятно. «Тем, у кого есть опыт только авторитарной организации представляется,» — говорят британские анархисты, — «будто бы организация может быть только тоталитарной или демократической, а те, кто против всех правительств, должны также игнорировать любые организационные вопросы. Но это не так». [Stuart Christie and Albert Meltzer, The Floodgates of Anarchy, стр. 122] Иначе говоря то, что мы живем в обществе, в котором практически все формы организации являются авторитарными, заставляет ошибочно думать, что это единственно возможный тип организации. Обычно не упоминается, что этот способ организации существовал не всегда, он развился в специфическом типе общества, чьими основными принципами были подчинение и эксплуатация. Согласно данным археологии и антропологии, этот тип общества существует только приблизительно 5000 лет, появившись с возникновением первых примитивных государств, основанных на военных походах и рабстве, в которых труд рабов создавал излишки, которые присваивались правящим классом.

В предшествующий период, сотни тысяч лет человеческие и протočеловеческие общества были, как Мюррей Букчин их называл, «естественными», т.е. основанными на совместных формах экономической деятельности, включая взаимопомощь, свободный доступ к производственным ресурсам и распределение результатов совместного труда по потребностям. Хотя такие общества, возможно, базировались на ранжировании статуса по возрасту, однако в них не было никакой иерархии в смысле институционализации отношений подчинения и господства, предписанных принудительными санкциями и заканчивающихся стратификацией классов, влекущей экономическую эксплуатацию одного класса другим (см. М. Букчин, Экология свободы).

Следует подчеркнуть, что анархисты не призывают вернуться назад в каменный век. Мы просто обращаем внимание на то, что, так как иерархически-авторитарный способ организации относительно недавно «изобретен» в ходе человеческого социального развития, то нет причин считать, что он так или иначе «обречен» быть вечным. Мы не думаем, что люди генетически «запрограммированы» для диктатуры, конкуренции и агрессивного поведения, так как нет никаких убедительных доказательств в поддержку этого заявления. Напротив, такое поведение имеет социальные причины, ему обучаются, ровно так же, как и могут не обучаться (см. Эшли Монтегю, Природа человеческой агрессии (Ashley Montagu, The Nature of Human Aggression). Мы не фаталисты и не генетические детерминисты, но признаем свободу воли, означающую, что люди могут изменять как способ производства, так и способ организации общества.

Не может быть сомнений в том, что общество нуждается в лучшей организации, потому что сейчас его богатства, которые производятся большинством, силой присваиваются избранным меньшинством, находящимся на верхушке социальной пирамиды, причиняя лишения и страдания остальным, особенно тем, кто находится в самом низу. Эта элита управляет средствами принуждения через контроль над государством (см. главу B.2.3), она способна подавить большинство и игнорировать его страдания – явление, которое происходит в пределах любой иерархической структуры. Неудивительно поэтому, что люди в авторитарных и централизованных структурах начинают ненавидеть их как нарушение своей свободы. Как отмечал Александр Беркман:

«Кто бы ни говорил вам, что анархисты не верят в организацию, это чепуха. Организация повсюду, и все — организация. Вся жизнь организуется, сознательно или нет… Но есть организация и организация. Капиталистическое общество так ужасно организовано, что его отдельные члены страдают; но, когда у вас что-нибудь болит – вы больны в целом… ни одного члена организации или союза нельзя безнаказанно дискриминировать, подавлять или игнорировать. Это словно игнорировать больной зуб: в итоге страдает весь организм». [Там же, стр. 198]

Именно это характерно для капиталистического общества, в котором в итоге действительно «страдает весь организм».

По этим причинам, анархисты отсеивают авторитарные формы организации, вместо них поддерживая ассоциации, основанные на принципе свободного договора. Свободное соглашение между людьми важно, потому что, как отмечал Беркман, «только когда каждый человек свободная и независимая личность, сотрудничающая

с другими по своему собственному усмотрению для достижения взаимных интересов и целей, всеобщая работа успешна и наиболее продуктивна». [Там же, стр. 199] Как мы аргументируем в главе А.2.14, анархисты подчеркивают, что свободное соглашение есть необходимое дополнение к прямой демократии (обычно анархисты называют это самоуправлением) в ассоциациях, иначе «свобода» становится выбором хозяев.

Анархическая организация основана на тотальной децентрализации власти обратно к людям, т.е., к тем, кого принятые решения непосредственно затрагивают. Цитируя Прудона:

«Если демократия не мошенничество, а суверенитет людей — не шутка, то следует признать, что каждый гражданин в сфере его [или ее] производства... каждый муниципальный, районный или провинциальный совет на его собственной территории... должен действовать напрямую и собственноручно в управлении собственными внутренними интересами и должен получить полный суверенитет относительно них». [General Idea of the Revolution, стр. 276]

Что также подразумевает потребность в федерализме, чтобы сотрудничать в совместных интересах. Для анархизма федерализм — естественное дополнение самоуправлению. С отменой государства, общество «может и должно устроиться поиному: но только произойти это должно не сверху вниз... Будущая социальная организация непременно должна быть реализована по направлению снизу вверх, посредством свободной ассоциации или федерации рабочих, начиная с союзов, коммун, областей, наций и кончая великой международной федерацией. И только тогда осуществится целесообразный, жизнеспособный строй, тот строй, в котором интересы личности, ее свобода и счастье не будут больше противоречить интересам общества». [Bakunin, Michael Bakunin: Selected Writings, С. 205-6] Потому что «подлинно народная организация воплощается... снизу» и таким образом «федерализм становится политическим институтом социализма, свободной и добровольной организацией народной жизни». Поэтому, либертарный социализм «носит федеративный характер». [Bakunin, The Political Philosophy of Bakunin, С. 273-4 и стр. 272].

Следовательно, анархическая организация базируется на прямой демократии (или самоуправлении) и федерализме (или конфедерации). Это есть выражение и среда свободы. Прямая (или парсипативная) демократия необходима, потому что свобода и равенство подразумевают потребность в собраниях, где люди могут обсуждать и спорить, как равные, и которые позволят учитывать свободное осуществление того, что Мюррей Букчин называет «творческой ролью инакомыслия». Федерализм необходим, чтобы гарантировать, что общие интересы будут обсуждаться, объединяться и реализовываться в деятельности, организованной способом, который учитывает пожелания всех заинтересованных; чтобы гарантировать, что общие решения исходят снизу, ото всех, а не навязаны несколькими правителями.

Анархистские идеи либертарной организации и необходимости прямой демократии и конфедерации будут аргументироваться далее в главах А.2.9 и А.2.11.

А.2.4 Поддерживают ли анархисты идею «абсолютной свободы»?

Нет. Анархисты не думают, что каждому позволено делать все, что он захочет, поскольку некоторые действия неизбежно ограничивают свободу других.

Например, анархисты не поддерживают «свободу» насиловать, эксплуатировать или угнетать. Также мы не толерантны к любым формам власти. Напротив, с тех пор, как власть стала представлять угрозу для свободы, равенства и братства (и это не упоминая еще человеческое достоинство), анархисты осознали необходимость сопротивления и уничтожения власти.

Все проявления власти — это не свобода. Ни у кого нет «права» управлять другими. Как уточнял Малатеста, анархизм поддерживает «свободу для каждого… с единственным условием такой же свободы для всех; это не значит, что мы признаем и уважаем свободу эксплуатировать или повелевать; то, что является угнетением — конечно же не свобода». [Errico Malatesta: His Life and Ideas, p. 53]

В капиталистическом обществе сопротивление всем формам иерархической власти – отличительная черта свободного человека, будь это частной (т.е. боссу) или публичной (т.е. государству) инициативой. Как Генри Дэвид Торо указывал в своем эссе «Гражданское неповиновение»:

«Неповиновение — это настоящее основание свободы. Повинующиеся будут обращены в рабство».

А.2.5 В чем смысл равенства для анархистов?

Как уже упоминалось, анархисты убеждены в необходимости социального равенства, потому что оно – необходимая среда для процветания свободы личности. Однако существует много нелепых стереотипов о «равенстве», и большая часть из них довольно сомнительна на наш взгляд. Поэтому перед обоснованием того, что анархисты действительно подразумевают под равенством, мы должны описать то, что мы точно не подразумеваем под ним.

Анархисты не верят в «равенство способностей», такое «равенство» не только неосуществимо, но и крайне не желательно. Каждый человек уникален. Биологически определенные человеческие различия не только существуют, но и являются «причиной для радости, а не страха или сожаления». Почему? Потому что «жизнь среди клонов была бы чудовищной жизнью, нормальный человек будет только радоваться, что другие имеют способности, которых он лишен». [Noam Chomsky, Marxism, Anarchism, and Alternative Futures, стр. 782]

Некоторые серьезно полагают, что для анархистов «равенство» – это когда все люди идентичны, но это лишь печальное последствие воздействия современной государственной интеллектуальной культуры, это искажение слова, подтасовка, цель которой отвлечь внимание от несправедливой и авторитарной системы организации общества, затмевая ее биологическими рассуждениями о выживании видов. «Уникальность каждой личности отнюдь не противоречит принципу равенства». — отмечал Эрих Фромм. – «Тезис, что люди рождаются равными, означает, что все они

обладают основными человеческими качествами, все разделяют общую трагическую судьбу и все имеют одинаково неотъемлемое право на свободу и счастье. Кроме того, этот тезис означает, что отношения людей должны определяться солидарностью, а не господством и подчинением. Но принцип равенства вовсе не предполагает, что все люди одинаковы». [The Fear of Freedom, стр. 228] Вот почему было бы справедливей указать, что анархисты стремятся к равенству, потому что мы признаем, что все различаются и, следовательно, стремимся к наибольшему утверждению и развитию этой уникальности.

Также анархисты не поддерживают так называемую «уравниловку». Мы не желаем жить в обществе, где все пользуются одними и теми же благами, живут в одинаковых домах, носят одинаковую униформу, и т.д. Напротив, анархисты протестуют против капитализма и государства, в том числе и потому, что они стандартизируют жизнь. (См. работу Дж. Рейтцера «МакДональдизация Общества»(George Reitzer The McDonaldisation of Society) По словам Александра Беркмана:

«Дух авторитета, законы, писаные и неписаные, традиции и привычка принуждают нас повиноваться общим шаблонам и превращают людей в безвольные автоматы, не имеющие независимости и индивидуальности. Это моральное и интеллектуальное рабство сильнее, чем любое физическое принуждение, разрушительно воздействует на нашу человечность и наше развитие. Все мы – его жертвы и лишь невероятно упорные разбивают его цепи, но даже они не могут полностью сбросить их». [What is Anarchism?, p. 165]

Анархисты не хотят распространять эту «шаблонизацию» еще дальше. Наоборот, в первую очередь, мы хотим уничтожить это явление и социальные отношения или учреждения, которые создают эту унификацию людей.

«Уравниловка» может быть введена и поддерживаться только силой, которая в любом случае не относится к равенству, так как для ее существования одни должны иметь больше власти, чем другие! «Уравниловка» особенно ненавидима анархистами, потому что мы утверждаем, что у каждого человека есть свои потребности, способности, желания и интересы. Заставлять всех потреблять одно и то же — это тирания. Очевидно, что если один человек нуждается в лечении, а другой нет, то они не получат «равное» количество медицинской помощи. То же самое верно и в отношении других человеческих потребностей. Как писал Александр Беркман:

«Не будем совершать ошибку, смешивая равенство в свободе с принудительным равенством в концентрационном лагере. Подлинное анархическое равенство означает свободное

пользование, а не одинаковое количество. Оно не требует, чтобы все ели и пили одно и то же, носили одинаковую одежду, выполняли одну и ту же работу и вели один и тот же образ жизни. Отнюдь, в действительности совсем наоборот.

Потребности и предпочтения отдельных людей столь же сильно отличаются друг от друга, как и их аппетит. Подлинное равенство состоит в равной возможности удовлетворять их.

Такое равенство далеко от уравниловки, ведь оно открывает дверь для наибольшего разнообразия деятельности и развития. Именно это равенство, далекое от уравниловки, открывает двери для максимального разнообразия в действиях и развитии людей. Поскольку их характеры различны… возможность беспрепятственно

выражать свою индивидуальность и жить в соответствии с этим даёт простор развитию естественных различий и вариаций». [Там же, С. 164-5]

Для анархистов понятие «равенство» в смысле «уравниловки» или «равенства способностей» абсолютно бессмысленно. Однако, в иерархическом обществе, «равенство возможностей» и «уравниловка» взаимосвязаны. При капитализме, например, возможности каждого следующего поколения зависят от результатов деятельности предыдущих. Это означает, что при капитализме «равенство возможностей» без «уравниловки» (в смысле дохода и ресурсов) невозможно, так как нет никакого реального равенства возможностей между потомками миллионера и потомками уборщика. Те, кто приводит доводы в пользу «равенства возможностей» игнорируя барьеры, созданные предыдущими поколениями, просто не понимают (или сознательно игнорируют!) того, о чем они говорят, поскольку возможности в иерархическом обществе зависят не только от доступности социальных лифтов, но также и от равного старта. Из этого очевидного факта возникает недоразумение, будто бы анархисты добиваются «уравниловки» для всех – но он справедлив лишь по отношению к иерархической системе, а в свободном обществе все будет иначе (как мы проследим далее).

Равенство, в анархической теории, не означает ограничения индивидуального разнообразия или уникальности. Как отмечал Бакунин:

«Но когда равенство восторжествует и утвердится, не будет больше никакого различия в способностях и в степени энергии людей? Будет различие, не в такой степени, быть может, как существует теперь, но несомненно будет различие. Истина, перешедшая в пословицу, и которая, вероятно, никогда не перестанет быть истиной, гласит, что нет двух листьев на одном и том же дереве, которые бы совершенно походили один на другой. Тем более это верно по отношению к людям, которые являются гораздо более сложными существами, чем листья. Но это различие не только не составляет зла, а напротив, по верному замечанию Фейербаха, составляет богатство человечества. Благодаря этому различию, человечество есть коллективная единица, в которой каждый член дополняет всех других и сам нуждается во всех; так что это бесконечное различие человеческих личностей является самой причиной, главным основанием их солидарности, составляет сильный аргумент в пользу равенства». [«All-Round Education», The Basic Bakunin, С. 117-8]

Равенство для анархистов означает социальное равенство, или, используя терминологию Мюррея Букчина, «равенство неравных» (Малатеста использовал аналогичный термин «равенство условий», чтобы выразить такую же мысль). Этим он хотел сказать, что анархистское общество учитывает различия в способностях и потребностях людей, но не позволяет этим различиям превратиться во власть. Индивидуальные различия, иначе говоря, «были бы несущественны, ибо фактическое неравенство теряется само собою в коллективности, раз оно не находит в ней ничего, никакой фикции или законного установления». [Michael Bakunin, God and the State, стр. 53]

Если уничтожить иерархические социальные отношения и силы, которые создают их, вместо них построить отношения на принципе «один человек – один голос», тогда естественные различия нельзя было бы превратить в иерархическую власть. Например, без капиталистических прав собственности не было средств, которыми меньшинство могло монополизировать средства производства (машины и землю) и

обогащать себя за счет работы других с помощью системы наемного труда и прибыли. Точно так же, если рабочие управляли бы своей собственной работой, то не было бы и никакого класса капиталистов, чтобы обогащаться за счет их труда. Прудон пишет:

«Итак, что может быть источником этого неравенства?

Как мы видим… его источник – реализация в обществе этой абстрактной триады: капитала, труда и таланта.

Оно происходит потому, что общество разделило себя на три категории граждан, соответствующих трем условиям формулы… как только эти кастовые различия обозначались, одна часть человечества всегда порабощала другую… социализм таким образом состоит в упрощении аристократической формулы капитала-труда-таланта к простой формуле труда!… чтобы сделать каждого человека одновременно, равно и одинаково капиталистом, рабочим и экспертом или артистом». [No Gods, No Masters, Т. 1, С. 57-8]

Как и все анархисты, Прудон видел объединение функций как ключ к равенству и свободе и предлагал самоуправление как средство достижения этого. Таким образом, самоуправление – ключ к социальному равенству. Социальное равенство на рабочем месте, например, означает, что каждый имеет равное право решать, как организовать работу. Анархисты – сторонники принципа «то, что касается всех, должны решать все».

Это не означает, конечно, что специальные знания исчезнут или что каждый будет решать все. Поскольку у разных люди разные интересы, таланты, и способности, то очевидно, что они захотят обучаться разным предметам и выполнять разные виды работы. Также очевидно, что, когда люди больны, они консультируются с доктором – экспертом в медицине – который также управляет собственной работой, вместо того, что бы собирать общественное собрание и коллективно решать, чем лечиться. Нам жаль, что приходится подробно описывать такие вещи, но как только темы социального равенства и самоуправления рабочих поднимаются, некоторые люди начинают говорить откровенную чепуху. Это обыкновенный здравый смысл, что в больнице, управляемой способом социального равенства, немедицинский персонал не будет голосовать, как врачам следует поводить операцию!

Фактически, социальное равенство и свобода личности неотделимы. Без коллективного самоуправления в вопросах, затрагивающих группу (равенство) в дополнение к индивидуальному самоуправлению в вопросах, затрагивающих личность (свобода), свободное общество невозможно. Без этих условий одни будут иметь власть над другими, принимая решения за них (то есть, управляя ими), то есть одни окажутся на деле свободнее других. Что подразумевает (формулируя очевидное), что анархисты стремятся к равенству во всех аспектах жизни, не только в значении богатства. Анархисты «требуют для каждого человека не только его [или ее] полной меры богатства общества, но также и его [или ее] части социальной власти». [Malatesta and Hamon, No Gods, No Masters, Т. 2, стр. 20] Таким образом, самоуправление необходимо, чтобы гарантировать как свободу, так и равенство.

Социальное равенство требуется людям чтобы управлять собою и самовыражаться, для самоуправления необходимо, чтобы «люди, работающие вместе со своими товарищами, могли привнести собственные уникальные возможности в решение общих проблем и для достижения общих целей». [George Benello, From the Ground Up,

стр. 160] Так равенство позволяет выражать индивидуальность человека и поэтому оно — необходимое основание для свободы.

В разделе F.3 (Почему анархо-капиталисты не придают значения равенству?) продолжается обоснование анархического равенства. Эссе Ноама Хомского «Равенство» (опубликованное в The Chomsky Reader) — это отличное суммирование либертарианских идей по предмету обсуждения.

A.2.6 Почему солидарность важна для анархистов?

Солидарность (братство) или взаимная помощь – ключевая идея анархизма. Это связь между личностью и обществом, средство, с помощью которого люди могут работать вместе в интересах каждого в среде, поддерживающей и питающей свободу и равенство. Для анархистов взаимная помощь – фундаментальная особенность человеческой жизни, источник силы и счастья, основное условие полноценного человеческого существования.

Эрих Фромм, выдающийся исследователь гуманистического направления в психологии, утверждал, что «одной из самых сильных мотиваций поведения человека является присущее ему стремление к единению с другими, обусловленное спецификой существования человеческого рода». [To Be or To Have, стр.107]

Поэтому анархисты считают стремление формировать «союзы» (термин Макса Штирнера) с другими людьми естественной потребностью человека. Эти союзы или ассоциации должны быть основаны на равенстве и индивидуальности, чтобы полностью удовлетворить своих членов; то есть они должны быть организованы в анархической манере, то есть добровольно, децентрализованно и неиерархично.

Солидарность – сотрудничество между людьми – необходимое условие существования человека и никоим образом не ограничивает его свободу. Солидарность, как считал Малатеста, «единственная среда, в которой человек может выразить свою индивидуальность, добиться ее оптимального развития и наслаждаться наиболее возможным своим благополучием… благодаря тому, что один за благополучие всех, и все за благополучие одного», поэтому «свобода каждого не ограничивается, но дополняется — находя необходимый raison d'etre — свободой других». [Anarchy, стр. 29] Иначе говоря, солидарность и сотрудничество означает относиться к другим людям, как к равным себе, а не рассматривать других людей как средства для достижения своих целей, и создавать отношения, которые будут поддерживать свободу для всех, а не только для меньшинства, господствующего над большинством. Эмма Гольдман, развивая эту тему, замечает, что «каких только замечательных результатов эта уникальная сила индивидуальности человека не достигала, когда она была усилена сотрудничеством с другой индивидуальностью… Сотрудничество – в противоположность междоусобной борьбе и вражде – всегда работало на выживание человека и развитие его способностей… Только взаимная помощь и добровольный союз… могут создать основу для свободы человека и общественной жизни». [Red Emma Speaks, стр. 118]

Солидарность — это взаимодействие людей на равных ради удовлетворения интересов и потребностей каждого. Формы организаций, не основанные на солидарности

(то есть такие, которые основаны на неравенстве) разрушают индивидуальность состоящих в них людей. По мнению Рета Марута, свобода нуждается в солидарности и признании общих интересов:

«Самая благородная, искренняя и истинная любовь в истории человечества – это любовь к самому себе. Я хочу быть свободным! Я надеюсь быть счастливым! Я хочу проникнуться всеми красотами мира. Но моя свобода защищена только тогда, когда все другие люди вокруг меня свободны. Я могу быть счастлив только тогда, когда все другие люди вокруг меня счастливы. Я могу радоваться только тогда, когда все люди, которых я вижу и встречаю, смотрят на мир глазами, полными радости. И только тогда могу я есть с искренним удовольствием и досыта, когда я точно знаю, что другие люди, также могут наесться досыта, как и я. По этим причинам, это вопрос моего собственного удовлетворения, только моего, когда я восстаю против каждой опасности, которая угрожает моей свободе и моему счастью...» [Ret Marut (a.k.a. B. Traven), The BrickBurner magazine, цитируется по: Karl S. Guthke, B. Traven: The life behind the legends, С. 133-4]

На практике солидарность означает то, что мы осознаем, как подмечено в девизе Индустриальных Рабочих Мира: «несправедливость для одного — несправедливость для всех». Солидарность, поэтому, есть средство защиты индивидуальности и свободы человека и выражение его личных интересов. Как писал Элфи Коэн:

«Когда мы думаем о сотрудничестве... мы часто связываем это понятие с невыраженным идеализмом... Это может следовать из мнимого сходства сотрудничества с альтруизмом... Структурированное сотрудничество бросает вызов стандартной дихотомии эгоизма/альтруизма. Сотрудничая, мы созидаем такие отношения, при которых, помогая вам, я в то же самое время помогаю себе. Даже если мой мотив, возможно, первоначально был эгоистичен, наши судьбы теперь связаны. Мы отправляемся в совместное плавание. Сотрудничество — очень выгодная и крайне успешная стратегия, прагматический выбор, который позволяет добиться цели и на работе, и в школе гораздо более эффективно, чем соревнование... Также очевидно, что сотрудничество более благоприятно в отношение психического здоровья человека и симпатий друг к другу». [No Contest: The Case Against Competition, стр. 7]

В иерархическом обществе солидарность необходима не только ради удовлетворения потребностей, которое она дает нам, но также и потому что необходимо сопротивляться власти. Слова Малатесты здесь приобретают особую силу:

«Те угнетенные массы, которые никогда всецело не покорялись угнетению и бедности, и кто... демонстрировал себе жажду правосудия, свободы и благополучия, начали осознавать, что они не смогут освободить себя без союзов и солидарности со всеми угнетенными и эксплуатируемыми в мире». [Anarchy, стр. 33]

Вместе мы можем многократно увеличить нашу силу и добиться того, чего мы хотим. В конечном счете, организуя группы, мы можем начать управлять нашими собственными коллективными делами вместе и сместить начальников раз и навсегда. «Средства же единичных личностей умножатся посредством союзов, и эти союзы будут охранять их собственность». [Max Stirner, The Ego and Its Own, стр. 258] Действуя солидарно, мы сможем заменить существующую систему на ту, которая нам больше нравится: «в союзе сила». [Alexander Berkman, What is Anarchism?, стр. 74]

Солидарность, таким образом, — средство, которым мы можем добиться своей свободы и гарантировать ее. Мы соглашаемся работать вместе так, чтобы нам не пришлось работать на кого-нибудь. Соглашаясь делиться с другими, мы увеличиваем наши коллективные возможности, поэтому мы можем наслаждаться больше, а не меньше. Взаимная помощь в моих собственных интересах, так и есть, я ощущаю неоспоримое преимущество в соглашениях с другими людьми, основанных на взаимном уважении и социальном равенстве; если я подчиняю кого-то, то это значит, что существуют такие условия, которые позволяют подчинение, а значит, со всей вероятностью, меня также подчинят.

Макс Штирнер говорил, что солидарность – средство, которым мы гарантируем, что наша свобода укреплена и защищена от власти, от тех, кто захочет управлять нами. «Кто же говорит, что каждый может все делать?» – спрашивает он. – «На то ты и существуешь, чтобы не допускать по отношению к себе всего, что угодно! Оберегай себя, и никто ничего тебе не сделает!... Если же за тобой стоят миллионы, то вы являетесь внушительной силой и одержите легкую победу». [цитируется по: Luigi Galleani's The End of Anarchism?, стр. 79, другой перевод в The Ego and Its Own, стр. 197]

Солидарность необходима для анархистов, потому что она – средство, которым свобода может быть завоевана и защищена от власти. Солидарность – сила и продукт человека как социального существа. Однако солидарность не надо путать с «вождизмом», ведь он подразумевает пассивное следование за вождем. Чтобы быть эффективной, солидарность должна создаваться свободными людьми, сотрудничающими вместе как равные друг другу. «Большой Брат» — не солидарность, хотя желание иметь «вождя» – продукт нашей потребности в солидарности и союзе. Это «солидарность», извращенная иерархическим обществом, в котором люди обречены слепо повиноваться хозяевам.

A.2.7. Почему анархисты призывают к самоосвобождению?

Свобода по самой своей сути не может быть дана. Человек не может быть освобожден кем-то, он должен разорвать свои цепи своей волей. Конечно, его воля также может быть частью коллективного действия, а часто это просто необходимо, чтобы добиться результата. Как справедливо замечает Эмма Гольдман:

«История учит нас, что каждый угнетенный класс [или группа, или человек] достигает настоящего освобождения от своих хозяев только собственной волей». [Red Emma Speaks, стр. 167]

Поэтому анархисты признают, что иерархические системы, как и любые общественные отношения, формируются теми, кто участвует в них. Как утверждал Букчин, «классовые общества организуют наши психические процессы для командования или повиновения». Это означает, что люди усваивают ценности иерархического и классового общества и поэтому «государство – это не просто плеяда бюрократических и принудительных институтов. Оно также психическое состояние, внушенный менталитет для упорядочивания реальности... Но его возможности управления при

помощи грубой силы всегда ограничены... Без высокой степени сотрудничества даже с наиболее угнетенными классами общества, такими как рабы и крепостные, его власть в конечном счете исчезла бы. Страх и апатия перед лицом государственной власти социально обуславливают возможность существования этой силы». [The Ecology of Freedom, стр. 159 и С. 164-5] Самоосвобождение — средство, которым мы сломаем как внутренние, так и внешние цепи, освободив себя умственно и физически.

Анархисты всегда утверждали, что люди могут освободить себя только своими действиями. Разнообразие методов, которые анархисты предлагают для содействия этому процессу мы приводим в разделе J («Как сражаются анархисты?») и не будем затрагивать здесь. Все эти методы основаны на вовлечении людей в самоорганизацию, предлагая им самим определять и планировать свои действия своими способами, что устраняет их зависимость от лидеров, которые обычно решают все за них. Анархизм формируют люди, «действующие сами за себя». (исполняя то, что анархисты называют «прямым действием» — см. секцию J.2).

Прямое действие имеет эффект расширения прав и возможностей и эффект освобождения на тех, кто вовлечен в него. Самостоятельные действия – средства, которыми развивается творческий потенциал, инициативность, воображение и критическое мышление людей, подчиненных власти; средства, которыми можно изменить общество. Как Э. Малатеста писал:

«Между человеком и его социальной средой существует взаимодействие. Люди делают общество тем, что оно есть, а общество делает людей такими, какие они есть, и в результате получается своего рода порочный круг. Чтобы преобразовать общество, должны поменяться люди, а чтобы преобразовать людей, общество должно измениться... К счастью, существующее общество не было создано вдохновленным желанием господствующего класса, он преуспел лишь в том, чтобы свести всех социальных субъектов к пассивным и бессознательным инструментам своих интересов. Оно – результат тысяч кровопролитных сражений, тысяч человеческих и естественных факторов...

В этом и скрыта возможность прогресса... Мы должны использовать все средства, все возможности и шансы, которые предоставляет существующая социальная среда, позволяя нам воздействовать на наших собратьев и развивать их сознательность и их требовательность... Претендовать и добиваться таких основных социальных преобразований, которые возможны и которые смогут открыть путь к дальнейшим достижениям... Мы должны стремиться убедить всех людей... требовать и упорствовать, завоевать все улучшения жизни и свободы, которых они только пожелают, и когда они захотят этого, и обретут силы добиться их... Мы должны подтолкнуть людей хотеть большего и увеличивать давление [на правящую элиту], пока они не достигнут полного самоосвобождения». [Errico Malatesta: His Life and Ideas, С. 188-9]

Общество, формируя людей, само создавалось ими: их действиями, мыслями и идеалами. Сложные институты, ограничивающие чью-либо свободу, ведут к умственному освобождению, поскольку они подвергает сомнению необходимость авторитарных отношений вообще. Этот процесс дает нам понимание того, как работает общество, изменяя наши идеи и создавая новые идеалы. Снова цитируя Эмму Гольдман: «Истинное освобождение начинается... в душе женщины». Надо добавить, что

и в душе мужчины. Только так мы можем «начать [нашу] внутреннюю регенерацию, освобождаясь от груза предрассудков, традиций и обычаев». [Там же, стр. 167] Этот процесс должен быть самонаправлен, поскольку, как заметил Макс Штирнер, «Человек, которому 'даровали' свободу, не что иное как отпущенный на волю крепостной… собака, которая тащит за собою обрывок цепи». [The Ego and Its Own, p. 168] Изменяя мир даже совсем чуть-чуть, мы изменяем себя.

В интервью, бравшемся во время испанской Революции, испанский анархист-боец Дурутти сказал: «Мы несём новый мир в наших сердцах». Только самостоятельные действия и самоосвобождение позволяют нам формировать такие взгляды и дают уверенность в том, что мы сможем реализовать их в реальном мире.

Анархисты, однако, не считают, что со самоосвобождением стоит подождать до времени «великой революции». Люди являются политической силой, определяющей характер общества, и от того, как мы действуем здесь и сейчас, напрямую зависит, каким будет наше общество и наша жизнь. Поэтому, даже в преданархистских обществах, анархисты пытаются создать, как выразился Бакунин, «не только идеи, но также и факты будущего непосредственно». Мы можем создавать альтернативные социальные отношения и организации, действовать как свободные люди в несвободном обществе. Только нашими действиями здесь и сейчас мы можем заложить основы свободного общества. Более того, этот процесс самоосвобождения продолжается непрерывно:

«Подчиненные всех типов всегда проявляли свои способности к критическому самоосмыслению происходящего – и именно поэтому властям постоянно перечат, мешают, а иногда и свергают. Но если власть свергнута, а подчиненные не участвуют активно в дальнейшей политической деятельности, то никакое критическое осмысление не покончит с их угнетением и не принесет им свободу». [Carole Pateman, The Sexual Contract, стр. 205]

Анархисты намерены поощрять эти тенденции каждодневной жизни к несотрудничеству, сопротивлению и борьбе с властью, и подводить их к логическому завершению – обществу свободных людей, сотрудничающих на равных в свободных, самоуправляемых ассоциациях. Без этого процесса критического самоосмысления, сопротивления и самоосвобождения свободное общество невозможно. Поэтому, для анархистов, анархизм возникает из естественного сопротивления подчиненных людей, стремящихся действовать свободно в иерархическом мире. Этот процесс сопротивления часто называют «классовой борьбой» (поскольку это борьба трудящихся классов, наиболее угнетенных групп в обществе) или, в более общем смысле, «социальной борьбой». Каждодневное сопротивление власти (во всех ее формах) и желание свободы, являются ключом к анархической революции. По этой причине «анархисты подчеркивают снова и снова, что классовая борьба – единственное средство достижения контроля над своей судьбой для рабочих [и других угнетенных]». [Marie-Louise Berneri, Neither East Nor West, стр. 32]

Революция – процесс, а не событие, каждое «стихийное революционное действие» есть обычно результат терпеливой многолетней работы организации и учения людей с «утопическими» идеями. Процесс «создания нового мира в недрах старого» (используя выражение ИРМ) через строительство альтернативных институтов и

отношений всего лишь часть того, что должно быть длительной революционной борьбой.

Как Малатеста отмечает, «поощрение народных организаций всех типов — это логичное следствие наших идей и должно быть неотъемлемой частью нашей программы… анархисты не хотят освободить людей; мы хотим, чтобы люди освободили себя… мы хотим, чтобы новый образ жизни появился из самой сущности людей, отвечал их состоянию и развивался вместе с ними». [Там же, стр. 90]

Пока не осуществился процесс самоосвобождения, свободное общество невозможно. Только когда люди освободят себя сами, материально (уничтожив государство и капитализм) и интеллектуально (освободив себя от покорности и пассивности по отношению к власти), свободное общество станет возможным. Мы не должны забывать, что капиталистическая и государственная власть, в значительной степени, является властью над умами подчиненных ей (поддерживаемая, конечно, огромными силами, если интеллектуальное господство рушится, и люди начинают восставать и сопротивляться). В действительности, умственная власть идеи необходимости правящего класса господствует в обществе, и прочно утвердилась в умах угнетенных. Пока это положение сохраняется, рабочий класс проявляет покорность власти, притеснению и эксплуатации как нормальным условиям жизни. Умы, покорные доктринам и позициям их господ, не могут даже надеяться завоевать свободу революцией и борьбой. Следовательно, угнетенные должны преодолеть умственное господство существующей системы прежде, чем они смогут сбросить ее хомут (и анархисты призывают к прямому действию, средству для достижения и того, и другого, см. секции J.2 и J.4). Капитализм и государство должны быть побеждены умственно и теоретически, прежде чем победа станет возможна на практике (многие анархисты называют это «классовым сознанием» или «классом для себя» – см. секцию B.7.3). И самоосвобождение через борьбу против угнетения – единственный способ, которым все вышеперечисленное может быть осуществлено. Таким образом, анархисты поддерживают (словами Кропоткина) «бунтовской дух».

Самоосвобождение – результат борьбы, самоорганизации, солидарности и прямого действия. Прямое действие – средство создания анархистов, свободных людей, и поэтому, «многие анархисты постоянно принимали деятельное участие в рабочих организациях, создававшихся для прямой борьбы труда против капитала, и его пособника — государства». «Такая борьба, скорее чем всякая косвенная, политическая агитация, помогает рабочим достигнуть некоторых улучшений их участи; она открывает им глаза на то зло, которое приносит обществу капиталистическое устройство и поддерживающее его государство; и в то же время она заставляет их задуматься над вопросом о том, как организовать потребление, производство и непосредственный обмен между заинтересованными сторонами, не прибегая к помощи ни капиталиста, ни государства», то есть позволяет увидеть возможности свободного общества. Кропоткин, подобно многим анархистам, указывал на синдикализм и профсоюзные движения как средства развития либертарных идей в пределах существующего общества (хотя он, подобно большинству анархистов, не ограничивал анархическую деятельность исключительно ими). Действительно, любое движение, которое «позволяет трудящимся осознать необходимость солидарности и почувствовать общность их интересов… готовит путь идеям» коммунистического анархизма, то есть

преодолевает умственное господство существующего общества в умах угнетенных. [Evolution and Environment, стр. 83 и стр. 85]

По словам одного шотландского анархиста-бойца, «история человеческого развития представляется как история бунта и неповиновения людей, униженных подчинением власти во всех ее формах и способных сохранить свое достоинство только через бунт и неповиновение». [Robert Lynn, Not a Life Story, Just a Leaf from It, стр. 77] Поэтому анархисты подчеркивают роль самоосвобождения, самоорганизации, самоуправления и самостоятельных действий. Неудивительно, что Бакунин полагал, что «бунт» — один из «трех основных принципов, составляющих существенные условия всякого человеческого, как индивидуального, так и коллективного, проявления в истории». [God and the State, стр. 12] Просто потому что люди и группы людей не могут быть освобождены другими, освободиться они могут только сами. Итак, самоосвобождение — единственное средство, которым можно сделать существующее общество более свободным и приблизить возможность анархического общества.

A.2.8 Возможно ли стать анархистом без противостояния иерархии?

Нет. Как мы уже обосновывали в наших предыдущих темах, анархисты ненавидят авторитаризм. И если кто-либо объявляет себя антиавторитарием, то он должен выступить против всех иерархических институтов, так как они воплощают принцип власти. Поскольку, как утверждала Эмма Гольдман, авторитаризм – «это не только правительство в смысле государства, разрушительного по отношению к ценности и достоинству человека. Это комплекс деспотии и институционального угнетения, который душит жизнь. Это суеверие, миф, обман, бегство и раболепие, поддерживающие власть и институциональное угнетение». [Red Emma Speaks, стр. 435] А значит «есть и всегда будет необходимость обнаружить и преодолеть структуры иерархии, власти, угнетения и ограничений свободы, такие как: рабство, система наемного рабства [то есть капитализм], расизм, сексизм, авторитарные школы, и т.д.». [Noam Chomsky, Language and Politics, стр. 364]

Поэтому последовательный анархист должен выступать против иерархических отношений так же, как и против государства. Экономический ли, социальный или политический анархизм предполагает неприятие иерархии. Аргументы против (если кто-либо нуждается в них), следующие:

«Все авторитарные институты организованы как пирамиды: государство, частная или государственная корпорация, армия, полиция, церковь, университет, больница: они все пирамидальные структуры с небольшой группой лиц, принимающих решения за всех наверху и большого количества людей, за которых принимаются решения, в основании. Анархизм не требует изменения ярлычков на слоях пирамиды, он не хочет представить разных людей наверху, он хочет, чтобы мы поднялись снизу». [Colin Ward, Anarchy in Action, стр. 22]

Иерархии «определяются по таким же признакам, это организованные системы командования и подчинения» и поэтому, анархисты стремятся «уничтожить иерархию по существу, а не просто заменить одну ее форму на другую». [Bookchin, The

Ecology of Freedom, стр. 27] Иерархия – пирамидально-структурированная организация, состоящая из ряда классов, званий или должностей по принципу увеличения власти, престижа, и (обычно) вознаграждения. Ученые, которые исследовали иерархическую форму, обнаружили, что два основополагающих принципа, которые она воплощает – это отчуждение и эксплуатация. Например, в статье «Чем занимаются боссы» (Review of Radical Political Economy, Т. 6, №2), изучая жизнь современной фабрики, Стивен Марглин выяснил, что главная функция корпоративной иерархии заключается не в достижении большей эффективности производства (как заявляют капиталисты), а в создании системы тотального контроля над рабочими ради увеличения эффективности эксплуатации.

Управление в иерархической организации создается принуждением, то есть угрозой негативных санкций следующих видов: физических, экономических, психологических, социальных и т.д. Такой контроль, включая репрессии за инакомыслие и сопротивление, требует централизации, т.е. набора деспотических отношений, в которых наибольший контроль осуществляется меньшинством наверху (особенно главой организации), в то время как управляющие среднего звена имеют намного меньше управляющих функций, а в самом низу иерархии власти лишены фактически все.

Раз отчуждение, принуждение, и централизация – основные особенности авторитаризма, и поскольку эти особенности воплощаются в иерархических структурах, то все иерархические учреждения авторитарны. Более того, для анархистов любая организация, изуродованная иерархией, централизацией и авторитаризмом, подобна государству. И поскольку анархисты выступают против и государственных, и авторитарных отношений, то любого, кто не желает уничтожить все формы иерархии, нельзя называть анархистом. Это относится и к капиталистическим предприятиям. Как отмечал Н. Хомский, структура капиталистической фирмы является чрезвычайно иерархической, воистину фашистской по своей природе:

«фашистская система… [это] абсолютная власть, идущая сверху вниз… идеальное государство, контролирующее сверху вниз, с народом, беспрекословно подчиняющимся приказам.

Давайте посмотрим на корпорацию… Если вы подвергнете ее тщательному анализу, вы увидите, что власть в них идет строго сверху вниз, от совета директоров к менеджерам, затем менеджерам низшего звена, в конечном счете к рабочим, через публикацию приказов и так далее… И нет никакого потока власти снизу вверх. Люди могут срывать и вносить предложения, но то же самое характерно и для общества рабов. Структура власти линейна, сверху вниз». [Keeping the Rabble in Line, стр. 237]

Дэвид Делеон превосходно указывает на сходство между компанией и государством:

«Большинство фабрик подобны военным диктатурам. В самом низу рядовые, наблюдатели – сержанты, и так далее по иерархической лестнице. Организация может диктовать все: от одежды и стрижки, и вплоть до того, как нам проводить большую часть своей жизни в течение рабочего времени. Организация может заставить работать в сверхурочное время; она может требовать, чтобы мы обращались исключительно к доктору компании, если есть жалобы на здоровье; она может запретить нам в свободное время участвовать в политической деятельности; она может подавлять

свободу слова, прессы и собраний, она может использовать удостоверения личности и вооруженную тайную полицию, использующую скрытое видеонаблюдение, чтобы наблюдать за нами; может наказывать инакомыслящих 'дисциплинарными временными увольнениями' (как их называет GM), или просто может уволить нас. Материальные обстоятельства вынуждают нас либо принять эти порядки, либо присоединяться к миллионам безработных… Почти на каждой работе у нас есть только 'право' уволиться. Основные решения принимают наверху, а мы, как ожидается, должны повиноваться, работаем ли мы в башне из слоновой кости или в шахте». [«For Democracy Where We Work: A rationale for social self-management», Reinventing Anarchy, Again, Howard J. Ehrlich (ed.), С. 193-4]

Вот почему последовательный анархист должен выступать против иерархии во всех ее формах, включая капиталистические предприятия. Не делать так — значит поддерживать «-архию», что для анархистов, по определению, непозволительно. Иначе говоря, для анархистов, «любые обязательства, контракты, соглашения, подразумевающие наемное рабство и требующие принятия зависимого статуса, являются нелегитимными, потому что они ограничивают и сдерживают индивидуальную независимость». [Robert Graham, The Anarchist Contract, Reinventing Anarchy, Again, Howard J. Ehrlich (ed.), стр. 77] Иерархия, следовательно, против основных анархических принципов. Она отвергает то, что делает нас людьми и «лишает личность большинства ее составных черт; она отвергает не только само представление о том, что человек компетентен управлять своей личной жизнью, но и ее самый важный контекст: социальный контекст». [Murray Bookchin, Там же, стр. 202].

Некоторые утверждают, что, если ассоциация добровольна, то не имеет значения, есть ли в ней иерархия. Анархисты с этим утверждением не согласны по двум причинам. Во-первых, при капитализме рабочие вынуждаются экономической необходимостью продавать свой труд (следовательно, и свободу) тем, у кого есть капитал. Этот процесс укрепляет экономическое неравноправие и зависимость рабочих, создавая «огромное различие в богатстве… так как рабочие… продают свой труд капиталисту по цене, которая не составляет его реальной стоимости». Следовательно:

«Что бы выдать стороны трудовых отношений за свободные и равные друг другу, необходимо игнорировать серьезное неравенство власти в этой сделке, которая существует между рабочим и предпринимателем. Поэтому изображать отношения подчинения и эксплуатации как воплощение свободы, значит выставить на посмешище и свободу личности, и социальное правосудие». [Robert Graham, Там же, стр. 70]

По этой причине анархисты поддерживают коллективное действие и организации рабочих, ведь они улучшают их экономическое положение при сделках с работодателями и позволяют им защищать и бороться за свою независимость. (см. секцию J).

Во-вторых, если мы берем за основу исследования вопрос о степени добровольности организации, мы должны по логике утверждать, что существующую государственную систему можно считать «анархией». При современной демократии никто не вынуждает человека жить в определенном государстве. Мы вольны переехать или уйти куда-нибудь еще. Игнорируя иерархический характер ассоциации, вы можете начать поддерживать организации, основанные на ущемлении свободы (включая

капиталистические компании, вооруженные силы, даже государство), только потому, что они «добровольны». Боб Блэк говорит, «С одной стороны, демонизировать авторитарные манеры государства и, с другой стороны, игнорировать абсолютно такие же, хотя и освященные контрактами, рабские отношения в крупных корпорациях, управляющих мировой экономикой – это худший вид фетишизма». [The Libertarian as Conservative, The Abolition of Work and other essays, стр. 142] Анархия есть много больше, чем просто возможность выбирать себе хозяина.

Поэтому сопротивление иерархии – ключевой анархическое принцип, иначе вы не анархист, а «добровольный -архист».(Подробнее см. главу A.2.14 Почему волюнтаризма не достаточно).

Анархисты утверждают, что для существования организации не обязательно строиться по иерархическому принципу, она может и должна базироваться на принципах сотрудничества между равными людьми, управляющими своими собственными интересами. Можно обойтись без любых иерархических структур (то есть без делегации власти в руки избранных). Только, когда ассоциация самоуправляется ее членами, она может считаться действительно анархической.

Мы сожалеем, что пришлось разбить вышеобозначенную точку зрения очевидными аргументами, но некоторые капиталистические апологеты, очевидно желая присвоить «анархическое» название из-за его ассоциации со свободой, недавно заявили, что можно быть и капиталистом, и анархистом в одно и то же время (как в так называемом «анархо»-капитализме). Теперь же должно стать ясным то, что, так как капитализм основан на иерархии (не говоря уже о государстве и эксплуатации), «анархо»-капитализм – это два взаимоисключающих термина. (подробнее см. секцию F).

A.2.9 В каком типе общества хотели бы жить анархисты?

Анархисты хотят построить децентрализованное общество, основанное на свободных ассоциациях. Мы считаем, что только такая организация общества способна наилучшим образом развивать ранее упомянутые ценности: свободу, равенство и солидарность. Только рациональной децентрализацией власти как структурно, так и территориально, можно взрастить и содействовать свободе личности. Делегация власти меньшинству, очевидно, ущемляет свободу личности и человеческого достоинства. Чтобы не отдать управление собственными интересами в руки других, анархисты предпочитают организации, которые минимизируют деспотизм, сохраняя власть в руках тех, кого непосредственно затрагивают принятые решения.

Свободная ассоциация – краеугольный камень анархического общества. Люди должны быть свободны объединяться вместе, так, как они считают нужным, в этом и есть основание свободы и человеческого достоинства. Однако, каждое такое свободное соглашение должно базироваться на децентрализации власти; иначе оно будет обманом (как при капитализме), ведь только равенство обеспечивает необходимые социальные условия для роста и развития свободы. Поэтому анархисты поддерживают прямые демократические коллективы, основанные на принципе «один человек – один голос» (логическое обоснование прямой демократии как политической кон-

цепции свободного соглашения приведено в разделе А.2.11 — Почему большинство анархистов поддерживает прямую демократию?).

Надо отметить, что анархическое общество не подразумевает некоего сорта идиллического состояния вечной гармонии, где все всегда согласны друг с другом. Далеко не так! Как Луиджи Галлеане утверждал: «разногласия и трения между людьми будут существовать всегда. Фактически они – необходимое условие бесконечного прогресса. Но когда самая кровавая область существующего животного соперничества – борьба за продовольствие – будет устранена, проблемы и разногласия будут решаться без малейшей угрозы социальному порядку и свободе личности». [The End of Anarchism?, стр. 28] Анархизм нацелен «разбудить в личностях и в группах дух организаторского творческого почина». Это поможет «положить эти принципы в основу своих поступков и своих отношений с другими людьми» и осознать, что «в разнообразии и даже в борьбе заключается жизнь, и что единообразие есть смерть». [Peter Kropotkin, Anarchism, стр. 143]

Поэтому, анархическое общество будет основано на противоречиях в сотрудничестве, так как «противоречие, само по себе, не вредно… разногласия существуют [и это не должно скрываться]… Что делает, разногласие деструктивным, так это не сам факт наличия противоречия, а лишь в том случае, когда он дополняется соперничеством». Действительно, «строгое требование достичь согласия означает, что людям будут фактически препятствовать вносить свои соображения в деятельность группы». [Alfie Kohn, No Contest: The Case Against Competition, стр. 156] По этой причине большинство анархистов отклоняют практику принятия решений методом консенсуса в больших группах (см. главу А.2.12).

В анархическом обществе ассоциации управлялись бы общим собранием всех участников, основанным на широкой дискуссии, дебатах, и общественных противоречиях между равными; с прозрачными административными заданиями, которые исполнялись бы избранными комитетами. Эти комитеты были бы составлены из выбранных на определенное время делегатов, с возможностью их отзыва, уполномоченных на выполнение поставленных задач под контролем собрания, которое выбрало их. Таким образом, в анархическом обществе «мы будем заботиться о наших интересах самостоятельно и решать, как воплотить их. И когда, чтобы осуществить наши идеи на практике, возникнет потребность назначить ответственного за проект, мы скажем им сделать [так], только так и никак иначе… ничто не будет сделано без нашего решения. Так наши делегаты, будут не людьми, которым мы даем право приказывать нам, а людьми… [лишенными] какой бы то ни было власти, наделенными только обязанностью выполнить то, чего хотят все участники процесса». [Errico Malatesta, Fra Contadini, стр. 34] Если делегаты действуют несоответствующим воле избирателей образом или пробуют расширить и продлить свое влияние или работу сверх того, чем наделило их собрание (т.е. пытаются принимать политические решения), они могут и должны быть немедленно отозваны, а их решения немедленно отменены. Так организация останется в руках союза людей, которые ее создали.

Самоуправление членами группы в ее основе и возможности отзыва – неотъемлемый принцип любой анархической организации. Ключевое различие между государственной или иерархической системой и анархическим сообществом в том, кто владеет властью. В парламентской системе, например, люди передают власть

группе представителей, чтобы те принимали решения за них в течение установленного периода времени. Выполняют ли депутаты свои обещания или нет – не имеет значения, поскольку люди не могут отозвать их до следующих выборов. Власти лгут людям сверху, а те, кто внизу, как предполагается, должны ей повиноваться. Точно так же в капиталистическом предприятии: власть принадлежит неизбираемому меньшинству директоров и менеджеров наверху, а рабочие, как предполагается, должны повиноваться.

В анархическом обществе эти отношения прямо противоположны. Никто – человек или группа (избранные или неизбранные) – не может захватить власть в анархическом сообществе. Решения принимаются через прямое демократическое голосование и, когда требуется, сообщество может выбрать или назначить делегатов, чтобы реализовать эти решения. Очевидно различие между выработкой тактики (ее вырабатывает каждый, кого касается проблема) и координацией и администрированием любых принятых решений (что является работой избранных делегатов).

Эгалитарные общины, основанные в соответствии со свободным соглашением, также свободно объединяются друг с другом в конфедерации. Такая свободная конфедерация управлялась бы снизу, решениями собраний первичных групп. Конфедерация управлялась бы так же как и коллективы. Были бы регулярные местные, региональные, «национальные» и международные конференции, в которых все важные разногласия и проблемы, затрагивающие участвующие в конфедерации коллективы, обсуждались бы. К тому же, фундаментальные, основополагающие принципы и идеи обустройства общества через всесторонние дебаты превращались бы в политические решения, которые были бы воплощены на практике, рассмотрены и проконтролированы. Делегаты просто «получали бы свой строго фиксированный мандат на взаимных собраниях и попытались бы согласовать свои различные потребности и желания. Обсуждение всегда подвергалось бы контролю и одобрению тех, кто делегировал их» и тогда «исключалась бы опасность, что об интересе людей [могли бы] забыть». [Malatesta, Там же, стр. 36]

Комитеты действия формировались бы в случае возникновения необходимости координировать и управлять решениями собраний и их конгрессов, при строгом контроле снизу и обсуждении наверху. Делегаты в таких органах имели бы ограниченный срок пребывания и, подобно делегатам в конгрессах, имели бы фиксированный мандат – то есть они были бы не в праве принимать решения за людей, которые их делегировали. Кроме того, подобно делегатам в конференциях и конгрессах, они могли бы быть мгновенно отозваны собраниями и конгрессами, которые их избрали. Так эти комитеты могли бы координировать деятельность, но оставались бы, как говорил Малатеста, «всегда под прямым контролем населения» и изъявляли «решения, принятые на народных собраниях». [Errico Malatesta: His Life and Ideas, стр. 175 и стр. 129]

Что наиболее важно, собрания сообществ могут отменить любое решение конференции и выйти в любой момент из любой конфедерации. Любые компромиссы, которые сделаны делегатом в течение переговоров, должны быть ратифицированы первичным собранием. Без ратификации любые компромиссы, сделанные делегатом, не обязывают ничем сообщество, которое делегировало особую задачу особому человеку или комитету. К тому же, они могли бы созвать конференцию конфеде-

рации, чтобы обсудить новые события и сообщить комитетам об изменении своих пожеланий и инструктировать их, что делать насчет таких событий и идей.

Другими словами, любые делегаты, требующиеся анархической организации или общества – это не представители (в том виде, в котором они существуют в демократическом правительстве). Кропоткин четко формулирует это различие:

«Мы не отрицаем окончательно права передачи своей власти выборным делегатам. Сто-двести человек, встречающихся на ежедневной работе и хорошо знающие друг друга, обсудили со всех сторон какой-нибудь вопрос и пришли ко вполне определенному заключению; тогда они выбирают кого-нибудь из своей среды и посылают его для переговоров по этому делу с другими делегатами… Делегат должен будет только передавать другим делегатам те соображения, которые привели его доверителей к данному заключению. Не будучи уполномоченным решить дела своею властью, он будет стремиться прийти к какому-нибудь соглашению с другими делегатами; их предложения он передаст своим доверителям, которые по своему усмотрению могут принять их или нет. Таково происхождение делегации». [Words of a Rebel, стр. 132]

В отличии от представительной системы, власть не делегируется в руки избранных. Напротив, любой делегат просто рупор для передачи мнения ассоциации, которая его выбрала. Все делегаты и комитеты действия получали бы мандат и могли быть мгновенно отозваны, чтобы гарантировать, что они выражают мнение своих избирателей, а не свое собственное. Таким способом правительство заменяется анархией, сетью свободных ассоциаций и общин, сотрудничающих друг с другом на равных, основанной на системе решений, переданных под мандат делегатам, принципе мгновенного отзыва делегата, свободного соглашения и свободной конфедерации, построенной снизу вверх.

Только такая система сможет гарантировать «свободную организацию людей, снизу вверх». Эта «свободная социальная организация, созданная исключительно снизу вверх» должна начинаться с первичных «собраний» и их объединения «сперва в коммуны, затем в федерации коммун в регионах, нациях и, наконец, в великой интернациональной и всемирной федерации». [Michael Bakunin, The Political Philosophy of Bakunin, стр. 298] Сеть анархистских общин делилась бы на три рода: «свободные общины, сельские и городские (т. е. земельные союзы людей, связанных между собой по месту жительства), и обширные профессиональные и ремесленные союзы (т. е. союзы людей по роду их труда)… [и] бесконечно разнообразные общества и союзы: то прочные, то эфемерные, возникающие среди людей в силу сходства их личных наклонностей… Эти три рода союзов… дали бы возможность удовлетворять всем общественным потребностям: потребления, производства и обмена, путей сообщения, санитарных мероприятий, воспитания, взаимной защиты от нападений, взаимопомощи, защиты территории; наконец, удовлетворения потребностей художественных, литературных, театральных, а также потребностей в развлечениях и т. п.». [Peter Kropotkin, Evolution and Environment, стр. 79] Все основано на самоуправлении, свободной ассоциации, свободной федерации и самоорганизации снизу вверх.

Такая организация общества уничтожит иерархию во всех аспектах жизни, потому что все решают люди в основе организации, а не их делегаты. Только эта форма организации может заменить правительство (власть избранных) анархией (власть

всех). Такая форма организации существовала бы во всех сферах, где требуется групповая работа и координация многих людей. Это значило бы, как сказал Бакунин, «объединение людей в структуры, которые они смогли бы понять и проконтролировать». [цитируется по: Cornelius Castoriadis, Political and Social Writings, vol. 2, p. 97] А индивидуальной инициативой управлял бы сам инициатор.

Анархия, однако, является не далекой целью, а аспектом текущей борьбы против угнетения и эксплуатации. Средства и цели взаимосвязаны, с прямым действием бунтующих масс, участием организации и подготовки людей, к непосредственному управлению их личными и общими интересами. Это так, потому что анархисты, как мы обосновываем в разделе I.2.3, видят основу структуры свободного общества в организациях, созданных угнетенными в их борьбе против капитализма здесь и сейчас. В этом смысле коллективная борьба создает организации, но и индивидуальная анархическая позиция необходима. Борьба против угнетения — школа анархии. Она учит нас не только как быть анархистами, но также дает нам проблеск того, на что походило бы анархическое общество, чем его начальная организационная структура могла быть, а также опыт управления нашими собственными действиями, который требуется для того, чтобы такое общество могло работать. Также анархисты пытаются создать такой тип мира, который мы хотим, в нашей текущей борьбе и мы не считаем, что наши идеи применимы только «после революции». Действительно, применяя наши принципы сегодня, мы приближаем анархию.

А.2.10 К чему приведет уничтожение иерархии?

Создание нового общества, основанного на либертарных организациях, будет иметь неисчисляемый эффект в ежедневной жизни. Это создаст права и возможности для миллионов людей преобразовывать общество способами, которые мы и представить не можем.

Однако многие считают эту форму организации непрактичной и обреченной на неудачу. В отличие от тех, кто безапелляционно утверждает, что такая конфедерация неавторитарных организаций создавала бы только беспорядок и разобщенность, анархисты считают, что, наоборот, это государственная, централизованная и иерархическая форма организации общества культивирует безразличие вместо причастности, бессердечность вместо солидарности, одиночество вместо единства и элитарную привилегированность вместо равенства. И что гораздо важнее, иерархические организации уничтожают индивидуальную инициативу, самостоятельность человека и критическое мышление. (Подробнее см. раздел B.1-Почему анархисты против власти и иерархии?).

То, что либертарная организация общества работает и основывается на свободе (и стимулирует ее), продемонстрировала историческая практика испанского анархического движения. Феннер Броквей, секретарь британской независимой лейбористской партии, при посещении Барселоны во время революции 1936 г., заметил, что «великая солидарность, возникшая среди анархистов, порождалась тем, что каждый человек полагался на свою собственную силу, а не находился в зависимости от лидера.… Организации, чтобы добиться успеха, надо объединять свободно думающих

людей; не массу, но свободных личностей». [цитируется по: Rudolf Rocker, Anarcho-syndicalism, стр. 67f]

Ранее неоднократно утверждалось, что иерархические централизованные структуры ограничивают свободу. Как отмечает Прудон: «централизованная система быть может и хороша в том, что касается размера, простоты и управления, но у нее есть недостаток: человек больше не принадлежит себе в такой системе, он не может чувствовать свою ценность, его жизнь вообще не берется в расчет». [цитируется по: Martin Buber, Paths in Utopia, стр. 33]

Последствия иерархии ощущаются повсеместно. Она не работает. Иерархия и власть существуют всюду: на работе, дома, на улице. Как выразился Боб Блэк: «Если большую часть своей активной жизни вы выполняете приказы и целуете задницу начальника, если вы привыкаете к иерархии, вы становитесь пассивно-агрессивным, садомазохистским, сервильным и тупым существом, и этот груз останется с вами на всю оставшуюся жизнь». [«The Libertarian as Conservative,» The Abolition of Work and other essays, С. 147-8]

А значит, конец иерархии приведет к массовому преобразованию в ежедневной жизни. Он повлечет за собой создание личностно-ориентированных организаций, в которых каждый человек сможет прилагать и развивать свои способности. Вовлекая людей в процесс принятия решений, которые затрагивают их жизнь, работу и общество в целом, можно гарантировать наиболее полное развитие их индивидуальных способностей.

Если каждый будет свободно участвовать в общественной жизни, мы быстро покончим с неравенством и несправедливостью. Больше не будет людей, еле-еле сводящих концы с концами и используемых для увеличения богатства и власти господствующего меньшинства, как при капитализме; покончив с иерархией, мы увидим (цитируя Кропоткина) «довольство для всех», а значит, «давно пора рабочему провозгласить наконец свое право на общее наследие и завладеть этим наследием». [The Conquest of Bread, стр. 35 и стр. 44]. Только овладение средствами для существования (рабочие места, жилье, земля, и т.д.) может гарантировать «свободу и правосудие, при чем свободу и правосудие не в виде строчек декрета, но являющихся результатом реальной экономической независимости. Они возникают из самого факта, что человек способен жить без зависимости от хозяина, и наслаждаться… результатами своего труда». [Ricardo Flores Magon, Land and Liberty, стр. 62] Поэтому свобода требует уничтожения капиталистической частной собственности в пользу «права пользования». (подробней в разделе B.3.). Иронично, но «уничтожив собственность, люди вместе с тем ликвидируют бездомность и нищету». [Max Baginski, «Without Government,» Anarchy! An Anthology of Emma Goldman's Mother Earth, стр. 11] Поэтому анархизм обещает «оба необходимых фактора человеческого счастья: свободу и богатство». При анархии «человечество будет жить в свободе и комфорте». [Benjamin Tucker, Why I am an Anarchist, стр. 135 и стр. 136]

Только самоопределение и свободное согласие на каждом уровне общества могут развить ответственность, инициативу, интеллект и солидарность людей и общества в целом. Только анархическая организация позволяет проявить таланты всех людей и использовать их на благо каждого, обогащая общество в целом процессом обогащения и развития личности. Только при вовлечении каждого человека в процесс

планирования, принятия, координирования и осуществления решений, которые затрагивают их, свобода сможет расцвести, а индивидуальность будет полностью развита и защищена. Анархия освободит творческий потенциал и талант массы людей, порабощенных иерархией.

Анархия может быть выгодна даже тем, кто, как говорят, извлекает выгоду из капитализма и государственной власти. Анархисты «утверждают, что оба – правитель и управляемый испорчены властью; оба – эксплуататор и эксплуатируемый испорчены эксплуатацией». [Peter Kropotkin, Act for Yourselves, стр. 83] Потому что «в любой иерархической структуре начальник, так же как и подчиненные, исполняет свои обязанности. Цена 'славы командира' обычно слишком высока. И каждый тиран сожалеет о своих обязанностях. Он все время вынужден тащить за собой мертвый груз бездействующего творческого потенциала подчиненных по дороге своей иерархической экскурсии». [For Ourselves, The Right to Be Greedy, Thesis 95]

A.2.11 Почему большинство анархистов за прямую демократию?

Для большинства анархистов прямое демократическое голосование по политическим вопросам внутри свободных ассоциаций дополняет свободное соглашение, а вместе они образуют «самоуправление». Причина «большинства форм угнетения скрывается в 'свободной', 'не принудительной', договорной форме… и наивно… думать, что формальный протест политическому контролю сам по себе приведет к окончательному уничтожению угнетения». [John P. Clark, Max Stirner's Egoism, стр. 93] Поэтому отношения, создаваемые нами в организации так же важны для определения ее либертарианского характера, как и ее добровольный характер.

Очевидно, что люди должны работать вместе, чтобы нормально жить. И поэтому у «вынужденного объединяться с другими людьми» человека есть три возможных варианта развития событий: «Он [или она] может быть подчинен чужой воле (порабощен), подчинить других своей воле (будет у власти), или же жить в братском соглашении с другими в интересах общего блага (партнерство). Никто не может избежать этой необходимости». [Errico Malatesta, Life and Ideas, стр. 85]

Анархисты, очевидно, выбирают последний вариант: сообщество, как единственное средство взаимодействия личностей как свободных и равных людей, уважающих неповторимость и свободу каждого. Только при прямой демократии люди могут самовыражаться, критически мыслить, управлять собой, и в полной мере развивать свои умственные и этические способности. Чтобы расширить свободу, мыслительные, этические и общественные возможности, лучше иногда побыть в меньшинстве, чем всё время подчиняться воле начальника. Так в чем же заключается теория анархической прямой демократии?

Как заметил Бертран Рассел, анархист «отнюдь не готов отказаться от правительства в смысле коллективного руководства, он хочет уничтожить только общественную систему, навязывающую решение тем, кто с ним не согласен. [Roads to Freedom, стр. 85] Анархисты считают, что этого можно достичь самоуправлением. Если человек вступает в сообщество или на предприятие, он становится его 'гражданином'

(за неимением лучшего слова). Сообщество организовано вокруг собрания всех его участников (в случае больших предприятий или городов, это может быть рабочая подгруппа вроде особой конторы или округа). На этом собрании сообща определяются политические обязательства участников. Действуя внутри ассоциации, люди должны использовать критические суждения и выбирать, т.е. управлять своей деятельностью. Люди не будут обещать служить, как это происходит в иерархических организациях вроде государства или капиталистической компании, а смогут сами участвовать в принятии коллективных решениях, своих обязательств перед товарищами. Это значит, что человек берёт политические обязательства не перед отдельной организацией над группой или обществом, вроде государства или компании, а перед его товарищами — 'согражданами'».

Хотя собравшиеся люди совместно определяют правила сообщества и связаны ими, они также всегда могут их изменить или отменить. Коллективно объединённые «граждане» составляют политическую «власть», но так как эта «власть» основана на горизонтальных связях между всеми, а не вертикальную между ними и элитой, эта «власть» неиерархична («рациональна» или «естественна», подробнее см. раздел B.1 — «Почему анархисты против иерархии и власти?»). Прудон писал об этом:

«Вместо законов, мы учредим договоры [то есть свободные соглашения]. – Нет больше закона, ни принятого большинством, ни даже единодушно; каждый гражданин, каждый город, каждый индустриальный союз, установит собственные правила». [The General Idea of the Revolution, C. 245-6].

Такая система, конечно, не означает, что все участвуют в разрешении каждого вопроса, неважно насколько он банален. Хотя каждую проблему можно вынести на собрание, а если собрание так решит, то и исполнить его участниками непосредственно, но на практике некоторые задачи, как и чисто функциональные задачи будут исполняться выборной администрацией сообщества. Так необходимо, потому что, цитируя испанского анархиста-активиста, «коллектив как таковой не может написать письмо, составить таблицу и сделать еще сотни мелких повседневных работ, с ними справится только человек. Следовательно, возникает потребность, в 'организации администрации'». Предположим, ассоциация «организована без какого-либо управляющего совета или каких бы то ни было иерархических офисов», которые «встречались бы в Генеральной Ассамблее раз в неделю или чаще, когда возникает необходимость разрешения новых обстоятельств», она все же «назначает комиссию со строго административными функциями.» Однако, собрание «предписывает определенную линию поведения для этой комиссии или выдает ей императивный мандат» и поэтому такая комиссия «была бы абсолютно анархической». Поскольку ассоциация «придерживается делегирования задач компетентным людям, которые проинструктированы заранее, как их выполнять…, то это не означает отказ такого коллектива от собственной свободы». [Jose Llunas Pujols, quoted by Max Nettlau, A Short History of Anarchism, стр. 187] Вышеописанное, надо отметить, следует идеям Прудона, что внутри рабочих ассоциаций «все решения и постановления выдвигаются и одобряются их членами». [Proudhon, там же, стр. 222].

Самоуправление (т.е. прямая демократия) заменит капиталистическую и государственную иерархию и станет руководящим принципом свободно объединённых ассоциаций, образующих свободное общество. Это относилось бы и к федерациям

ассоциаций, необходимых для работы анархического общества. «Все комиссии или делегации, назначаемые в анархическом обществе», как правильно замечал Хосе Ллунас Пухольс, «должны переназначаться или отзываться в любое время постоянным избирательным правом секции или секций, которые выбрали их». Комбинирование этого с «императивным мандатом» и «прозрачными административными функциями… сделает невозможным для кого бы то ни было присвоить себе хоть крупицу власти». [цитируется по: Max Nettlau, там же, С. 188-9] И снова, Пухольс вторит Прудону, потребовавшему за 20 лет до Пухольса «реализацию обязательного мандата», чтобы гарантировать, что люди «не потеряют свою независимость». [No Gods, No Masters, Т. 1, стр. 63]

Посредством федерализма, основанного на мандатах и выборах, анархисты гарантируют, что решения исходят снизу-вверх. Принимая свои собственные решения, после нахождения совместных интересов, самостоятельно, мы исключаем управление нами кем-то еще. Самоуправление для анархистов есть необходимое условие гарантии свободы в пределах организаций, столь необходимых для любого нормального человеческого существования.

Конечно, можно утверждать, что, если вы в меньшинстве, то вами управляет большинство. («Демократическое правление – все-таки правление» [L. Susan Brown, The Politics of Individualism, стр. 53]). Современная концепция прямой демократии, как мы уже описывали, не обязательно связана с концепцией правления большинства. Если кто-то оказывается в меньшинстве при голосовании по определенному вопросу, его или ее ставят перед выбором или согласиться или отказаться принять решение большинства как обязательное. Отрицание права меньшинства руководствоваться собственным мнением и выбором нарушит его независимость и наложит на него обязательства, которые меньшинство не принимало. Принуждение исполнять решение большинства противоречит идеалу «самопринятого» обязательства, и противоречит принципам прямой демократии и свободной ассоциации. Поэтому прямая демократия в контексте свободных ассоциаций и самопринятых обязательств есть отнюдь не отрицание свободы, а единственное средство, которым можно поддерживать свободу. («Личная автономия ограничивается лишь обязательством следовать данным обещаниям». [Малатеста, цит. по: Max Nettlau, Errico Malatesta: The Biography of an Anarchist]). Само собой разумеется, что меньшинство, если оно остается в ассоциации, может отстаивать свое мнение и пытаться убедить большинство в ошибочности принятых им решений.

Надо добавить, что анархическое понимание прямой демократии не значит, будто бы мы считаем, что большинство всегда право. Напротив! В случае демократического соучастия вовсе не считается, что большинство всегда право, но считается, что меньшинство может пренебречь своими интересами ради общего блага. Здравый смысл подсказывает, а история доказывает, что любой человек, наделенный диктаторскими полномочиями (будь то глава государства, директор, муж или еще кто-либо) будет использовать власть для личного обогащения за счет подчиненных.

Анархисты понимают, что большинство тоже может ошибаться, и именно поэтому наши теории ассоциации уделяют большое внимание правам меньшинства. Это может быть замечено на примере нашей теории самопринятого обязательства, которое

базируется на праве меньшинства возражать против решений большинства, и делает разногласие ключевым фактором принятия решения. Кэрол Пэйтман писала:

«Если большинство поступает недобросовестно… [тогда] меньшинство вправе предпринять политическое действие, включая политическое неповиновение, если это уместно, чтобы защитить свою гражданскую независимость… Политическое неповиновение – единственный возможный способ выражения активной гражданской позиции, на котором основывается прямая демократия… Социальная практика договоров включает право отказываться или изменять обязательства; так же практика самопринятого политического обязательства бессмысленна без практического признания права меньшинства отказаться или аннулировать свое согласие, или где необходимо, неповиновения». [The Problem of Political Obligation, стр. 162]

Развивая тему отношений внутри ассоциации, нельзя не сказать о том, как будут развиваться отношения между различными организациями, работающими сообща. Как можно догадаться, отношения между ассоциациями будут основаны на тех же принципах, что и отношения внутри ассоциаций. Аналогично тому, как личности составляют ассоциацию, конфедерации представляют собой объединения ассоциаций. Связи между ассоциациями в конфедерации имеют такой же горизонтальный и добровольный характер, как и в пределах ассоциаций, с тем же правом «голоса и выхода» для членов и теми же правами для меньшинств. Таким образом, общество становится ассоциацией ассоциаций, общиной общин, коммуной коммун, основанных на наибольшей индивидуальной свободе при наибольшем участии и самоуправлении.

Организация такой конфедерации рассмотрена отдельно в разделе A.2.9 (В каком обществе хотели бы жить анархисты?) и детально рассматривается в разделе I (Как будет выглядеть анархия?).

Система прямой демократии прекрасно вписывается в анархическую теорию. Малатеста говорил за всех анархистов, когда он утверждал, что «анархисты отвергают право большинства управлять человеческим обществом». Как следует из вышенаписанного, большинство не имеет права диктовать условия меньшинству – меньшинство имеет право в любое время выйти из ассоциации и, используя выражение Малатесты, не должно «подчиняться решениям большинства, прежде чем они ознакомятся и согласятся с данным решением». [The Anarchist Revolution, стр. 100 и стр. 101] Следовательно, прямая демократия в пределах добровольной ассоциации не создает «правления большинства» и не предполагает, что меньшинство должно подчиниться большинству независимо от того, хочет оно этого или нет. В действительности, анархические сторонники прямой демократии утверждают, что она соответствует аргументации Малалатесты:

«Конечно, анархисты признают, что в сообществах меньшинству часто бывает необходимо принять мнение большинства. Если есть очевидная необходимость и полезность в чем-то, то и делать это необходимо с согласия всех; меньшинство должно чувствовать необходимость адаптироваться к пожеланиям большинства… Но такая адаптация обеих групп должна быть взаимным, добровольным, и вытекать из осознания необходимости и доброй воли, чтобы предотвратить парализацию функционирования социальных процессов из-за упрямства. Она не может быть навязана как принцип и законодательная норма». [Там же, стр. 100]

Меньшинство имеет право выйти из ассоциации, а также права противодействия, протеста и аппеляции; правила большинства не общеобязательны как принцип. Напротив, это просто инструмент принятия решений, который позволяет инакомыслию меньшинства быть выраженным (и услышанным), гарантируя, что меньшинство не подчинят силой воле большинства. Иначе говоря, решения большинства ничем не обязывают меньшинство. В конце концов, как утверждал Малатеста:

«нельзя ожидать, или даже желать, чтобы кто-либо, твердо убежденный, что курс, взятый большинством, ведет к катастрофе, жертвовал своим собственным мнением и пассивно наблюдал, или, что еще хуже, обязан был бы поддержать решение, которое он [или она] считает неправильным». [Errico Malatesta: His Life and Ideas, стр. 132]

Даже анархо-индивидуалист Лисандр Спунер признавал, что метод прямой демократии может быть полезен, когда он заметил, что «все, или почти все, добровольные ассоциации дают большинству или некой другой части участников, меньшей, чем организация в целом, право ограниченной самостоятельности при выборе средств, которые используются для достижения обозримых в будущем целей». Однако, только единодушное решение общественного суда (который так же есть «суд закона и правосудие закона») может определить индивидуальные права человека, поскольку этот «трибунал справедливо представляет всех людей» и «никакой закон не может быть навязан ассоциацией, ее корпоративной способностью, против товаров, прав, или человека кому бы то ни было, если не получено согласие на это абсолютно всех членов ассоциации». (поддержка суда присяжных следует из рассуждений Спунера, признающего, что достичь согласия между всеми членами ассоциации «было бы невозможно практически».) [Trial by Jury, стр. 130-1f, стр. 134, стр. 214, стр. 152 и стр. 132]

Таким образом, прямая демократия и права человека/меньшинства не противоречат друг другу. На практике, мы можем представить, что прямая демократия использовалась бы, чтобы принимать большинство решений в большинстве ассоциаций (возможно с супербольшинством, требуемым для фундаментальных решений) плюс некоторая комбинация системы суда присяжных, протеста/прямого действия меньшинства и оценки/защиты требований/прав меньшинства в анархическом обществе. Актуальные формы реализации свободы могут только быть созданы только в ходе практического применения прямой демократии.

Наконец, мы должны подчеркнуть, что анархисты, поддерживая прямую демократию, не подразумевают, что она является единственным решением и должна использоваться всеми и при любых обстоятельствах. Например, много мелких ассоциаций могут одобрить принцип принятия решений консенсусом (в следующем вопросе мы рассмотрим, почему однако большинство анархистов полагает, что он – нежизнеспособная альтернатива прямой демократии). Однако большинство анархистов думает, что прямая демократия в свободной ассоциации лучшая (и наиболее реальная) форма организации, которая полностью совместима с анархическими принципами человеческой свободы, достоинства и равенства.

A.2.12 Консенсус – это альтернатива прямой демократии?

Некоторые анархисты отклоняют прямую демократию внутри свободных сообществ, отдавая предпочтение консенсусу как способу принятия решений. Консенсус означает, что каждый в группе должен согласиться с предложением прежде, чем оно будет реализовано. Таким образом, предполагается, что консенсус полностью устраняет управление большинством меньшинства и согласуется с анархическими принципами.

Консенсус, хоть и «наилучший» вариант развития событий в процессе принятия решения, поскольку все согласны друг с другом, но и у него есть свои недостатки. Мюррей Букчин предостерегает на основе своего опыта изучения консенсуса, что он может иметь авторитарную природу, потому что:

«Для достижения полного консенсуса при разрешении спорных вопросов, инакомыслящее меньшинство часто искусно подгоняли или психологически давили, принуждая их отказаться голосовать по проблемному вопросу, поскольку их несогласие по существу, словно вето одного человека. Такая практика, получившая название 'держаться в стороне' в истории использования консенсуса в Америке, слишком часто приводила к запугиванию инакомыслящих до такой степени, что они просто стали избегать процесса принятия решений, вместо того, чтобы честно отстаивать свое несогласие в голосовании, пусть как меньшинство, но в соответствии со своими взглядами. Снимая свое возражение, они фактически прекращали участвовать в процессе принятия решения – и 'консенсус', в итоге, достигался только за счет того, что несогласные члены аннулировали себя как участники политического процесса.

Теоретически консенсус заглушает наиболее жизненные аспекты всего диалога, так называемый диссенсус. Непрекращающееся инакомыслие, страстный диалог, который сохраняется даже после того, как меньшинство соглашается, пусть временно, с решением большинства… заменяется… скучными монологами, отрицающими и ослабляющими атмосферу согласия. При принятии решения большинством, проигравшее меньшинство может оспорить решение, которым они недовольны, они могли бы привести ясные и потенциально убедительные контраргументы. Консенсус же, в свою очередь, не уделяет внимания меньшинствам, он заглушает их в пользу метафизического «единства» группы». [«Communalism: The Democratic Dimension of Anarchism», Democracy and Nature, № 8, стр. 8]

Букчин не «отрицает, что консенсус мог бы стать отличной формой принятия решения в маленьких группах, люди в которых прекрасно знают друг друга». Но он обращает внимание на то, что на практике, «когда большие группы пытаются разрешать спорные вопросы методом консенсуса, то обычно это обязывает их достигать самого низкого интеллектуального знаменателя в принятии решений: наименее спорное, или даже можно сказать наиболее посредственное решение, в котором может сойтись вся большая группа людей, обычно и принимается, поскольку каждый ее участник должен либо согласиться, либо избежать голосования по такому спорному вопросу». [Там же, стр.7].

Поэтому, из-за потенциально авторитарного характера консенсуса, большинство анархистов не согласны с тем, что он является неотъемлемым политическим аспектом свободной ассоциации. Несмотря на все очевидные преимущества консенсуса,

обычно он – особенно в многочисленных группах – непрактичен и дает отрицательный эффект. Часто практика консенсуса ведет к деградации свободного общества или ассоциации, имея тенденцию жертвовать индивидуальностью во имя сообщества и инакомыслием во имя солидарности. Ни свободную коммуну, ни солидарность не построить, если развитие личности и ее самовыражение подвергается общественному неодобрению и давлению. Так как каждая личность уникальна, то у каждой личности может быть своя уникальная и неповторимая точка зрения, которую она должна иметь возможность выразить, поскольку общество развивается и обогащается действиями и идеями личностей.

Иначе говоря, анархические сторонники прямой демократии подчеркивают «творческую роль инакомыслия», которая, как они опасаются, «может исчезнуть в серой однородности, требуемой для достижения согласия». [Там же, стр. 8]

Мы должны подчеркнуть, что анархисты не поддерживают чисто механический процесс разрешения вопросов, в котором большинство голосует за исключение меньшинства и игнорирует его. Напротив! Анархисты, поддерживающие принцип прямой демократии, видят его как динамический процесс переговоров, в котором большинство и меньшинство слушают и уважают друг друга и принимают решение, устраивающее всех (если это возможно). Они видят процесс участия в демократических сообществах как средство достижения общих целей, как процесс, который поощряет разнообразие мнений, позволяет меньшинству выражать свое мнение и устраняет любую тенденцию большинства к маргинализации и угнетению меньшинства, гарантируя обсуждение и обоюдовыгодное решение важных проблем.

А.2.13 Анархисты индивидуалисты или коллективисты?

Вкратце ни те, ни другие. Например, либералы обвиняют анархистов вроде Бакунина в коллективизме, а марксисты критикуют Бакунина и анархистов за индивидуализм.

Неудивительно, что анархисты обвиняют и критикуют обе эти идеологии как полную ерунду. Нравится им это или нет, индивидуализм и коллективизм не анархического толка – две стороны одной капиталистической монеты. Это лучше всего может быть продемонстрировано на примере современного капитализма, в котором «индивидуалистические» и «коллективистские» тенденции постоянно взаимодействуют, часто имея свойство в политических и экономических структурах общества колебаться от одного полюса к другому. Капиталистические коллективизм и индивидуализм — это односторонние взгляды на человеческое существование и, как и все проявления дисбаланса, глубоко порочны.

Для анархистов сама идея, что люди должны жертвовать собой ради «группы» или «общего блага» — полный бред. Личности составляют группу, но если люди думают только о том, лучше для группы, группа лишится всякой жизни внутри. Именно развитие человеческого взаимодействия в группах придает им жизнь. «Группы» не могут думать, думают только люди. Этот факт по иронии судьбы приводит авторитарный «коллективизм» к частному виду «индивидуализма», а именно к «культу личности» и поклонению вождю. Можно предположить, что такой коллективизм

начинается с окучивания людей в абстрактные группы, нарушения их индивидуальности, и заканчивается обозначением необходимости в человеке с достаточными способностями, который смог бы принимать решения за всех, и эта проблема «разрешается» вождизмом. Сталинизм и нацизм яркие тому примеры.

Поэтому анархисты понимают, что человек, личность – базовая единица общества и что только у людей есть интересы и чувства. Это значит, что анархисты против «коллективизма» и приоритета группы над личностью. В анархической теории группа существует только для того, чтобы помогать и развивать своих членов. Поэтому мы уделяем такое большое внимание группам, организованным либертарными способами, так как только либертарная организация позволяет членам группы наиболее полно выражать себя, управлять своими интересами и создавать такие социальные отношения, которые способствовали бы развитию индивидуальности и индивидуальной свободы. Конечно, общество и группы, к которым присоединяются люди, формируют личность, но лишь человек — истинная основа общества. Так Малатеста писал:

«Уже неоднократно говорилось о признании роли индивидуальной инициативы и общественной деятельности в жизни и прогрессе человеческого общества... Абсолютно все держится на индивидуальной инициативе... Человек, личность – реальное существо. А общество, коллектив — или государство и правительство, которое претендует на представление их, — если не пустая абстракция, то совокупность людей. Именно организм человека служит основой и инструментом реализации для всех его мыслей и поступков; из индивидуальных они становятся коллективными мыслями и поступками тогда, когда они воспринимаются и воплощаются другими людьми. Общественная деятельность, поэтому, не отрицание и не дополнение индивидуальных инициатив, но результат таких инициатив, мыслей и действий всех людей, которые составляют общество... Спорным вопросом являются не отношения между обществом и личностью... Скорее, этот вопрос связан с тем, как не дать одному человеку притеснять других, с тем, как дать каждому одинаковые права и одинаковую возможность действовать. Он связан с тем, как заменить инициативу меньшинства [так Малатеста определяет ключевой аспект правительства/иерархии], которая непременно выливается в подавление остальных, инициативой большинства, которая должна естественным образом привести к всеобщей пользе...». [Anarchy, С. 38-38]

Эти соображения не означают, что анархисты сторонники «индивидуализма». Эмма Гольдман отмечала, что «'грубый индивидуализм'[либеральное представление о том, что в основе общества лежит идея приоритета прав личности и опоры человека на собственные силы, а участие государства в жизни общества должно быть сведено к минимуму – прим. перев.]... это замаскированная попытка угнетения и упразднения личности. Так называемый индивидуализм есть общественная и экономическая laissez faire [доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным – прим. перев.]: эксплуатация масс правящим классом при помощи легальных уловок, умственного подрыва и систематического внушения рабского духа повиновения... Такой коррумпированный и извращённый 'индивидуализм' — смирительная рубашка для индивидуальности... Он привёл к современному рабству невероятных масштабов, грубейшим классовым различиям, поставившим, в свою очередь, миллионы людей на грань нищеты и разорения. 'Грубый индиви-

дуализм' означает 'индивидуализм' лишь для хозяев, в то время как другие люди искусственно превращены в касту рабов, чтобы прислуживать 'сверхлюдям' в их саморазвитии». [Red Emma Speaks, стр. 112]

Группы не могут мыслить, а человек – полноценно жить и дискутировать в одиночестве. Группы и ассоциации – существенный аспект индивидуальной жизни. Действительно, поскольку группы порождают социальные отношения самой своей сутью, то они помогают формировать личность. Иначе говоря, группы, организованные авторитарным способом, негативно воздействуют на свободу и индивидуальность их участников. Из-за абстрактной природы их «индивидуализма», капиталистические индивидуалисты не в состоянии понять разницу между группами, организованными в либертарной и в авторитарной манерах, для них они все просто «группы». Из-за своего одностороннего восприятия этой проблемы, такие «индивидуалисты», по иронии судьбы, поддерживают одни из наиболее «коллективистских» институтов в жизни — капиталистические корпорации – и, более того, всегда находят необходимость в существовании государства, несмотря на их постоянную критику его. Такие противоречия происходят из зависимости капиталистического индивидуализма от персональных договоров в обществе социальной несправедливости, т.е. абстрактности такого индивидуализма.

Анархисты же, наоборот, выделяют общественный «индивидуализм» (другой, возможно лучший, термин для обозначения этого понятия — «коммунальная индивидуальность»). Анархизм «настаивает, что сердцем общества является человек, и он должен иметь возможность думать и решать за себя, действовать свободно и жить полноценно… А для его наиболее свободного и полного развития, необходимо освободить его от препятствий и притеснения со стороны других столь же свободных людей… Но это не имеет ничего общего с… „грубым индивидуализмом". Такой хищнический индивидуализм в действительности дряблый, а не грубый. При минимальной для себя опасности, он бежит и прячется за государством, причитая и прося защиты… Их „грубый индивидуализм" просто одна из многих уловок господствующего класса для маскировки необузданного финансового и политического вымогательства». [Emma Goldman, Там же, С. 442-3]

Анархизм презирает абстрактный капиталистический индивидуализм с его идеями «абсолютной» свободы одних за счет других. Эта теория игнорирует социальный контекст, в котором свобода существует и развивается. «Свобода, которую мы требуем», доказывал Малатеста, «для нас и для других, не абсолютно метафизическая, абстрактная свобода, которая практически неизбежно приведет к притеснению слабых; это реальная свобода, возможная свобода, которая является сознательной общностью интересов, добровольной солидарностью». [Anarchy, стр. 43]

Общество, основанное на абстрактном индивидуализме, приводит к неравенству между заключающими договор людьми и влечет за собой потребность во власти, основанной на законах над людьми и организованном принуждении, чтобы обеспечить соблюдение договоров между ними. Это и есть причина возникновения и развития государства. Эта последовательность очевидна при капитализме, а в первую очередь, на примере теории «общественного договора», которая обосновывает возникновение и развитие государства. Согласно этой теории, люди «свободны», когда они изолированы друг от друга, когда они предположительно жили в «естественном

(первобытном) состоянии». Как только они образовывали общество, они, возможно, создавали «договоры» и государство, чтобы управлять им. Однако, помимо того, что эта «теория» – бездоказательная фантазия, крайне далекая от реальности (люди всегда существовали как социальные животные), эта «теория» фактически пытается оправдать власть государства над обществом; а это, в свою очередь, тянет за собой прицепом оправдание капиталистической системы, которой требуется сильное государство. Она также имитирует результаты капиталистических экономических отношений, на которых и построена эта теория. При капитализме, люди «свободны» заключать договоры друг с другом, но на практике собственник управляет наемным рабочим во время действия договора.

Вот почему анархисты не приемлют капиталистического «индивидуализма», поскольку он, как писал Кропоткин, «узкий и эгоистичный индивидуализм… глупый эгоизм, ведущим к умалению личности… ибо это не был индивидуализм. — Он не привел к намеченной цели: к полному, широкому и возможнейшему развитию личности». Иерархия капитализма приводит к «обнищанию индивидуальности», а не ее развитию. Этому анархисты противопоставляют «личность, которая достигла наивысшего развития через наивысшую коммунистическую общительность в том, что касается ее исходных потребностей и ее отношений с другими людьми в целом». [Selected Writings on Anarchism and Revolution, стр. 295, стр. 296 и стр. 297] Для анархистов наша свобода и индивидуальность обогащается людьми вокруг нас, с которыми мы совместно работаем над чем-то, и когда наши отношения строятся на принципах равенства, а не как между хозяином и слугой.

На практике и индивидуализм, и коллективизм ведут к ущемлениям свободы личности, независимости группы и их развитию. Эти теории перетекают каждая в другую: коллективизм ведет к частной форме индивидуализма, а индивидуализм ведет к частной форме коллективизма.

Коллективизм, с его неявным подавлением личности, в конечном счете, обедняет сообщество, поскольку группам дают жизнь люди, которые их составляют. Индивидуализм, с его явным подавлением сообщества (то есть людей, с которыми Вы живете) обедняет личность, так как люди могут полноценно жить только в обществе. Кроме того, индивидуализм, в конце концов, отрицает и принижает со стороны «избранного меньшинства» проницательность и способности людей, составляющих остальную часть общества, и поэтому является источником самоотречения людей от участия в жизни общества. В этом фатальный недостаток индивидуализма (и его противоречие), именуемый «невозможностью для человека достичь действительно полного развития в условиях угнетения масс 'благородной аристократией'». Его развитие остается односторонним.» [Peter Kropotkin, Anarchism, стр. 293]

Истинная свобода и сообщество существуют по-другому.

A.2.14 Почему волюнтаризма недостаточно?

Согласно волюнтаристским убеждениям, если ассоциация добровольна, значит она максимально свободна. Анархисты, очевидно волюнтаристы, так как они считают, что только в свободной ассоциации, созданной свободным соглашением, люди могут

взращивать, развивать и выражать свою свободу. Однако, очевидно так же, что при капитализме волюнтаризма самого по себе недостаточно, чтобы максимально взрастить свободу.

Волюнтаризм подразумевает обещание (то есть свободу заключать договоры), а обещание подразумевает, что люди способны к независимому суждению и рациональному мышлению. Кроме того, волюнтаризм предполагает, что люди могут переоценивать и менять свои действия и отношения между собой. Капиталистические договоры, однако, противоречат этим признакам волюнтаризма. Поскольку, лишь декларативно будучи «добровольными» (хотя, как мы демонстрируем в разделе B.4, дело совсем не в этом), на деле они приводят к нарушениям свободы, потому что социальные отношения труда за заработную плату предполагают обещание повиноваться за деньги. Кэрол Пейтман указывает на то, что «обещание повиноваться нарушает или ограничивает в той или иной степени свободу личности, равенство, и возможности людей к развитию этих способностей [независимого суждения и рационального мышления]. Обещающий повиноваться, в определенных случаях, отныне ограничен в развитии своих способностей и осуществлении задуманных им действий; он больше не равный, но подчиненный». [The Problem of Political Obligation, стр. 19] Это приводит к тому, что повинующийся руководствуется уже не собственными решениями. Поэтому рациональность волюнтаризма (т.е., когда люди думают сами за себя и имеют неотъемлемое право выражать свою индивидуальность и принимать собственные решения) нарушается в иерархических отношениях, так как некоторые руководят, а остальные им повинуются. (См. также Раздел A.2.8). Поэтому любой волюнтаризм, который порождает отношения подчинения, неполноценен и сам себе противоречит.

Примером вышесказанного служит существующее капиталистическое общество, в котором рабочие продают свою свободу работодателю, чтобы иметь средства на жизнь. Действительно, при капитализме вы свободны только в выборе того, кому вы будете повиноваться! Однако, настоящая свобода есть много большее, нежели право сменить хозяина. Добровольное рабство все еще рабство! Поскольку, как выразился Руссо, независимость «не может быть представляема по той же причине, по которой она не может быть отчуждаема», она не может быть ни продана, ни временно аннулирована контрактом найма. Руссо утверждал, что «английский народ считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов Парламента: как только они избраны — он раб, он ничто». [The Social Contract and Discourses, стр. 266] Анархисты могут дополнить этот анализ. Перефразируя Руссо:

При капитализме рабочий считает себя свободным: он жестоко ошибается; рабочий свободен только тогда, когда он подписывает контракт с работодателем. Как только контракт подписан — он раб, выполнитель поручений, он ничто.

Чтобы понять, почему и увидеть несправедливость, мы снова обратимся к творчеству Руссо:

«Человек богатый и могущественный приобрел огромные земельные владения и предписал законы тем, которые пожелали в них поселиться; он им это дозволил лишь при условии, что они признают его высшую власть и будут повиноваться во всем его воле,— сие я могу еще понять… Нет ли в этом тираническом акте двойной

узурпации, а именно: собственности на землю и свободы жителей?» [Там же, стр. 316]

Это подтверждает и Прудон: «собственность может сделать человека деспотом и рабом по очереди». [What is Property?, стр. 371] Не удивляет и замечание Бакунина, что «общество никогда не потерпит, чтобы кто-нибудь юридически продал свою свободу или как-либо иначе распорядился ею по контракту в пользу какого-либо другого лица иначе, как на основах полнейшего равенства и взаимности», поскольку «свобода каждого человеческого существа неотчуждаема» и стало быть такие отношения приобретали бы «характер добровольного рабства». Любой человек, заключающий такой контракт даже в свободном (то есть анархическом) обществе был бы «лишен обществом пользованием политическими правами на все время такого рабства». [Michael Bakunin: Selected Writings, С. 68-9] Только самоуправляемые ассоциации могут создать между своими членами отношения равенства, а не подчинения.

Поэтому анархисты подчеркивают необходимость прямой демократии в добровольных ассоциациях, чтобы гарантировать, что декларируемая «свобода» – это не обман ради оправдания власти капитала.

Именно по этой причине анархисты выступают против капитализма и призывают «рабочих объединяться в демократические сообщества, с равными условиями для всех участников, под страхом рецидива феодализма». [Proudhon, The General Idea of the Revolution, стр. 277] По тем же причинам, анархисты (начиная с Прудона) выступают против брака, поскольку он превращает женщину в «окованную рабыню, которая берет имя ее владельца, хлеб ее владельца, подчиняется командам ее владельца, и служит для удовлетворения похоти ее владельца… она не может управлять ни собственностью, ни даже ее собственным телом без его согласия». [Voltairine de Cleyre, «Sex Slavery», The Voltairine de Cleyre Reader, стр. 94] Несмотря на то, что брак, благодаря феминистской агитации, во многих странах был преобразован в сторону анархического идеала свободного союза равных, он все еще базируется на патриархальных принципах, которые такие анархистки как Гольдман и де Клер определяли и осуждали (см. раздел A.3.5 про феминизм и анархизм).

Очевидно, что добровольный вход — необходимое, но не достаточное условие, чтобы защитить свободу человека. Это вполне понятно, ведь он игнорирует (или считает само собой разумеющимися), социально-бытовые условия, в которых соглашения заключаются и, кроме того, игнорирует общественные отношения, создаваемые ими («Рабочий, вынужденный продавать свой труд, не может оставаться свободным». [Kropotkin, Selected Writings on Anarchism and Revolution, стр. 305]). Любые общественные отношения, основанные на абстрактном индивидуализме, скорее всего, будут опираться на принуждение, силу, власть, а не на свободу.

Что, конечно, лишь мираж свободы, согласно определению которой люди развивают свои способности и действуют по собственной воле. Поэтому волюнтаризма недостаточно, чтобы создать общество, в котором свобода достигнет своего максимума. Вот почему анархисты считают, что добровольная ассоциация должна дополняться самоуправлением (прямой демократией) в этих ассоциациях. Для анархистов переход к волюнтаризму подразумевает самоуправление. Или, как отмечал Прудон, «как индивидуализм — исконный основополагающий признак человечества, так

ассоциация — его дополняющее свойство».[System of Economical Contradictions, стр. 430]

Конечно, можно возразить, что анархисты считают одни формы социальных отношений лучше других, и что истинный либертарный социалист должен позволить людям выбирать те социальные отношения, которые им больше нравятся. Сначала ответим на второе возражение. В обществе, основанном на частной собственности (и государстве), у владеющих собственностью всегда больше власти, которую они традиционно используют для захвата и удержания своей власти. «Богатство — власть, бедность – бесправие» по мнению Альберта Парсонса. Это означает, что при капитализме распиаренная «свобода выбрать» на деле чересчур ограничена. Для подавляющего большинства она становится свободой выбирать хозяина (при рабстве, язвительно замечал Парсонс, господин «выбирает… себе рабов. При системе наемного рабства, наемный раб выбирает себе господина».) При капитализме, подчеркивал Парсонс «лишенные своих естественных прав вынуждены продавать свой труд, служить и повиноваться господствующему классу или протянуть ноги с голода. Нет никакой другой альтернативы. Но некоторые вещи бесценны по сути своей, главные среди которых жизнь и свобода. Свободный человек не продается». [Anarchism, стр. 99 и стр. 98] Почему мы должны оправдывать рабство и терпеть тех, кто желает ограничить свободу других? Фиктивная «свобода» командовать – свобода порабощать, – на самом деле ликвидация истинной свободы, которую необходимо защищать.

Относительно же первого возражения, анархисты признают себя виновными. Да, мы стараемся препятствовать сведению всего многообразия человеческих сущностей к функционалу роботов в пользу ценностей человеческого достоинства, свободы и индивидуальности.

(В части 2.11 мы обсуждаем, почему прямая демократия — необходимое условие волюнтаризма (то есть свободного соглашения). В части B.4 показывается, почему капитализм не может быть основан на равной рыночной власти между собственниками и неимущими).

A.2.15 Что насчет человеческой натуры?

Анархизм не игнорирует «человеческую натуру», наоборот, среди всех политических теорий именно он анализирует ее наиболее тщательно. Слишком часто человеческая натура выдвигается как последний аргумент против анархизма, когда больше уже нечего сказать. Предполагается, что на это анархистам ответить ничего. Однако это не так. Прежде всего, человеческая натура — сложная вещь. Если человеческая натура означает «все, что делают люди», то очевидно, что человеческая натура противоречива: любовь и ненависть, сострадание и бессердечность, мир и насилие, и так далее. Все это люди делали, а значит все это продукты человеческой натуры. А кроме того, человеческая натура меняется с изменением социальных условий. Например, рабство считалось частью человеческой натуры и «нормальным» в течение нескольких тысяч лет. Древние греки считали гомосексуальность абсолютно нормальным явлением, тысячу лет спустя же христианская церковь осудила его

как грех. А с развитием государства война стала частью человеческой натуры. Как отмечал Хомский:

«Люди, безусловно, способны на зло… Но люди способны на все. Человеческая натура может проявить себя как угодно, ведь у людей есть бесконечное множество способностей и вариантов их развития. Те, что являют себя, несомненно, зависят от преобладающих общественных структур. Если бы, например, у нас существовали учреждения, которые оправдывали и освобождали от ответственности патологических убийц, то такие убийцы и правили бы обществом. Тогда единственный способ выжить состоял бы в том, чтобы позволить таким элементам вашего характера проявиться и развивать их.

Если же в обществе поощряются учреждения, которые объявляют жадность основанием собственности человека и поощряют жадность за счет других человеческих эмоций и обязательств, мы и получаем общество, основанное на жадности, со всеми последствиями. Другое общество можно было бы организовать таким способом, что другие человеческие чувства и эмоции, скажем, солидарность, поддержка, сочувствие стали бы доминировать. Тогда будут раскрываться и проявляться совсем другие аспекты человеческой натуры и индивидуальности». [Chronicles of Dissent, С. 158]

Итак, социальная среда играет важную роль в определении, что такое человеческая натура, как она развивается и как выражается. Действительно, один из самых распространенных мифов об анархизме — это идея, словно мы думаем, что человеческая натура безусловно хороша. Но то, как она развивается и проявляет себя, зависит от типа общества, в котором мы живем и творим. Иерархическое общество организует людей и воспитывает человеческую натуру одним (отрицательным) способом, свободное общество делало бы это по-другому. Поэтому «когда мы слышим, что кто-то говорит, будто бы анархисты воображают людей намного лучше чем, они есть на самом деле, мы изумляемся, как умные люди могут повторять такую ерунду. Разве мы не говорим постоянно, что единственное средство сделать человека менее жадным и эгоцентричным, менее ханжеским и менее раболепным — это устранить те условия, которые одобряют рост ханжества и жадности, раболепия и эгоизма?». [Peter Kropotkin, Act for Yourselves, стр. 83]

Само по себе указание на человеческую натуру как аргумент против анархизма слишком поверхностно. В конце концов, это просто повод для наших оппонентов лишний раз не думать. «Каждый глупец,» — как отмечала Эмма Гольдман, — «от короля до полицейского, от пустоголового попа до ограниченного научного дилетанта считает себя специалистом в вопросах человеческой натуры. И чем безнадежней какой-нибудь шарлатан, тем сильнее он настаивает на скверности и слабости человеческой природы. Но как может кто-либо говорить об этом сейчас, когда дух каждого человека заключен в тюрьму, а разум закован, связан, изранен и искалечен?» Давайте преобразуем общество, создадим лучшую социальную среду, и только тогда мы можем судить о том, что на самом деле является продуктом наших характеров, а что – результат отрицательного влияния авторитарной системы. Поэтому анархисты призывают к «освобождению человеческого ума от владычества религии, за освобождение человеческого тела от владычества собственности, за освобождение от оков и притеснений со стороны правительств». Ради «свободы, раскрепощения,

возможностей, и прежде всего, мира и спокойствия, ведь только они научат нас, каковы на самом деле главные факторы человеческой натуры и все ее удивительные возможности». [Red Emma Speaks, стр. 73]

Это не означает, что люди — бесформенная масса, а каждый человек рождается tabula rasa (лат. чистая доска) из которого «общество» может слепить что угодно (а точнее те, кто управляет обществом). Как утверждал Ноам Хомский: «Я не думаю, что возможно дать рациональную оценку концепции отчуждения труда, основываясь на таком предположении [что человеческая натура только исторический продукт], или возможно придумать что-то вроде морального оправдания приверженцам некоторым типам социальных изменений, за исключением основных предположений о человеческой натуре и как улучшения структуры общества будут лучше соответствовать некоторым из фундаментальных потребностей, которые являются частью нашей неотъемлемой натуры». [Language and Politics, p. 215] Мы не будем спорить с тем, какие человеческие особенности «врожденные», а какие — нет. Все, что мы можем сказать по этому поводу, так это то, что у людей есть врожденная способность думать и учиться – мы думаем, что это довольно очевидно – и что люди социальные создания, нуждающиеся в компании других людей, чтобы полноценно жить и благоденствовать. Кроме того, у них есть способность опознавать и сопротивляться несправедливости и угнетению (Бакунин справедливо называл «силу мыслить и потребность бунтовать» … «двумя ценными способностями». [God and the State, стр. 9]).

Эти три особенности, на наш взгляд, указывают на жизнеспособность анархического общества. Врожденная способность думать за себя автоматически делает все формы иерархии нелегитимными, а наша потребность в общественных отношениях подразумевает, что мы можем организоваться без государства. Глубокое несчастье и отчуждение, давящие на современное общество, показывают, что централизация и авторитаризм капитализма и государства притупляют наши разные врожденные потребности. На практике, как уже было упомянуто ранее, большую часть своей истории человеческий род прожил в анархических сообществах, с незначительной иерархией, а то и вовсе без нее. В современном обществе принято называть таких людей «дикарями», или «примитивными», но это чистое высокомерие. Итак, разве можно упрекнуть анархизм в том, что он против человеческой натуры? Многочисленные исследования анархистов доказывают, что это совсем не так.

Что касается обвинения, будто бы анархисты требуют слишком много от человеческой натуры, то напротив, этим как раз часто занимаются неанархисты. «В отличие от наших оппонентов, кажется, признающих, что есть лучшие люди — правители, работодатели, лидеры – т.е. те, кто довольно успешно спасают худших людей — управляемых, эксплуатируемых, ведомых — от становления еще хуже, чем они есть», мы, анархисты, «утверждаем, что как правитель, так и управляемый испорчены властью» и «как эксплуататор, так и эксплуатируемый, испорчены эксплуатацией». Но при этом «есть существенная разница». Мы признаем недостатки человеческой натуры, но не делаем исключения для господ. Они делают это исключение, пусть и подсознательно, но при этом винят нас в том, будто бы мы — мечтатели». [Peter Kropotkin, Там же, стр. 83] В самом деле, если человеческая натура так плоха, тогда идея дать

власть меньшинству над большинством и надеяться, что это приведет к правосудию и свободе, безнадежно утопична.

Кроме того, как уже говорилось, анархисты утверждают, что иерархические организации воспроизводят худшее в человеческой натуре. Авторитарные отношения отрицательно влияют и на угнетателя, и на угнетенного. «Характерной чертой привилегий и всякого привилегированного положения» — утверждает Бакунин, — «является то, что они убивают душу и сердце человека... Это социальный закон, не допускающий исключений... Неограниченное равенство — главнейшее условие свободы и гуманности». [God and the State, стр. 31] И если привилегированное меньшинство испорчено властью, то угнетенное большинство (в основном) становятся рабами в сердцах и умах (к счастью, человеческий дух таков, что там где есть угнетение, всегда будут бунтовщики и революционеры, а там где есть сопротивление, есть и надежда). Также странно для анархистов слышать, что неанархисты оправдывают иерархию с точки зрения искаженной человеческой натуры, которую она же и порождает.

К сожалению, слишком многие делают это и по сей день. Например, с расцветом «социобиологии», было заявлено (впрочем без системных доказательств), что капитализм — продукт нашей природы, который определяется нашими генами. Эти заявления просто новая вариация старого аргумента о человеческой натуре и, что совсем неудивительно, они находят поддержку среди власть имущих (они хотят иметь «объективную» и «научную» основу для обоснования экономических и социальных неравенств), подробнее см. в книге Not in Our Genes: Biology, Ideology and Human Nature by Steven Rose, R.C. Lewontin and Leon J. Kamin).

Но и нельзя сказать, что в подобных утверждениях совсем нет и зерна правды. Как отмечает ученый Стивен Джей Гулд «диапазон нашего потенциального поведения ограничен нашей биологией» и если это и есть то, что социобиология называет «генетическим контролем, тогда мы можем едва ли не согласиться». Однако, это не так. Ведь на самом деле социобиология приводит доводы в пользу некой формы «биологической предопределенности». Предположение, что определенным человеческим чертам соответствуют определенные гены, скажет нам немного, ведь если «жестокость, сексизм, и ненависть в общем являются биологическими чертами, так как они представляют собой одно подмножество из всего возможного диапазона поведений», то же самое мы можем сказать и про «человеколюбие, равенство, и доброту». И тогда «мы сможем увидеть, что их влияние увеличится, если мы создадим социальные структуры, которые помогут им развиваться и процветать». Возможно, именно по этой причине социобиологи в своих работах «признают разнообразие» в человеческих культурах, но при этом «часто называют неудобные для них 'исключения' временными и незначительными отклонениями». Это удивительно и комично, когда Вы считаете, что «повторяющаяся, часто направленная на геноцид, война есть результат наших генов, но существование неагрессивных людей – малозначительное неважное отклонение». [Ever Since Darwin, стр. 252, стр. 257 и стр. 254]

Также, как и ее предшественник, социальный дарвинизм, социобиология начинает с проекции идей угнетения в текущем общества на природу (часто подсознательно, так как ученые по ошибке считают эти идеи «нормальными» и «естественными»). Букчин называет этот процесс «тонким проектированием исторически сложивших-

ся человеческих ценностей» на природу, а не на «научную объективность». Затем, разработанные таким образом природные теории проецируют обратно на общество и историю, чтобы «доказать», что принципы капитализма (иерархия, власть, соперничество и т.д.) являются вечными законами, к которым уже апеллируют за оправданием существующего порядка! «Чего действительно достигает эта процедура,» — отмечает Букчин, — «так это подкрепления человеческих социальных иерархий, оправдывая подчинение людей как врожденной особенности 'естественного порядка'. Человеческое угнетение таким образом расшифровывается в генетический код как биологически предопределенное». [The Ecology of Freedom, стр. 95 стр. 92] Даже удивительно, что находится так много считающих себя интеллектуалами людей, которые относятся к этой «ловкости рук» серьезно.

То же самое можно сказать и когда «иерархии» в природе используются, чтобы объяснить, и даже оправдать, иерархии в человеческих обществах. Такие аналогии вводят в заблуждение, поскольку они «забывают» институциональную природу человеческой жизни. Как Мюррей Букчин отмечал в своей критике социобиологии, «Немного шансов у слабой, безвольной, нервной, и больной обезьяны стать альфа-самцом, а сохранить этот очень эфемерный статус и вовсе нет. На протяжение же всей государственной истории человечества, наоборот, властвовали самые физически и умственно неполноценные человеческие правители с самыми печальными последствиями». Такое «выражение власти иерархических институтов над людьми полностью противоположно так называемым 'животным иерархиям', где признание отсутствие институтов власти — строго единственный разумный путь говорить о 'вожаках стаи' или «пчелиных матках»». [«Sociobiology or Social Ecology», Which way for the Ecology Movement?, стр. 58] Так то, что делает человеческое общество уникальным, удобно игнорируется, а реальные источники власти в обществе скрывают под генетической маской.

Вид апологетики, связанной с обращениями к человеческой натуре естественен в основном потому, что каждый правящий класс должен оправдывать свое право управлять. Поэтому они поддерживают учения, которые определяют способы появления власти элит, и оправдывают ее — будь этим социобиология, божественное право, первородный грех, и т.д. Очевидно, такие доктрины всегда были лживы… до сих пор, конечно, поскольку очевидно, что наше существующее общество действительно соответствует «человеческой натуре», ведь это было с научной точки зрения доказано нашим научным духовенством!

Высокомерие этого заявления просто шокирует. История не стоит на месте. Через тысячу лет общество будет абсолютно отличаться от нашего так, что и представить нельзя. Не будет привычных нам правительств и экономической системы. Единственная вещь, которая может сохраниться в неизменном виде – так это то, что люди все еще будут провозглашать, что их общество – «Единственно Правильная Система», которая полностью соответствует человеческой натуре, даже если все предшествующие системы ей не соответствовали.

Конечно, в головы сторонников капитализма и не приходит, что люди различных эпох могут делать различные выводы из одних фактов, выводы, которые могут быть обоснованными. И при этом капиталистическим апологетам не приходит на ум, что теории «объективных» ученых могут быть созданы в контексте господствующих

идей общества, в котором они живут. А вот анархисты понимают, почему ученые, работающие в Царской России, развивали теорию эволюции, основанную на сотрудничестве видов, в то время как их коллеги в капиталистической Великобритании, в свою очередь, развивали теорию, основанную на конкурентоспособной борьбе внутри и между видами. Но, конечно, то, что последняя теория отразила господствующие политические и экономические идеи в британском обществе (особенно конкурентоспособный индивидуализм) — чистое совпадение!

Работа П.А. Кропоткина «Взаимная помощь как фактор эволюции», например, была написана в ответ на очевидные погрешности, которые британские представители дарвинизма спроектировали на природу и человеческую жизнь. Кропоткин показал (и эмпирически доказал) что «взаимная помощь» внутри видов, играет столь же важную роль, сколь и «взаимная борьба» между особями в группах и видах (подробнее см. в эссе Стивена Джей Гольда «Kropotkin was no Crackpot» в его книге Bully for Brontosaurus). Это был, он подчеркивал, фактор эволюции наряду с соревнованием, который, при большинстве обстоятельств, был намного более важным для выживания. Таким образом, сотрудничество столь же «естественно», как и соревнование, доказывающее, что человеческая натура вовсе не барьер для анархизма, поскольку сотрудничество между членами вида способно приносить немалую пользу людям.

В заключение. Анархисты утверждают, что анархия не против человеческой натуры по двум главным причинам. Во-первых, то, что подразумевается под «человеческой натурой», формируется обществом, в котором мы живем, и отношениями, в которых мы участвуем. Иерархическое общество поощряет одни черты индивидуальности, а анархическое поощряло бы другие. Также, анархисты «не так уж и сильно полагаются на утверждение, что человеческая натура изменится, но они обосновывают теорию, что аналогичный человеческий характер будет проявлять себя по-разному при различных обстоятельствах». Во-вторых, преобразования «есть один из фундаментальных законов существования», так что «можно ли утверждать, что человек достиг пределов своих возможностей». [George Barrett, Objections to Anarchism, С. 360-1 и стр. 360]

Если вы хотите более подробно узнать об анархических идеях и человеческой натуре, читайте сочинения Питера Маршалла «Человеческая натура и анархизм [David Goodway (ed.), For Anarchism: History, Theory and Practice, pp. 127-149] и Дэвида Хартли 'Анархо-коммунизм и человеческая натура' [Anarchist Studies, vol. 3, no. 2, Autumn 1995, pp. 145-164], каждое из которых опровергает представление, будто бы анархисты думают, что люди безусловно хорошие.

А.2.16 Нуждается ли анархизм в «идеальных» людях, чтобы работать?

Нет. Анархия не утопия, не «идеальное» общество. Анархия – человеческое общество, со всеми вытекающими отсюда проблемами, надеждами и опасениями людей. Анархисты не считают, что люди должны стать идеальными, чтобы анархия могла наступить. Однако они должны стать свободными. Кристи и Мельтцер писали, что:

«Одно из самых распространенных заблуждений, заключающееся в том, что революционный социализм [то есть анархизм] якобы 'идеализирует' рабочих, предполагает, что опровергнуть классовую борьбу можно простым подробным описанием их существующих недостатков… предполагается совершенно невозможным существование свободного общества… без морального или этического совершенства. Но пока процесс уничтожения существующего общества не начат, мы можем проигнорировать факт недостатков людей и их предубеждений, особенно ввиду того, что общество их институционализирует. Можно не беспокоиться о том… что рабочие начнут управлять своими рабочими местами до того, как они приобретут социальные приличия 'интеллигентов' или утратят все предубеждения существующего общества от семейного диктата до ксенофобии. Все это потеряет свое значение, когда они смогут управлять своей индустрией без собственников! Предубеждения увядают в свободе, но процветают, когда социальный климат благоприятствует им… Мы говорим о том… что однажды жизнь продолжится без навязанной власти сверху, а навязанная власть не сможет пережить потерю трудовых сил из своего обслуживания, тогда все авторитарные предубеждения исчезнут. Нет никакого другого лечения для них, кроме свободного процесса образования». [The Floodgates of Anarchy, С. 36-7]

Мы считаем, что в свободном обществе люди будут развиваться в гармонии со своими и с чужими индивидуальностями и потребностями, таким образом уничтожая личностный конфликт. Оставшиеся недопонимания решались бы разумными методами, например, использованием жюри, третьих лиц, или через сообщества и собрания рабочих коллективов. (см. главу I.5.8 о том, как могли бы разрешаться антиобщественные действия и споры).

Так же как и в случае с аргументом «анархизм против человеческой натуры» (см. главу A.2.15), противники анархизма обычно принимают за «идеальных» таких людей, которые не развращены властью, людей, которых странным образом не затрагивают отрицательные эффекты иерархии, привилегий и т.д. Однако, анархисты никогда не утверждали, что человек идеален. Мы просто понимаем, что сосредоточение власти в руках одного человека или элитного меньшинства – плохая идея именно потому, что люди не идеальны.

Нужно отметить, что аргумент будто бы анархизм требует «нового» (идеального) человека часто поднимается противниками анархизма, чтобы дискредитировать его (и, таким образом, оправдать существование иерархической власти, особенно капиталистических отношений на производстве). Ведь люди не идеальны и вряд ли когда-нибудь станут такими. Кроме того, они хватаются за каждый пример падений правительств и следующих за ними хаоса, чтобы обвинить анархизм в нереалистичности. У СМИ есть традиция провозглашать, что страна впадает «в анархию» каждый раз, когда происходит сбой в их «законности и порядке», и начинается грабеж и мародерство.

Анархистам, безусловно, есть что ответить на этот аргумент. Совсем немного подумав, можно понять, что основная ошибка обвинителей в том, что они за анархическое признают общество без анархистов! (Одна из вариаций этого аргумента используется правыми «анархо»-капиталистами, чтобы дискредитировать реальный анархизм. Однако, их «контраргументация» дискредитирует лишь их самих как анархистов, по-

скольку они безоговорочно призывают к анархическому обществу без анархистов!) Само собой разумеется, что если бы «анархия» состояла из людей, которые все еще нуждаются в иерархии, собственности и этатизме, то такое общество скоро снова бы стало авторитарным (то есть неанархическим). Потому что даже если правительство исчезло бы завтра, то такая же или аналогичная система заменила бы его, поскольку «сила правительства не в себе, а в людях. Тиран может быть идиотом, а не гением. Его сила не в его личности, а в суеверии людей, которые считают, что тирану надо беспрекословно повиноваться. Пока это суеверие существует, бесполезно рубить голову такой тирании нескольким освободителям: люди создадут другую тиранию, потому что они не привыкли надеяться на себя». [George Barrett, Objections to Anarchism, стр. 355]

Александр Беркман добавляет, что:

«Наши общественные институты основываются на определённых представлениях, и пока они принимаются, институтам ничего не угрожает. Власть правительства сохраняется, поскольку люди полагают, будто политическая власть и принуждение в виде закона необходимы. Капитализм сохраняется до тех нор, пока эта система воспринимается как разумная и правильная. Ослабление идей, которые несут свою долю ответственности за дурные и гнетущие условия жизни в наше время, ведёт, в конечном счёте, к краху системы правительства и капитализма». [What is Anarchism?, стр. xii]

Иначе говоря, анархии нужны анархисты для ее создания и полноценного существования. Эти анархисты не должны быть идеальными, но должны освободить себя от суеверий, что отношения командования-и-повиновения и капиталистическая собственность необходимы. Подводным камнем в идее, что анархия нуждается в «идеальных» людях, является представление, что свобода должна быть дана, а не взята; за ним следует заключение, что без «идеальных» людей анархия обречена на неудачу. Но этот аргумент игнорирует потребность в самостоятельных действиях и самоосвобождении для создания свободного общества. Для анархистов, «история — это борьба между правителями и управляемыми, угнетателями и угнетенными». [Peter Kropotkin, Act for Yourselves, стр. 85] Идеи преобразуются в борьбе и, следовательно, в борьбе против угнетения и эксплуатации мы не только меняем мир, мы меняем и нас самих. Поэтому борьба за свободу учит людей брать на себя ответственность за их собственные жизни, общины и планету. Люди, способные жить в равенстве в свободном обществе, делают анархию возможной

Также, хаос, который часто возникает из-за падений правительств, не анархия и не аргумент против анархизма. Он означает, что необходимых предпосылок для создания анархического общества нет. Анархия должна быть результатом коллективной борьбы в обществе, а не результатом воздействия внешних сил. Мы должны отметить, что анархисты не считают, что такое общество появится внезапно. Напротив, на наш взгляд, создание анархии – это процесс, а не событие. Мельчайшие подробности и детали того, как она будет функционировать, разовьются в течение долгого времени в свете опыта и объективных обстоятельств, а не появятся сразу в идеальной форме.

Анархисты не приходят к заключению, что анархизм мог бы существовать только в обществе идеальных людей, потому что анархист «не освободитель, пришедший с

божественной миссией освободить человечество, но он часть человечества, ищущего свободы… Допустим, благодаря некоторым внешним силам Анархическая Революция свершилась и, если можно так выразиться, дарована людям, тогда, скорее всего, они не примут такого дара и восстановят старые формы общественных отношений. Если, с другой стороны, люди разовьют свои идеи свободы и сами избавятся от последнего оплота тирании — правительства — тогда действительно, революция укрепится навсегда». [George Barrett, Op. Cit., p. 355]

Это не значит, что анархистам следует ждать, пока каждый не станет анархистом. Отнюдь нет. Например, богатые и власть имущие точно не увидят внезапно несправедливость своего положения и не откажутся добровольно от своих привилегий. Сталкиваясь с большим и растущим анархическим движением, правящая элита всегда использовала репрессии, чтобы защитить себя. Фашизм в Испании (см. главу A.5.6) и Италии (см. главу A.5.5) хорошо показывает, на что готовы пойти капиталисты. Анархизм должен создаваться в виде сопротивления правящему меньшинству и, следовательно, должен быть способен защитить себя от него. (В главе H.2.1 опровергается марксистское утверждение, что анархисты не способны защитить свое общество от контрреволюции.)

Поэтому анархисты утверждают, что мы должны сосредоточить нашу деятельность на убеждении подвергающихся насилию, притеснению и эксплуатации в том, что они способны сопротивляться и, в конечном счете, преодолеть эти проблемы, разрушая социальные институты, порождающие их. Как Малатеста утверждал, «поскольку мы нуждаемся в поддержке масс, чтобы создать силу достаточной мощности и для достижения нашей конкретной задачи радикального изменения общества путем прямого действия масс, мы должны приблизиться к ним, принять их как они есть, и из их рядов стараться подтолкнуть их вперед как можно дальше». [Errico Malatesta: Его Жизнь и Идеи, С. 155-6] Это создало бы условия, делающие возможным быстрое развитие анархизма, как первоначально и задумывалось революционным меньшинством. «Идеи анархизма проникнут в сознание масс и привлекут их на свою сторону», и «меньшинство станет большинством. Народ, перешагнув через частную собственность и государство, придет к анархическому коммунизму». [Kropotkin, Words of a Rebel, p. 75]

Следовательно, анархистам крайне важно сегодня распространять наши идеи и доказывать необходимость анархизма. Это создаст сознательных анархистов из тех, кто подвергает сомнению справедливость капитализма и государства.

Этому процессу помогает природа иерархического общества и сопротивление ему, естественным образом развивающееся среди тех, кто наиболее ущемлен. Анархические идеи развиваются спонтанно в борьбе. В главе I.2.3 мы поясняем, что Анархические организации часто создаются как часть сопротивления против угнетения и эксплуатации, которая возникает в каждой иерархической системе и потенциально могут стать основой нового общества. Само по себе создание либертарных учреждений возможно в самых разных ситуациях. Происходящие события и получаемый из них опыт могут приводить людей к анархическим выводам, а именно, к пониманию того, что государство существует, чтобы защищать богатое и правящее меньшинство и угнетать большинство. Поэтому в нем нуждается правящий класс и иерархическое общество, но оно не способно организовать общество справедливым и честным спо-

собом для всех. Так бывает. Однако без сознательного анархического присутствия любые либертарные тенденции, скорее всего, будут использованы, поруганы, и, в конце концов, уничтожены партиями или религиозными группами, стремящимися заполучить власть над массами (русская революция самый известный тому пример). По этой причине анархисты должны организовываться, чтобы влиять на борьбу и распространять наши идеи. (см. часть J.3). Только тогда, когда анархические идеи «приобретут преобладающее влияние» и будут «приняты достаточно большой частью населения», мы сможем «достичь анархии или сделаем шаг к ней». Анархия «не может быть навязана против воли народа». [Malatesta, Там же, стр. 159 и стр. 163].

В заключение скажем, что установление анархии не зависит от наличия идеальных людей, но зависит от значительного большинства, поддерживающего анархические идеи и желающего реорганизовать общество в либертарной манере. Революция не устранит конфликт между людьми и не создаст полностью сформированное анархическое человечество внезапно, но заложит основы для постепенного устранения любых предрассудков и антиобщественного поведения, которые останутся после того, как борьба за изменение общества изменит самих бунтовщиков.

A.2.17 Разве большинство людей не слишком глупы, для того чтобы свободное общество работало?

Приносим свои извинения за то, что мы вынуждены включить этот вопрос в серию вопросов анархистам, но мы знаем, что множество политических идеологий открыто намекают, что простые люди слишком глупы, чтобы самостоятельно управлять своими собственными жизнями и обществом. Все политические стороны на капиталистической арене, от левых до правых, утверждают это. Будь то ленинисты, фашисты, фабианцы или объективисты, все они считают, что немногие избранные должны говорить остальным, как им жить. Обычно этот элитаризм маскируется под прекрасной и эмоциональной риторикой о «свободе», «демократии» и других банальностях, с помощью которых идеологи подчиняют критическое мышление людей, говоря им то, что они хотят слышать.

Разумеется, те, кто верят в «естественность» элит, всегда причисляют себя (в том числе в своих фантазиях) к господствующему классу. Мы пока не видели, например, объективиста, считающего себя частью большого количества «получающих жизнь из вторых рук» (всегда забавно слышать людей, которые неосмысленно повторяют идеи Айн Рэнд, ведь она просто презирала таких людей!) или находящего себя среди туалетных уборщиков в незнакомом «идеале» «настоящего» капитализма. Каждый, читающий элитарный текст воображает себя частью «немногих избранных». Вот такая «естественность»: считать элиту в иерархическом обществе естественной, а себя потенциальным членом оной.

Изучение истории показывает, что есть базовая элитарная идеология, которая была неотъемлемой частью рационализации всех государств и господствующих классов начиная с их появления в начале Бронзового века. («Если у наследования власти первоначально и могла быть какая-нибудь иная причина, помимо поддержки иерархических и классовых интересов, то она заключалась в изгнании веры в

общественную компетентность из социальной дискуссии». [Bookchin, The Ecology of Freedom, стр. 206]) Эта идеология меняет свое внешнее одеяние, но сохраняет свое содержание.

В течение Средневековья, например, она прикрывалась Христианством, адаптируя его к потребностям Церковной иерархии. Самая полезная «данная Богом» церковной элите догма заключалась в «первородном грехе»: понятии, что все люди заранее испорчены и слабы, а потому нуждаются в «руководстве свыше» со стороны священников как необходимых посредников между обычными людьми и «Богом». Идея, что обычные люди глупы и неспособны к самоуправлению – основа этой доктрины и пережиток Средневековья.

В ответ всем тем, кто утверждает, что большинство людей «получают жизнь из вторых рук» и не могут создать что-то большее, чем «профсоюз», мы ответим, что это полная нелепица, которую развенчивает даже поверхностный взгляд на историю, особенно на рабочее движение. Творческие способности тех, кто боролся за свободу, часто поражают воображение, и то, что эта интеллектуальная сила и вдохновение не замечены в «нормальном» обществе, есть самое ясное свидетельство подавляющим эффектам иерархии и послушания, производимых властью. (См. также Часть B.1 об отрицательных эффектах иерархии).

Боб Блэк отмечает:

«Ты это то, что ты делаешь. Если ты делаешь скучную, тупую, монотонную работу, скорее всего ты сам станешь скучным, тупым и монотонным. Работа объясняет видимую повсюду ползучую дебилизацию гораздо лучше, чем гипотетические зомбирующие механизмы вроде телевидения или образования. Люди расчерчены по линеечке всю свою жизнь — школа переходит в работу, с ограничителями в виде семьи вначале и дома для престарелых в конце; они приучены к иерархии и психологически порабощены. Способность к независимому существованию атрофирована у них настолько, что страх свободы — одна из немногих фобий, имеющих под собой реальную почву. Послушание, намертво вбитое в людей на работе, выплескивается в семьи, которые они сами создают, воспроизводя таким образом систему дополнительным путем — а также в политику, культуру и все прочее. Лиши жизненной силы людей на работе — они и во всем остальном будут подчиняться иерархии и чужим мнениям. Им так привычнее». [The Abolition of Work and other essays, C. 21-2]

Когда элитаристы пытаются изобрести освобождение людей, они думают только о том, чтобы дать его угнетенным от классовых (у ленинистов) или от глупых (у объективистов) элит. И не удивительно, что все их действия терпят полный крах. Только самоосвобождение может привести к свободному обществу. Тяжелые и деформирующие последствия власти могут быть преодолены только самостоятельными действиями. Несколько примеров такого самоосвобождения доказывают, что большинство людей, которые когда-то считали себя неспособным к свободе, более чем способны к ней.

Те, кто объявляет свое «превосходство», часто поступают так из опасения, что их власть и привилегии однажды будут свергнуты людьми, освободившими себя от оков власти и осознавших, что, как утверждал Макс Штирнер, «великие кажутся нам великими лишь потому, что мы стоим на коленях. Давайте поднимемся!».

Эмма Гольдман писала о женском равенстве, что «выдающиеся достижения женщин в каждой сфере жизни заставили замолчать навсегда разговоры о женском подчиненном положении. За этот фетиш все еще цепляются лишь потому, что они ничто так не ненавидят, как вызов, брошенный их власти. Это характерно любой власти, будь это отношение собственника к своим экономическим рабам или мужчины к женщине. Но всюду, где женщина освобождается из клетки, всюду она добивается больших успехов». [Vision on Fire, стр. 256] То же самое можно сказать про успешные примеры самоуправления среди рабочих во время испанской Революции.

Кроме того, утверждение, что люди слишком глупы для анархизма, работает в обратном направлении против того, кто утверждает это. Против, например, тех, кто использует этот аргумент в поддержку тезиса, что демократическое правительство лучше анархии. Демократия, как отмечал Луиджи Галлеани, означает «признавать право и компетентность людей выбирать себе хозяев». Однако, «если люди способны компетентно выбрать себе хозяев, то, вполне возможно, они могут обойтись и без них, особенно когда причины экономической вражды искоренены». [The End of Anarchism?, стр. 37] Аргумент за демократию против анархизма сам опровергает себя, поскольку, «если Вы считаете, что эти достойные избиратели неспособны позаботиться о себе самостоятельно, то как же они смогут выбрать пастухов, которые должны вести их? И как они смогут решить эту проблему из разряда социальной алхимии: выбрать гения из толпы глупцов?». [Malatesta, Anarchy, С. 53-4]

Что касается тех, кто рассматривает диктатуру как решение человеческой глупости, возникает вопрос, почему диктаторы неуязвимы к этой такой уж универсальной человеческой черте? Как отмечал Малатеста, «Кто самый лучший? И кто опознает эти качества в нем?». [Там же, стр. 53] Если он сможет навязать себя «глупым» массам, то где гарантия, что он не будет эксплуатировать и угнетать остальных ради своей выгоды? Или, в таком случае, чем он лучше масс? История диктатуры и монархического правительства дает ясный ответ на такие вопросы. Подобный аргумент применим и к другим недемократическим системам, например, основанным на ограниченном избирательном праве. Например, Локковский (то есть классических либералов или правых либертарианцев) идеал государства, основанный на правлении собственников, обречен быть режимом, который угнетает большинство, чтобы поддержать власть и привилегии богатого меньшинства. То же самое и с идеей универсальной черты глупости для элиты капиталистов (мнение объективистов), что на практике превратится в систему, несколько менее идеальную, чем совершенная система, представленная в литературе. Большинство людей терпело бы жестоких боссов, относясь к ним как к средствам для достижения цели. Как вы можете считать, что люди начнут опознавать и преследовать свой собственный личный интерес, если Вы рассматриваете их исключительно как «нецивилизованные орды»? Это взаимно противоречиво, а потому и «незнакомый идеал» чистого капитализма будет столь же грязным, жестоким и отчуждающим, как и «фактически существующий» капитализм.

Анархисты твердо убеждены, что аргументы против анархии, основанной на нехватке способностей у людей, противоречивы по сути своей. Если люди слишком глупы для анархизма, тогда они так же слишком глупы для любой системы, которую вы хотите предложить в качестве альтернативы. В конце концов, анархисты

утверждают, что такие аргументы просто отражают рабский менталитет, порожденный иерархическим обществом, а не глубокий анализ человечности и нашей истории как вида. Цитируя Руссо:

«Когда я вижу, как толпы совершенно нагих дикарей презирают наслаждения европейцев и не обращают внимания на голод, огонь, железо и смерть, чтобы сохранить свою независимость, я понимаю, что не рабам пристало рассуждать о свободе». [цит. по: Noam Chomsky, Marxism, Anarchism, and Alternative Futures, стр. 780]

A.2.18 Поддерживают ли анархисты терроризм?

Нет, на то есть три причины.

Под терроризмом понимается планирование или оправдание убийства невинных людей. Но анархическое общество должно быть создано именно обычными людьми. Во-первых, нельзя в чем-то убедить людей, взрывая их. Во-вторых, анархизм – это самоосвобождение. Свободу нельзя создать действиями элитного меньшинства, убивающей правителей от имени большинства. Проще говоря, «институты, существующие столетия, нельзя уничтожить несколькими килограммами взрывчатки». [Кропоткин, цитируется по: Martin A. Millar, Kropotkin, p. 174] Пока люди испытывают потребность в правителях, иерархия будет существовать. (см. главу A.2.16) Как уже говорилось ранее, свободу не дают, свободу берут. Наконец, анархизм всегда стремится к свободе. Бакунин писал, что, «если уж делать революцию ради освобождения человечества, то необходимо признать ценность жизни и свободы человека». [K.J. Kenafick, М. Бакунин и Карл Маркс, стр. 125]. Для анархистов средства определяют результат, и терроризм, по самой его сути нарушающий жизнь и свободу людей, не может использоваться для создания анархического общества. История, например, российской Революции подтвердила догадку Кропоткина, что «печальна судьба такой революции, которая осуществлена лишь террором». [цитируется по: Millar, Там же, стр. 175]

Помимо этого, анархисты против не самих людей, а таких социальных институтов и отношений, которые позволяют одним иметь власть над другими и злоупотреблять (то есть пользоваться) этой властью. Поэтому анархическая революция – это разрушение структур, а не убийство людей. Как писал Бакунин, «мы призываем не к убийству людей, а к отмене их статусов и привилегий», и анархизм «означает не физическое уничтожение буржуазии, а смерть буржуазии как политической и социальной организации, экономически отличной от рабочего класса». [The Basic Bakunin, стр. 71 и 70] Иначе говоря, «нельзя взорвать общественные отношения» (так называлась анархическая антитеррористическая брошюра).

Как же тогда получается, что анархизм ассоциируют с насилием? Частично это результат того, что государство и СМИ клеймят «анархистами» террористов, которые никакого отношения к анархизму не имели. Например, немецкую банду Баадера-Майнхофф часто называли «анархистами» несмотря на то, что сами они себя считали марксистами-ленинистами. Клевета, к сожалению, работает. Эмма Гольдман писала, «всем, кто знаком с анархическим движением, известно, что очень много актов, за которые анархисты должны были пострадать, или были созданы капиталистической

прессой или спровоцированы, если не прямо совершены полицией». [Red Emma Speaks, стр. 262]

В качестве примера можно привести современное антиглобалистское движение. В Сиэтле, например, СМИ сообщали «о насилии» со стороны протестующих (особенно анархистов), которое на деле заключалось в нескольких разбитых витринах. О полицейском насилии (начавшемся до первой разбитой витрины) они умолчали. СМИ и позже освещали демонстрации антиглобалистов по этому образцу, настойчиво объединяя анархизм с насилием, несмотря на то, что наоборот, именно протестующие были жертвами жесточайшего насилия со стороны государства. Анархическая активистка Стархоук заявила, что «если бить витрины и сопротивляться нападению полицейских — это 'насилие', тогда придумайте мне слово в тысячу раз сильнее, чтобы использовать его для обозначения случаев, когда полицейские избивают несопротивляющихся людей до состояния комы». [Staying on the Streets, стр. 130]

Точно так же при генуэйских протестах в 2001 г. ведущие СМИ обвиняли протестующих в жестокости даже при том, что государственное насилие привело к смерти одного из них и к госпитализации нескольких тысяч. Присутствием полицейских агентов и их провокаций для разжигания беспорядка СМИ не заинтересовались. Как Стархоук впоследствии отмечала, в Генуе «мы столкнулись с тщательно организованной политической кампанией государственного терроризма. Кампания включала дезинформацию, использование агентов и провокаторов, сговор с фашистскими группировками..., преднамеренный выбор в качестве мишени групп мирных людей для использования слезоточивого газа и избиения их, повальную жестокость полиции, пытки заключенных, политическое преследование организаторов... Они делали все открыто, способами, которые подчеркивают, что они не боялись последствий и им гарантировалась политическое прикрытие от самых высокопоставленных лиц». [Там же, С. 128-9] Неудивительно, что все это СМИ проигнорировали.

Последующие протесты показали, что СМИ грешат еще большим количеством анти-анархического обмана, выдумывая истории, представляющие анархистов социопатами, планирующими массовые жертвы. Например, в Ирландии в 2004 СМИ сообщили, что анархисты планируют использовать ядовитый газ во время празднований в Дублине в честь вхождения новых стран в ЕС. Конечно, никаких доказательств предоставлено не было и ничего подобного не случилось. Кто бы ни бунтовал, СМИ всегда винят во всем анархистов. Такой же процесс дезинформации сопровождал первомайские антикапиталистические демонстрации в Лондоне и протесты против республиканского Национального Конгресса в Нью-Йорке. Несмотря на то, что их постоянно разоблачают сразу после публикации, СМИ продолжают печатать страшные истории анархического насилия (даже выдумывая события, как в Сиэтле, чтобы оправдать свои статьи и продолжить демонизировать анархизм). Таким образом, миф, что анархизм — это насилие, создается и поддерживается. Надо отметить, что те же самые газеты, которые раздували (несуществующую) угрозу анархического насилия, всегда замалчивали реальные насилие и репрессии, которым подвергались демонстранты в этих событиях от полицейских. И при этом они никогда не приносили извинения после того, как их (бездоказательные) истории о планирующихся терактах разоблачались последующими событиями.

Конечно, нельзя утверждать, что анархисты однозначно отвергали акты насилия. Они совершали их (как и члены других политических и религиозных движений). Главная причина ассоциации терроризма с анархизмом – это период «пропаганды действием» в анархическом движении.

В этот период — примерно 1880-1900 гг. — некоторые из анархистов убивали членов правящих классов (королей, политиков и т.д). И что самое худшее, в этот период атаковали театры и магазины, часто посещаемые членами буржуазии. Эти действия назывались «пропагандой действием». Анархисты взяли на вооружение эту тактику сразу после убийства императора Александра II в 1881 г. российскими народниками (по этому поводу Иоганн Мост написал знаменитую статью-передовицу в газете Freiheit, озаглавленную «Наконец-то!» и приветствующую цареубийц и убийство тиранов). Причины поддержки анархистами этой тактики скрывались глубже просто терроризма: во-первых, месть за репрессии рабочих и, во-вторых, средство поощрить людей к бунту, показывая, что их угнетателей можно и нужно победить.

Учитывая эти причины, становится ясно, почему толчком к пропаганде действием послужило зверское подавление Парижской Коммуны французским государством, в ходе которого было убито более 20 000 коммунаров, в том числе много анархистов. Почему-то анархическое насилие в качестве мести за Коммуну получило широкую огласку, а о массовых убийствах государством коммунаров говорить не принято. Точно так же, когда анархистам ставятся в упрек факты убийства итальянским анархистом Гаэтано Бреши короля Италии Умберто в 1900 г. или покушение Александра Беркмана на жизнь руководителя сталелитейной корпорации Карнеги Генри Клея Фрика в 1892 г., часто умалчивается о том, что войска Умберто убивали бунтующих крестьян или что охрана Фрика окружила, заперла в здании и убила рабочих в Хомстеде, Пенсильвания.

Такое преуменьшение статистического и капиталистического насилия не удивляет. «Деятельность государства заключается в насилии,» утверждает Макс Штирнер, «свое насилие оно называет 'правом', насилие же каждой личности – 'преступлением'». [The Ego and Its Own, стр. 197] Неудивительно тогда и то, что анархическое насилие подвергается широкому обсуждению и осуждению, но вызвавшие его репрессии (куда более жестокие) игнорируются и забываются. Анархисты такие обвинения в «жестокости» считают лицемерием, поскольку эти заявления звучат или от сторонников правительств или от самих правительств, «которые возникли посредством насилия, которые сохраняют свою власть посредством насилия, и которые применяют силу постоянно, чтобы подавить сопротивление и запугать другие страны». [Howard Zinn, The Zinn Reader, стр. 652]

Действительно, что это, если не лицемерие, когда неанархисты обвиняют анархистов в насилии, которое служило ответом на государственные репрессии. Например, многие капиталистические газеты и люди в 1920-30-х приветствовали фашизм и рукоплескали Муссолини и Гитлеру. Анархисты, напротив, боролись с фашизмом до конца и пытались убить Муссолини и Гитлера. Неужели, «насилие» и «терроризм» — это сопротивление режимам смертоносных диктатур, а не их поддержка? Точно так же неанархисты могут поддерживать репрессивные и авторитарные государства, войны и силовое подавление забастовок и волнений («восстанавливающее законность и правопорядок») и не считаться «террористами». Анархистов, напротив, осуждают

как «агрессоров» и «террористов», потому что некоторые из них попытались отомстить таким актам угнетения и государственного / капиталистического насилия! Кажется верхом лицемерия, когда кто-либо безусловно осуждает анархическое «насилие» в виде нескольких разбитых витрин, как в Сиэтле, но поддерживает настоящее насилие полиции, навязывающей государство или, что куда хуже, поддерживает американское вторжение в Ирак в 2003 г. Если кого-либо и считать террористом, то сторонника государства и его действий, тем не менее люди не видят очевидного и «порицают тип насилия, которое порицает государство, и приветствуют насилие, которым занимается государство». [Christie and Meltzer, The Floodgates of Anarchy, стр. 132]

Нужно отметить, что большинство анархистов не поддерживало эту тактику. Из тех, кто использовал «пропаганду действием» (их еще называли «аттентатами»), как заметил Мюррей Букчин, только «немногие… были членами анархических групп. Большинство… были одиночками». [The Spanish Anarchists, стр. 102] Само собой разумеется, государство и СМИ стригли всех анархистов под одну гребенку. Они продолжают делать это, при чем крайне неаккуратно (обвинили Бакунина в пропаганде действием, хотя он умер за годы до того, как такую тактику впервые начали обсуждать в анархических кругах и постоянно клеят на неанархические группировки анархические ярлыки!).

В целом, период «пропаганды действием» в анархизме провалился, что большинство анархистов вскоре и поняло. И снова Кропоткин служит нам примером. Он «никогда не любил лозунг 'пропаганды действием', и не использовал его в качестве характеристики собственных идей революционного действия». Однако, в 1879 г. все еще «отстаивая важность коллективного действия», он начал «симпатизировать и интересоваться аттентатами» (эти «формы коллективного действия» рассматривались как действия «в профсоюзах и на уровне общин»). В 1880 г. «его энтузиазм в отношении актов сопротивления одиночек и небольших групп достиг максимума, он стал уделять меньше внимания коллективному действию». Однако вскоре Кропоткин осознал, что «индивидуальные акты сопротивления не приводят к значительному прогрессу», особенно когда «он увидел грандиозные возможности для развития коллективного действия в новом боевом профсоюзном движении». [Caroline Cahm, Kropotkin and the Rise of Revolutionary Anarchism, стр. 92, 115, 129, 205 С. 129-30] В конце 1880-х и в начале 1890-х он уже неодобрительно высказывался о таких актах насилия частично из-за обычного отвращения к худшим из них (например, взрыв в Барселонском театре в ответ на убийства государством анархистов-участников восстания в Хересе в 1892 г. и подрыв Эмилем Генри кафе в ответ на государственные репрессии) и частично из-за понимания, что они препятствуют развитию анархизма.

Кропоткин понял, что «вспышка терроризма» 1880-х гг. форсировала «власти в принятии репрессивных мер против движения», не соответствовала «его взглядам относительно анархического идеала, и сделала немного или совсем ничего для популяризации народной революции». Кроме того, он «беспокоился, что движение изолируется от широких масс», и это беспокойство «увеличилось, а не уменьшилось в результате интереса» к пропаганде действием. Он «видел лучшую возможность для развития революции в… развитии новой боевитости в рабочем движении. С этого времени он все больше и больше сосредотачивал свое внимание на важности

работы революционного меньшинства с массами для развития бунтовского духа». Однако, даже в начале 1880-х, когда он поддерживал индивидуальные акты восстания (если не ради пропаганды действием), он все равно видел потребность в коллективной классовой борьбе и потому «Кропоткин всегда настаивал на важности рабочего движения в борьбе, нацеленной на революцию». [Там же, С. 205-6, стр. 208 и 280]

Как и в этом случае, все больше анархистов понимало, что «пропаганда действием» дает государству оправдание начать репрессии против анархического и рабочего движений. Кроме того, она дала СМИ (и противникам анархизма) повод связать анархизм с бессмысленным насилием, таким образом, настраивая против него большую часть населения. Эту лживую аналогию используют при каждой возможности, независимо от фактов (хотя анархо-индивидуалисты никогда не занимались «пропагандой действий», пресса их так же постоянно обвиняла в «насилии» и «терроризме»).

Кроме того, как Кропоткин отмечал, основное предположение пропаганды действием, то есть что все ждут лишь повода к революции, на деле не подтвердилось. Ведь на самом деле люди — продукты системы, в которой они живут; следовательно, они верят большинству мифов, распространяющихся в целях поддержания системы. С отказом от пропаганды действия, анархисты-аттентанты возвращались к тому, чем большая часть движения и так занималась: поощрению классовой борьбы и процесса самоосвобождения. Возвращение к истокам анархизма может быть замечено на примере роста анархо-синдикалистских союзов после 1890 г. (мы поговорим об этом отдельно в темах, посвященных анархической практике). Эта идея вытекает из самой анархической теории, в отличие от идеи индивидуальных актов насилия: (см. главу А.5.3). Эта идея вытекает из самой анархической теории, в отличие от идеи индивидуальных актов насилия:

«Чтобы начать революцию, особенно анархическую революцию, необходимо, чтобы люди осознали свои права и свою силу; необходимо, чтобы они были готовы бороться и готовы брать управление своими интересами на себя. Привести умонастроения в массах к этому состоянию — вот чем должны постоянно задаваться революционеры, вот на что должна быть нацелена их деятельность… Как можно ждать, что освобождение человечества придет не от развития постоянного и гармоничного сотрудничества всех людей, а благодаря нескольким актам героизма, это то же самое, что ждать его от вмешательства искусного законодателя или победоносного генерала… наши идеи обязывают нас обращать все наши надежды к массам, потому что мы не верим в возможность насаждения добра силой, и мы не хотим быть ведомыми… Сегодня, это… логическое следствие наших идей, условие, которое наша концепция революции и реорганизации общества налагает на нас… жить среди людей и располагать их к нашим идеям посредством активного участия в их борьбе и страданиях». [Errico Malatesta, «The Duties of the Present Hour», С. 181-3, Anarchism, под ред. Robert Graham , С. 180-1]

Несмотря на тактическое разногласие большинства анархистов с пропагандой действием, были анархисты, которые считали, что терроризм или убийство правителей требует выяснения обстоятельств. Бомбить деревню во время войны, потому что там может быть враг, это терроризм, тогда как убийство диктатора или главы репрессивного государства — это защита в лучшем случае и месть в худшем случае.

Как анархисты утверждают, если терроризм значит «убивать невинных людей», тогда государство самый главный террорист (то же самое и про самые разрушительные бомбы и оружие массового поражения, доступные на планете). Если люди, совершающие «террористические акты», действительно являлись анархистами, то они делали все возможное, чтобы избежать нанесения вреда невинным людям и никогда не использовали типично-государственную аргументацию, что «сопутствующие потери» прискорбны, но неизбежны. Вот почему большая часть «пропаганды действием» была направлена против конкретных людей правящего класса, таких как президенты и цари, и являлась реакцией на насилие, совершенное государственной властью и капиталистами.

Итак, «террористические» акты совершались анархистами. С этим никто и не спорит. Однако, они не имеют никакого отношения к анархизму как к общественно-политической теории. Эмма Гольдман замечала, что «не анархизм, как таковой, а зверское убийство 11 рабочих заставило Беркмана сделать покушение на жизнь Фрика». [Там же, стр. 268] Как утверждала лондонская группа «Свобода»:

«Есть одна общеизвестная истина, которую однако люди обыкновенно всегда забывают, когда они бранят анархистов или какую-нибудь другую партию, которая в данный момент возбуждает их ненависть, как виновница какого-нибудь только что совершенного преступления. Это неоспоримый факт, что политические убийства всегда с самых незапамятных времен являлись ответом со стороны раздраженных и впавших в отчаянье классов и раздраженных и доведенных до отчаянья людей; – ответом на несправедливости от их сограждан, которые они сочли невыносимыми для себя. Таким образом, эти акты суть далеко не насилие… не есть результат особых убеждений, объяснение его нужно искать в глубине самой человеческой природы. Вся политическая и социальная история является доказательством этого». [цитируется по: Emma Goldman, Там же, стр. 259]

Терроризм использовался многими другими политическими, социальными и религиозными группами. Например, христиане, марксисты, индуисты, националисты, республиканцы, мусульмане, сикхи, фашисты, евреи и патриоты, все они совершали террористические акты. На немногие же из этих движений или идей вешают ярлычок «террорист по своей натуре» или постоянно ассоциируют с насилием, чтобы показать анархическую угрозу существующему порядку вещей. Нет более удобного способа дискредитировать и маргинализировать идею для злонамеренных и/или неосведомленных людей, чем изображение сторонников этих принципов «сумасшедшими террористами» без убеждений или идеалов вообще, кроме только лишь одного безумного желания разрушать.

Конечно, часть христиан и других вышеприведенных групп выступили против терроризма как нравственно-неприемлемого и контрпродуктивного. Как и большая часть анархистов везде и всегда. Однако, кажется, что только в нашем случае необходимо подчеркивать наше неприятие терроризма снова и снова.

Подводя итог вышесказанному: только незначительное меньшинство террористов были анархистами, и только незначительное меньшинство анархистов были террористами. Анархическое движение в целом всегда понимало, что общественные отношения, по их сути, нельзя убить или разбомбить. По сравнению с насилием государства и капитализма, анархическое насилие — капля в море. К сожалению,

большинство людей помнит действия нескольких анархистов, которые совершали акты насилия, но не насильственные действия и репрессии государства и капитала, которые привели к такой анархической реакции.

A.2.19 Каких этических воззрений придерживаются анархисты?

В анархизме существует практически бесконечное разнообразие этических взглядов, но в основе любого из них лежит общее представление в необходимости развития человеком в себе собственного чувства этики. Все анархисты согласны с Максом Штирнером в том, что человек должен освободить себя от границ существующей нравственности и нравственных вопросов: «Я сам решаю – имею ли я на что-нибудь право; вне меня нет никакого права». [The Ego and Its Own, стр. 189]

Немногие анархисты пошли дальше Штирнера и отклонили любое понятие социальной этики вообще (утверждая, что, Штирнер поддерживает универсальные концепции, пусть они и эгоистичны), но для большинства анархистов такой радикальный моральный релятивизм почти столь же неприемлем, сколь и моральный абсолютизм (моральный релятивизм — представление, что нет хорошего или плохого, а есть походящее и не подходящее каждому конкретному человеку, а моральный абсолютизм – универсальное представление о том, что хорошо, а что плохо, независимо от мнения и ситуации каждого конкретного человека).

Часто провозглашается, что современное общество трещит по швам из-за чрезмерного «эгоизма» или морального релятивизма. Это неправда. Моральный абсолютизм, властвующий над обществом усилиями различных моралистов и истинно верующих, основывает себя, пусть и довольно искусно, на идее одного разума. Но моральный релятивизм недалеко от него ушел, ведь поскольку он отрицает существование (или необходимость) этики, он всего лишь зеркальное отображение того, против чего бунтует. Ни то, ни другое не придает сил человеку и не освобождает его.

Следовательно, обе эти позиции привлекают авторитариев, как людей, неспособных сформировать мнение о процессах и явлениях (и готовых терпеть все что угодно) или тех, кто слепо следует за командами правящей элиты, а потому имеют большую ценность для власть имущих. И та, и другая отклоняется большинством анархистов в пользу эволюционного подхода к этике, основанном на признании способности человека развить этические идеи и межличностные симпатии, чтобы обобщить эти идеи в этические позиции в обществе и в людях. Анархический подход к этике поэтому призывает к критическому индивидуальному исследованию, предполагающему моральный релятивизм, но основывает себя на общественном понимании хорошего и плохого. Как утверждал Прудон:

«Любой прогресс начинается с уничтожения чего-то: каждая реформа опирается на разоблачение отдельных злоупотреблений, каждая новая идея начинается с обоснования недостатков старой идеи».

Большинство анархистов придерживается точки зрения, что этические стандарты, как и жизнь в общем, постоянно развиваются. Поэтому они отвергают различные понятия «закона Божия», «естественного права» и всего подобного в пользу теории

этического развития, основанного на идее, что люди способны подвергать сомнению и оценивать мир вокруг них. Фактически, это даже требуется, чтобы стать действительно свободными! Вы не можете быть анархистом и слепо верить во что-то! Михаил Бакунин, один из основателей анархизма, выражал этот радикальный скептицизм так:

«Никакие готовые к употреблению теории, никакие книги, которые только будут написаны, не спасут мир. Я не признаю никаких систем, я ищу истину».

Любая система этики, не основанная на индивидуальном мнении, может быть только авторитарной. Эрих Фромм объясняет почему:

«Формально авторитарная этика отрицает у человека способность знать, что хорошо, а что плохо; здесь норму всегда устанавливает авторитет, стоящий над индивидом. Такая система основывается не на разуме и знании, а на благоговейном страхе перед авторитетом и субъективном чувстве слабости и зависимости; на отказе от решений, предоставляющем авторитету право принимать их, руководствуясь своей магической властью; его решения не могут и не должны подвергаться сомнению. Предметно, или в смысле содержания, авторитарная этика отвечает на вопрос, что хорошо, а что плохо, исходя в первую очередь из интересов авторитета, а не интересов субъекта; она — эксплуататорская, хотя субъект может извлекать из нее значительные психические или материальные выгоды». [Man For Himself, стр. 10]

Поэтому анархисты используют научный подход к проблеме. Анархисты вырабатывают этические суждения полагаясь не на мифологию духовной помощи, а на мерила своих собственных умов. Это делается через логику и разум и потому является лучшим маршрутом к решению нравственных вопросов, чем устаревшие, авторитарные системы, как например ортодоксальная религия и, конечно, лучше «нет никакого хорошего и плохого» морального релятивизма.

Так каков источник этических идей? Для Кропоткина, «природа может поэтому быть названа первым учителем этики, нравственного начала для человека. Общественный инстинкт, прирожденный человеку, как и всем общественным животным,- вот источник всех этических понятий и всего последующего развития нравственности». [Ethics, стр. 45]

Иначе говоря, основание анархической этики есть сама жизнь. Это означает, что (согласно анархистам), этические точки зрения вырабатываются тремя основными источниками:

1) Из общества и жизни человека в нем. Как утверждал Кропоткин, «Наши понятия людей о нравственности вполне зависят от того, в какой форме сложилось их общежитие в данное время, в данной местности… все это (общественная жизнь) отражается в нравственных понятиях людей и в учениях о нравственности данной эпохи». [Там же, стр. 315] Иначе говоря, из опыта жизни и самой жизни.

2) Критическая оценка людьми этических норм их общества, как обозначено выше. Здесь ядро аргумента Эриха Фромма, что «человек должен принять на себя ответственность за самого себя и признать, что только собственными силами он может придать смысл своей жизни… в жизни нет иного смысла, кроме того, какой человек сам придает ей, раскрывая свои силы, живя плодотворно». [Man for Himself, стр. 45] Иначе говоря, человек думает и развивается.

3) Ощущение сопереживания: «истинное происхождение нравственного чувства… в самом обыкновенном чувстве взаимной симпатии». [«Anarchist Morality», Anarchism, стр. 94] Иначе говоря, в способности человека чувствовать и разделять свои опыт и взгляды с другими людьми.

Этот последний фактор очень важен для понимания смысла этики. Как Кропоткин утверждал, «чем сильнее развито ваше воображение, тем яснее вы себе представите то, что чувствует страдающее существо, и тем сильнее, тем утонченнее будет ваше нравственное чувство… И чем более всякие обстоятельства в жизни, или же окружающие вас люди, или же сила вашей собственной мысли и нашего собственного воображения разовьют в вас привычку действовать, в том смысле, куда вас толкают ваша мысль и воображение, тем более нравственное чувство будет расти в вас, тем более обратится оно в привычку». [Там же, стр. 95].

Анархизм базируется на этическом принципе «относись к другим так, как ты желал бы, чтобы они отнеслись к тебе при таких же обстоятельствах». Анархисты ни эгоисты, ни альтруисты с моральных плакатов, они простые люди.

Как Кропоткин отмечал у «эгоизма» и «альтруизма» одни и те же мотивы: «хотя последствия этих двух поступков совершенно различны для человечества, двигающая сила того и другого одна и та же. И в том и в другом случае человек ищет удовлетворения своих личных желаний — следовательно, удовольствия». [Там же, стр. 85].

Для анархистов понимание человеком этики должно развиваться им же и требует использования в полной мере умственных способностей человека как части социальной группы, как части сообщества. Поскольку капитализм и другие формы власти ослабляют воображение человека и сокращают количество способов реализации для них, чтобы похоронить разум под мертвым грузом иерархии и испорченного сообщества, то не удивительно, что жизнь при капитализме характеризуется абсолютным игнорированием интересов других и недостатком этичности поведения.

Объединим с этими факторами роль, которую играет неравенство в обществе. Без равенства не может быть никакой настоящей этики, потому что «идея справедливости подразумевает идею равенства… только тот, кто считает другого как равного себе, может следовать правилу: Не делайте другим того, чего себе не пожелаете». Владелец крепостными душами и торговец рабами очевидно не могли признать… «категорического императива» [обходиться с ними как с людьми, а не как со средствами], по отношению к крепостному и чернокожему, потому что они не признавали их равными себе». Следовательно, «самой большой помехой развитию и поддержанию нравственного уровня, необходимого для жизни в обществе, является отсутствие общественного равенства. Без равенства — 'без равенства на деле', как выражались в 1793 году, — чувство справедливости не может сделаться общим достоянием, потому что справедливость должна быть одинакова для всех». [Peter Kropotkin, Evolution and Environment, стр. 88 и 79]

Капитализм, как и любое общество, получает этическое поведение, которого он заслуживает.

Не удивительно, что в обществе, которое мечется между моральным релятивизмом и абсолютизмом, эгоизм путают с эготизмом. Отчуждая людей от развития их собственных этических идей и поощряя взамен их слепое повиновение власти (и

моральный релятивизм, как только люди ложно решают, что они более не подчинены власти), капиталистическое общество гарантирует обнищание индивидуальности и эго. Как Эрих Фромм отмечал:

«Несостоятельность современной культуры кроется не в ее принципе индивидуализма, не в идее, что моральная добродетель состоит в удовлетворении личных интересов, а в искажении смысла личного интереса; не в том, что люди слишком сосредоточены на своем личном интересе, а в том, что они недостаточно сосредоточены на интересах своего реального Я; не в том, что они слишком себялюбивы, а в том, что они не любят себя». [Man for Himself, стр. 139].

Поэтому, строго говоря, анархизм основан на эгоистической системе взглядов – этические идеи должны выражать то, что доставляет нам удовольствие как личности (рациональной и эмоциональной, думающей и сопереживающей). Поэтому анархисты отвергают ложное разделение между эгоизмом и альтруизмом и считают, что множество людей (например, капиталисты) называют «эгоизмом» последствия индивидуального самоотрицания и подавления личных интересов. Как утверждает Кропоткин:

«К чему стремится и всегда стремилась нравственность, вырабатывавшаяся в животных и человеческих обществах, если не к тому, чтобы бороться против узких влечений эгоизма и воспитывать человечество в смысле развития в нем альтруизма. Сами выражения 'эгоизм' и 'альтруизм' неправильны, потому что нет чистого альтруизма без личного в нем удовольствия, следовательно, без эгоизма. А потому вернее было бы сказать, что нравственные учения, т.е. этика, имеют в виду развитие общественных привычек и ослабление навыков узколичных, которые не видят общества из-за своей личности, а потому не достигают даже своей цели, т.е. блага личности; тогда как развитие навыков к работе сообща и вообще взаимной помощи ведет к ряду благих последствий как в семье, так и в обществе». [Ethics, С. 307-8]

Поэтому анархизм отвергает моральный абсолютизм (то есть «закон Божий», «естественное право», «человеческая натуру», «А есть А») и ограниченный эгоизм, в который постоянно ударяется моральный релятивизм. Анархисты утверждают, что существуют понятия хорошего и плохого, и что они существуют и вне оценки человеком своих действий.

Тому «виной» социальная природа человечества. Взаимодействия между людьми действительно развиваются в социальный принцип, который , согласно Кропоткину, может охарактеризовать как «Полезно ли это обществу? Тогда, стало быть, хорошо. Вредно обществу? Стало быть, дурно». Оценка людьми действий как правильные или как неправильные не остается неизменной, «понимание того, что полезно и что вредно, изменяется с течением времени, но сущность его остается та же». [«Anarchist Morality», Там же, стр. 91 и 92]

Сопереживание, основанное на критическом мышлении, является фундаментальной основой социальной этики: „что должно быть“ можно видеть как этический критерий для истинности или обоснованности объективного „что есть“. Так, признавая корни этики в природе, анархисты рассматривают этику как фундаментальную человеческую идею, продукт жизни, мышления и эволюции, созданную людьми и обобщенную социальным проживанием и сообществом.

Итак, что же, для анархистов, неэтичное поведение? Все, что нарушает самые драгоценные достижения истории: свободу, уникальность и достоинство человека.

Люди могут видеть, какие действия неэтичны, потому что, благодаря сопереживанию, они могут поместить себя на место тех, кого касается это поведение. Действия, которые ограничивают индивидуальность, можно считать неэтичными по двум (взаимосвязанным) причинам.

Во-первых, защита и развитие индивидуальности обогащают жизнь каждого человека, и доставляет удовольствие людям разнообразием, которое оно производит. Это эгоистичное основание этики подводит ко второй (социальной) причине, а именно, та индивидуальность, которая хороша для общества, обогащает сообщество и общественную жизнь, усиливает их и позволяет им расти и развиваться. Как Бакунин постоянно утверждал, прогресс отмечается движением от «простого к сложному» или, словами Герберта Рида, он «измеряется степенью дифференцирования в обществе. Если человек — единица в корпоративной массе, его [или ее] жизнь будет ограничена, уныла, и механична. Если человек принадлежит себе, у него есть пространство и потенциальная возможность для самостоятельных действий… он может развиваться — развиваться в истинном значении этого слова — развиться в осознании силы, жизнеспособности и радости». [«The Philosophy of Anarchism,» Anarchy and Order, стр. 37]

Этой защите индивидуальности учит нас сама природа. В экосистеме разнообразие — движущая сила и потому биологическая вариативность становится источником понимания главного принципа этики. Она предоставляет руководство, чтобы «помочь нам различить, какие из наших действий служат толчком естественной эволюции, а какие из них препятствуют ей». [Murray Bookchin, The Ecology of Freedom, стр. 442]

Итак, анархическая концепция этики — это «чувство общительности, свойственное всему животному миру, и суждение равноправия, составляющее одно из основных первичных суждений человеческого разума». Поэтому анархисты понимают «постоянное присутствие двоякого стремления: с одной стороны, к общительности, а с другой — к вытекающей из нее большей интенсивности жизни, а следовательно, и большего счастья для личности и более быстрого ее прогресса: физического, умственного и нравственного». [Kropotkin, Ethics, С. 311-2 и 19-20]

Анархическое отношение к власти, государству, капитализму, частной собственности и подобному происходит из нашего этического понимания, что свобода людей важнее всего и из нашей способности сопереживать другим, видеть в них себя (наше основное равенство и всеобщая индивидуальность, иначе говоря).

Итак, анархизм комбинирует субъективную оценку людьми данному стечению обстоятельств и действий с общей картиной объективных межличностных значений этих оценок, сформированных на взаимосвязанных принципах сопереживания и дискуссий на равных. Анархизм использует гуманистический подход к этике, развивающийся вместе с обществом и индивидуальным развитием человека.

Следовательно, этичное общество — то, в котором «различия между людьми будут уважать, даже воспитывать как элементы, которые обогащают единство развития и феномен… [различия] будет считаться индивидуальной частью целого, все более богатеющего в своей сложности». [Murray Bookchin, Post Scarcity Anarchism, стр. 82]

A.2.20 Почему большинство анархистов — атеисты?

Действительно, большинство анархистов — атеисты. Они отвергают идею бога и выступают против всех форм религии, особенно организованной религии. Сегодня в секуляризованных западноевропейских странах религия потеряла главенствующее место в обществе. Это часто заставляет воинствующий атеизм анархистов казаться странным. Однако, если вспомнить отрицательную роль религии, то важность либертарианского атеизма станет очевидной. Именно из-за роли религии и ее учреждений анархисты потратили некоторое время на опровержение идеи религии и пропаганду против нее.

Итак, почему так много анархистов сочувствуют атеизму? Самый простой ответ: большинство анархистов — атеисты, потому что он логически вытекает из самих анархических идей. Если анархизм выступает против любой власти, следовательно, он против и так называемой Абсолютной Власти, Бога.

Анархизм основывается на разумном, логичном и научном мышлении, а не на религиозной мысли. Анархисты склонны быть скептиками, а не верующими. Большинство анархистов полагает, что церковь погрязла в лицемерии, а Библия — фантастика, пронизанная противоречиями, нелепостью и ужасами. Она печально известна своим унижением женщин, ее сексизм позорен. Хотя к мужчинам она относится чуть лучше, но нигде в библии не утверждается, что люди имеют врожденные права на жизнь, свободу, счастье, достоинство, справедливость или самоуправление. В библии люди грешники, черви и рабы (фигурально и буквально, поскольку она потворствует рабству). Бог имеет все права, человечество никаких.

Это неудивительно, учитывая природу религии. Бакунин выразил это лучше всего:

«Идея Бога подразумевает отречение от человеческого разума и справедливости; она — самое решительное отрицание человеческой свободы и неизбежно приводит к порабощению рода человеческого в теории и на практике.

Если мы не хотим порабощения и унижения рода человеческого, как хотят этого иезуиты, пиетисты или протестантские методисты, то мы не можем, не должны делать ни малейшей уступки ни Богу теологов, ни Богу метафизиков, ни Богу поэтов. Тот, кто в этой мистической азбуке начинает с А, неизбежно окончит Я; кто склонен поклоняться Богу, не должен питать никаких ребяческих иллюзий насчет сохранения человеческого достоинства, но мужественно отказаться от всякой свободы и человечности.

Если Бог существует, то человек — раб; но человек может и должен быть свободным; тогда Бога не существует». [God and the State, стр. 25]

Для большинства анархистов, тогда, атеизма требует сама природа религии. «Провозгласить божественным все, что в человечестве велико, справедливо, реально и прекрасно, значить безмолвно согласиться, что человечество само по себе было бы неспособно создать все это, т. е., что представленная самой себе человеческая природа бедна, несправедлива, низка и безобразна. Таким образом, мы возвращаемся назад к сущности всех религий, иначе говоря, к уничтожению человека во славу божества». Отдавая должное нашей человечности и потенциалу человечества, анархисты утверждают, что мы должны обойтись без вредного мифа бога и всего, что он влечет за собой и поэтому «во имя свободы, достоинства и благоденствия человека

мы считаем своим долгом возвратить с неба на землю блага, которые небо украло». [Там же, стр. 37 и 36]

С анархической точки зрения помимо теоретической деградации человечества и его свободы, у религии есть и практические проблемы. Во-первых, религии были источником неравенства и угнетения. Христианство (как и ислам), например, всегда становилось репрессивной силой всякий раз, когда обретало политическое или общественное влияние (верить, что у только вас есть прямая линия с богом — верный путь создания авторитарного общество). Церковь была силой социальной репрессии, геноцида, и оправдания тирании в течение почти двух тысячелетий. Когда ей предоставлялся шанс, она управляла так же безжалостно, как и любой монарх или диктатор. Это и неудивительно:

«Если Бог — все, то реальный мир и человек — ничто. Если Бог — истина, справедливость, благость, красота, могущество и жизнь, то человек — ложь, несправедливость, злоба, безобразие, бессилие и смерть. Если Бог — господин, то человек — раб. Неспособный сам отыскать справедливость, истину и вечную жизнь, он может достигнуть их только посредством божественного откровения. Но раз речь заходит об откровении, то сейчас же появляются на сцену предвозвестники откровения, — мессии, пророки, священники и законодатели, вдохновляемые самим Богом, чтобы направлять людей на путь небесного спасения, непременно пользуются неограниченной властью и в самом земном смысле. Все люди обязаны пассивно и безгранично повиноваться им, так как против божественного разума человеческий рассудок — ничто, а против божественной справедливости не выдержит никакая земная справедливость». [Bakunin, Там же, стр. 24].

Христианство стало толерантным и миролюбивым только когда лишилось власти, но все равно оно продолжает играть свою роль апологета для власть имущих. В этом вторая причина, почему анархисты выступают против церкви, ведь когда она не является источником угнетения, церковь оправдывает и поддерживает его. Она удерживала рабочий класс в оковах в течение нескольких поколений, санкционируя правление земных властей и обучая рабочих, что неправильно бороться против этих властей. Земные правители получали право на царство от небесного лорда, политическими ли (заявляя наместничество бога на земле), или экономическими (богатые вознаграждены богом) они были. Библия хвалит повиновение, словно это большое достоинство. Современные изобретения как, например, протестантская трудовая этика, также способствуют покорности рабочих.

Использование религии для защиты интересов власть имущих прослеживается по всему периоду истории. Она призывает угнетаемых к кроткому принятию их места в жизни, убеждая угнетаемых быть смиренными и ждать награды на небесах. Как Эмма Гольдман утверждала, христианство (как религия вообще) «не содержит ничего опасного для режима власти и богатства; оно означает самоотречение и самопожертвование, покаяние и сожаление и абсолютно инертно перед лицом каждого унижения, каждого произвола, с которым сталкивается человечество». [Red Emma Speaks, стр. 234]

В-третьих, религия всегда была консервативной силой в обществе. Это неудивительно, поскольку она базируется не на исследовании и анализе реального мира, а на повторении догм, поданных свыше и содержащихся в нескольких святых книгах.

Теизм тогда «теория домыслов», а атеизм – «наука доказательств». «Первый висит в метафизических облаках по ту сторону, а второй обретает свои корни в твердой почве. Землю, а не небо, должен спасти человек, если он действительно хочет спастись». Атеизм «выражает развитие и возвышение человеческого разума», а теизм «статичен и неподвижен». В этом «абсолютизм теизма, его пагубного влияния на человечество, его парализующего влияния на мысль и действие, с которым атеизм борется всеми силами». [Emma Goldman, Там же, стр. 243, 245 и С. 246-7]

Библия говорит: «По плодам их узнаете их». Мы, анархисты, согласны с этим, но в отличие от церкви, мы применяем эту истину и к религии. Вот почему мы, в основном, атеисты. Мы признаем разрушительную роль, игравшуюся церковью и вредными эффектами организованного единобожия, особенно Христианством, на людей. Как резюмировала Гольдман, религия «является заговором невежества против разума, темноты против света, подчинения и рабства против независимости и свободы; опровержения силы и красоты против утверждения радости и славы жизни». [Там же, стр. 240].

Итак, учитывая плоды церкви, анархисты утверждают, что пора искоренить ее и посадить новые деревья, деревья разума и свободы.

Однако анархисты не отрицают, что в религиях содержатся важные этические идеи или истины. Кроме того, религии могут быть основой для сильных и любящих сообществ и групп. Они могут предложить прибежище от отчуждения и угнетения повседневной жизни, предложить руководство по действию в мире, где все продается. Много аспектов, скажем, жизни Иисуса или Будды и их учений вдохновляют и стоят последования. Если всего этого бы не было, то религии были бы просто инструментом в руках власти, они бы давно исчезли. У них есть двойственный характер, они содержат как нравственные идеи для жизни, так и апологетику для власти. Если бы они не делали того и другого, то угнетаемые не верили бы, а власть имущие подавили бы их как опасную ересь.

И, действительно, репрессия — это судьба любой группы, которая проповедовала радикальное послание. В средневековье многочисленные революционные христианские движения и секты были раздавлены земными власть имущими, поддерживаемыми церковью. Во время испанской гражданской войны Католическая церковь поддерживала фашистов-франкистов, осуждая убийство священников-профранкистов сторонниками республики, но замалчивая убийства Франко баскских священников, которые поддерживали демократически избранное правительство (Папа Римский Иоанн Павел II старается превратить убитых священников-профранкистов в святых, умалчивая об убитых прореспубликанских священниках). Архиепископ Эль Сальвадора, Оскар Арнульфо Ромеро, начал как консерватор, но увидев на деле, как политические и экономические власти эксплуатируют людей, стал их главным оппонентом. Он был убит правыми военизированными образованиями в 1980 г. за это. Такая судьба постигла и многих других сторонников освободительного богословия, радикальных интерпретаций Евангелий, которые пытались связать социалистические идеи и христианские социальные взгляды.

Анархические аргументы против религии не подразумевают, что религиозные люди не принимают участие в социальной борьбе, чтобы улучшить общество. Отнюдь нет. Религиозные люди, включая членов церковной иерархии, играли ключевую

роль в американском движении за гражданские права 1960-х гг. Религиозная вера в сапатистской армии крестьян во время мексиканской революции не остановила анархистов от принятия самого деятельного участия в нем (идеи анархического бойца Рикардо Флореса Магона получили там значительную поддержку). Двойственный характер религии объясняет, почему так много народных движений и восстаний (особенно крестьян) использовали религиозную риторику, стремясь приложить благие аспекты их веры, борясь с земной несправедливостью, которую обычно освящают ее официальные представители. Для анархистов, если человек готов бороться против несправедливости, то не важно, верит ли он в бога или нет. Но мы, понимая, что социальная роль религии всегда направлена против революции, не поощряем ее. Крошечное число радикальных священников по сравнению с официальными представителями и консерваторами подтверждает наш анализ.

Нужно подчеркнуть, что анархисты, полностью враждебные к идее церкви и официальной религии, не возражают против людей, верующих лично или в группах, пока такая практика не посягает на свободы других. Например, культ, который требует человеческой жертвы или рабства, противоположен анархическим идеям, и потому неприемлем. Но мирные системы веры могут существовать в гармонии в анархическом обществе. Анархисты утверждают, что религия — личное дело каждого. Если люди хотят верить во что-то, то это их дело и ничье больше до тех пор, пока они не начнут навязывать эти мысли другим. Однако мы можем обсуждать их идеи и убеждать их в ошибочности их взглядов.

В заключение надо отметить, что мы не считаем, что каждый анархист должен быть атеистом. Отнюдь нет. Как мы анализируем в секции А.3.7, некоторые анархисты верят в бога или исповедуют некоторые формы религии. Например, Толстой объединил либертарианские идеи с христианской верой. Его идеи, вместе с Прудоном , повлияли на католическую организацию рабочих, основанную анархистами Дороти Дей и Питером Морином в 1933 г. и все еще действующей до сих пор. У анархической активистки Стархоука, известной своей антиглобалистической деятельностью, языческие взгляды, с которыми она не испытывает никаких проблем в движении. Однако большинство анархистов, развивая свои идеи, логически приходят к атеизму, ведь, как Эмма Гольдман выразилась, «отрицание богов в то же время самое сильное утверждение человека, и благодаря человеку, вечной жизни, воли и красоты». [Red Emma Speaks, стр. 248]

А.3 Какие типы анархизма существуют?

В анархизме нет единого устоявшегося взгляда по всем вопросам, это очевидно всем интересующимся анархическим учением. Существует множество школ анархической мысли и они постоянно дискутируют друг с другом по многочисленным проблемам. Эти типы обычно отличаются тактикой и/или целями, причем последнее (идеал свободного общества) является причиной основных разногласий.

Иначе говоря, анархисты поддерживают общие принципы и ключевые идеи анархизма(т.е. то, что делает анархизм анархизмом, выделяя его из остальных учений), но расходятся во взглядах касательно того, как следует воплощать и поддерживать эти принципы.

По мнению Рудольфа Рокера:

«Как и основатели социализма, анархисты требуют уничтожения всех экономических монополий и установления общественной собственности на землю и другие средства производства, использование которых должно быть свободным для всех без различия; личная и общественная свобода возможна только на основе равных экономических возможностей для каждого. В социалистическое движение анархисты вносят идею борьбы против всех учреждений политической власти в дополнение к борьбе против капитализма, поскольку в истории экономическая эксплуатация всегда идет рука об руку с политическим и социальным угнетением. Эксплуатация человека человеком и власть человека над человеком – взаимосвязанные явления, каждое из которых является условием существования другого». [Anarcho-Syndicalism, С. 62-3]

Именно в этом общем контексте кроются основные разногласия между анархистами. Больше всего отличаются экономические программы «индивидуалистов» и «социальных» анархистов, хотя они не взаимоисключают друг друга. Из этих двух типов социальные анархисты (анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты и другие) всегда были значительным большинством в мире, а индивидуалистический анархизм ограничивался главным образом Соединенными Штатами. В следующей главе мы подробнее рассмотрим различия между этими преобладающими тенденциями в анархическом движении. Как скоро будет доказано, социальные и индивидуалистические анархисты вместе выступают против государства и капитализма, но они по-разному представляют образ свободного общества (и то, как его добиться). Если совсем коротко, то социальные анархисты предпочитают коммунальные решения социальных проблем и коммунальный идеал прекрасного общества (то есть общества, которое защищает и поощряет свободу личности). Индивидуалистические анархисты, как их название и предполагает, предпочитают индивидуальные решения и стремятся к индивидуалистическому идеалу прекрасного общества. Однако мы не должны позволить этим различиям затмить общее обеих этих школ, а именно, жела-

ние способствовать свободе личности настолько, насколько это возможно, и желание ликвидировать государство и капиталистическое отчуждение и эксплуатацию.

Помимо этого главного разногласия анархисты также расходятся по таким проблемам, как синдикализм, пацифизм, «образ жизни», права животных и большое количество других идей, но эти различия(хотя они несомненно важны) являются только различными аспектами анархизма. Не считая нескольких ключевых идей, анархическое движение (как и сама жизнь) находится в постоянном преобразовании, дискуссии и размышлении – а что еще можно ожидать от самого свободолюбивого движения.

Следует отметить самую очевидную вещь о различных типах анархизма, а именно, что «ни одно течение не названо именем Великого Мыслителя; наоборот, они неизменно называются по виду практики, или, чаще всего, по организационному принципу… Анархисты любят различать друг друга по тому, что они делают, и как они организуются, чтобы осуществить то, что задумали». [David Graeber, Fragments of An Anarchist Anthropology, стр. 5] Это не означает, что среди анархистов нет людей, которые внесли большой вклад в анархическую теорию. Было и есть много таких людей, в следующих главах мы постараемся отметить важнейших среди них. Но анархисты считают, что называние теории по имени человека подобно идолопоклонству. Анархисты знают, что даже самый великий мыслитель только человек и, следовательно, может ошибаться, жить в несоответствии с собственными идеалами или недопонимать определенные проблемы. Кроме того, мы видим, что мир изменяется и, очевидно, что было подходящей тактикой или программой в, скажем, индустриальной Франции 1840-х гг может не соответствовать Франции 21 века!

Следовательно, ожидаемо, что анархизм как социальную теорию, развивают многочисленные философские школы и практика, связанная с ними. Анархизм, как мы отметили в главе A.1.5, порождает борьба рабочих за свою свободу. Анархические идеи развивались при различных социальных ситуациях и, следовательно, отражали различные существующие обстоятельства. Наиболее очевидно это становится при анализе индивидуалистического анархизма, первоначально развивавшегося в доиндустриальной Америке и, в результате, разработавшего точку зрения на многие проблемы, отличную от социального анархизма. Америка изменилась, идя от преобладающего докапиталистического сельского общества к индустриальному капиталистическому, и американский анархизм изменился вместе с ней:

«Первоначально американское движение, рождение которого связывают с Джошуа Уорреном и 1829 г., было просто индивидуалистическим; экономический исследователь легко поймет материальные и исторические причины этого. Но в течение прошлых двадцати лет коммунистическая идея добилась больших успехов, во-первых, из-за концентрации в капиталистическом производстве, которая заставила американских рабочих осознать идеи солидарности, и, во-вторых, из-за изгнания активных коммунистических пропагандистов из Европы в Америку». [Voltairine de Cleyre, The Voltairine de Cleyre Reader, стр. 110]

Итак, существование многочисленных типов анархизма не признак «бессвязности» анархизма, а признак развития, берущего свое начало в действительности, а не в длинных книгах мертвых мыслителей. Это признание, что люди различаются, что мечта одного человека может быть кошмаром для другого и что различная тактика

и организации могут требоваться при разных социальных периодах и борьбе. Так что, хотя у анархистов есть свои взгляды касательно того, как свободное общество будет создано и на что будет походить, они признают, что другие формы анархизма и либертарной тактики могут быть более подходящими для других людей и социальных обстоятельств. Однако, если же кто-то решит назвать свои идеи анархизмом, то это не сделает их анархизмом автоматически. Любой подлинный тип анархизма должен разделять фундаментальные принципы движения, а именно выступать против государства и капитализма.

Кроме того, упреки анархизма в «бессвязности» его критиками обычно слишком раздуты. В конце концов, следование догмам Маркса и/или Ленина не мешало марксистам расколоться на многочисленные стороны, группы и секты. И при всем при этом не остановило сектантский конфликт между ними, основанный на том, чья интерпретация священнописаний «истиннее» или кто использовал «истинные» цитаты, пытаясь приспособить свои идеи и практику к миру, существенно отличающемуся от Европы 1850-х или России 1900-х. По крайней мере, анархисты честно признают свои различия!

Наконец, чтобы расставить все точки, авторы этого FAQ считают себя убежденными сторонниками «социальной» ветви анархизма. Это не значит, что мы игнорируем много важных идей, привнесенных в теорию индивидуалистическим анархизмом; это значит, что мы считаем, что социальный анархизм больше подходит в качестве направления развития современного общества, закладывает сильнейший базис для свободы личности и стремится к такому типу общества, в котором мы хотели бы жить.

A.3.1 В чем разница между индивидуалистами и социальными анархистами?

Хотя представители обоих течений любят упрекать друг друга в том, что их идеи приведут к перерождению государства в новой форме, но различия между индивидуалистами и социальными анархистами не столь значительны. И те, и другие против государства, против власти и против капитализма. Мы остановимся на двух основополагающих различиях.

Первое относится к средствам действия здесь и сейчас (методы, которыми можно достичь анархии). Индивидуалисты в основном предпочитают просвещение и создание альтернативных учреждений, таких как народные банки, союзы, коммуны, и т.д. Они обычно поддерживают забастовки и другие ненасильственные формы социального протеста (отказ вносить квартирные платы, неуплата налогов и так далее). При помощи такой деятельность, они утверждают, существующее общество можно будет постепенно развивать из правительственного в анархическое. Они прежде всего эволюционисты, а не революционеры, и не поддерживают использование социальными анархистами прямого действия для создания революционных ситуаций. Они считают, что революция противоречит анархическим принципам, поскольку она требует экспроприации капиталистической собственности и поэтому авторитарных средств. Они же стремятся возвратить обществу богатство, отнятое

у него собственностью, посредством новой альтернативной системы экономики (базируемой вокруг народных банков и кооперативов). Тогда «социальное преобразование»(термин Прудона social liquidation) будет плавным, а переход к анархизму осуществится благодаря реформам, а не экспроприации.

Большинство социальных анархистов признает необходимость просвещения и создания альтернатив (для этого создаются либертарные профсоюзы), но при этом они не согласны, что этого достаточно самого по себе. Они не считают, что капитализм можно преобразовать постепенно шаг за шагом в анархию, хотя и не отрицают важность достижения реформ через социальную борьбу, развивающих либертарные тенденции при капитализме. Также они не считают, что революция противоречит анархическим принципам, поскольку не авторитарно уничтожать власть (будь то государство или капитализм), следовательно экспроприация капиталистической собственности и уничтожение государства социальной революцией – либертарное, а не авторитарное действие по самой своей сути, ведь оно направлено против тех, кто управляет и эксплуатирует большинство. Если коротко, то социальные анархисты обычно и эволюционисты, и революционеры, они стремятся усилить либертарные тенденции при капитализме, подготовить и собрать критическую массу сторонников и отменить эту систему социальной революцией. Однако, поскольку некоторые социальные анархисты могут быть так же чистыми эволюционистами, это различие, отличающее социальных анархистов от индивидуалистов, не самое основное.

Второе и главное различие касается формы предпочитаемой анархической экономики. Индивидуалисты предпочитают рыночную систему распределения, а социальные анархисты – систему распределения, основанную на потребностях. Они согласны друг с другом в том, что существующая система капиталистической собственности должна быть отменена и что права собственности на средства жизнеобеспечения должны быть заменены на права пользования (то есть отмена арендной платы, процента и прибыли — «ростовщичества»). Обе школы вторят прудоновским аргументам, изложенным в «Что такое собственность?», когда утверждают, что владение должно заменить собственность в свободном обществе (см. раздел B.3 насчет анархических точек зрения о собственности). Таким образом собственность «утратит сакрализующий ее сегодня признак. Абсолютная собственность — „право использовать или злоупотреблять“ — будет отменена, и владение, пользование, станет единственным названием. Будет замечено, насколько невозможно для одного человека „иметь“ миллион акров земли, без документа, устанавливающего право собственности, выданного правительством, готовым защищать право собственности от всех опасностей». [Lucy Parsons, Freedom, Equality & Solidarity, p. 33]

В этой структуре прав пользования, две школы анархизма предлагают различные системы. Социальный анархизм, в основном, приводит доводы коммунальной (или социальной) собственности и пользования. Его решения привели бы к личной собственности на вещи, которые вы используете и общественной собственности на вещи, которые использовались для их создания, то есть на средства производства. «Так, ваши часы останутся вашими, но часовой завод будет принадлежать народу… Реальное пользование» — пишет Беркман, — «будет давать лишь право пользования — как обладание, а не собственность. Например, организация шахтёров-угольщиков будет отвечать за шахты, не как их собственник, а как администратор… Общественное

владение, коллективно управляемое в интересах сообщества, встанет на место персональной собственности, управляемой частными лицами ради получения прибыли». [Азбука анархизма.-Потребление и обмен]

Эта система будет основана на самоуправлении трудящимися землей, фабриками и заводами и (для большинства социальных анархистов) свободном распределении результатов труда (то есть безденежная экономическая система). Дело в том, что «в настоящее время, когда все связано и все переплетается между собою в промышленности, когда каждая отрасль производства пользуется услугами всех остальных, — искать долю каждого в современном производстве оказывается совершенно невозможным.» А значит, невозможно «определить при таких условиях часть, приходящуюся на долю каждого в тех богатствах, созданию которых содействуем мы все» и, кроме того, «общая собственность на орудия производства неизбежно приведет и к пользованию сообща продуктами общего труда.» [Кропоткин, Хлеб и Воля.-Анархический коммунизм]. Этим социальные анархисты подразумевают, что общественный продукт, произведенный всеми, должен быть доступен всем и каждый человек, внесший продуктивный вклад в общественную деятельность, может взять то, в чем он нуждается (как мы сможем достигнуть такого идеала — спорный вопрос, который мы исследуем в главе I.2.2). Некоторые социальные анархисты, например мютюэлисты, против такой системы либертарного (или свободного) коммунизма, но, вообще, огромное большинство социальных анархистов ждут с нетерпением ликвидации денег и, следовательно, отношений купли-продажи. Все они мечтают увидеть, как при анархии «капиталистическая и собственническая эксплуатация будет остановлена всюду» и «упразднена система наемного труда», а на замену им придет «равный и справедливый обмен» (по Прудону) или свободное распределение (по Кропоткину). [Proudhon, The General Idea of the Revolution, p. 281].

С другой стороны, индивидуалистический анархизм (например, мютюэлизм) не считает, что такая система прав пользования должна распространяться и на результаты труда. Вместо общественной собственности индивидуалистические анархисты предлагают рыночную систему, в которой трудящиеся будут персонально владеть средствами производства и свободно обмениваться продуктами своего труда. Они утверждают, что капитализм, на самом деле, несвободный рынок, потому что с помощью государства капиталисты оковали рынок, чтобы создать и защитить свою экономическую и общественную власть (другими словами рыночная дисциплина для трудящихся классов помогает государству и правящему классу). Государства создают монополии (деньги, земля, тарифы и патенты), а государственная поддержка капиталистических прав собственности порождает экономическое неравенство и эксплуатацию. С отменой правительства по-настоящему свободная конкуренция покончила бы с капитализмом и капиталистической эксплуатацией (см. эссе Бенджамина Такера Государственный социализм и Анархизм, в котором подробно обосновывается этот аргумент).

Анархо-индивидуалисты утверждают, что средства производства (за исключением земли) являются результатом индивидуального труда, и следовательно, люди должны иметь право продать средство производства, которое они используют, если они так захотят. При этом они отвергают капиталистические права собственности, а вместо них предлагают систему «захвата и пользования». Если средство производства,

например земля, ни кем не используется, оно становится общим и доступным всем для пользования. Они думают, что такая система, предложенная мютюэлистами, положит начало управлению трудящимися производством и конец — капиталистической эксплуатации и ростовщичеству. Это так, потому что, логически и практически, режим «захвата и пользования» не может сосуществовать с наемным трудом. Если же производство устроено таким образом, что индивидуально на нем работать невозможно, тогда оно должно принадлежать и приносить прибыль коллективу, который пользуется им. Если один человек утверждает, что какое-либо производство находится в его собственности, но на нем работает больше чем один человек, тогда, очевидно, принципы «захвата и пользования» нарушены. Точно так же, если собственник нанимает других, чтобы они приносили прибыль ему, он становится боссом, присваивающим результаты труда рабочих, и принцип, что труд должен владеть результатом труда, нарушается. Поэтому принципы индивидуалистического анархизма приводят к антикапиталистическим выводам (см. часть G.3).

Второе различие порождает самые страстные дискуссии. Индивидуалисты боятся, что их заставят присоединиться к сообществу, этим подавив их личную свободу (включая свободу свободного обмена с другими). Макс Штирнер превосходно выражает эти опасения: «коммунизм, уничтожающий всякую личную собственность, еще более ставит меня в зависимость от другого, а именно от общества… [что есть] стеснение моей свободной деятельности, учреждение верховной власти надо мной. Коммунизм справедливо восстает против гнета, который я испытываю от единичных собственников, но еще страшнее та власть, которую он даст обществу.» [Единственный и его собственность]. Аналогично Штирнеру, Прудон приводил доводы против коммунизма, заявляя, что сообщество становится собственником при коммунизме и, следовательно, капитализм и коммунизм основаны на собственности и потому власти (см. главу «Основные черты общности и собственности» в книге Что такое собственность). Итак, анархо-индивидуалисты утверждают, что общественная собственность опасна для свободы человека, поскольку любая форма коммунизма подчиняет человека обществу или коммуне. Они опасаются, что, подобно диктату индивидуальной этики, социализация неизбежно приведет к утрате рабочего самоуправления, так как «общество» скажет рабочим, что произвести и заберет результаты их труда. Они считают, что коммунизм (или общественная собственность вообще) была бы подобна капитализму, только эксплуатацию и власть боссов заменила бы эксплуатация и власть «общества».

Само собой разумеется, что социальные анархисты с этим не согласны. Они утверждают, что аргументы Штирнера и Прудона полностью верны — но во всем, что касается государственного коммунизма. Как Кропоткин утверждал, « Возражения, выставленные Прудоном против коммунизма во имя свободы личности…, хотя им уже больше пятидесяти лет, не потеряли ничего из своей ценности. До [сороковых годов XIX в.] коммунизм [проявлялся] в форме монастыря, в котором все монахи, безусловно, подчиняются воле настоятеля. [Такой] начальнический, принудительный коммунизм убил бы… [даже] ту небольшую личную свободу, которую человечеству удалось уже отвоевать.» [Коммунизм и анархия]. Кропоткин утверждал, что анархо-коммунизм — это новая идея и, учитывая, что она датируется 1870-ми гг, возражения

Прудона и Штирнера нельзя принимать на её счет, поскольку они были незнакомы с этим идеалом.

Социальные анархисты не требуют подчинения личности обществу, но находят в общественной собственности необходимую основу для защиты личной свободы во всех аспектах жизни, поскольку она позволяет отменить власть собственника в любой существовавшей или возможной форме. Кроме того, коммунистический анархизм требует прав личной собственности и личного пространства, а не просто отменяет всю индивидуальную «собственность». Так мы находим у Кропоткина возражения формам коммунизма, которые «непременно желали устроиться по образцу семьи… селилиться под одним кровом… всю жизнь оставаться в обществе все тех же 'братьев и сестер'… было [бы] коренною ошибкою налагать на всех членов жизнь 'большою семьею' вместо того, чтобы, напротив, обеспечить каждому наибольшую свободу и наибольшее охранение внутренней жизни каждой семьи.»[Маленькие коммунистические общины. – Причины их неуспеха]. Цель анархического коммунизма, и здесь мы снова обратимся к Кропоткину, дать «всем возможность пользоваться продуктами, собранными или сфабрикованными сообща и оставляет за каждым свободу потребления по своему вкусу, у себя дома.»[Анархия и ее место в социалистической эволюции]. Это обеспечит свободу индивидуальности в потреблении через свободное выражение личных вкусов и желаний, а в производстве через рабочее самоуправление, которое всеми силами стараются поддерживать социальные анархисты.

Итак, социальные анархисты считают, что анархо-индивидуалисты справедливо критикуют государственный или авторитарный коммунизм, но игнорируют фундаментальный характер коммунистического анархизма. Анархо-коммунисты хотят не растворить личную свободу в сообществе, а наоборот, защитить сообществом личную свободу. Основой социальному анархизму служит важность индивидуального самовыражения, а вовсе не власть общества над человеком, чего боятся анархо-индивидуалисты:

«Анархический коммунизм стремится к победе, наиболее ценной для всех,— свободе индивида. Он расширяет ее и дает ей свободную базу— свободу экономическую, без которой политическая свобода остается пустым звуком. Отрешившись от бога-господина вселенной, бога-Цезаря и бога-Парламента, анархический коммунизм не требует от индивида, чтобы он поставил над собой еще более чудовищного бога-общество, чтоб он сложил у его престола свою независимость, волю, свои вкусы и дал обет аскетизма, как это делалось когда-то пред распятым богом. Наоборот, он говорит ему: „Нет свободного общества, пока не свободен индивид! „»[Там же]

К тому же, социальные анархисты всегда считали, что коллективизация может быть только добровольной. Если люди хотят работать индивидуально, то это не представляется проблемой (см. The Conquest of Bread, p. 61 и Act for Yourselves, pp. 104-5 а так же Errico Malatesta: His Life and Ideas, p. 99 and p. 103).). Социальные анархисты подчеркивают, что это ни в коем случае не противоречит их принципам или коммунистической природе желаемого ими общества, в котором исключения внедрены в самой системе прав пользования, желаемой обеими школами анархизма(подробнее см. в главе I.6.2). Кроме того, по мнению социальных анархистов, ассоциация существует ради людей, которые составляют ее; она – средство сотрудничества всех

для удовлетворения потребностей каждого. Поэтому, все анархисты подчеркивают важность свободного соглашения и считают его основой анархического общества. То есть все анархисты согласятся с Бакуниным:

«Можно навязать коллективизм только рабам, — а тогда коллективизм становится отрицанием человечества. У свободного народа коллективизм может явиться лишь силою вещей, не по приказу свыше, а снизу и необходимо выдвинутый самими массами»[Bakunin на Анархизме, p. 200].

Если индивидуалисты хотят работать на себя и обмениваться товарами, социальные анархисты не возражают. А значит, мы можем сделать вывод, что две формы анархизма не взаимоисключают друг друга. Социальные анархисты признают право людей не присоединяться к коммуне, а анархо-индивидуалисты признают право людей объединить их имущество так, как они считают целесообразным, включая коммунистические ассоциации. Однако, если от имени свободы какой-либо человек захотел бы потребовать права собственности, чтобы эксплуатировать труд других, то социальные анархисты стали бы сопротивляться этой попытке возродить государственность под именем «свободы». Анархисты против «свободы» править! Словами Луиджи Галлеани:

«Когда под удобным прикрытием анархического индивидуализма, приветствуют идею господства, это софизм… Глашатаи господства предполагают практиковать индивидуализм от имени своего эго над послушным, покорным или инертным эго других». [The End of Anarchism?, p. 40]

Кроме того, социальные анархисты считают, что идея продажи средств производства подразумевает возможность возрождения частной собственности в анархическом обществе. На свободном рынке одни преуспевают, а другие терпят неудачу. Как утверждал Прудон, в состязании побеждает сильнейший. Если рыночная сила одной стороны слабее, чем другой, тогда любой «свободный обмен» принесет пользу сильнейшей стороне. Поэтому рынок, даже некапиталистический, будет иметь тенденцию увеличивать неравенства богатства и власти со временем, а не уравнивать их. При капитализме очевидно, что владеющие капиталом находятся в более выгодном положении, чем продающие свой труд, и эта проблема в той или иной мере касается и индивидуалистического анархизма.

Вот почему, утверждают социальные анархисты, индивидуалистическое анархическое общество против своего желания развивалось бы от справедливых обменов назад к капитализму. Если, что вполне вероятно, «неудачливые» конкуренты разорятся и станут безработными, им придется продавать труд «удачливым», чтобы выжить. Это создало бы авторитарные общественные отношения и господство меньшинства над большинством при помощи «свободных договоров». Принудительное применение таких контрактов (и подобных им), по всей вероятности, «открывает… путь к воссозданию под лозунгами „защиты“ всех функций государства.» [Peter Kropotkin, Anarchism, стр. 297]

Либерализм и идеи свободного рынка из всех анархистов больше всего повлияли на Бенджамина Такера, и он не понаслышке знаком с проблемами, связанными со всеми школами абстрактного индивидуализма, например одобрением авторитарных общественных отношений под видом «свободы». Причиной тому схожесть собственности и государства. Такер утверждал, что государство было отмечено двумя

признаками: нападением и «присвоением исключительной власти над данной территорией и в ее пределах, обыкновенно осуществляемой с двоякой целью—наиболее полного угнетения подданных и расширения границ.» [Вместо книги.-Отношение государства к личности]. Но у босса и собственника также есть власть над данной территорией(по вопросам собственности) и всем в ее пределах(рабочие и арендаторы). Первый контролирует действия последних так же, как государство управляет гражданином или подданным. Иначе говоря, частная собственность создает те же общественные отношения, что и государство, так как они порождаются одним источником (монополией власти над данной областью и теми, кто владеет ей).

Социальные анархисты утверждают, что предлагаемая анархо-индивидуалистами индивидуальная собственность и их индивидуалистическая концепция свободы личности может привести к подавлению свободы личности созданием общественных отношений, которые чрезвычайно авторитарны/государственны по сути. «Индивидуалисты,» — считал Малатеста, — «уделяют слишком большое внимание абстрактному понятию свободы и не могут понять, что настоящая, конкретная свобода есть результат солидарности и добровольного сотрудничества.»[The Anarchist Revolution, стр. 16] Так, например, наемный труд связывает рабочего теми же самыми отношениями с боссом, которыми гражданство размещает гражданина в государстве, а именно, отношениями господства и подчинения. То же самое можно сказать и про арендатора и владельца.

Такие общественные отношения не могут не породить других признаков государства. Их следствием может быть только перерождение государства, считал Альберт Мельцер, например «школа Бенджамина Такера на основании своего индивидуализма пришла к утверждению необходимости полиции для подавления забастовок и гарантии „свободы работодателя". Вся эта школа так называемых индивидуалистов приняла… необходимость полиции, стало быть и правительства, нарушив основное определение анархизма, а именно отсутствие правительства.»[Anarchism: Arguments For and Against, стр. 8]. Это одна из причин, по которым социальные анархисты предлагают общественную собственность как лучшее средство защиты свободы личности.

Предлагая индивидуальную собственность, вышеописанную проблему можно только «обойти», утверждая вместе с Прудоном (источник многих экономических идей Такера) потребность в кооперативах для самоуправления рабочими местами, на которых задействуется больше чем один рабочий. Это естественно распространяет их концепцию «захвата и пользования» на землю, свободную от землевладельцев. Без кооперативов рабочие будут эксплуатироваться, поскольку «легко говорить о покупке [рабочими] инструментов или малых машин, которые можно перемещать; но что насчет гигантских аппаратов, необходимых для работы шахты или завода? Такое требует работы множества людей. Если кто-либо завладеет ими, то разве он не будет заставлять других платить дань за пользование?» Дело в том, что «найма не будет, если наниматель не сможет выручить за продукт больше, чем пришлось вложить. В этом же случае неизбежный курс обмена и повторного обмена привел бы к тому, что наниматель получал бы меньше полной стоимости.» [Voltairine de Cleyre, «Why I am an Anarchist», Exquisite Rebel, стр. 61 и стр. 60] Только если люди используют исключительно собственные ресурсы, индивидуальная собственность не приводит к

появлению иерархической власти или эксплуатации (то есть этатизма/капитализма). Только при кооперативном владении промышленностью рабочие могут уверены в том, что их самоуправление реальность, а не фикция, и что они получают полную стоимость произведенных товаров после их продажи.

Это единственно решение, которое анархо-индивидуалисты, кажется, готовы принять, и единственное, совместимое со всеми их заявленными принципами (и с анархизмом). Французский индивидуалист Э. Арманд считал, что его школа анархизма так же, как и анархо-коммунизм понимает, что «владение товарами потребления есть необходимое выражение индивидуальности [трудящихся]», но, в отличие от него(и это ключевое отличие) «расценивает владение средствами производства и свободную продажу результатов своего труда как квинтэссенцию гарантии независимости человека. Для нас суть этого владения сводится к возможности развивать (людям, парам, семьям, и т.д.) необходимый участок земли или производственный станок в соответствии с требования и интересами каждой социальной единицы, предупреждая, что владелец не передаст это средство производства кому-либо или сам, работая на нем, не будет оплачивать чьи-то услуги.» Так анархо-индивидуалист может «защититься от… чьей-либо эксплуатации одним из его соседей, которые могли бы усадить его за работу и использовать для своей выгоды» или «жадности, заставляющей человека, пару или семью работать больше, чем необходимо для нормальной жизни» [«Mini-Manual of the Anarchist Individualist», C. 145-9, Anarchism, Robert Graham (ed.), стр. 147 и С. 147-8]

Идеи американских анархо-индивидуалистов логически приводят к таким же заключениям. «Захват и пользование» автоматически исключает наемный труд, эксплуатацию и отчуждение. Как Уильям Гари Клэйн правильно указывает, американские анархо-индивидуалисты «стремились к обществу ненаемных тружеников без существенного экономического неравенства среди них.» [The Individualist Anarchists, стр. 104]. Именно это представление общества без наемного труда логически вытекает из их принципов и подтверждает анархичность их идей. Они уверены в том, что такая система привела бы к упразднению прибыли, арендной платы и процента, и эта уверенность ставит их в антикапиталистический лагерь рядом с социальными анархистами.

Само собой разумеется, социальные анархисты не согласны с анархо-индивидуалистами и считают, что даже некапиталистические рынки имеют ряд характерных отрицательных черт, подрывающих свободу и равенство. Развитие промышленности привело бы к появлению барьеров для входа на рынки, и этот факт не только делает почти невозможным отмену капитализма через конкуренцию с ним, но также дает возможность ростовщичеству возродиться в новых формах. Если мы объединим это с трудностью определения размера вклада каждого рабочего в получившийся продукт в современной экономике, то поймем, почему социальные анархисты утверждают, что капитализм возможно уничтожить только общественной собственностью и общественным контролем над экономикой. Такое понимание развития капиталистической экономики заставляет социальных анархистов выбирать не индивидуалистический анархизм, а общественное, и следовательно, децентрализованное производство, в котором участники свободно объединены кооперативным трудом повсеместно, а не только на рабочем месте.

Для большей дискуссии о идеях индивидуалистического анархизма, и почему социальные анархисты отвергают их, смотри раздел G — “Является ли индивидуалистический анархизм капиталистическим?»

A.3.2 Какие типы социального анархизма существуют?

Существуют следующие основные направления в социальном анархизме: мютюэлизм, коллективизм, коммунизм и синдикализм. В основном разногласия между ними находятся в области стратегии достижения прекрасного общества. По форме организации этого общества предложения вносит только мютюэлизм. Он предлагает форму рыночного социализма: кооперативы рабочих обменивают продукт своего труда при помощи системы банков, принадлежащих коммунам. Эта сеть народных банков была бы «сформирована целым сообществом для пользы всех, исключая чье-либо преимущество… [без] каких-либо процентов… по ссудам, кроме суммы, покрывающей риски и расходы.» С помощью этой системы люди покончили бы с капиталистической эксплуатацией и угнетением, ведь «введя мютюэлизм в обмен и кредит, мы введем его всюду, и труд, преобразившийся новым признаком, станет действительно демократичным.» [Charles A. Dana, Proudhon and his «Bank of the People», pp. 44-45 and p. 45]

В социальной версии анархического мютюэлизма, в отличие от индивидуалистической, банки существуют внутри и под управлением местных сообществ, а не как независимые кооперативы, а значит их инвестиционными фондами не смогут воспользоваться капиталистические предприятия. Помимо этого социально-анархические мютюэлисты, в отличие от индивидуалистов, поддерживают создание того, что Прудон называл «агропромышленной федерацией» в дополнение к федерации либертарных сообществ (Прудон называл их коммунами). Это «конфедерация… предназначенная, чтобы обеспечить взаимную безопасность в торговле, промышленности» и крупномасштабных проектах, таких как дороги, железные дороги и так далее. Цель «определенных федеральных мер состоит в том, чтобы защитить граждан объединенных государств [sic!] от капиталистического и финансового феодализма, как внутри, так и извне», потому что «политическое право необходимо поддерживать экономическим правом». Так агропромышленная федерация защищала бы анархическую природу общества от эффектов дестабилизации обменов на рынке(которые могут привести к увеличивающемуся неравенству в богатстве, что в свою очередь породит власть). Эта система была бы практическим примером солидарности, поскольку «отрасли промышленности — сестры; они части одного и того же тела, страдания одной неизбежно отразятся на других. Они должны поэтому строиться на принципах федеративности, не ради взаимопоглощения и путаницы, но чтобы обеспечить всем условия общего процветания… Заключение такого соглашения не будет умалять их свободу, оно дополнит ее безопасностью и силой.» [The Principle of Federation, стр. 70, стр. 67 и стр. 72]

Всех остальных социальных анархистов не устраивает предлагаемая мютюэлистами рыночная система, даже с учетом ее антикапитализма. Они считают, что свобода лучше всего обслуживается обобществлением производства и свободным

распределением информации и результатов труда между кооперативами. Иначе говоря, другие формы социального анархизма основаны на общей (или общественной) собственности федераций ассоциаций производителей и коммун, а не на мютюэлистической системе индивидуальных кооперативов. По словам Бакунина «будущая социальная организация непременно должна быть реализована по направлению снизу вверх, посредством свободной ассоциации или федерации рабочих, начиная с союзов, коммун, областей, наций и кончая великой международной федерацией»[Парижская Коммуна и понятие о государственности], «чтобы земля, орудия труда и вообще весь капитал перешли в коллективную собственность общества в целом, чтобы не были пригодны к использованию кем угодно, кроме работников, а именно сельскохозяйственных и промышленных объединений.» [Программа международного альянса социалистической демократии, цит. по: Бертран Рассел, Предложенные пути к свободе.–Бакунин и анархисты.]. Только расширяя принцип сотрудничества за пределы индивидуальных рабочих мест, мы можем максимально воплотить и защитить индивидуальную свободу (чтобы узнать больше о том, почему большинство анархистов против рынков, см. главу I.1.3). Мы можем заметь в вышеозвученной аргументации некоторые прудоновские мотивы. В индустриальных конфедерациях «общее пользование получали бы средства производства, находящиеся в собственности любой из групп-участников и, согласно обоюдовыгодному соглашению, ставшие коллективной собственностью целой… федерации. Так федерация групп смогла бы… регулировать темп производства, чтобы удовлетворять колебающиеся потребности общества.» [James Guillaume, Bakunin on Anarchism, p. 376]

Все анархисты согласны с мютюэлистами в необходимости кооперативного рабочего самоуправления на производстве, но предлагают конфедерации таких ассоциаций, как фокальную точку для того, чтобы воплотить взаимную помощь вместо рынка. Автономия на рабочих местах и самоуправление были бы основанием любой федерации, поскольку у «рабочих на различных фабриках нет ни малейшего намерения передать их с трудом завоеванный контроль над средствами производства превосходящей власти, называющей себя „корпорация.“» [Guillaume, Там же, стр. 364] В дополнение к этой всеотраслевой федерации также существовала бы межотраслевая промышленность и конгрессы сообществ для разрешения проблем, носящих социальный характер или не подпадающих под исключительную юрисдикцию или задачи какой-либо отдельной индустриальной федерации. И снова здесь чувствуется влияние мютюэлизма Прудона.

Все социальные анархисты утверждают необходимость общественного владения средствами производства (исключая использующиеся отдельными людьми) и отвергают индивидуалистическую идею возможности их продажи владельцем(т.е. тем, кто пользуется). Причина, как уже было сказано ранее, состоит в том, что эта идея может дать капитализму и этатизму возможность для реставрации. Кроме того, другие социальные анархисты критикуют мютюэлистическую идею реформирования капитализма в либертарианский социализм при помощи народного банка. Они считают, что сменить капитализм свободным общество можно только революцией.

Анархо-коллективисты, в отличие от анархо-коммунистов, считают, что коммунизм нужно устанавливать постепенно. Характерной чертой такой постепенности является вопрос денег после революции. Коммунисты хотят их отменить, а коллек-

тивисты считают достаточным упразднение частной собственности с сохранением денежной системы(или, точнее системы рабочих чеков, как платы за рабочие часы). Как отмечал Кропоткин, коллективистский анархизм «выражает положение дел, при котором все средства производства принадлежат одновременно трудовым группами и свободным коммунам, а способы распределения труда, коммунистического или нет, определяются каждой группой под себя.» [Anarchism, стр. 295] То есть коммунизм и коллективизм солидарны в организации производства через ассоциации производителей, но предлагают разные варианты распределения произведенных товаров. При коммунизме будет свободное потребление, а при коллективизме, скорее всего, будет распределение товаров согласно внесенному труду. Однако, большинство анархо-коллективистов думают, что, через некоторое время после революции, поскольку производительность увеличится и чувство принадлежности к коллективу станет сильнее, рабочие чеки исчезнут. И, в конце концов, идеал общественного устройства и тех, и других можно описать коммунистическим принципом: «От каждого по способностям, каждому по потребностям.» Разница лишь в, как быстро он будет приложен на практике (см. главу I.2.2).

Анархо-коммунисты возражают, что «у коммунизма — по крайней мере, частично — есть больше возможностей для реализации» после революции, «чем у коллективизма». [Там же, стр. 298] Они считают, что движение к коммунизму необходимо, потому что «начиная с отмены частной собственности на средство производства, коллективизм тут же поворачивает назад, возвращаясь к системе вознаграждения за выполненную работу, что означает восстановление неравенства.» [Александр Беркман»Азбука анархизма».-Глава 13 Производство]. Чем быстрее осуществится развитие к коммунизму, тем меньше предоставится возможностей для рецидива неравенства. Само собой разумеется, эти программы не слишком сильно отличаются и, на практике, потребности социальной революции и уровень политического понимания революционеров определят, какая система будет применена в каждой из областей.

Синдикализм – еще одна форма социального анархизма. Анархо-синдикалисты, как и другие синдикалисты, хотят создать профсоюзное движение, основанное на анархических идеях. Для этого они строят децентрализованные федеративные профсоюзы и добиваются в них прямым действием реформ при капитализме, чтобы стать сильнее и свергнуть его. По многим вопросам анархо-синдикализм можно рассматривать как новую версию коллективистского анархизма, поскольку они также подчеркивают необходимость работы анархистов с рабочим движение и создания профсоюзов, которые послужат прототипом будущего свободного общества.

Итак, даже при капитализме анархо-синдикалисты стремятся создавать «свободные ассоциации свободных производителей.» Они считают, что эти ассоциации служили бы «практической школой анархизма», и очень серьезно воспринимают предложение Бакунина, что организации рабочих должны создавать «не только идеи, но также и факты будущего» в предреволюционный период.

Анархо-синдикалисты, как и все социальные анархисты, «убеждены, что социалистический экономический строй не может быть создан декретами и уставами правительства, а только солидарным сотрудничеством рабочих рук и умов в каждой отдельной отрасли производства; то есть, посредством передачи всех заводов

и фабрик в самоуправление производителям в такой форме, чтобы отдельные кооперативы, заводы или отрасли промышленности — независимые члены общего экономического организма – продолжили бы производство и распределение продуктов в интересах общества на основе свободных взаимных соглашений.» [Rudolf Rocker, Anarcho-syndicalism, стр. 55]

Снова, как все социальные анархисты, анархо-синдикалисты считают коллективную борьбу и профсоюзную самоорганизацию школой анархизма. Как отмечал Юджин Варлин (анархист, активист Первого Интернационала, убитый в ходе подавления Парижской Коммуны), у союзов есть «огромное преимущество в воспитании людей, приученных к коллективной жизни и подготовке их к более продвинутой социальной организации. Они приучают людей не только жить друг с другом и понимать друг друга, но также и самоорганизовываться, спорить и рассуждать в коллективистской перспективе.» Кроме того, смягчая капиталистическую эксплуатацию и угнетение здесь и сейчас, союзы также «формируют естественные элементы социального здания будущего; именно они могут быть легко преобразованы в ассоциации производителей; именно они могут породить социальные компоненты и организацию производственной работы.» [цитируется по: Julian P. W. Archer, The First International in France, 1864-1872, стр. 196]

Между синдикалистами и другими революционными социальными анархистами практически нет различий, за исключением вопроса анархо-синдикалистских профсоюзов. Коллективистские анархисты поддерживают их в строительстве либертарианских профсоюзов и считают, что работой с рабочим движением можно добиться «развития и организации… социального, следовательно, анти-политического могущества рабочих масс.» [М. Бакунин.-Парижская Коммуна и понятие о государственности] Анархо-коммунисты обычно также признают важность работы с рабочим движением, но полагают, что синдикалистские организации будут созданы самими рабочими в борьбе, и потому поощрение «бунтовского духа» важнее, чем строительство синдикалистских профсоюзов в надежде, что рабочие присоединятся к ним (с другой стороны, анархо-синдикалисты поддерживают такую автономную борьбу и организацию, а значит это различие не является противоречием). Коммунистические анархисты также не делают столь уж большой акцент на рабочем месте, рассматривая сопротивление в его пределах одинаково необходимым с другими сопротивлениями против иерархии и отчуждению вне рабочего места (большинство анархо-синдикалистов согласны с этим, однако чаще всего это просто вопрос акцента). Некоторые анархо-коммунисты сторонятся рабочего движения как безнадежно реформистского по своей природе и не желают работать с ним, но они незначительное меньшинство.

И коммунистические и коллективистские анархисты признают, что анархисты должны объединяться друг с другом в чисто-анархических организациях. Они подчеркивают необходимость сотрудничества анархистов друг с другом для разъяснения и распространения своих идей. Синдикалисты часто отрицают важность анархических групп и федераций, утверждая, что революционных промышленных и общественных союзов достаточно самих по себе. Синдикалисты думают, что анархическое и профсоюзное движения можно сплавить в одно общее, но придерживающиеся точек зрения иных типов анархизма не согласны с этим. Несиндикалисты указы-

вают на реформистскую природу профсоюзного движения и утверждают, что для поддержания революционности в синдикалистских профсоюзах, анархисты должны взаимодействовать с ними как часть анархической группы или федерации. Большинство несиндикалистов считает сплав анархизма и профсоюзного движения источником потенциальной путаницы, из-за которого оба движения не смогут выполнять свои задачи правильно. Подробнее об анархо-синдикализме см. главу J.3.8 (и главу J.3.9 о том, почему многие анархисты предпочитают несиндикалистские методы). Нужно подчеркнуть, что несиндикалистские анархисты не отрицают потребность в коллективном сопротивлении и рабочей организации (этот аргумент выдуман марксистами и не соответствует действительности, см. об этом в главе H.2.8).

На практике лишь немногие анархо-синдикалисты полностью игнорируют потребность в анархической федерации, и лишь немногие анархисты убежденные антисиндикалисты. Бакуниным вдохновлялись и анархо-коммунисты, и анархо-синдикалисты, а классики анархо-коммунизма, например Кропоткин, Малатеста, Беркман и Гольдман, симпатизировали анархо-синдикалистским движениям и идеям.

Если вы желаете углубить и расширить свое понимание социального анархизмы, мы рекомендовали бы вам труды следующих авторов: мютюэлизм обычно связывают с Прудоном, коллективизм — с Бакуниным, коммунизм — с Кропоткиным, Малатестой, Гольдман и Беркманом. Синдикализм выделяется из общего плана, поскольку он возник и существует в результате рабочего сопротивления, а не благодаря «известному» имени (многие академические ученые называют Жоржа Сореля отцом синдикализма, хотя он описывал уже существовавшее синдикалистское движение. Они даже не берут в расчет идею, что трудящиеся могут самостоятельно развивать и воплощать свои идеи). Тем не менее, Рудольф Рокер считается ведущим анархо-синдикалистским теоретиком, а также понимание анархо-синдикализма дается в работах Фернана Пеллутье и Эмиля Пуже. Краткий обзор развития социального анархизма и ключевые работы его классиков содержится в превосходной антологии анархизма «Ни бога, ни хозяина» Даниэля Герена (Daniel Guerin «No Gods No Masters»).

A.3.3 Какие существуют виды зеленого анархизма?

Все современные анархисты утверждают, что экологический кризис можно преодолеть только при помощи анархических идей. Тенденция берет свои истоки в конце девятнадцатого века в работах Петра Кропоткина и Элизе Реклю. Последний, например, утверждал, что «существует секретная гармония между землей и людьми, которых она кормит, и если неблагоразумные общества позволяют себе нарушить эту гармонию, они всегда сожалеют впоследствии.» Точно так же, любой современный эколог согласился бы с его утверждением, что «действительно цивилизованный человек понимает, что его(или ее) природа связана с интересом всех и всем в природе. Он [или она] возмещает убытки, вызванные его предшественниками и работами, чтобы улучшить свое место обитания.» [цит. по: George Woodcock, «Introduction», Marie Fleming, The Geography of Freedom, стр. 15]

Что касается Кропоткина, то он утверждал, что анархическое общество будет основано на конфедерации сообществ, объединяющих ручной и интеллектуальный труд, децентрализованную и взаимосвязанную промышленность и сельское хозяйство (см. его классическую работу Поля, Фабрики, и Мастерские). Эта идея экономики, в которой «Малое — прекрасно» (Название работы классика «зеленой» литературы Э.Ф. Шумахера), была предложена почти за 70 лет до возникновения даже намеков на зеленое движение. Кроме того, во Взаимной Помощи Кропоткин доказал, что сотрудничество внутри и между видами и их средой обычно полезнее для них, чем соревнование. Работа Кропоткина, идеи Уильяма Морриса, братьев Реклю (оба из которых, как и Кропоткин, были всемирно известными географами) и многих других положили начало существующему анархическому интересу к экологическим проблемам.

Однако, хотя и существует множество экологических природоохранных тем в классическом анархизме, только относительно недавно общие черты между экологической мыслью и анархизмом стали отдельным направление (по сути благодаря публикации классического эссе Мюррея Букчина «Экология и революционное сознание» в 1965 г.). Действительно, не было бы преувеличением сказать, что оно возникло благодаря идеям и трудам Мюррея Букчина, который обогатил экологию и экологические проблемы анархизмом, а анархические идеалы и анализ — многими аспектами зеленого движения.

Прежде, чем описывать типы зеленого анархизма (его называют еще эко-анархизмом) стоило бы объяснить, что общего между анархизмом и экологией. Обратимся к Мюррею Букчину: «Как эколог, так и анархист делают упор на спонтанности.» и «Как эколог, так и анархист считают разнообразие масштабом прогресса. Как для того, так и для другого растущее единство достигается растущим разнообразием. Увеличение единства обеспечивается растущим разнообразием его частей»...»Подобно тому, как эколог стремится расширить границы экосистемы и достичь свободного взаимодействия видов, анархист стремится к расширению шкалы социального опыта, к тому, чтобы устранить все, препятствующее его развитию.» [Post-Scarcity Anarchism, стр. 36]

Анархические предложения свободного развития, децентрализации, разнообразия и спонтанности созвучны экологическим идеям и проблемам. Иерархия, централизация, государство и концентрация богатства подавляют разнообразие и свободное развитие людей и их сообществ, сильно ослабляя этим социальную экосистему, так как существующие человеческие общества являются частью экосистем. Букчин аргументирует: «Основной принцип созидательной направленности экологии... [состоит в том, чтобы] сохранить и развивать разнообразие природы», но в современном капиталистическом обществе «все спонтанное, творческое и индивидуальное присваивается стандартизованными, нивелирующими и массовидными элементами» [Там же, стр. 35 и стр. 26] Итак, по самым разным проблемам анархизм можно считать приложением экологических идей в обществе, поскольку анархисты стремятся поддержать людей и сообщества, децентрализовать политическую и социально-экономическую власть, этим дав возможность людям и общественной жизни развиваться свободно и становиться все более и более разнообразными по своей природе. Брайан Моррис утверждает, что «единственная политическая традиция, которую дополняется и,

на самом деле, целиком объединяются с экологией — подлинно и искренне — это анархическая традиция.»[Ecology and Anarchism, стр. 132]

Итак, какие же существуют виды зеленого анархизма? Хотя в почти всех формах современного анархизма исследуется экологическая проблематика, специальное эко-анархическое направление в анархизме делится на два главных направления: социальную экологию и «примитивизм». Помимо этого некоторые анархисты симпатизируют глубинной экологии, но их немного. Несомненно, Социальная Экология — самое влиятельное и многочисленное движение. Социальная экология связана с идеями и работами Мюррея Букчина. Он исследовал экологические проблемы в 1950-х гг, а в 1960-х гг объединил их с революционным социальным анархизмом. Следующие его работы рекомендуются к прочтению: «Анархизм после исчезновения дефицита»(Post-Scarcity Anarchism), « К экологическому обществу»(Toward an Ecological Society), «Экология Свободы»(The Ecology of Freedom) и мн. др. На русском языке издан сборник «Реконструкция общества» под ред. С. Фомичева.

Корни экологического кризиса социальная экология видит в отношениях господства среди людей. Господство над природой считается результатом господства в обществе, но это господство достигает кризисных пропорций только при капитализме. Словами Мюррея Букчина:

«Представление о том, что человек должен господствовать над природой, проистекает непосредственно из господства человека над человеком... Но только тогда, когда органичные отношения между общинами... превратились в рыночные отношения, планета стала всего лишь эксплуатируемым источником сырья. Сотни лет созревавшая тенденция получила самое худшее свое развитие в современном капитализме. В соответствии с заложенным в нем самом конкурентным началом буржуазное общество не только враждебно по отношению к людям, оно делает человечество враждебным по отношению к природе. Подобно тому как люди превращаются в товары, товаром становится любая часть природы, становящаяся источником сырья, который можно по желанию обрабатывать и продавать... Разграблению человеческого разума рынком соответствует разграбление Земли капиталом.» [Экология и революционное сознание]

«Только сознательно культивируя», — подчеркивает Букчин, — «антииерархическую и безвластную чувственность, структуру и стратегию социальных изменений, экология может сохранять свою самую идентичность как голос нового баланса между человечеством, природой и ее целью по-настоящему экологического общества.» Социальные экологи противопоставляют это тому, что Букчин определяет «движением в защиту окружающей среды». Социальные экологи «стремятся устранить концепцию господства человечеством над природой через устранение господства человека над человеком, а движение в защиту окружающей среды, наоборот, отражает „инструменталистскую“ или техническую чувственность, рассматривающую природу как пассивную привычку, скопление внешних объектов и сил, которые должны быть сделаны более „пригодными к эксплуатации“ для человеческого использования, независимо от того, как их могут использовать. Движение в защиту окружающей среды... не ставит под сомнение основные проблемы существующего общества, например, что человек должен господствовать над природой. Напротив, оно стремится

облегчить такое господство, развивая способы уменьшения опасных последствий господством.» [Murray Bookchin, Towards an Ecological Society, p. 77]

Социальная экология предлагает идеал общества, гармонично сосуществующего с природой. «Экологическое общество предусматривает фундаментальный поворот всего развития, пройденного историей современной технологии и общества: специализации машин и труда, концентрации людей и ресурсов в гигантских индустриальных предприятиях и городах, однообразности жизни и бюрократического контроля за гражданами и овеществления природы и людей.» В экотопии будут создаваться «совершенно новые экообщины, которые искусно приведены в соответствие структурам окружающей экосистемы.» Вторя Кропоткину, Букчин утверждает что «такое экологическое сообщество… излечило бы раскол между городом и деревней, между умом и телом, соединив интеллектуальный труд с физической работой, промышленность с сельским хозяйством в ротации или разнообразии профессионально-технических задач.» Это общество было бы основано на использовании соответствующей зеленой технологии, «новом виде технологии – или экотехнологии – состоящего из гибкого универсального оборудования, чья производственная эксплуатация будет рассчитана на долговечность и качество, не изнашивающегося, не предназначенного для многочисленного выпуска низкокачественных товаров и быстрого обращения предметов потребления… чтобы снабжать экообщину экологически чистыми материалами и вновь используемыми(или легко перерабатываемыми отходами) будет использоваться неисчерпаемая энергия природы — солнце и ветер, приливы и отливы, природная сила рек и температур на планете и изобилие водорода.»[Bookchin, Там же, стр 68-9]

Однако, это не все. Как Букчин подчеркивает, экологическое общество «есть больше чем просто общество, контролирующее нарушения равновесия между человечеством и миром природы. Анемический взгляд, сводящий функции общества до простых технических или политических проблем, деградирует вопросы, поднимаемые экологическим критическим анализом и приводит к чисто техническим и инструментальным подходам к экологическим проблемам. Социальная экология, прежде всего, чувственность, которая включает не только критический анализ иерархии и господства, но и восстановительную перспективу… управляемую этикой, призванной подчеркнуть разнообразие, но не структурировать различия в иерархическом порядке… нормы такой этики… участие и дифференцирование.» [The Modern Crisis, C. 24-5].

Поэтому социальные экологи считают первопричиной экологических проблем, с которой нужно бороться, иерархию и капитализм, а не саму цивилизацию. В этом ключевая область их расхождения с анархо-примитивистскими идеями, намного более критически настроенными по отношению ко всем аспектам современной жизни. Примитивисты в своей критике заходят столь далеко, что даже требуют «ликвидации цивилизации» включая, очевидно, все формы технологии и крупномасштабной организации. Подробнее эти идеи описываются в главе А.3.9.

Мы должны отметить здесь, что другие анархисты полностью согласны с социально-экологическими анализами и предложениями, но критически настроены по отношению к выдвижению социальными экологами баллотирующихся кандидатов для участия в муниципальных выборах. Хотя социальные экологи

рассматривают это средством создания народных самоуправляемых собраний и контрвласти государству, анархисты, наоборот, считают такую деятельность безнадежно реформистской и столь же безнадежно наивными надежды на использование выборов в целях социальных изменений (подробней об этом см. главу J.5.14). Взамен они предлагают прямое действие как средство развития анархических и экологических идей, считая проведение предвыборной кампании тупиком, который в итоге приведет к деградации радикальных идей и развращению вовлеченных людей (см. часть J.2 Что такое прямое действие?).

Наконец, есть «глубинная экология», но из-за ее биоцентрического характера, многие анархисты считают ее человеконенавистнической. Однако некоторые анархисты повторяют за глубинными экологами то, что причина экологического кризиса кроется в самих людях. Мюррей Букчин, например, был особенно откровенен в своей критике глубинной экологии и человеконенавистнических идей, которые часто связываются с этим движением (см., например, «Какой путь выбрать экологическому движению»(Which Way for the Ecology Movement?) как пример). Дэвид Уотсон также критиковал глубинную экологию (см. его работу Насколько глубинна глубинная экология(How Deep is Deep Ecology?), написанную под псевдонимом Джордж Брэдфорд). Большинство анархистов утверждают, что проблема в существующей системе, а не в людях, и что только люди могут исправить это. Словами Мюррея Букчина:

«[Проблематика глубинной экологии] происходит из авторитарной полосы в сыром биологизме, который использует „естественное право“, чтобы скрыть неуклонно сокращающуюся разумность человечества и замять полное невежество социальной действительности игнорированием факта, что мы говорим о капитализме, а не об абстракции под названием „человечество“ и „общество“.» [The Philosophy of Social Ecology, стр. 160]

Моррис подчеркивает, «сосредотачиваясь полностью на категории „человечества“ глубинные экологи игнорируют или абсолютно не понимают социальное происхождение экологических проблем, или наоборот, биологизируют явно социальные проблемы.» Упрощение экологического критического анализа до просто протеста против человеческого рода игнорирует реальные причины и динамику экологического кризисом и,таким образом, исключает возможности преодоления кризиса. Проще говоря, едва ли «люди» виноваты, ведь огромное большинство из них не имеют голоса в процессе принятия решений, которые затрагивают их жизни, сообщества, отрасли промышленности и экосистемы. Виноваты экономическая и социальная системы, ставящие прибыль и власть выше людей и планеты. При сосредоточении «на человечестве» (не различая богатых и бедных, мужчин и женщин, белых и цветных, эксплуататоров и эксплуатируемых, угнетателей и угнетаемых) система, при которой мы живем, абсолютно игнорируется, а вместе с ней и инстуциональные причины экологических проблем. Это может быть «одновременно и реакционной и авторитарной во всех своих проявлениях подменой наивным пониманием „природы“ критического исследования реальных социальных вопросов и проблем.» [Morris, Там же, стр. 135]

Сталкиваясь с постоянной анархической критикой своих ораторов, многие глубинные экологи преодолевали человеконенавистнические идеи, характеризующие их движение. Они, особенно Земля прежде всего! (ЗПВ!), изменились со временем,

и теперь ЗПВ! состоит в близких рабочих отношениях с синдикалистским союзом «индустриальные рабочие мира» (ИРМ). Хотя глубинная экология не часть экоанархизма, но она поддерживает ряд его идей и становится еще ближе анархистам как, например, ЗПВ!, отвергая свои человеконенавистнические идеи и начиная понимать, что в иерархии, а не в человечество, кроется проблема (подробнее см. дискуссию между Мюрреем Букчиным и основателем организации Земля прежде всего! Дэйвом Форманом в книге «В защиту земли» (Defending the Earth).

A.4 Кто из известных мыслителей считал себя анархистом?

Джерард Уинстэнли (Новый Закон Справедливости, 1649) и Уильям Годвин (Исследование о политической справедливости, 1793) начали разрабатывать философию анархизма в 17-м и 18-м веках, но только во второй половине 19-ого столетия, анархизм появился как последовательная теория с системной, развернутой программой. Эта работа была, главным образом, проделана четырьмя людьми: немцем Максом Штирнером (1806-1856), французом Пьером-Жозефом Прудоном (1809-1865) и двумя русскими мыслителями Михаилом Бакуниным (1814-1876) и Петром Кропоткиным (1842-1921). Во второй половине 19-го века они взяли идеи, бродившие среди рабочих секций, и превратили их в теорию с системной развернутой программой.

Рожденный в атмосфере немецкой романтической философии, анархизм Штирнера (изложенный в работе «Единственный и его собственность») стал радикальной формой индивидуализма или эгоизмом, в котором индивидуальность человека, его неповторимая уникальность занимала господствующее положение над государством, собственностью, законом, обязанностями и всем остальным. Его идеи были, есть и будут краеугольным камнем анархизма. Штирнер заложил основы социального и индивидуалистического анархизма своей эгоистической критикой капитализма и государства, которое его поддерживает (так же критически он относился и к государственному социализму). Вместо государства и капитализма Макс Штирнер предлагал «союз эгоистов» — свободные ассоциации, в которых уникальные индивидуальности, сотрудничая на равных, добиваются всей полноты свободы для себя и удовлетворяют все свои потребности (включая эмоциональные, как например солидарность, или «общение», как Штирнер называл ее). Такой союз был бы неиерархическим, поскольку, как мы можем спросить у Штирнера: «Эгоистична ли на самом деле ассоциация в которой большинство участников теряют осознание своих самых естественных и самых очевидных интересов? Могут ли они на самом деле считаться „Эгоистами“, если они связаны в отношения, когда один есть раб или слуга другого?» [No Gods, No Masters, том 1, стр. 24]

Однако у такого индивидуализма не было конкретной программы социальных преобразований. Попытка ее создания была предпринята Пьером-Жозефом Прудоном, первым человеком, назвавшим себя анархистом. Его теории мютюэлизма, федерализма и самоуправления в ассоциациях трудящихся сильно повлияли на рост анархизма как массового движения и дали четкое представление того, как анархический мир мог бы функционировать и координироваться. Не было бы преувеличением сказать, что работа Прудона определила фундаментальный характер анархизма как антигосударственного и антикапиталистического движения и идей. Бакунин, Кропоткин и Такер вдохновлялись его идеями, заложившими основы со-

циального и индивидуалистического анархизмов, каждый из которых посчитал необходимым развивать близкие именно ему аспекты мютюэлизма (например, социальные анархисты выделили ассоциативный аспект, а индивидуалистические анархисты некапиталистическую рыночную сторону). Большинство работ Прудона все еще не переведены на русский язык, как исключение можно выделить разве «Что такое собственность». Подробное детальное описание его мютюэлизма содержится в книге Общая идея революции XIX века. Его идеи повлияли на французское рабочее движение и Парижскую Коммуну 1871 г.

Михаил Бакунин опирался на идеи Прудона, скромно предполагая, что его собственные идеи были просто «прудонизмом, широко развитым и доведеным до последних выводов». [Парижская Коммуна и понятие о государственности] Однако, он несправедливо игнорирует свою роль в развитии анархизма. Бакунин играл центральную роль в формировании анархической деятельности и развитии анархической идей. Он подчеркнул важность коллективизма, массового восстания, революции и агитационной работы среди рабочего движения как средств создания свободного, бесклассового общества. Кроме того, он преодолел прудоновский сексизм и добавил патриархат в список социальных зол, которые анархизм критикует и с которыми ему следует бороться. Бакунин также подчеркнул социальный характер человечества и индивидуальности и доказал, что абстрактный либеральный индивидуализм вредит свободе. Его идеи получили широкую поддержку среди радикального рабочего движения в 20 веке. И действительно, многие из его идей почти идентичны тому, что позже назвали синдикализмом или анархо-синдикализмом. Бакунин повлиял на многие профсоюзные движения — особенно в Испании, где главная анархическая социальная революция началась в 1936. Мы приводим 3 его работы: Государственность и анархия (его единственная книга), Бог и государство (как отличный пример дискуссии между материалистами и идеалистами) и Парижская Коммуна и понятие о государственности.

Петр Кропоткин – ученый-естествоиспытатель, сформулировавший сложный и детализированный анархический анализ современных условий, и объединивший его с подробным описанием грядущего общества — коммунистического анархизма. Его теория все еще продолжает оставаться самым распространенным мировоззрением среди анархистов. Он доказал, что взаимная помощь внутри видов эффективнее соперничества как фактор эволюции, потому что соперничество часто приводит к растрате ресурсов впустую и идет не на благо человечества (и других видов). Как и Бакунин, он подчеркивал важность прямой экономической классовой борьбы и анархического участия в любом народном движении, особенно в профсоюзах. Взяв прудоновскую и бакунинскую идею коммуны, он обобщил их взгляды в представление того, как социальная, экономическая и личная жизнь будут существовать в свободном обществе. Он стремился базировать анархизм «на научной основе исследованием тенденций, которые очевидны теперь в обществе и могут указать на его дальнейшее развитие» к анархии, при этом убеждая анархистов «развивать свои идеи среди организаций трудящихся, побуждая их бороться против капитала и не доверять свои идеалы парламентскому представительству». [Anarchism, стр. 298 и стр. 287] Как и Бакунин, он был революционером и, как и Бакунина, его идеи вдохновляли и вдохновляют борцов за свободу по всему миру. Мы приводим 4 важнейших

его работы: «Взаимная помощь, как фактор эволюции», «Хлеб и Воля», «Современная наука и анархия» и «Речи бунтовщика». Его идеи все еще актуальны и в наши дни.

Различные теории, предложенные этими «анархистами основателями», не взаимоисключают, однако, друг друга: они связаны разными способами, и обращаются к разным уровням общественной жизни. Индивидуализм исследует наши неповторимые человеческие индивидуальности: только, признавая уникальность и свободу других и формируя с ними союзы, мы можем защищать и полноценно воплощать нашу собственную уникальность и свободу; мютюэлизм исследует общественные отношения между людьми: работая совместно и кооперируясь, мы исключаем необходимость работать на других. Производство при анархизме было бы коллективистским, но люди работали бы на себя, и частные, распределительные, и более широкие политические и социальные решения принимались бы совместно.

Нужно также подчеркнуть, что анархистские философские школы не называют в честь анархистов. То есть анархисты не «Бакунисты», «Прудонисты» или «Кропоткинцы» (по названию трех направлений). Анархисты, цитируя Малатесту, «следуют идеям, а не людям, им чуждо воплощение принципа в человеке». Впрочем, при всем при этом он считал Бакунина «нашим великим мастером и вдохновителем». [Errico Malatesta: Life and Ideas, стр. 199 и стр. 209] Так же, не все написанное известным анархическим мыслителем автоматически либертарно. Бакунин, например, стал анархистом только в последние десять лет своей жизни (впрочем, это не мешает марксистам использовать его творчество преданархистского периода для нападок на анархизм!). Прудон отошел от анархизма в 1850-х, но вернулся на еще более анархические (если не строго анархические) позиции перед своей смертью в 1865 г. Точно так же то, что Кропоткин или Такер поддерживали Антанту и ее союзников, не имеет никакого отношения к анархизму. Прудон был сексистской свиньей, но анархисты считают, что этот факт не опровергает анархизм. Кто отвергнет демократию, потому что Руссо был сексистом не меньше Прудона? Как и со всем остальным, современные анархисты черпают из творчества анархистов-предшественников вдохновение, а не догмы. Поэтому мы отвергаем нелибертарные идеи «известных» анархистов, но сохраняем и приумножаем их вклады в развитие анархистской теории. Жаль, что приходится тратить время на контраргументацию этого аргумента, но большая часть марксистской «критики» анархизма в основном содержит указание на отрицательные аспекты мертвых анархистских мыслителей, и лучше просто четко показать очевидную глупость такого подхода.

Анархические идеи, конечно, не прекратили развиваться, когда Кропоткин умер. И при этом они не были результатом творчества только четырех людей. Анархизм — по своему характеру — постоянно развивающаяся теория, влияние на которую постоянно оказывают самые разные мыслители и активисты. Когда Бакунин и Кропоткин были живы, источниками их идей часто служили другие либертарные активисты. Бакунин, например, вдохновлялся практической деятельностью последователей Прудона во французском рабочем движении в 1860-х. Кропоткин, хотя и больше всего ассоциируется с созданием анархо-коммунистической теории, был самым известным толкователем идей, которые развивались после смерти Бакунина в либертарном крыле Первого Интернационала до того, как он стал анархистом. Поэтому анархизм продукт десятков тысяч мыслителей и активистов по всему миру, каждый

из которых формировал и развивал анархическую теорию, чтобы удовлетворить свои потребности как части общего движения за социальные перемены. Среди многих других анархистов, которых стоило бы упомянуть, мы можем вспомнить лишь некоторых.

Штирнер не единственный анархист родом из Германии. Множество оригинальных анархических мыслителей произошло оттуда. Густав Ландауэр был исключен из марксистской социал-демократической партии за его радикальные взгляды и вскоре после того стал считать себя анархистом. Для него анархия была «выражением освобождения человека от идолов государства, церкви и капитала», и он боролся «с государственным социализмом, абсолютной власти бюрократии» за «свободную ассоциацию и союз, отсутствие власти». Его идеи были комбинацией Прудона и Кропоткина, и он считал развитие самоуправляемых сообществ, и кооперативов средствами преобразования общества. Он является самым известным своей способностью проникновения в суть, что «государство — состояние, определенные отношения между людьми, форма поведения; мы разрушаем его, заключая другие отношения, относясь по-другому к друг другу». [цит. По: Peter Marshall, Demanding the Impossible, p. 410 и p. 411] Он принял ведущие участие в Мюнхенской революции 1919 г. и был убит в течение его сокрушения германского государства. Его книга «За Социализм» — превосходное резюме его главных идей.

Среди других известных немецких анархистов Иоганн Мост, первоначально марксист и избранный член Рейхстага, он увидел бесполезность голосования и стал анархистом, будучи сосланным за критику кайзера и духовенства. Он играл важную роль в американском анархистском движении, работая вместе с Эммой Гольдман. Больше пропагандист, чем великий мыслитель, его революционные послания вдохновили многих людей присоединиться к анархистам. Там же родился и Рудольф Рокер , типограф, который сыграл важную роль в еврейском рабочем движении в Ист-Энде Лондона (подробнее см. его автобиографию, «Лондонские Годы»). Он также произвел определенное введение в анархо-синдикализм, анализ российской революции в статьях типа «Анархизм и советизм» и защиту испанской революции в брошюрах как «Трагедия Испании». Его «Национализм и Культура» — исследовательский анализ человеческой культуры на протяжении веков, с анализом и политических мыслителей и политики властей. Он анализирует национализм и объясняет, что нация не причина, но результат государства и также он отвергал науку о расах как ерунду.

В Соединенных Штатах Эмма Гольдман и Александр Беркман были двумя ведущими анархическими мыслителями и активистами. Гольдман объединила эгоизм Штирнера с коммунизмом Кропоткина в страстную и сильную теорию, вобравшую в себя лучшее из обоих. Она также поместила анархизм в центр феминистской теории и активности и была защитницей синдикализма (см. ее книгу «Анархизм и Другие Эссе» и коллекция эссе, статей и переговоров под названием Red Emma Speaks). Александр Беркман, пожизненный спутник Эммы, произвел классическое введение в анархистские идеи под названием «Что такое Анархизм?» (также известный как «Что такое коммунистический Анархизм?» и «Азбука Анархизма»). Как Гольдман, он поддерживал анархистскую причастность к рабочему движению, был продуктивный автор и оратор (книга «Жизнь Анархиста» дает превосходный выбор его лучших статей, книг и брошюр). Оба были вовлечены в редактирование анархистских журналов,

Гольдман наиболее была связана с журналом «Мать-земля» (см. Анархию! Антология Матери-земли Эммы Гольдман, отредактированной Питером Глассголдом) и Беркман «Взрыв» (переизданный полностью в 2005). Оба журнала были закрыты, когда эти два анархиста были арестованы в 1917 за их антивоенную активность.

В декабре 1919 г., он и Гольдман были высланы американским правительством в Россию из-за опасения, что революция 1917 г. может радикализовать значительные части американского населения. Там их считали слишком опасными, чтобы позволить им разгуливать на свободе. Точно так же, спустя 2 года прибыли их паспорта, чтобы позволить им уехать из России. Большевистская резня Кронштадтского восстания в марте 1921, после законченной гражданской войны, наконец убедила их, что большевистская диктатура привела к смерти революции. Большевистские правители были счастливы увидеть отъезд двух настоящих революционеров, оставшихся верными их принципам. Уехав из России, Беркман написал многочисленные статьи о судьбе революции (включая «Российскую Трагедию» и «Кронштадтское Восстание») и опубликовал дневник в книге «Большевистский Миф». Гольдман написала свой классический труд «Мое Разочарование в России» и известную автобиографию «Проживая Свою Жизнь». Она также нашла время опровергнуть ложь Троцкого о Кронштадтском восстании в «Троцкий запротестовался» (Trotsky Protests Too Much).

Помимо Беркмана и Гольдман, родом из Соединенных штатов много известных активистов и мыслителей. Вольтерина де Клер играла важную роль в американском анархистском движении, обогащая и американскую и международную анархистскую теорию своими статьями, стихами и речами. Ее работа включает такие труды как Anarchism and American Traditions, Direct Action, Sex Slavery and The Dominant Idea. Вместе с другими статьями и ее известными поэмами это можно почитать в The Voltairine de Cleyre Reader. Эти и другие важные эссе включены в Exquisite Rebel, еще одно ее собрание сочинений, Ворота Свободы Юджинии К. Делэмотт есть краткий обзор ее биографии и библиографии. Кроме того, книга Anarchy! An Anthology of Emma Goldman's Mother Earth содержит отличную подборку ее сочинений вместе с творчеством другим анархистов того времени. Также интересен подбор ее речей по поводу убийства государством Чикагских мучеников в 1886 (см. the First Mayday: The Haymarket Speeches 1895-1910). Каждое 11-ого ноября, кроме тех случаев, когда болезнь делала это невозможным, она выступала в честь их памяти. Интересующимся идеями поколения анархистов, которое представляли Чикагские Мученики, можно порекомендовать Anarchism: Its Philosophy and Scientific Basis Альберта Парсонса.. Его жена, Люси Парсонс, была также выдающейся анархистской активисткой с 1870-х до ее смерти в 1942. Собрание ее сочинений находится в книге Freedom, Equality & Solidarity (под редакцией Gale Ahrens).

В другом месте американского континента, Рикардо Флорес Магон помог заложить основы для мексиканской революции 1910, основав (странное название) мексиканскую либеральную партия в 1905 г., которая организовывала два неудачных восстания против диктатуры Диас в 1906 г. и 1908 г.. Через свою газету Tierra y Libertad («Земля и Свобода») он влиял на развивающееся рабочее движение и также на крестьянскую сапатистскую армию. Он непрерывно подчеркивал потребность превратить революцию в социальную революцию, которая «даст земли людям» так же как «владение фабриками, шахтами, и т.д.». Только это гарантировало бы, что

люди «не будут обмануты». Говоря о аграриях (сапатистская армия), брат Рикардо Энрике, он отмечает, что они «более или менее склонны к анархизму» и они могут работать вместе, потому что являются «сторонниками прямого действия» и «они настроены совершенно революционно. Они выступают против богатых, против государства и вмешательства духовенства» и «жгут документы, подтверждающие право частной собственности вместе со всеми официальными документами». Они «уничтожают заборы, охраняющие частную собственность». Таким образом, анархисты «пропагандируют наши принципы», а сапатисты «проводят их в жизнь». [Цитируется по: David Poole, Land and Liberty, p. 17 and p. 25] Рикардо умер как политический заключенный в американской тюрьме и по иронии судьбы считается героем революции мексиканским государством. Существенная коллекция его писем доступна в книге «Мечты о Свободе» (включающее внушительное биографическое эссе, которое обсуждает его влияние и помещает его работу в исторический контекст).

В Италии сильное и динамическое анархическое движение произвело ряд лучших анархических авторов. Эррико Малатеста провел более чем 50 лет, борясь за анархизм во всем мире, и его творчество одно из лучших в анархической теории. Для интересующихся его практическими и вдохновляющими идеями тогда не может быть разбита его короткая брошюра Анархия. Собрание его статей могут быть найдены в The Anarchist Revolution и Errico Malatesta: His Life and Ideas, под редакцией Вернона Ричардса. Он писал, прибегая к стилю диалогов, например в «At the Cafe: Conversations on Anarchism». Они основаны на его беседах с неанархистами и объясняют анархистские идеи в ясной и реалистичной манере. Другой диалог, Fra Contadini: A Dialogue on Anarchy, был переведен на многие языки, издан количеством 100 000 копий, напечатанных в Италии в 1920, когда революция, за которую Малатеста боролся всю свою жизнь, выглядела вероятной. В это время Малатеста редактировал Umanita Nova (первая итальянская ежедневная анархистская газета, быстро дошла до тиража 50 000), а так же написал программу для Unione Anarchica Italiana, национальной анархистской организации численностью около 20 000. За его действия во время захвата фабрик он был арестован в возрасте 67 лет вместе с 80 другими анархистскими активистами. Среди других итальянских знаменитых анархистов друг Малатесты Луиджи Фаббри (увы, почти ничего из его трудов не было переведено на английский, кроме Bourgeois Influences on Anarchism и Anarchy and „Scientific“ Communism), Луиджи Галлеани создал очень сильный антиорганизационный анархистский коммунизм, который пропагандировал (в The End of Anarchism?), что «Коммунизм — просто экономическая основа, при которой у человека есть возможность контролировать себя и выполнять все свои функции». Камилло Бернери, перед тем, как он был убит коммунистами во время испанской революции, продолжал прекрасную традицию критического, практического анархизма, связанного с итальянским анархизмом. Его исследование федералистских идей Кропоткина — работа Peter Kropotkin: His Federalist Ideas. Его дочь Мари-Луиза Бернери, перед ее трагической ранней смертью, сотрудничала с британской анархистской прессой (см. ее Neither East Nor West: Selected Writings 1939-48 и Journey Through Utopia).

В Японии, Хатта Шузо развил анархо-коммунизм Кропоткина в новых направлениях в период между мировыми войнами. Названный, «настоящим анархизмом», он создал анархизм, который был конкретной альтернативой для в основном кре-

стьянской страны, в которой были активны он и тысячи его товарищей. Отвергая определенные аспекты синдикализма, они организовали рабочих в профсоюзы, также работая с крестьянами для «закладывания камней, на которых будет построено новое общество, которого мы жаждем для пробуждающихся крестьян» которые «составляют большинство населения». Их новое общество было основано на децентрализованных коммунах, которые совмещали промышленность и сельское хозяйство, потому что, как сказал один товарищ Хатты, «деревня перестанет быть простой коммунистической сельскохозяйственной деревней и станет кооперативным обществом со сплавом сельского хозяйства и промышленности». Хатта отрицал идею, что они стремились вернуться в идеальное прошлое, говоря, что анархисты были «полностью противоположны людям, ностальгирующим по средним векам. Мы стремимся использовать машины как средства производства и, на самом деле, надеемся на изобретение еще более сложных машин». (цитируется по John Crump, Hatta Shuzo and Pure Anarchism in Interwar Japan, с. 122-123, и с. 144)

Главой индивидуального анархизма, несомненно, был Бенджамин Такер. Такер, в своей «Вместо книги», использовал свой интеллект и юмор, чтобы атаковать всех, кого он считал врагами свободы (в основном капиталистов, но также нескольких анархистов! Например, Такер отлучил Кропоткина и других анархо-коммунистов от анархизма. Кропоткин не остался в долгу). Такер основывался на таких значительных мыслителях, как Джозиа Уаррен, Лисандер Спунер, Стивен Перл Эндрюс и Вильям Б. Грин, адаптирую мютюэлизм Прудона к условиям докапиталистической Америки (смотри книгу Рудольфа Рокера «Pioneers of American Freedom» для деталей). Защищая рабочего, ремесленника и мелкого фермера от намерения государства строить капитализм посредством государственного вмешательства, Такер утверждал, что капиталистическая эксплуатация будет отменена созданием абсолютно свободного некапиталистического рынка, в котором четыре государственные монополии, используемые, чтобы создать капитализм, будут разрушены, посредством взаимного кредитования и «занятия и использования» земли и прав на ресурсы. Твердо поставив себя в социалистический лагерь, он признавал (как Прудон), что все нетрудовые доходы были кражей и поэтому противостоял прибыли с капитала, ренте и проценту. Он перевел «Что такое собственность?» и «System of Economical Contradictions» Прудона и «Бог и Государство» Бакунина. Соотечественник Такера, Джозеф Лабади был активным трейд-юнионистом и автором в газете Такера Liberty. Его сын, Лоуренс Лабади, понес анархо-индивидуалистический факел после смерти Такера, считая, что «свобода в каждом шаге жизни самый возможный способ повышения человеческой расы к более счастливым условиям».

Несомненно, Лев Толстой самый известный писатель, связанный с религиозным анархизмом, и он имел великое влияние в распространении спиритуальных и пацифических идей, связанных с этим течением. Влияя на таких примечательных людей, как Ганди и Католическая Рабочая Группа с Дороти Дэй, Толстой представил радикальную интерпретацию христианства, которая подчеркивала индивидуальную ответственность и свободу, а не бездумный авторитаризм и иерархию, которой отмечено мэйнстримное христианство. Работы Толстого, как работы другого радикального христианского либертарианца Кристиана Уильяма Блэйка, вдохновили многих христиан к либертарианскому видению послания Иисуса, которое было спря-

тано мэйнстримными церквями. Таким образом, христианский анархизм содержит, наряду с Толстым, что «христианство в своем настоящем смысле положит конец государству» (смотри, например, Толстого «The Kingdom of God is within you» и Питера Маршалла William Blake: Visionary Anarchist).

В более недавнее время, Ноам Хомский (в таких работах, как «Deterring Democracy», «Necessary Illusions», «World Orders», «Old and New», «Rogue States», «Hegemony or Survival» и многих других) и Мюррей Букчин («Post-Scarcity Anarchism», «The Ecology of Freedom», «Towards an Ecological Society», и «Remaking Society», среди других) держали движение социального анархизма на переднем крае политической теории и анализа. Работа Букчина поместила анархизм в центр экологического мышления и была постоянной угрозой тем, кто хотел мистифицировать или развратить движение за создание экологического общества. «The Murray Bookchin Reader» содержит репрезентативную выборку из его работ. К сожалению, за несколько лет до своей смерти, Букчин отдалился от анархизма, который он защищал 40 лет (хотя в конце он оставался либертарным социалистом). Самые известные работы Хомского это хорошо задокументированная критика империализма США и как работает медиа, но также он много писал об анархической традиции и идеях, самое знаменитое в его эссе «Notes on Anarchism» (в «For Reasons of State») и его защита анархической социальной революции от буржуазных историков в «Objectivity and Liberal Scholarship» (в «Американской власти» и «Новых мандаринах»). Эти и многие его другие откровенные анархические эссе и интервью могут быть найдены в сборнике «Chomsky on Anarchism». Другие хорошие источники его анархических идей это «Radical Priorities», «Language and Politics» и памфлет «Government in the Future». Оба «Понимая власть» и «The Chomsky Reader» это прекрасные введения в его мысль.

Британия также видела важную серию анархических мыслителей. Хеберт Рид (возможно единственный анархист, который принял рыцарство!) написал несколько работ об анархической философии и теории (смотри его сборник эссе «Anarchy and Order»). Его анархизм происходил прямо из его эстетических убеждений и он был убежденным пацифистом. Он давал свежий взгляд на традиционные темы анархизма и регулярно писал в анархическую прессу (смотри сборник статей «A One-Man Manifesto» и другие издания от Freedom Press). Другим анархистом пацифистом был Алекс Комфорт. Он написал Joy of Sex и также был активным пацифистом и анархистом. Он писал, в частности, о пацифизме, психиатрии и сексуальной политике с либертарианских позиций. Его самой известной анархической книгой была «Authority and Delinquency» и сборник его анархических памфлетов и статей был опубликован под заголовком «Writings against Power and Death».

Однако, самым известным и влиятельным британским анархистом был Колин Вард. Он стал анархистом, когда был размещен в Глазго во время Второй Мировой Войны и был в анархической группе. Став анархистом, он много писал в анархическую прессу. Он был редактором Freedom, и также редактировал влиятельный ежемесячный журнал Anarchy в 1960-ые (выборка статей, выбранных Вардом, может быть найдена в книге «A Decade of Anarchy»). Однако, его самая известная книга это «Anarchy in Action», где он обновил «Взаимную помощь» Кропоткина, показав и задокументировав анархическую природу ежедневной жизни даже во время капитализма. Его большие работы о жилищных условиях подчеркнули важность кол-

лективной самопомощи и социального управления жильем против злых близнецов приватизации и национализации (смотри, например, его книги «Talking Houses» и «Housing: An Anarchist Approach»). Он бросил анархический взгляд на многие другие вопросы, включая использование воды, («Reflected in Water: A Crisis of Social Responsibility») транспорт («Freedom to go: after the motor age») и социальные пособия («Social Policy: an anarchist response»). Его «Anarchism: A Very Short Introduction» это хорошая начальная точка для изучения анархизма и его взгляда на анархизм, в то время как «Talking Anarchy» предоставляет замечательный обзор его идей и жизни. Наконец, мы должны упомняуть об Альберте Мельтцере и Николасе Валтере, оба они много писали в анархическую прессу, и написали два хорошо известных коротких введения в анархизм («Anarchism: Arguments for and against» и «About Anarchism, respectively»).

Мы можем продолжить; есть много писателей, которых мы можем упомянуть. Но кроме них, есть тысячи «обычных» бойцов анархистов, которые никогда не писали книги, но чей здравый смысл и активизм вдохновили дух бунта в обществе и помогли построить новый мир в скорлупе старого. Как сказал Кропоткин, «анархизм родился среди людей; и он продолжит быть полным жизни и креативной энергии, только если продолжит быть народной вещью». [Anarchism, с. 146]

Мы надеемся, что эта концентрация анархических мыслителей не заставит вас думать, что существует некоторое разделение между активистами и интеллектуалами в движении. Это далеко не так. Немногие анархисты являются только мыслителями или только активистами. Обычно они совмещают. Кропоткин, например, был посажен в тюрьму за свой активизм, также как Малатеста и Гольдман. Махно, больше всего известный за активное участие в Российской Революции, также писал теоретические статьи в анархическую прессу во время революции и после. То же самое можно сказать о Луизе Мишель, чья военная активность во время Парижской Комунны и построения анархического движения во Франции после Комунны, не помешала ей писать статьи для либертарианской прессы. Мы просто показываем ключевых анархических мыслителей, чтобы заинтересованные могли прочитать об их идеях напрямую.

А.5.4 Анархисты в русской революции

В революции 1917 г. в России анархическое движение вышло на качественно новый уровень и продемонстрировало ряд анархических экспериментов различной степени успешности. Однако в массовой культуре российская Революция представлена не как массовое движение простых людей, сражавшихся за свободу, а как средство, которым Ленин установил свою диктатуру над Россией. Истина же радикально отличается. Русская революция была массовым движением народа, в котором сосуществовали много различного толка идей и в котором миллионы трудящихся (рабочие в городах и поселках и крестьяне в деревнях) попытались преобразовать свой мир. К сожалению, эти надежды и мечты были уничтожены диктатурой большевистской партии — сначала при Ленине, а потом при Сталине.

Российская Революция, как и большая часть истории, является хорошим примером выражения «история пишется победителями». Большинство капиталистических исследований периода между 1917 и 1921гг. игнорирует то, что анархист Волин назвал «неизвестной революцией», — народную революцию, вызванную прямым действием простых людей. Ленинистские историки, в лучшем случае, хвалят эту автономную деятельность рабочих, когда она совпадает с их собственной линией партии, но безапелляционно осуждают ее (и приписывают такую деятельность низменным инстинктам), как только она отклоняется от этой линии. То есть ленинистские историки могут похвалить трудящихся за то, что они опередили большевиков (весной и летом 1917 г.), но решительно осуждают их за то, что они так же выступали против большевистской политики, как только большевики стали властью. В худшем случае, ленинистские историки изображают движение и борьбу масс как фон к действиям авангардной партии.

Для анархистов, однако, российская Революция представляется классическим примером социальной революции, в которой самостоятельные действия трудящихся играли ключевую роль. В Советах, фабричных комитетах и других классовых организациях российские массы пытались преобразовать общество из классового иерархического государственного режима в общество, основанное на свободе, равенстве и солидарности. Начальные месяцы Революции, казалось, полностью соответствовали идеям Бакунина, что «Будущая социальная организация непременно должна быть реализована по направлению снизу вверх, посредством свободной ассоциации или федерации рабочих, начиная с союзов, коммун, областей, наций и кончая великой международной федерацией». [Парижская Коммуна и понятие о государственности] Советы и фабричные комитеты придали жизнь этой идее, и анархисты сыграли важную роль в этой борьбе.

Император был свергнут исключительно благодаря прямому действию масс. В феврале 1917 г. женщины Петрограда начали хлебный бунт. 18-го февраля рабочие Путиловского завода в Петрограде организовали забастовку. К 22-му февраля забастовка распространилась и на другие фабрики и заводы. Два дня спустя 200 000 рабочих бастовали, и к 25-му февраля забастовка стала фактически общенародной. В этот же день начались кровавые столкновения между протестующими и армией. Переломный момент наступил 27-го февраля, когда солдаты целыми подразделениями стали в массовом порядке переходить на сторону революционных масс. Таким образом, государство осталось без своих средств насилия и принуждения, император отрекся от престола, и было сформировано временное правительство.

Это движение было столь спонтанным, что все политические партии остались далеко позади, в том числе и большевики: «Петроградская организация Большевиков предлагала рабочим воздержаться от забастовок накануне революции, свергнувшей императора. К счастью, рабочие проигнорировали большевистские „директивы“ и забастовали... Если бы рабочие последовали бы большевистским указаниям, вряд ли революция случилась бы». [Мюррей Букчин, Анархизм после исчезновения дефицита]

Революция продолжалась в этой стихии прямого действия, пока новое, «социалистическое» государство не набралось достаточно сил, чтобы задушить ее.

Для левых конец царизма ознаменовал собой кульминацию многолетних усилий социалистов и анархистов. Он означал, что прогрессивное течение человеческое мысли возобладало над традиционным угнетением, что приветствовалось левыми во всем мире. Однако в России на достигнутом останавливаться не собирались. На заводах и фабриках, улицах и полях все больше и больше людей убеждались, что политической отмены феодализма недостаточно. Что значило ниспровержение императора, если феодальная эксплуатация продолжала существовать в экономике? Поэтому рабочие начали захватывать заводы и фабрики, а крестьяне — землю. По всей России, простые люди строили свои собственные организации: союзы, кооперативы, фабричные комитеты и советы. Эти организации организовывались анархическим методом, используя делегатов с возможностью их отзыва, и объединяясь друг с другом.

Само собой разумеется, все политические партии и организации пытались участвовать в этом процессе. Самыми активными движениями были: два крыла социал-демократических марксистов (меньшевики и большевики), социальные революционеры (партия, созданная на базе народнических организаций и ориентирующаяся на крестьян) и анархисты. При чем последние участвовали в народном движении, чтобы поощрить все тенденции самоуправления и призывали к разгону временного правительства. Они подчеркивали, что необходимо развивать революцию из сферы политики в экономическую и социальную сферы. До возвращения Ленина из ссылки анархисты оставались единственной политической стороной, придерживающейся подобного мнения.

По приезду в Россию Ленин убедил свою партию принять лозунг «Вся власть советам!» и развивать революцию. Это серьезно расходилось с существующими марксистскими догмами, вследствие чего один экс-большевик, перешедший на сторону меньшевиков сделал заявление, будто бы «Ленин ныне выставил свою кандидатуру на один трон в Европе, пустующий вот уже 30 лет: трон Бакунина!» [А. Рабинович, Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде] Большевики стали пытаться завоевывать поддержку масс через отстаивание прямого действия и поддержку радикальных настроений в массах, то есть через политику, которая была анархической по сути своей («партия большевиков… бросила лозунги, которые до той поры были характерны именно для анархизма». [Волин, Неизвестная Революция]). Вскоре большевики стали получать все больше голосов в советах и на выборах фабричных комитетов. Как Александр Беркман утверждает, «Использование большевиками анархических лозунгов принесло свои результаты. Массы положились на их знамя». [Что такое Анархизм?]

Анархизм в то время так же пользовался серьезной популярностью. Деятельность анархистов, в основном простиралась вокруг фабричных комитетов и других средств самоуправления рабочими на производстве (подробнее см. М. Брайнтон, Большевики и рабочий контроль). Они обращались к рабочим и крестьянам с предложениями немедленной экспроприации частной собственности, отмены всех форм правительств и реорганизации общества на началах классовых организаций: советов, фабричных комитетов, кооперативов и так далее. Они старались также влиять и на направление борьбы. Александр Рабинович (исследуя июльское восстание 1917) отмечает:

«Рядовые большевики и анархисты, особенно действовавшие в Петроградском гарнизоне и в Кронштадте, практически ничем не отличались друг от друга… Анархо-коммунисты и большевики соперничали в получении поддержки среди одних и тех же необразованных, угнетенных и недовольных слоев населения. Безусловно, летом 1917 г. анархо-коммунисты, пользовавшиеся поддержкой на нескольких стратегически важных предприятиях и в полках, были способны серьезно влиять на ход событий. На некоторых заводах и в нескольких воинских частях анархисты были настолько популярны, что определяли действия большевиков». [Там же]

И действительно, один ведущий большевик заявил в июне 1917 (отмечая рост анархического влияния), «Отгородившись от анархистов, мы можем отгородить себя от масс». [цитируется по А.Рабиновичу, Там же].

Анархисты вместе с большевиками свергли временное правительство во время Октябрьской революции. Но как только авторитарные социалисты большевистской партии захватили власть, они стали непримиримыми врагами. И те, и другие использовали одни и те же (или похожие) лозунги, но в разных (диаметрально противоположных) смыслах. Как писал Волин: «в устах анархистов эти призывы были искренни и имели конкретный смысл, потому что соответствовали либертарным принципам и неразрывно связанной с ними деятельности. В то время как для большевиков те же лозунги на практике означали совершенно иное, отнюдь не то, что формально провозглашалось». [Неизвестная Революция]

Возьмем, например, требование «Вся власть Советам!». Для анархистов оно означало, что советы — органы прямой демократии трудящихся классов, основанные на временном, сменяемом, строго уполномоченном на выполнение определенной функции делегировании, с возможностью его отзыва, если что-то пойдет в разрез с принципами прямой демократии. Для большевиков этот лозунг означал, что большевистское правительство будет руководить советами, то есть стоять в социально-политической лестнице над ними. Разница очень важна, «ибо, — говорили анархисты, — если 'власть' должна реально принадлежать Советам, то причем здесь партия; если она должна принадлежать партии, как предполагают большевики, то причем здесь Советы». [Волин, Там же] Упрощение сути советов до органа, беспрекословно выполняющего декреты ЦК (большевистского правительства), периодически собирающихся на всероссийский съезд требует напоминания, что правительство (т.е. те, кто имеют реальную власть) не то же самое, что власть трудящихся.

То же самое мы увидим и на примере «рабочего контроля на производстве». Перед Октябрьской революцией «рабочий контроль» в представлении Ленина был не более, чем «всенародным, всеобъемлющем рабочим контролем над капиталистами». [Удержат ли большевики государственную власть?] Он не представлял его как самостоятельное управление рабочими производством (т.е. отмена наемного труда) через федерации фабрично-заводских комитетов. А анархисты и фабзавкомы рабочих представляли рабочий контроль именно так. Как правильно отмечает Стивен Смит, Ленин использовал «термин [„рабочий“ контроль] в совсем другом смысле, нежели его использовали фабрично-заводские комитеты». На деле «предложения Ленина… [носили] сугубо государственный и централизованный характер, тогда как на практике фабзавкомы представляли собой самоуправление и независимость». [Красный Петроград] Для анархистов же, «если этот 'контроль' — не пустые слова,

если рабочие организации способны эффективно контролировать производство, то они способны и сами обеспечивать его. В таком случае можно немедленно приступить к постепенной замене частного производства коллективным. Таким образом, анархисты отвергали неопределенный, сомнительный лозунг 'контроля над производством'. Они выступали за экспроприацию — постепенную, но в сжатые сроки — частной промышленности организациями коллективных производителей». [Волин, Там же]

Оказавшись у власти, большевики стали подменять народное значение рабочего контроля своей государственнической идеологией. «Известно по меньшей мере три случая», отмечает один историк, «когда в первые месяцы существования советской власти делегаты [фабзавкомов] стремились придать своим организациям жизнь. По каждому пункту партийное руководство отвергло предложения. Целью правительства было сосредоточение организаторских и контрольных полномочий в государственных органах, которые формировались бы правительством и подчинялись бы ему». [Томас Ремингтон, Построение социализма в большевистской России] В апреле 1918 г. этот процесс в конечном счете завершился тем, что Ленин называл (...обосновывал и воплощал) «единоначалием», вооруженного «диктаторскими» полномочиями («единоначальствующий» стоит над всем государством). Этот процесс подробно исследуется в работе Мориса Брайнтона «Большевики и Рабочий контроль», где он отмечает тесную связь между большевистской практикой и большевистской идеологией, а также их отличие от народных деятельности и идей.

Русский анархист Петр Аршинов пишет:

«Другая не менее важная особенность заключается в том, что у октября [1917 г.] есть два значения. Одним наделили его трудящиеся массы и анархисты, участвовавшие вместе с ним в социальной революции. Вторым наделила его большевистская партия, вырвавшая власть у социальной революции, предавшая и задушившая ее дальнейшее развитие. Эти два октября совершенно разные. Октябрь рабочих и крестьян — символ уничтожения власти классовых паразитов ради равенства и самоуправления. Октябрь большевиков — символ завоевания власти партией революционной интеллигенции, навязыванием ее „государственного социализма" и ее „социалистических" методов управления массами». [Два октября].

Итак, сначала анархисты поддерживали большевиков, так как большевистские вожди умело прятали свою государственническую идеологию за подержкой советов (историк социализма Сэмюэль Фарбер пишет, что анархисты «были фактически неупомянутым партнером по коалиции Большевиков в Октябрьской революции». [До сталинизма]). Однако эта поддержка быстро прекратилась, так как большевики вместо настоящего социализма занялись установлением своей диктатуры, а вместо общественной собственности на средства производства, они устанавливали государственную собственность. Большевики, как уже отмечалось, систематически подрывали все формы рабочего контроля/самоуправления и навязывали подобные капиталистическим формы управления заводами и фабриками, основанные на «единоначалии», вооруженном «диктаторскими полномочиями».

Что касается Советов, большевики их систематически размывали, ограничивая их независимость и демократию. После «грандиозных большевистских провалов» весной и летом 1918 года «большевики стали силой разгонять и переизбирать мест-

ные советы при помощи вооруженных сил». Кроме того, «правительство все время откладывало новые всенародные выборы в Петроградский совет, сессия которого закончилась в марте 1918. Очевидно, правительство боялось, что количество оппозиционно мыслящих делегатов в нем серьезно вырастет». [Сэмюэль Фарбер, Там же] На Петроградских выборах большевики «потеряли абсолютное большинство в Совете, которое они ранее завоевали», но все же остались самой многочисленной партией. Однако результаты Петрограда, советские выборы были не столь важны, так как «большевистскую победу гарантировало большевистское численное большинство, представленное профсоюзами, районными советами, фабзавкомами, районными съездами рабочих, Красной армией и флотом, в которых у большевиков была подавляющая сила». [Александр Рабинович, Развитие Местных Советов в Петрограде]. Другими словами, Большевики размыли демократическую природу Советов, заполонив их своими делегатами. Сталкиваясь с самостоятельностью и независимостью советов, большевики показывали, что для них «советская власть» — это по сути партийная власть. Перед большевиками встала задача разрушить Советы, чтобы остаться у власти, что они и сделали. Советская власть осталась «советской» только номинально. Действительно, с 1919 г. Ленин, Троцкий и другие большевистские вожди признавали, что они создали партийную диктатуру и, кроме того, что такая диктатура необходима любой революции (Троцкий продолжал указывать на необходимость партийной диктатуры даже после победы сталинизма).

Красная армия, кроме того, больше не была демократической организацией. В марте 1918 Троцкий отменил солдатские комитеты и выборы должностных лиц:

«выборное начало является политически бесцельным, а технически нецелесообразным, и декретом оно уже фактически отменено». [Труд, Дисциплина, Порядок]

Морис Брайнтон подытоживает:

«Троцкий, назначенный комиссаром по военным дела после Брест-Литовского мира, быстро реорганизовывал Красную армию. Была восстановлена смертная казнь за неповиновение в бою. Более постепенно вводились отдание чести, специальные формы обращения, отдельные жилые помещения и другие привилегии для офицеров. Демократические формы организации, включая выборы должностных лиц, быстро исчезали». [Большевики и рабочий контроль]

Вот и Сэмюэль Фарбер справедливо отмечает, что «Нет ни одного источника, указывающего, что Ленин или кто-либо еще из большевистских вождей переживал бы о ликвидации рабочего контроля и демократии в Советах. Они даже не посчитали это 'временным отступлением', как в случае с заменой военного коммунизма НЭПОМ в 1921 г. ». [До сталинизма]

Итак после Октябрьской революции, анархисты осудили большевистский режим и стали готовить «Третью Революцию», которая наконец освободила бы массы от всех господ (капиталистов или социалистов). Они обнажили принципиальное различие между риторикой большевизма (то, что писалось в Лениным в «Государстве и революции») и его действительностью. Придя к власти, большевизм полностью подтвердил предсказание Бакунина, что «диктатура пролетариата» неизбежно выродится в «диктатуру над пролетариатом» во главе с лидерами коммунистической партии.

Влияние анархистов серьезно выросло. Жак Садуль (французский капитан) писал в начале 1918 г.:

«Анархистская партия самая активная, самая воинственная из оппозиционных групп и, вероятно, самая популярная… Большевики озабочены». [Даниэль Герен, Анархизм: от теории к практике]

И уже в апреле 1918 г. большевики стали прибегать к физическому устранению своих конкурентов-анархистов. 12-го апреля 1918 г. ЧК (тайная полиция, сформированная Лениным в декабре 1917), атаковала анархистские центры в Москве. То же самое творилось и в других городах. Волна репрессий, поднятая большевиками против своих самых красноречивых оппонентов, означала, что они ограничивают свободу масс под заявлениями ее защиты. Демократические Советы, свобода слова, оппозиционные политические партии и группы, самоуправление на заводах и фабриках и на земле — все это было разрушено под лозунгами «социализма».

Большинство сторонников ленинизма считает, что поводом для авторитаризма послужила гражданская война (началась в конце мая 1918 г.), но все вышеописанное началось гораздо раньше! Во время гражданской войны лишь ускорился этот процесс всестороннего уничтожения большевиками инакомыслия, включая забастовки и прочие протесты класса, от имени которого они (большевики) якобы осуществляли «диктатуру», находясь у власти.

Действительно, этот процесс начался задолго до начала гражданской войны, подтвердив анархическую теорию, что «Рабочее» и «государство» взаимоисключающие термины. Для анархистов не стала неожиданностью подмена большевиками партийной властью власти рабочих (и возникший между ними конфликт). Государство означает делегацию власти, поэтому идея государственного воплощения власти всех трудящихся является логическим противоречием. Если трудящиеся управляют обществом, тогда власть должна принадлежать им. Если государство существует, тогда реальная власть принадлежит небольшой кучке избранных на верху социальной пирамиды, а не всем. Государство развивалось как инструмент правления меньшинства. Ни одно государство не сможет быть инструментом правления всех трудящихся классов (т.е. большинства) по своей природе, структуре и дизайну. Поэтому анархисты требовали децентрализованной федерации советов трудящихся как проводника революции и средства управления обществом после того, как капитализм и государство будут отменены.

Вырождение большевиков из народной партии рабочего класса в диктаторов над рабочим классом не случайность. Комбинация политических идей и реалий государственной власти (и общественных отношений ими производимыми) не могли не привести к такому вырождению. Политические идеи большевизма, с его авангардизмом, боязнью стихийности и идентификацией партийной власти с властью рабочего класса неизбежно вели к тому, что партия разойдется с теми, кого она якобы представляет. В конце концов, если партия – авангард, тогда, автоматически, все остальные — «тормозной» элемент. Это означало что, если рабочий класс попытается сопротивляться большевистской политике или исключит их из советов, то значит (согласно авангардистской логике) рабочий класс «дрогнул» под влиянием «мелкобуржуазных» и «тормозных» элементов. Авангардизм порождает элитаризм и, если он объединяется с государственной властью, диктатуру.

Государственная власть, как анархисты всегда подчеркивали, означает делегацию власти в руки меньшинства. Следовательно, общество автоматически делится на тех, кто владеет властью и на тех, кто ей подчиняется. Оказавшись у власти, большевики потеряли свою связь с рабочим классом, отделилось от него. Русская революция полностью подтвердила утверждения Малатесты, что «правительство, т.е. определенное число лиц, которым поручено составлять законы и которые пользуются силою всех, чтобы принудить каждого исполнять их, устанавливает привилегированный и отдельный от народа класс. Оно инстинктивно старается, как и всякое тело (общество), устроенное для умножения своих аттрибутов, избежать контроля народа, внушить свои желания, заставить господствовать свои частные интересы. Поставленное в привиллегированное положение, правительство находится в антагонизме с массами, силами которых оно ежедневно пользуется». [Э.Малатеста, Анархизм]

Предельно централизованное государство, т.е. которое строили большевики, уменьшает ответственность (подотчетность) до минимума, при это отделяя правителей от управляемых. Массы перестали быть источником вдохновения и власти, а стали инородной группой, отсутствие в которой «дисциплины» (т.е. способности подчиняться приказам) поместило революцию в опасность.

Как утверждал один российский анархист: «С помощью целой бюрократической системы и новой 'государственной' морали советское правительство снова закабалило трудящиеся массы. Крестьяне и заводские рабочие оказались под пятой нового класса администраторов, в массе своей вышедшего из утробы интеллигенции. Мы не хотим сказать, что Ленин и его сторонники хладнокровные циники, что с хитростью Макиавелли продумали структуру нового класса, дабы удовлетворить свою персональную жажду власти. Вполне возможно, они руководствовались искренней заботой о человеческих страданиях. Тем не менее, даже самые возвышенные намерения гибнут, когда речь идет о централизации власти. Разделение общества на администраторов и работников неумолимо следует за централизацией власти. Иначе и быть не может». [The Anarchists in the Russian Revolution, с. 123–4]

По этой причине анархисты, соглашаясь, что существует неравномерное развитие политических идей в рабочем классе, отвергают идею, что «революционеры» должны захватить власть от имени рабочих. Только когда трудящиеся берут управление обществом под свой контроль, без какого бы то ни было посредничества, революция сможет добиться успеха. Для анархистов это значит, что «Реальное освобождение может произойти лишь в процессе непосредственной, широкомасштабной и независимой деятельности самих трудящихся, объединившихся... в свои собственные классовые организации... на основе конкретных действий и самоуправления, при помощи, но не под руководством революционеров, которые действуют не извне, а в самих массовых профессиональных, технических, оборонительных и других органах». [Волин, Неизвестная революция]

Заменяя партийной властью власть трудящихся, российская Революция сделала свой первый шаг к пропасти. Неудивительно, что сделанное русскими анархистами предсказание (от ноября 1917) сбылось:

«Укрепив, упрочив и узаконив свою власть, большевики, будучи ... политиками и государственниками, т. е. людьми власти, начнут из центра — властным, повелевающим образом — устраивать жизнь страны и народа. Они будут приказывать и

распоряжаться из Петрограда по всей России. Ваши Советы и другие организации на местах должны будут понемногу стать простыми исполнительными органами воли центрального правительства. Вместо естественной трудовой стройки и свободного объединения снизу будет водворяться властный, политический, государственный аппарат, который сверху начнет все зажимать в свой железный кулак». [цитируется по Волину, там же]

В так называемом «рабочем» государстве не может быть прямой или сколько-нибудь реальной власти людей рабочих классов (как об этом любят бубнить марксисты) просто потому, что государственные институты не предполагают этого. Они создавались как инструменты правления меньшинства, а потому их нельзя ни преобразовать (ни создать «новые») в средство освобождения рабочих классов. Как писал Кропоткин, анархисты считают, что «государство было той политической силой, к которой привилегированные классы… прибегали, чтобы сделаться законными обладателями всяких привилегий и прав над остальными людьми… И вследствие этого ни церковь, ни государство не могут теперь сделаться тою силою, которая послужила бы к уничтожению этих привилегий». [Анархизм, p. 170]

В анархической брошюре 1918 г. было написано: «Большевизм день за днем и шаг за шагом доказывал, что государственная власть обладает неизменными характеристиками; она может менять свое название, свои 'теории', своих прислужников, но суть ее остается – власть и деспотизм в новых формах». [цит. по: Пол Эврич, Русские анархисты. 1905-1917]

Если в России уже понимали, что революция умерла через несколько месяцев после того, как большевики взошли на престол, то для внешнего мира большевики и позднее СССР представляли «социализм», даже если они системно подавляли основание настоящего социализма. Преобразовывая Советы в послушные государственные органы, заменяя партийной властью советскую власть, подрывая фабричные комитеты, устраняя демократию участия в вооруженных силах и на фабриках и заводах, подавляя политическую оппозицию и протесты рабочих, большевики украли у рабочих классов их собственную революцию. Большевистская идеология и практика стали определяющими и иногда решающими факторами (сами по себе) в вырождении революции и окончательном возвышении сталинизма.

Как анархисты пророчили за десятилетия до и в течение гражданской войны, большевистское государство «рабочих и крестьян» стало, как и любое государство, властью над трудящимися классами и инструментом правления меньшинства (в данном случае правления партийного руководства). Гражданская война ускорила этот процесс, и вскоре партийная диктатура была введена (действительно, правление большевиков началось с утверждения, что это необходимо для любой революции). Большевики подавили либертарианские социалистические элементы в своей стране, разгромив восстание в Кронштадте и махновское движение на Украине, являющихся последними оплотами социализма и власти советов.

Кронштадтское восстание в феврале 1921 г имело для анархистов огромное значение (подробнее см. в приложении, «Что случилось во время Кронштадтского восстания?»). Восстание началось, когда матросы Кронштадта поддержали бастующих рабочих Петрограда в феврале 1921 г. Они приняли резолюцию, состоящую из 15 пунктов, первым из которых было требование демократии советов. Большевики

оклеветали Кронштадтских бунтовщиков как контрреволюционеров и подавили восстание. Для анархистов это существенно, потому что эти репрессии невозможно было оправдать гражданской войной (закончившейся за месяцы до этого) и потому что это было главное восстание обычных людей за настоящий социализм. Как писал Волин:

«Кронштадт был первой совершенно независимой попыткой народных масс освободиться от ярма и осуществить Социальную Революцию, решительно и смело предпринятую самими трудящимися без 'политических вождей' и наставников. Это был первый шаг к Третьей Социальной Революции». [Волин, Там же]

В Украине анархические идеи получили наиболее успешное применение на практике. В областях под защитой махновского движения трудящиеся самостоятельно организовывали свои жизни, основываясь на свои идеях и потребностях, что значило прямое реальное социальное самоопределение. Под началом Нестора Махно, крестьянина-самоучки, движение сопротивлялось не только красным и белым диктатурам, но и украинским националистам. Махно призывал к самоопределению трудящихся на Украине и во всем мире и критиковал требования «национального самоопределения» как путь к новому украинскому государству. Махно вдохновил поддерживающих его крестьян и рабочих бороться за реальную свободу:

«Умереть или победить — вот что стоит перед крестьянством Украины в настоящий исторический момент. Но все умереть мы не можем, нас слишком много, мы — человечество; следовательно, мы победим. Но победим не затем, чтобы, по примеру прошлых лет, передать свою судьбу новому начальству, а затем, чтобы взять ее в свои руки и строить свою жизнь своей волей, своей правдой». [цит. по: Аршинов Петр, История махновского движения (1918 – 1921 гг.)]

Чтобы добиться этого, Махновцы отказывались создавать правительства в освобожденных ими городах и селах, и наоборот, призывали и убеждали создавать свободные советы, которые воплощали идею рабочего самоуправления. Возьмем, например, город Александровск сразу после освобождения:

«Там они прежде всего обратились к широким рабочим массам, позвав их на общее рабочее совещание города… предложено было приступить к налаживанию жизни в городе, на фабриках и заводах силами самих рабочих и их организаций… За первым совещанием последовало второе. Вопрос об организации жизни на принципах рабочего самоуправления широко освещался и дебатировался массой, которая целиком держалась за основную идею трудового самоуправления… Железнодорожники сделали в этом направлении почин. Они создали железнодорожный комитет, взяли железные дороги района (местного) в свое ведение… Мысль пролетариата г. Александровска отныне начала систематически направляться в область создания органов самоуправления». [Там же]

Махновцы считали, что «свобода крестьян и рабочих находится у них самих и потому не может быть ограничена. Во всех областях своей жизни они должны сами устраиваться, как найдут нужным. Махновцы же могут помогать им лишь советом, отдельными культурными работниками или военной силой, но никоим образом не предписывать им что бы то ни было». [Там же] В Александровске большевики предложили махновцам разделить сферы влияния: их ревком будет решать полити-

ческие вопросы, а махновцы займутся военными. «Махно посоветовал им идти и заниматься честным трудом», а не навязывать власть труженикам. [Там же]

Повсюду махновцы старались организовывать свободные сельские коммуны. «Конечно, их было немного, они объединяли значительное меньшинство населения… Но ценным в них было то, что они возникли по почину самих крестьян-бедняков. Работа махновцев проявилась здесь лишь постольку, поскольку махновцы вообще вели в районе пропаганду свободных коммун. Коммуны создавались не по примеру, не на почве каприза, а исключительно на почве насущных потребностей крестьян, бывших до революции ни с чем и приступивших после победы к организации своих хозяйств на общинном начале». [Там же]

Махно сыграл важную роль в отмене привилегий помещиков. Местные и районные советы уравняли право на использование земли для всех членов крестьянского сообщества.

Кроме того, махновцы постепенно, но энергично привлекали народ к обсуждению развития революции, военных и социальных вопросов. Они организовывали многочисленные конференции рабочих, солдатских и крестьянских делегатов для обсуждения политических проблем и социальных вопросов и создавали свободные Советы, союзы и коммуны. Они организовали региональный конгресс крестьян и рабочих сразу после освобождения Александровска. После попытки махновцев созвать третий региональный конгресс крестьян, рабочих и ополченцев в апреле 1919 г. и первый межобластной конгресс в июне 1919 г., большевики оклеветали их в контрреволюции, попытались запретить и объявили организаторов и делегатов вне закона.

В ответ махновцы собирали многочисленные конференции на которых задавались вопросами: «Могут ли существовать законы нескольких человек, заявляющих себя революционерами, дающие право объявлять более революционный народ вне закона?» и «Чьи интересы должен революционер защищать: партии или того народа, который своею кровью двигает революцию?» Сам Махно «считал неотъемлемым, революцией завоеванным правом рабочих и крестьян самим устраивать съезды для обсуждения и решения как частных, так и общих дел своих». [Там же]

Кроме того, «махновцы полностью осуществили революционный принцип свободы слова, совести, печати, партийной и политической принадлежности. Во всех занятых махновцами городах и местечках все запрещения, наложенные какой бы то ни было властью на ту или иную печать, на ту или иную политическую организацию, отменялись». Действительно, «Единственное, в чем махновцы стеснили большевиков, левых эсеров и прочих государственников, — это в организации властных революционных комитетов». [Там же]

Махновцы критиковали большевистские коррумпированные советы и призывали к установлению «свободного, ни от кого не зависимого советского строя трудящихся — без власти и ею писаных произвольно законов». Их листовки гласили: «Сами труженики должны избирать свои Советы, выполняющие волю и порядки самих трудящихся, т.е. Советы исполнительные, а не властные». В экономике капитализм должен быть уничтожен вместе с государством. «Земля, фабрики, заводы, рудники, железные дороги и прочие народные богатства должны быть экспроприированы са-

мими трудящимися, работающими на таковых, т.е. должны быть социализированы». [Кто такие махновцы и за что они борются? (Украина, 15 ноября 1920)]

Сама армия, по разительному контрасту с Красной армией, была фундаментально демократична (хотя, конечно, ужасающая натура гражданской войны накладывала свой отпечаток и мешала построению идеала — однако, по сравнению с режимом, установленным в Красной армии Троцким, Махновцы были намного более демократическим движением).

Анархическому эксперименту самоуправления в Украине был положен кровавый конец, когда Большевики повернулись против махновцев (бывших союзников против «белых», или приверженцев царизма), после того, как они стали не нужны больше. Подробнее с деталями об этом рассказывает в приложении «Почему махновщина продемонстрировала, что была альтернатива большевизму?» в нашем FAQ. Однако, мы должны подчеркнуть здесь один очевидный урок махновщины, а именно, что диктатура, осуществленная большевиками, не была вынужденной объективными обстоятельствами. Куда больший отпечаток на принятые большевиками решения накладывали их политические идеи. В конце концов, махновцы действовали в тех же самых обстоятельствах и все же не осуществляли политику партийной власти, как это делали большевики. Даже наоборот, они успешно поощряли свободу рабочего класса, демократию и самоуправление при чрезвычайно трудных обстоятельствах (и перед лицом сильного большевистского врага этой политике). То, что получилось в конце, не значит, что не было альтернативы большевикам. Опыт махновщины опровергает это. То, что массы людей и власть имущие делают и думают в политике — это часть процесса, определяющего результат истории, не менее, чем объективные препятствия, ограничивающие доступный выбор. Ясно, что идеи имеют значение и махновщина показывает, что практической альтернативой большевизму был (и есть) анархизм.

B Почему анархисты против существующей системы?

Эта часть FAQ представляет собой анализ основных общественных отношений в современном обществе и структур, которые их создают, в основном в тех аспектах, которые анархисты хотят изменить.

Анархизм, в сущности, – это восстание против капитализма. Как политическая теория он возник в то же время, что и капитализм и противостоял ему. Как общественное движение он увеличивал свою силу и влияние, в то время как капитализм подчинял себе все больше частей общества. Анархизм не просто противостоит государству, как заявляют некоторые так называемые эксперты, он всегда выступал против любых форм власти и угнетения, в особенности против капитализма и такой его формы, как частная собственность. Не случайно Прудон, первый, кто объявил себя анархистом, заговорил об этом в книге, озаглавленной «Что такое собственность?» (и дал ответ: «Это кража!»). Развиваясь от Прудона, анархизм выступал всегда и против государства, и против капитализма (с этим соглашались даже такие разные мыслители, как Бенджамин Такер и Петр Кропоткин). Не нужно говорить, что после Прудона анархистская критика власти распространилась не только на два этих социальных зла. Другие формы социальной иерархии, такие как сексизм, расизм и гомофобия также забраковываются, поскольку они ограничивают свободу и равенство. Поэтому эта часть FAQ суммирует ключевые положения о том, почему анархисты признают негодной систему, в которой мы живем.

Это, конечно, не означает, что анархистские идеи не существовали в обществе до расцвета капитализма. Вовсе нет. Мыслители, чьи идеи можно назвать анархическими, жили за тысячи лет до нас, и их можно найти в различных местах среди различных культур. На самом деле, не будет преувеличением сказать, что анархизм родился в тот момент, когда возникли государство и частная собственность. Однако, как заметил Кропоткин «анархисты и государственники существовали во все времена истории», а в наше время « анархизм родился из того же протеста, критического и революционного, из которого родился вообще весь социализм». Однако, в отличие от других социалистов, анархисты не остановились на «отрицании капитала и общественного строя, основанного на порабощении труда капиталом», а пошли дальше, «восстали против того, что составляет, по нашему мнению, истинную силу капитала, государства и его главных оплотов: централизации власти, закона (составленного всегда меньшинством и в пользу меньшинства) и суда, созданных главным образом ради защиты власти и капитала». Поэтому анархизм выступает «не только против капитала, но также против его оплотов: государства, централизации и установленных государством законов и суда». [Evolution and Environment, p. 16 and p. 19]

Другими словами, анархизм в том виде, в каком он существует сегодня, как общественное движение с долгой историей борьбы, с политической теорией и комплексом идей, является продуктом трансформации общества, которая сопровождалась созданием современных (национальных) государств и накоплением капитала и (что более важно) сопротивлением и противостоянием этим новым социальным отношениям и институтам. По существу, анализ и критика, представленные в этой части FAQ сосредоточатся на современном капиталистическом обществе.

Анархисты понимают, что сила правительств и других форм иерархии зависит от согласия управляемых. Дело здесь не только в страхе, «так как они [угнетённые] поддерживают те же ценности, что и их начальники. Властвующие и подвластные

одинаково верят в законы власти, иерархии и могущества». [Colin Ward, Anarchy in Action, p. 15] Помня об этом, мы представляем в этой части «Вопросника» наши аргументы, направленные против этого «консенсуса», чтобы доказать, почему мы являемся анархистами и почему социальные отношения, основанные на власти, нас не заинтересовывают.

Не стоит и говорить, что задача непростая. Ни один господствующий класс не может выжить, если основания, поддерживающие его, не получат широкой поддержки среди подчиненных. Это достигается различными средствами – пропагандой, так называемой системой образования, традициями, СМИ, общепринятым мнением. Таким образом, доминирующие в обществе идеи – это идеи доминирующей элиты. Это значит, что любое общественное движение должно бороться с этими идеями, прежде чем пытаться покончить с ними:

«Часто люди даже не осознают, что система подавления и господства вообще существует. Им приходится бороться за свои права внутри систем, в которых они живут, ещё до того, как они поймут, что в принципе есть какое-то подавление. Давайте посмотрим на борьбу женщин. Первое, что они стали делать — это так называемые 'усилия по распространению осознания'. Они старались, чтобы женщины поняли, что их угнетённое положение не является нормальным и естественным состоянием мира. Моя бабушка не смогла бы присоединиться к движению за права женщин, потому что она, в каком-то смысле, не чувствовала угнетения. Такая была жизнь, это было так же привычно, как то, что солнце встаёт по утрам. Ничего нельзя сделать, пока люди не осознают, что угнетение не подобно восходу солнца, что от него можно избавиться, что не обязательно повиноваться приказам, что не нужно терпеть избиения, пока люди не поймут, что во всём этом есть что-то неправильное. И один из путей для прихода к этому — пытаться протолкнуть реформы внутри существующих систем угнетения. А потом, рано или поздно, вы придёте к тому, что нужно менять саму систему». [Noam Chomsky, Anarchism Interview]

Это значит, как подчёркивал Малатеста, что анархисты «в первую очередь должны убеждать людей». Это значит, что мы «должны осведомлять людей о тех бедах, какими они страдают, и о возможностях их уничтожить ... Тем, кому холодно и голодно, мы покажем, как легко можно будет обеспечить им материальные нужды. Тем, кого угнетают и презирают, мы покажем, как можно счастливо жить в мире свободных и равных людей ... И когда мы пробудим чувство мятежа в разумах людей против предотвратимого и несправедливого зла, от которого мы страдаем в нынешнем обществе, и поможем им понять, как оно возникает и как человек может избавиться от него», тогда мы сможем объединить и изменить их к лучшему. [Errico Malatesta: His Life and Ideas, pp. 185-6]

Теперь мы должны объяснить, почему мы бросаем вызов системе. Из нижесказанного становится ясно, почему анархистов не устраивает весьма ограниченная свобода в современном обществе и почему они хотят создать действительно свободное общество. С точки зрения Ноама Хомского, анархистская критика современного общества означает:

«найти и определить устройство власти, иерархии и подчинения в каждой стороне жизни и бросать ему вызов; покуда им нельзя найти оправдания, они беззаконны и должны быть разрушены, чтобы увеличить простор человеческой свободы. Что

включает в себя политические силы, собственность и управление, отношения между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, наш контроль над судьбой будущих поколений (основное нравственное требование экологического движения ...), и многое другое. Естественно это значит противостоять громадным институтам принуждения и управления: государству, бессчётным частным тираниям, что управляют большей частью внутренней и международной экономики [т.е. капиталистическим корпорациям и компаниям], и так далее. Но не только им». [Marxism, Anarchism, and Alternative Futures, p. 775]

Эта задача облегчается тем, что «господствующий класс» не «преуспел в превращении всех подчинённых в покорные и бессознательные орудия своих интересов». Это значит, что там, где есть угнетение и эксплуатация, там есть сопротивление — и надежда. Даже когда люди, угнетённые иерархическими общественными отношениями, мирятся с ними, эти институты не могут уничтожить искру свободы полностью. Несомненно, они помогают создать бунтарский дух своими же действиями, и тогда люди говорят «довольно» и сражаются за свои права. Таким образом, иерархические общества «состоят из врожденных противоречий, которые и приведут их к смерти» и из которых вырастает «возможность развития». [Malatesta, Op. Cit., pp. 186-7]

Анархисты, следовательно, сочетают критику существующего общества с активной деятельностью в непрерывной борьбе, которая идет в каждом иерархическом обществе. Как мы обсудим в разделе J, мы убеждаем людей участвовать в прямом действии для борьбы с угнетением. Такая борьба меняет участвующих в ней, ломая общественно-бытовые условия, которые поддерживают иерархическое общество, и даёт людям знание о других возможностях, о том, что другие миры возможны, и что мы не обязаны жить так, как сейчас. Итак, борьба — это жизненная школа анархизма, средство, создающее предусловия для анархического общества. Анархисты учатся у этих столкновений и в то же время распространяют наши идеи среди них и поощряют их превращение во всеобщую борьбу за общественное освобождение и перемену.

Итак, естественное сопротивление угнетённых против своего подавления побуждает процесс оправдания, который требует Хомский (и анархизм), это критическое оценивание власти и господства, это подрывание того, что до этого считалось «естеством» и «здравым смыслом», пока мы не усомнились в этом. Как отмечалось выше, важнейшая часть этого процесса — поддерживать прямое действие угнетённых против угнетателей, как и поддерживать анархические направления и сознание, что существует (в той или иной мере) в каждом иерархическом обществе. Задача анархистов — поддерживать такую борьбу, сомнения, ее производящую и способа, ее воплощающего. Мы стремимся побудить людей взглянуть на корень общественных проблем, с которыми они сражаются, найти способ изменить лежащие в их основе общественные институты и отношения. Мы пытаемся создать осознание того, что с угнетением можно не только сражаться, его можно победить, и что борьба против несправедливой системы создаёт семя общества, которое заменит её. Другими словами, мы поощряем надежду и положительный взгляд на лучший мир.

Однако этот раздел FAQ посвящён именно критической или «негативной» стороне анархизма, разоблачению врождённого зла в любой власти, будь то государственная, собственническая или любая другая, и тому, почему анархисты хотят «разрушить

власть, собственность, иерархию и эксплуатацию». [Murray Bookchin, Post-Scarcity Anarchism, p. 11] Следующие разделы покажут, как, после анализа мира, анархисты собираются изменять его конструктивно, но часть конструктивного ядра анархизма будет видна даже в этом разделе. После широкой критики существующей системы, мы двинемся в определенные области. Раздел B содержит объяснение анархической критики капитализма. Раздел D содержит рассуждения о том, как общественные отношения и институты, описанные в этом разделе, влияют на общество в целом. Раздел E содержит рассуждения о причинах (и некоторых возможных решениях) экологических проблем, с которыми мы сталкиваемся.

B.1 Почему анархисты против власти и иерархии?

Сначала важно выяснить, с каким видом власти борется анархизм. Хотя противники анархизма постоянно утверждают, что анархисты противостоят всем видам власти, на деле всё сложнее. Несмотря на то, что анархисты временами заявляли о неприятии «любой власти», вдумчивое изучение быстро показывает, что анархисты отвергают только один особый род власти — тот, который мы называем иерархией (подробнее в разделе H.4). Бакунин подтверждал это утверждение, говоря, что «принцип власти» это «исключительно религиозная, метафизическая и политическая идея о том, что массы, всегда неспособные к самоуправлению, должны всё время подчиняться великодушному хомуту мудрости и праведности, который так или иначе, навязан сверху». [Marxism, Freedom and the State, p. 33]

Анархисты допускают другие виды власти, это зависит от того, становится ли эта власть источником политического могущества над другими или нет. Вот ключ к пониманию позиции анархистов насчёт власти — если это иерархическая власть, следовательно анархисты против нее. Причина проста:

«Власти … никому, давать не следует, потому что тот, кто облечен властью, тот по неизменному социологическому закону непременно сделается притеснителем и эксплуататором общества». [Bakunin, The Political Philosophy of Bakunin, p. 249]

Важно понимать разницу между двумя видами власти. Как указал Эрих Фромм, «власть» это «достаточно широкий термин и имеет два совершенно различных значения: власть может быть либо 'рациональной', либо 'иррациональной'. Рациональная власть основана на компетентности; такая власть способствует росту человека, который на нее опирается. Иррациональная власть зиждется на силе и служит для эксплуатации того, кто ей подчиняется». [To Have or To Be, pp. 44-45] То же самое говорил Бакунин более ста лет назад, когда указал на разницу между властью и «естественным влиянием». Для Бакунина «свобода каждой личности есть постоянно меняющаяся равнодействующая этой массы физических, умственных и нравственных влияний, которые окружающие ее другие личности,

общество, в котором она рождается, живет и умирает, оказывают на нее… Уничтожение этого взаимного влияния было бы, стало быть, смертью. Следовательно, «когда мы требуем свободы масс, мы не претендуем уничтожать ни одного из этих естественных влияний на них ни одной личности, ни одной группы лиц. Мы хотим уничтожения искусственных, привилегированных, законных, официальных влияний». [The Basic Bakunin, p. 140 and p. 141]

Это и есть, другими словами, разница между тем, когда человек участвует в решении и слушает другие мнения и специалистов («естественное влияние»), прежде чем выбрать точку зрения, и тем, когда решение принимает за него отдельная группа

людей (которые могут быть или не быть избранными), потому что это их роль в организации общества. В первом личность поддерживает суждения и свободу (т.е. основывается на рациональной власти). В последнем она подчинена воле остальных, иерархической власти (т.е. основывается на иррациональной власти). Это происходит потому, что «рациональный авторитет не только допускает, но и требует постоянного внимательного разбора и критики ... он всегда временен, его признание зависит от его действенности... Источником же иррационального авторитета, напротив, всегда служит власть над людьми. Власть — с одной стороны, страх — с другой, всегда служат опорой иррационального авторитета». Таким образом, первый основан на «равенстве», покуда последний «по самой своей природе строится на неравенстве». [Erich Fromm, Man for Himself, pp. 9-10]

Самое важное заключается в различии между иметь авторитет и быть авторитетом. Последнее просто значит, что этот человек признан в целом как сведущий в данном деле, основанном на его или её личных навыках и знаниях. По-другому, это общественно признанная компетентность. Напротив, наличие власти является общественным отношением, основанным на статусе и власти, произошедшей из иерархического положения, а не личной способности. Очевидно, это не значит, что компетентность никогда не приводит к иерархическому положению; все это всего лишь значит, что реальная или утвержденная изначальная компетентность переносится на титул или положение власти и становится независимой от людей, т.е. институализированной (или тем, что Бакунин называл «официальной»).

Это различие важно, потому что поведение людей является больше продуктом воспитания, нежели врожденной чертой. Другими словами, общественные отношения формируют участвующих в них людей. Это означает, что различные группы, созданные людьми, имеют черты, поведения и следствия, которые нельзя понять упрощением группы до состоящих в ней личностей. Таким образом, группы состоят не только из людей, но также из отношений между людьми, и эти отношения влияют на подчинённых им. Например, очевидно, что «осуществление власти одними обессиливает других» и поэтому через «сочетание физического запугивания, экономического господства и зависимости, а также психологического ограничения, социальные институты и практика влияют на то, как все понимает своё место в мире». Это, то, что мы обсудим в следующем разделе, влияет на участвующих в таких авторитетных социальных отношениях, как «осуществление властных полномочий в любой институализированной форме — будь то экономические, политические или сексуальные – ужесточает обладателя власти и того, в отношении которого она осуществляется». [Martha A. Ackelsberg, Free Women of Spain, p. 41]

Авторитарные общественные отношения подразумевают разделение общества на (меньшинство) дающих приказы и (большинство) выполняющих приказы, истощающее участвующую личность (умственно, эмоционально и физически) и общество в целом. Человеческие отношения, во всех сторонах жизни, заклеймены властью, не свободой. И поскольку свобода может только быть создана свободой, авторитарные общественные отношения (и послушание, которое они требуют) не могут воспитывать человека в свободе — только участие (самоуправление) может сделать это во всех сферах жизни. «В обществе, основанном на эксплуатации и подчинении,»

по словам Кропоткина, «натура человеческая мельчает. Но по мере исчезновения рабства и подчинения, мы постепенно станем тем, кем мы должны быть».

Конечно, следует отметить, что в любых коллективных начинаниях существует необходимость сотрудничества и координации, и это нужно для «подчинения» отдельных групп мероприятий в единую форму власти. Поэтому, как утверждается, управляемые демократические группы как «авторитетные», рассматриваются как одна из основ иерархической власти, тогда как анархистов такие аргументы не впечатляют. Да, отвечаем мы, конечно, в любой предпринимающей группе необходимо создать и держаться соглашений, но анархисты утверждают, что использование слова «власть» это игра слов, чтобы описать два принципиально различных способа принятия решений. Она скрывает фундаментальное различие между свободой ассоциаций и иерархическим назначением, а также путает сотрудничество с командой (как мы отмечаем в разделе H.4, марксисты особенно любят это заблуждение). Простыми словами, есть два различных способа координации деятельности в рамках отдельной группы — либо авторитарными или либертарными способами. Прудон, по отношению к рабочим местам, четко определяет разницу:

«каждый рабочий… может быть просто наемным слугой собственника-капиталиста-патрона; или станет участвовать… [и] иметь голос в совете, в мире, в котором он станет участником…

«В первом случае рабочий подчинен, эксплуатируется: его условие выживания — повиновение… Во втором случае он восстановит свое достоинство как человек и гражданин… он станет частью организации производства, в которой он был прежде лишь рабом… Мы не должны колебаться, поскольку у нас нет выбора… необходимо сформировать АССОЦИАЦИЮ среди рабочих… потому что без нее, они останутся в отношении подчинённых у начальников, а результатом будут две… касты хозяев и наемных рабочих, что несовместимо со свободным демократическим обществом». [General Idea of the Revolution, pp. 215-216]

Другими словами, объединение может быть основано на рациональной власти, на основе природного влияния и потому отражать свободу, способность людей мыслить, действовать, чувствовать и управлять их собственным временем и деятельностью. В противном случае, мы включаем элементы рабства в наши отношения с другими, которые отравляют все в целом и направляют нас неверным путем (см. раздел B.1.1). Только реорганизация общества либертарным способом (и мы должны добавить, что психическое преобразование требует и создаст такие изменения) позволит человеку «достичь своего более или менее полного процветания, в то же время, не останавливаясь в развитии» и «вытеснить из человека искусственно водворенный в него дух рабства». [Nestor Makhno, The Struggle Against the State and Other Essays, p. 62]

Таким образом, анархисты «не желали бы ничего лучшего, как видеть [что другие]… оказывают на нас естественное и легитимное влияние, свободно воспринимаемое, а не навязываемое, во имя какой бы то ни было власти. Мы беспрекословно признаем власть природы и силу фактов, но отнюдь не право». [Bakunin, The Political Philosophy of Bakunin, p. 255] Анархистская поддержка свободной ассоциации в пределах непосредственно демократических групп основана на таких организационных формах, которые увеличивают влияние и уменьшают иррациональную власть в наших жизнях. Участники таких организаций могут создать и представить их собственные идеи

и предложения, критически оценить предложения о сотрудничестве и пожелания их товарищей, принимая те, с которыми они согласны или их смогли убедить, и имея возможность оставить ассоциацию, если они недовольны ее развитием. Поэтому влияние отдельных лиц и их свободное взаимодействие определяет характер принятых решений, и никто не имеет права навязывать свои идеи другим. Как утверждал Бакунин, в таких организациях «никакая роль не окаменевает, не закрепляется и не остается неотъемлемой принадлежностью кого бы то ни было. Иерархический строй и повышения не существуют... В этой системе, в сущности, нет больше власти. Власть растворяется в коллективе и делается действительным выражением свободы каждого». [Bakunin on Anarchism, p. 415]

Таким образом, анархисты выступают против иррациональной (т.е, нелегитимной) власти, иными словами, иерархии, как институционализации власти в обществе. Иерархические социальные институты включают государство (см. раздел B.2), частную собственность и классовую систему, которую они создают (см. раздел B.3) а, следовательно, и капитализм (см. раздел B.4). «Каждое учреждение, социальное или гражданское», утверждала Вольтарина де Клер «которое стоит между человеком и его [или ее] правом; каждая связь, делающая одного хозяином, а другого — рабом; каждый закон, каждая статуя, все возведенное и представляющее тиранию» анархисты хотят уничтожить. Однако, иерархия существует и вне таких учреждений. Например, иерархические социальные отношения включают сексизм, расизм и гомофобию (см. раздел B.1.4), и анархисты оппонируют и сражаются со всем этими предрассудками. Так как борьба с капитализмом является борьбой с иерархией (для рабочих «раб на фабрике», хотя и «покончим с рабством в рабочее время»). Де Клер также против патриархальных общественных связей, которые строят «дом, опирающийся на рабство» из-за «брака, который представляет собой продажу и передачу индивидуальности одного из участников другому!» [The Voltairine de Cleyre Reader, p. 72, p. 17 and p. 72]

Само собой разумеется, то, что мы обсуждаем разные формы иерархии в разных раздела, не означает, что анархисты думают будто бы эти формы их отрицательные эффекты так или иначе независимы или могут быть легко разделены. Например, современное государство и капитализм тесно взаимосвязаны и не могут рассматриваться независимо друг от друга. Аналогичным образом, социальная иерархия типа сексизма и расизма, используется другими формами иерархии для поддержания себя (например, правители используют расизм, чтобы разделить и управлять рабочими). Из этого следует, что уничтожить одну или несколько форм иерархии, было бы недостаточно. Уничтожение капитализма, в то время как государство мешает становлению свободного общества (и наоборот) — впрочем это и так невозможно. Как отметил Мюррей Букчин:

«бесспорно бесклассовое общество, даже покончившее с эксплуатацией в экономическом смысле, может все еще сохранять иерархическое правление и господство в социальном смысле — принимают ли они форму патриархальной семьи, господства возрастных или этнических групп, бюрократических учреждений, идеологических манипуляций или пирамидального разделения труда... бесклассовое или нет, общество может скрывать господство, а, с господством, общим условием для командования и повиновения, несвободы и унижения, возможно наиболее решительное уничтожение потенциальных способностей каждого человека к сознательности,

критичности, индивидуальности, его творческого потенциала и право утверждать полный контроль над ежедневной жизнью человека». [Toward an Ecological Society, pp. 14-5]

Это очевидно подразумевает, что анархисты «бросают вызов не только классовым формациям, но и иерархиям, не только как материальной эксплуатации, но и господству в любой его форме». [Bookchin, Op. Cit., p. 15] Следовательно, анархистские усилия направлены на противостояние иерархии, а не только, скажем, государству (как некоторые ложно утверждают), или просто экономическому классу и эксплуатации (как, скажем, делают многие марксисты). Как отмечено ранее (в секции A.2.8), анархисты полагают, что все формы иерархии являются не только вредными, но и ненужными, и утверждают, что есть альтернативные, эгалитарные способы организации общественной жизни. На самом деле, мы утверждаем, что иерархическая власть создает условия, в которых она, по-видимому, конструирует борьбу, и тем самым стремится быть самовоспроизводящейся. Такая иерархическая организация подрывает способности тех, кто находится в основании пирамиды к управлению их собственными делами, чтобы требовалась иерархия, и некоторые люди смогли бы отдавать приказы, а остальным пришлось бы беспрекословно подчиняться. Вместо того, чтобы ликвидировать причины беспорядка, правительство борется с его основными следствиями, а бюрократия, якобы созданная, чтобы бороться с бедностью, наоборот, поощряет ее, потому что без бедности, высокооплачиваемые чиновники остались бы без работы. То же самое относится к ведомствам нарконтроля, борьбы с преступностью и т.д. Другими словами, власть и привилегии, порожденными иерархическим положением дел в обществе, составляют сильный стимул для тех, кто считает, что они не решают проблемы, которые они, якобы, должны решать. (Подробности в книге Marilyn French, Beyond Power: On Women, Men, and Morals, Summit Books, 1985)

B.1.1 К чему приводят авторитарные общественные отношения?

Иерархическая власть неразрывно связана с маргинализацией и бесправием лишенных власти. Она отрицательно влияет на тех, по отношению к кому власть направлена, так как «те, кто обладают этими символами власти и извлекают из этого выгоду, должны подавить у подчиненных им людей способность к реалистическому, критическому мышлению и заставить их верить вымыслу [что неразумная власть разумна и необходима], … [поэтому известно] каким покорным и податливым становится разум, усыпленный избитыми фразами, и какими бессловесными делаются люди, теряя независимость, способность верить собственным глазам и полагаться на собственное мнение». [Erich Fromm, To Have or To Be?, стр. 47]

Или, словами Бакунина, «Принцип власти, прилагаемый к людям, переступившим или достигшим совершеннолетия, становится чудовищностью, вопиющим отрицанием человечности, источником рабства и интеллектуального и морального развращения». [God and the State, p. 41]

На это указывали и шахтеры-синдикалисты, когда они писали свой известный труд «Следующий шаг шахтёров» и указывали в нем на истоки авторитарных организаций и их влияние на своих участников. Руководство (т.е. иерархическая власть) «предполагает власть, удерживаемую руководителем. Без власти лидер беспомощен. Обладание властью неизбежно ведёт к порочности ... несмотря на ... благие намерения ... [Руководство означает, что] сила предприимчивости, чувство ответственности, самоуважение, идущее от выраженной зрелости забираются у людей и объединяются в руководителе. Совокупность их предприимчивости, их ответственности, их самоуважения становятся его ... [и] порядок, который он поддерживает, основывается на подавлении людей, на превращении независимых мыслителей в 'обывателей' ... Одним словом, он вынужден становиться самодержцем и врагом демократии». И действительно, для руководителя такая маргинализация выгодна, так как руководитель «не нуждается в высоком интеллекте своих подчиненных, достаточно приветствия его приказов. Действительно, высокий интеллект по его мнению, распространяя критику и дискуссию, становится препятствием и создаёт беспорядок». [The Miners“ Next Step, pp. 16-17 and p. 15]

Анархисты утверждают, что иерархические общественные отношения будут отрицательно воздействовать на людей, так как они не смогут свободно практиковать критические, интеллектуальные и творческие способности. Как утверждает Колин Вард, люди «от колыбели до могилы не осознают всего своего человеческого потенциала именно из-за того, что власть создавать, менять, выбирать, судить и решать принадлежит исключительно главным». (и обычно мужчинам) [Anarchy in Action, p, 42]. Анархизм основывается на понимании того, что существует взаимосвязь между устройством авторитарных институтов и психологическими качествами и позицией людей. Ежедневное выполнение приказов не приведет к развитию независимой, сильной и творческой личности («властвование и раболепие всегда ходят рука об руку» [Пётр Кропоткин, Анархизм, стр. 81]). Как отмечала Эмма Гольдман, если человеческие «наклонности и суждения зависят от воли хозяина» (например, начальника, так как большинство людей вынуждены продавать свой труд при капитализме), то нет ничего удивительного в том, что авторитарные отношения «обрекают миллионы людей на ничтожество». [Red Emma Speaks, p. 50]

Так как человеческий мозг это телесный орган, он должен постоянно использоваться, чтобы оставаться в здравии и развиваться. Власть определяет процесс принятия решений в руки господствующего класса, превращая большинство людей в исполнителей, выполняющих приказы других. Если мышца не используется, она обрастает жиром; если мозг не используется, происходит отупление творческого, критического мышления и умственных способностей и их обращение к маргинальным темам вроде спорта и моды. Что приводит только к отрицательным последствиям:

«Иерархические институты воспитывают отчуждение и эксплуатацию среди людей, лишая их силы и отдаляя от реальности. Иерархии делают одних людей зависимыми от других, осуждают их за эту зависимость, а затем используют её как оправдание дальнейшему усилению власти... Власть имущие воздействуют на особенности подчиненных... Анархисты утверждают, что всегда выступать субъектами чужих действий без возможности совершать свои означает обречь себя на зависимость и покорность. Те, кому постоянно приказывают и препятствуют думать за

себя быстро начинают сомневаться в своих способностях… [и обретают] сложности в самоопределении по отношению к общественным нормам, стандартам и надеждам. [Martha Ackelsberg, Free Women of Spain, pp. 40-1]

И поэтому, словами Колина Варда, «система порождает болванов, затем презирает их за негодность и награждает 'немногих одарённых' за их редкость». [там же, стр. 43]

Это отрицательное воздействие иерархии, само собой, не ограничивается только подчинёнными. Власть имущие так же страдают от неё, но другим образом. Как мы заметили в разделе А.2.15, власть портит и правителей, и управляемых. Испанская либертарная молодёжь утверждала это еще в 1930-гг:

«Мы против принципа власти, потому что он приводит к эрозии личности человека, подчиняя одних людей желаниям других, пробуждая в них инстинкты, которые предрасполагают их к жестокости и безразличию перед страданиями их товарищей». [цитируется по: Jose Peirats, The CNT in the Spanish Revolution, vol. 2, p. 76]

Иерархия истощает человеческий дух. «Иерархическое мышление,» пишет Букчин, «поощряет отречение от удовольствий жизни. Оно оправдывает тяжкий труд, вину и жертвы 'подчиненных', и удовольствие и потакание фактически каждому капризу их „начальников". Объективная история общественного устройства усваивается как субъективная история психического устройства». Иначе говоря, занимание позиции в иерархии способствует усвоению угнетения — и опровержение индивидуальности, необходимой, чтобы принять его. «Иерархия, класс, и в особенно государство», подчеркивает он, «проникают под покров человеческой психики и устанавливают в ней не рефлексируемые внутренние понятия принуждения и ограничения… При помощи вины и самоедства, внутреннее государство может управлять поведением задолго до того, как возникает страх перед принудительными силами государства». [The Ecology of Freedom, p. 72 and p. 189]

Вкратце, «иерархии, классы и государства извращают творческую мощь человечества». Однако, это не всё. Иерархия, утверждают анархисты, также отрицательно влияет на наше отношение к природе. Действительно, «все наши понятия о [господстве над природой] коренятся в подчинении человека человеком… И пока мы не отвергнем подчинение во всех его формах, мы не сможем создать действительно рациональное экологическое общество…». Поскольку «конфликты в разделенном человечестве, организованном вокруг подчинения, неизбежно приводят к конфликтам с природой. Экологический кризис, враждебное разделение человечества и природы происходит, кроме всего прочего, по причине разделения среди людей». «Подъем капитализма, основным законом жизни которого была конкуренция, накопление капитала и неограниченный рост, обострил эти проблемы — экологические и социальные», и анархисты «[подчёркивают], что большинство экологических проблем коренятся в социальных проблемах — проблемах, относящихся к самому началу патрицентрической культуры». [Мюррей Букчин, Реконструкция общества, с. 72, с. 44, с. 72 и с. 154-5]

Анархисты утверждают, что иерархия воздействует не только на нас, но и на наше окружение. Проблемы окружающей среды, с которыми мы сталкиваемся, есть результат иерархических властных структур в сердце нашего общества, структур, что разрушают планетарную экологию настолько же, насколько они разрушают нас.

Проблемы внутри общества, экономические, этнические, культурные и гендерные столкновения, как и многие другие, лежат в основе большинства экологических неурядиц. То, как люди обходятся друг с другом, ключевое средство к пониманию и преодолению экологического кризиса. В конечном счёте, экологическая разруха коренится в устройстве нашего общества, так как деградирующее человечество тянет за собой деградацию природы (как, к сожалению, показал капитализм и наша иерархическая история).

Это не удивительно, ведь мы, как вид, формируем окружающую среду и, следовательно, то, что влияет на нас, влияет и на неё. Это значит, что личности, созданные иерархией (и авторитарным мышлением, порождающимся ею) меняют планету особым, губительным образом. Это и понятно, так как люди воздействуют на окружающую среду сознательно, создавая то, что наиболее удобно для их образа существования. Если образ жизни запятнан иерархиями, классами, государствами и угнетением, эксплуатацией и господством, которые создаются ими, наши отношения с природой вряд улучшатся когда-нибудь. Иначе говоря, общественная иерархия и классы узаконивают наше господство над окружающей средой, сажая семена веры в то, что природа существует, как и люди, для подчинения и использования в своих нуждах.

Что приводит нас к следующей ключевой причине неприятия анархистами иерархии. В дополнение к отрицательным психологическим эффектам, идущим от отрицания свободы, авторитарные общественные отношения производят общественное неравенство. Ведь тот, кто подчинён власти, должен выполнять приказы тех, что стоят выше него в социальной иерархии. При капитализме это значит, что рабочие должны повиноваться приказам начальника (см. следующую главу), которые задуманы, чтобы обогащать его. И боссы, действительно, становятся богаче: генеральный директор большой фирмы получал в 212 раз больше, чем средний американский рабочий в 1995-м г. (эта цифра увеличилась на 44 за 30 лет). Только с 1994-го по 1995-й вознаграждение директоров в США увеличилось на 16 процентов в сравнении с 2,8 процентами роста з/п рабочих, не поспевающим даже за инфляцией, при чем эту стагнацию з/п не получится оправдать размерами прибыли корпораций, которая выросла на целых 14,8% за год.

Не стоит и говорить, что неравенство в отношении власти превращается в неравенство в отношении богатства (и наоборот). Следствия такого неравенства чрезвычайно разнообразны. Например, здоровье населения сильно зависит от неравенства. Бедные люди чаще болеют и раньше умирают, чем богатые. Проще говоря, «чем ниже класс, тем хуже здоровье его членов. Выходя за пределы такого статического исследования, даже прерывания дохода, как например, безработица, имеют вредные эффекты». Действительно, длительные экономические трудности, связанные с низким положением в общественной пирамиде, ухудшает физическую, психологическую и познавательную деятельность («с последствиями, затягивающимися на десятилетия и более»). «Низкие доходы, неприятная работа и постоянные ущемления», пишет Даг Хенвуд, «могут привести к явным физическим симптомам, смущающим даже софистически настроенных биомедицинских исследователей… Высокие доходы тоже связаны с низкой частотой психических расстройств, как и высокий уровень имущества». [После новой экономики, стр. 81-2]

Более того, степень неравенства так же важна (т.е. величина разрыва между богатыми и бедными). Согласно редакции Британского медицинского журнала «в определении смертности и здоровья в обществе не столько важна абсолютная величина общественного достатка, сколько как этот достаток распределён.

Чем равнее распределено богатство, тем здоровее это общество». [№312, 20 апреля 1996 года, стр. 985]

Исследование в США нашло неоспоримое подтверждение этому. Джордж Каплан с коллегами измерили неравенство в 50 американских штатах и сравнили его с учитывающим возраст индексом смертности по всем причинам смерти и выявили закономерность: чем неравномерней распределяется доход, тем выше уровень смертности. Иначе говоря, разрыв между богатыми и бедными, а не средний доход, влияет на смертность в каждом штате. [«Inequality in income and mortality in the United States: analysis of mortality and potential pathways,» British Medical Journal, vol. 312, April 20, 1996, pp. 999-1003]

Это измерение неравенства доходов также проверялось на других общественно-бытовых условиях кроме здоровья. Штаты с большим уровнем неравенства в распределении доходов имели более высокий уровень безработицы, большее количество заключённых, людей, живущих на денежном пособии и продовольственных талонах, людей без медицинской страховки, большую долю детей с недостаточным весом при рождении, высокий уровень убийств, жестоких преступлений, высокую цену за медицинскую помощь и полицейскую защиту. Более того, штаты с большим неравенством в доходах тратили меньше денег на образование человека, имели меньшее количество книг в школах, и как следствие, получали в целом худшую систему образования, включая слабее навыки чтения, слабее математические навыки и более низкие оценки в аттестатах.

В то время как растёт разрыв между богатыми и бедными (показывая рост общественной иерархии на рабочих местах и вне них), здоровье людей портится и социальное полотно разрушается. Психологические трудности из-за низкого положения в социальной лестнице оказывает губительные эффекты на людей, среди которых эффекты, произведенные низким качеством жилья, пищи, воздуха, развлекательных возможностей и медицинского обслуживания, которым остается довольствоваться бедным (см. George Davey Smith, «Income inequality and mortality: why are they related?» British Medical Journal, Vol. 312, April 20, 1996, pp. 987-988).

Поэтому не богатство определяет здоровье, а пропасть между богатством и нищетой. Чем она больше, тем больнее общество. Страны с большим уровнем общественно-экономического неравенства показывают большее неравенство в здравоохранении; более того, люди среднего достатка в относительно неравных обществах имеют худшие показатели здоровья, чем сопоставимые им или даже беднее в обществах, где доход распределяется равномернее. Ничего удивительного, что это также прослеживается в истории. Например, расширяющийся разрыв в доходах в США и Великобритании с 1980 г. совпали с замедлением увеличения продолжительности жизни.

Неравенство, вкратце, вредно для здоровья: здоровье населения зависит не только от размера экономического пирога, но и от того, как пирог делится.

Это еще не всё. Как и неравенство в богатстве, неравенство в свободах также играет большую роль в общем благополучии человечества. Согласно Майклу Мармоту и его книге «Синдром статуса: Как общественная позиция влияет на наше здоровье и продолжительность жизни», как только вы перемещаетесь вверх по иерархии, состояние вашего здоровья улучшается. Независимость и позиция в иерархии связаны (скажем, чем выше вы в иерархии, тем больше у вас независимости). Из его эмпирических наблюдений следует, что независимость — причина хорошего здоровья, чем больше вы контролируете своё рабочее окружение и, вообще, свою жизнь, тем меньше вы подвержены классическим болезням, вызываемым стрессом, таким как болезни сердца. Изучая общественное здоровье, Джефри Джонсон и Элен Холл отметили, что «возможность контролировать собственное окружение дифференциально распределена по классовым линиям». [цитируется по: Robert Kuttner, Everything for Sale, стр. 153]

Как и ожидается, по самой природе иерархии,

если кто-либо попадает в жизненную ситуацию, при которой единственный получаемый им опыт следует из постоянного нахождения под прессом чужих приказов со стороны людей, над которыми он сам не имеет фактически никакого контроля, то он вследствие неизбежно подвергнется риску слабого здоровья, как физического, так и умственного». Корень болезни скрывается в том, что люди с самым большим риском «обычно находятся на позициях с высокими требованиями, низким контролем и низкой социальной поддержкой. Люди в требовательных положениях, но с большой степенью независимости подвергаются меньшему риску». При капитализме, «малочисленная элита требует и получает расширение возможностей, самореализацию, независимость и удовлетворенность работой, что частично дает компенсацию за долгие часы», в то время как «эпидемиологические данные подтверждают, что более низкооплачиваемые рабочие более низкого статуса, гораздо вероятнее, испытают самые клинически разрушительные формы стресса, частично потому что они имеют меньше контроля над своей работой». [Kuttner, Op. Cit., p. 153 and p. 154]

Иначе говоря, неравенство независимости и социального участия производится иерархией и является самостоятельной причиной слабого здоровья. Следовательно, уменьшение социального неравенства, не только в богатстве, но также и, кардинально, во власти привело бы к позитивной динамике общей статистики здоровья населения и, следовательно, социального благосостояния. Это убедительные доказательства в поддержку анархистских эгалитарных взглядов. Одни социальные структуры дают большему количеству людей больше независимости, чем другие и действовать, способствуя социальной справедливости вдоль этих линий, значит сделать ключевой шаг к улучшению нашего здоровья. Это означает, что способствование либертарным, т.е. самоуправляемым, социальным организациям увеличили бы не только свободу, но также и здоровье людей и их благосостояние, физическое и умственное. Что, как мы аргументировали выше, очевидно, так как иерархия, по ее самому характеру отрицательно воздействует на подверженных ей..

Поэтому анархисты поддерживают рабочий контроль. Индустриальные психологи обнаружили, что удовлетворенность работой зависит от «свободного личного пространства». Неудивительно, что те рабочие, которые постоянно принимают решения за себя, более счастливы и живут дольше. Власть управлять всеми аспектами Вашей

жизни — особенно на рабочем месте — как и богатство и статус имеют тенденцию совмещаться в ключевой индекс здоровья. Мужчины, которые ничем не управляют на работе сталкиваются с на 50% более высоким риском новой болезни: сердечных приступов и ударов, диабета или просто обычных инфекций. Женщины рискуют немного ниже, но низкий контроль на рабочем месте занимает важное место в том, чувствуют ли они себя здоровыми или больными.

Итак, факт, что единоначалие делает трудовые отношения настолько проблемными для вопросов здравоохранения (и настоящих либертариев). Чем властнее босс, тем хуже, как правило, работа. Тогда, частично понимание свободы и независимости в том, чтобы не подчиняться боссу. И, конечно, иерархия (неравенство власти) и эксплуатация (источник материального неравенства) связаны непосредственно. Как мы определяем в следующей секции, капитализм основан на наемном труде. Рабочие продают свою свободу боссу на установленный период времени, т.е. они теряют свою независимость. Это позволяет осуществляться эксплуатации, поскольку рабочие производят больше благ, чем они получают в заработной плате. Поскольку босс присваивает разницу, отсутствие независимости приводит к увеличению социального неравенства, которое, в свою очередь, отрицательно сказывается на Вашем благосостоянии.

Тогда иерархия приносит убытки. Сторонникам власти нравится подчеркивать ее «эффективность», но реальность отличается. Как Колин Уорд отмечает, быть во власти «значит принадлежать к рангу в некоторой цепи командования… Но знание и мудрость не распределить по рангам, и они не могут быть монополизированы одним человеком. Фантастическая неэффективность любой иерархической организации — любой фабрики, офиса, университета, склада или больницы — является результатом двух почти постоянных особенностей. Первая заключается в том, что, знание и мудрость людей в основании социальной пирамиды не учитываются при принятие решения иерархическими лидерами учреждения. Это приводит к работе учреждения назло формальной структуре лидерства или к саботажу показных функций учреждения, потому что это ничего из этого не выбиралось. Вторая заключается в том, что они предпочли бы оказаться где угодно: люди находятся там по экономической необходимости, а не из-за идентификации с общей задачей, которая портит себя непостоянством и функциональным лидерством». [Там же, стр. 41]

Иерархия, иначе говоря, блокирует поток информации и знание. Правители, как утверждал Малатеста, «могут только использовать силы, которые существуют в обществе — за исключением грандиозных сил», чье действие, «направлено на паралич и разрушение, и силы сопротивления и все, что потрачено впустую на конфликты; что вместе составляет потери в такой искусственной системе». Препятствуя наиболее полному развитию человека, растрачивая впустую их неразвиваемые потенциальные возможности, иерархия также вредит обществу в целом, уменьшая эффективность и креативность, потому что принятие решений ограничивается «только теми людьми, которые формируют правительство [иерархической организации] или теми, кто, благодаря занимаемому положению, может влиять на свою политику». Очевидно, это означает, что «вовсе не приводя к росту производительных, организаторских и защитных сил в обществе», иерархия «серьезно уменьшает их,

ограничиваясь инициативным меньшинством, давая ему право делать все, конечно, без дара всезнания». [Anarchy, p. 38 and p. 39]

Межотраслевые иерархические организации, как например государство, также запятнаны бюрократией, потому что становится необходимостью собирать необходимую информацию для принятия решения (и, очевидно, чтобы управлять людьми). Однако скоро эта бюрократия становится реальным источником власти из-за ее бессменности и контроля над информацией и ресурсами. Таким образом, иерархия не может «выжить, не создавая вокруг себя новый привилегированный класс», так же, как и будучи «привилегированным классом не потерять свои связи с людьми». [Malatesta, Op. Cit., p. 37 and p. 36] То есть, руководители института плохо знают о ситуациях на местах, и принимают решения, игнорируя их импульс или реальные потребности ситуации и вовлеченных в нее людей. Экономист Джозеф Стиглиц пришел к заключению на основе своего опыта работы во Всемирном банке, что «много времени и сил требуется, чтобы что-то изменить даже изнутри, находясь в составе международной бюрократии. Подобные организации скорее окутаны туманом, чем прозрачны, а это значит, внешний мир получает от них слишком мало информации и, может быть, еще меньше пропускается из внешнего мира вовнутрь организации. Эта непрозрачность также означает, что информации с нижних уровней организации очень трудно пробиться на верхний». [Globalisation and its Discontents, p. 33] То же самое можно сказать относительно любой иерархической организации, будь то национальное государство или капиталистический бизнес.

И даже больше, как замечают Уорд и Малатеста, иерархия провоцирует войну между верхами и низами. Эта война расточительна, так как ресурсы тратятся на борьбу, а не полезные занятия. Ирония в том, что как мы аргументируем в разделе H.4.4, единственное оружие, кующееся в этой борьбе это «работать строго по правилам», означающее, что рабочие должны ждать на рабочих местах письменных указаний босса. Это яркое свидетельство того, что предприятия работают из-за того, что трудящиеся в рабочее время поддерживают автономию, которую авторитарные устройства душат и тратят. Следовательно, совместное предприятие участия продуктивнее и не так затратно, как иерархическое, порождённое капитализмом. Как мы обсудим в разделе J.5.12, иерархия и порождённая ею борьба препятствуют продуктивности, связанной с рабочим участием, подрывающим деспотичное рабочее место капитализма.

Всё это не предполагает, что нижние представители иерархий априори жертвы, а верхние всегда получают выгоду — далеко не так. Как заметили Вард и Малатеста, иерархия по природе своей порождает сопротивление подчиняющихся ей, а значит и возможность покончить с ней (подробнее см. B.1.6). И наоборот, на вершине пирамиды мы также видим зло иерархии.

Когда мы смотрим на самые верхи системы, то мы верно видим, что они часто хорошо обеспечены материальными благами и доступом к образованию, развлечению, здоровью и тому подобному, но они также теряют индивидуальность и человечность. Как подчеркнул Бакунин, «власть развращает тех, кто облачен ею, и тех, кто принужден ей покоряться». [The Political Philosophy of Bakunin, p. 249] Власть разрушает, даже тех, кто пользуется ею, ограничивая их индивидуальность, так как она «делает их глупыми и жестокими, даже если они изначально были наделены

лучшими талантами. Тот, кто постоянно пытается подвергнуть все механизации в конце концов сам становится машиной и теряет человеческие чувства». [Rudolf Rocker, Anarcho-Syndicalism, pp. 17-8]

Иерархия саморазрушается когда сводится к этому, поскольку «богатство это другие люди», значит, обращаясь с другими хуже, чем с собой, ограничивая их развитие, человек теряет скрытые способности и понимание этих людей, истощая свою жизнь и ограничивая своё развитие. К сожалению, в наши дни материальная выгода (крайне узкий «эгоизма») заменила заботу о цельном развитии и полной, творческой жизни (широкий «эгоизм», что ставит личность внутри общества, признаёт, что отношения с людьми образуют и развивают все личности). В иерархическом классовом обществе все в той или иной степени проигрывают, даже те, кто на «верху».

На примере окружающей среды ещё яснее видна саморазрушаемая сущность иерархии. Судьба человеческой жизни идет рука об руку с судьбой нечеловеческого мира. Богатство и власть могут компенсировать влияние разрушения окружающей среды, порождённое иерархиями и капитализмом, но не остановит их и рано или поздно навредит элите так же, как и остальным.

Неудивительно, что «анархизм … старается уничтожить власть во всех её проявлениях … [и] бросает вызов всем иерархическим организациям». [Kropotkin, Anarchism, p. 137]

B.1.2 Иерархичен ли капитализм?

Да. При капитализме рабочие не обмениваются продуктами своего труда, они меняют сам труд на деньги. Они продают себя на заданный срок и взамен на жалование обещают подчиняться работодателям. Те, кто платят и приказывают — владельцы и управляющие — находятся на верху иерархии, те, кто подчиняются — внизу. Это значит, что капитализм по своей природе иерархичен.

Как утверждает Кэрол Пейтмен: «Производительность или рабочая сила не могут использоваться без рабочего, применяющего волю, знания и опыт, чтобы они могли приносить результат. Использование рабочей силы требует присутствия своего „владельца“, и она остается просто потенциалом, пока он не действует необходимым для работы образом: или соглашаясь, или вынуждаясь так действовать; то есть, рабочий должен трудиться. Договор использования рабочей силы — трата ресурсов до тех пор, пока она не используется так, как желает новый собственник. Фикцию „рабочая сила“ не стоит использоваться; для нее требуется труд рабочего. Договор найма должен, поэтому, создать отношения командования-повиновения между работодателем и рабочим… Короче говоря, договор, в котором рабочий, как утверждается, продает свою рабочую силу, — это договор, в котором, так как рабочего нельзя отделить от его способностей, рабочий продает командование над своим телом и собой. Приобрести право использовать другого значит стать (гражданским) хозяином». [The Sexual Contract, pp. 150-1]

Сравните это с аргументами Прудона, протицированными в главе B.1, чтобы увидеть, что анархисты давно признали, что капитализм по природе своей иерархичен. Рабочий подчиняется власти начальника во время рабочего времени (иногда и вне

работы тоже). Как резюмировал Ноам Хомский, «корпорация, завод или бизнес экономически равнозначны фашизму: решения и управление строго сверху вниз». [Letters from Lexington, p. 127] Выбор рабочего крайне ограничен, для многих людей единственный выбор — сдавать себя в аренду разным хозяевам (немногим везунчикам удаётся самим стать хозяевами). И хозяин — подходящее слово, как Дэвид Эллерман напомнил нам, «общество, кажется, прикрывает перед народным сознанием тот факт, что традиционное название [для работодателя и рабочего] — 'хозяин и раб'». [Property and Contract in Economics, p. 103]

Иерархический контроль над наёмным трудом отчуждает рабочих от их труда и от самих себя. Рабочие более не управляют собой в течение рабочего времени и больше не свободны. И поэтому, из-за капитализма, существует «угнетение на земле, разновидность рабства», укоренённого в современных «институтах собственности», которые приводят к «социальной войне, неизбежной до тех пор, пока длятся существующие общественные условия». [Voltairine de Cleyre, Op. Cit., pp. 54-5]

Некоторые защитники капитализма понимают противоречие между риторикой системы и реальностью для тех, кто ей подневолен. Многие используют аргумент, что рабочие согласны с такой иерархией. Опустив аргументы про сущность экономических условий, заставляющих людей продавать свободу на рынке труда (см. главу B.4.3), мы поднимаем тему: достаточно ли согласия для оправдания отчуждения и продажи человеческой свободы. Например, многие аргументы за рабство и монархию (т.е. диктатуру) коренились в согласии. Действительно ли мы хотим сказать, что единственная проблема фашизма или рабства в том, что люди не согласны с ними? К сожалению, некоторые правые «либертарианцы» пришли к такому выводу (см. часть B.4).

Некоторые пытаются пересмотреть реальность отношений командования-повиновения в наемном труде. «Говорить об управлении, руководстве, или поручении рабочим различных задач — обманчивый способ отметить, что работодатель постоянно вовлечен в пересмотр контрактов на условиях, которые должны быть приемлемыми для обеих сторон,» утверждают два правых экономиста.» [Arman Alchian and Harold Demsetz, quoted by Ellerman, Op. Cit., p. 170] Таким образом, договор между работодателем и работником (или, используя старую, более верную терминологию, хозяином и рабом) это ряд негласных договоров.

Однако если устный договор не стоит бумаги, чтобы его написать, то какова ценность негласного? И сколько будет этих «перезаключений договоров»? Работник решает подчиняться приказам или уйти, начальник решает послушен ли и производителен работник, чтобы оставить его под своим контролем. Не похоже на свободные отношения между равными! Такая капиталистическая защита наёмного труда «обманчивый способ отметить», что работнику платят за повиновение. Договор между ними заключается в том, что повиновение на одной стороне, а власть на другой. То, что обе стороны могут расторгнуть его, не меняет сути. Поэтому капиталистические предприятия «не демократичны, несмотря на „согласие управляемого“ на договор найма... По договору найма рабочие отчуждаются и передают свои законные права работодателю, чтобы он управлял их действиями „в рамках занятости“ по своему усмотрению». [David Ellerman, The Democratic Worker-Owned Firm, p. 50]

В конце концов, есть одно право, которое нельзя уступить или отменить — право на индивидуальность. Если индивид отказывается от индивидуальности в чью-либо пользу, он перестаёт быть индивидом, тем не менее, именно это навязывает служебный договор. Основное право человека поддерживать и развивать свою личность, его нельзя передать другому на постоянной или временной основе. Утверждать иначе значит признавать, что при некоторых обстоятельствах и на некоторое время человек не индивид, а вещь, используемая другими. Однако же это и делает капитализм из-за своей иерархической сущности.

Это не всё. Капитализм, относясь к труду как к любым другим товарам, отрицает ключевое различие между ним и другими «ресурсами» — то есть его неотделимость от носителя — труд, в отличие от другой «собственности», наделён волей и способностями. Следовательно, там где есть продажа труда, там есть подчинение воли (иерархия). Как пишет Карл Поланьи:

«Труд — это лишь другое название для определенной человеческой деятельности, теснейшим образом связанной с самим процессом жизни, которая, в свою очередь, 'производится' не для продажи, а имеет совершенно иной смысл; деятельность эту невозможно отделить от остальных проявлений жизни, сдать на хранение или пустить в оборот… Позволить рыночному механизму быть единственным вершителем судеб людей и их природного окружения… значило бы в конечном счете уничтожить человеческое общество. Ибо мнимый товар под названием 'рабочая сила' невозможно передвигать с места на место, использовать, как кому заблагорассудится, или даже просто оставить без употребления, не затронув тем самым конкретную человеческую личность, которая является носителем этого весьма своеобразного товара. Распоряжаясь 'рабочей силой' человека, рыночная система в то же самое время распоряжается неотделимым от этого ярлыка существом, именуемым 'человек', существом, которое обладает телом, душой и нравственным сознанием». [The Great Transformation, p. 72]

Другими словами, труд гораздо больше, чем товар, к чему пытается свести его капитализм. Творческая, самоуправляемая работа — источник гордости и наслаждения, и часть того, что определяет бытие полноценным человека. Действительно, Прудон зашёл так далеко, что утверждал, что капиталистические компании «грабят души и тела наемных рабочих» и были «посягательством на человеческие достоинство и индивидуальность». [там же, стр. 219] Это потому что наёмный труд превращает производственную деятельность и человека, занимающегося ей, в товар. Люди «не человеческие существа, а человеческие ресурсы. Для слепой в моральном отношении корпорации они — лишь инструмент, при помощи которого можно получить большую прибыль. А “к инструменту МОЖНО относиться, как к изделию из металла: использовать, когда нужно, и выбрасывать, когда он больше не нужен, — говорит Ноам Хомски. — Если вы научитесь расценивать всех людей лишь как инструменты, вы повысите эффективность работы системы… которая по сути своей антигуманнна. Вам необходимо дегуманизировать свое отношение. Это часть системы”.[Joel Bakan, The Corporation, p. 69]

Отделить труд от других занятий и подчинить его законам рынка значит уничтожить его природную, органическую форму существования — форму, которая развивалась с человеческим рядом сквозь десятки тысяч лет экономического сотрудничества,

основанного на сопереживании и взаимопомощи — и заменить её раздробленной и атомизированной, основанной на договорах и соперничестве. Неудивительно, что такие отношения относительно современное явление и, более того, следствие значительного государственного вмешательства и принуждения (см. раздел F.8, где обсуждается эта тема). Проще говоря, «рабочий эпохи раннего капитализма также всей душой ненавидел свою фабрику, где чувствовал себя до предела униженным и измученным». Пока государство гарантировало устойчивое объединение безземельных крестьян, навязывая частнособственнические права, первые мануфактуры использовали государство, чтобы гарантировать низкую заработную плату, прежде всего по социальным причинам — только перегруженный работой рабочий, не имеющий других вариантов, согласится сделать все, чтобы не потребовал его владелец. «Законодательное принуждение к труду и приходское рабство в Англии» отмечает Поланьи — суровость трудовой политики в абсолютистских государствах континента, рабский труд «законтрактованных рабочих» в колониях Северной и Южной Америки на раннем этапе их истории стали предпосылками формирования типа «усердного работника». [там же, стр. 164-5]

Пренебрегая тем, что капитализм произошел благодаря государственному вмешательству, капиталисты затем заявляют, что общественные отношения наёмного труда — источник «свободы», тогда как они на самом деле разновидность (не)добровольного рабства (подробнее см. разделы Б.4 и А.2.14). Поэтому либертарий, не поддерживающий экономическую свободу (т.е. самоуправление на заводах, либертарный социализм) не либертарий вовсе и не приверженец свободы. Капитализм основан на иерархии и отрицании свободы. Представлять это иначе — отрицать сущность наёмного труда. Однако поборники капитализма пытаются, но — как указывает Карл Поланьи — мысль о том, что наёмный труд основан на какой-то «естественной» свободе, ложна.

«Называть же данный принцип [наемного труда] [свободным] 'принципом невмешательства', как это имели обыкновение делать экономические либералы, значило лишь ясно демонстрировать собственное глубоко укоренившееся предубеждение в пользу вполне определенного вида вмешательства, а именно такого, которое способно уничтожить недоговорные связи между людьми, сделав невозможным их стихийное восстановление в будущем». [Op. Cit., p.163]

Как подчёркивалось выше, капитализм сам возник от государственной жестокости, и разрушение традиционного образа жизни и общественного взаимодействия было частью этой задачи. С самого начала начальники тратили много времени и сил, разбивая попытки рабочих объединиться и сопротивляться иерархии, которой они подчинялись и восстановить человеческие ценности. Они нападали на свободные объединения между равными (такие, как профсоюзы), якобы пытаясь регулировать плохие излишки демократической системы. И верно, капиталисты предпочитают централизованные, элитарные и/или авторитарные режимы именно потому, что те существуют без народного управления (см. раздел Б.2.5).

Это единственный способ навязать недовольному населению контрактные отношения, основанные на рыночных силах. Капитализм родился в таких государствах, он поддерживал фашистские движения и получал большие прибыли из нацистской Германии и фашистской Италии. «Многие современные американские корпорации

имеют дело со странами, в которых господствуют тоталитарный и авторитарный режимы, — опять-таки, потому что это выгодно». Действительно, «существует тенденция для американских корпораций инвестировать» в такие страны. [Джоэль Бакан, там же, с. 89 и с. 185] И это не удивительно, так как такие режимы лучше всего навязывают те условия, что полностью отоваривают труд.

Раздел F — Является ли «анархо»-капитализм разновидностью анархизма?

Источник: http://www.infoshop.org/AnarchistFAQSectionF

Люб_ая, кто следил_а за политическими дискуссиями в интернете, возможно замечал_а людей, которые называют себя «либертарианцами», но спорят с правой, про-капиталистической точки зрения. Для большинства людей вне Северной Америки это странно, так как термин «либертарианец» почти всегда используется вместе с «социалист» или «коммунист» (особенно в Европе и, нужно подчеркнуть, исторически в Америке). Однако в США Правые частично преуспели в присваивании себе термина «либертарианец». Еще страннее выглядит то, что некоторые из этих правых стали называть себя «анархистами» в словосочетании, которое должно быть одним из лучших примеров оксюморона в английском языке: «анархо-капиталист» (Anarcho-capitalist)!!!

Споры с дураками редко вознаграждаются, но если не обсуждать и не оспаривать их глупость, то мы рискуем позволить им обмануть новичков в анархизме. Вот для чего нужен этот раздел FAQ, чтобы показать, что претензии этих «анархистских» капиталистов ложны. Анархизм всегда был против капитализма, и любой анархизм, который утверждает обратное, не может быть частью анархистской традиции. Важно подчеркнуть, что анархистская оппозиция к так называемым капиталистическим «анархистам» не содержит дебатов внутри анархизма, как многие из этих типов любят представлять, но это дебаты между анархизмом и его старым врагом, капитализмом. В основном эти дебаты отражают спор между Петром Кропоткиным и Гербертом Спенсером (английским сторонником минимального капиталистического государства) в конце 19 века и как таковые едва ли новые.

Люди вроде Спенсера имели тенденцию называть себя «либералами», и как заметил Букчин, «*либертарианец» был термином, созданным европейскими анархистами 19 века, а не современными американскими собственниками правого крыла*». [**Экология Свободы**, стр. 57] Дэвид Гудэй соглашается, говоря что «термин либертарианец часто использовался анархистами» для альтернативного названия нашей политики на протяжении больше века. Однако, «*ситуация стала значительно сложнее в последние десятилетия с появлением экстремальной правой философии laissez-faire и заимствования ее сторонниками слов 'либертарианец' и 'либертарианство'. Поэтому сегодня стало необходимо сделать различие между правым либертарианством и левым либертарианством анархистской традиции*». [«**Семена анархии под снегом**», стр. 4]. Заимствование правыми слова «либертарианец» не только породило путаницу, но также протесты, так как анархисты старались указать очевидное, а именно что капитализм отличается **авторитарными** общественными отношениями и что есть хорошие причины для анархизма быть фундаментальной анти-капиталистической социально-политической теорией и движением. Все анархисты отвергают и противостоят тому, что меньшинство правых «либертарианцев» пытались также присвоить слово «анархист» для описания своей авторитарной политики.

То, что большинство анархистов отвергают понятие «анархо»-капитализма как формы анархизма, неудобный факт для его сторонников. Вместо того чтобы обращаться к нему, они в основном указывают на факт, что некоторые ученые относят «анархо»-капитализм к анархизму и включают его в свои отчеты о наших движениях и идеях. Некоторые ученые так действительно делают, но это не относится к делу. Имеет значение то, что анархисты думают об анархизме. Поставить мнение

ученых выше мнения анархистов подразумевает, что анархисты ничего не знают об анархизме, что мы на самом деле не понимаем идеи, которые мы защищаем, но ученые знают и понимают. Тем не менее, это подразумевается. Почти всеобщее в анархистских кругах отвержение «анархо»-капитализма как формы анархизма важно. Тем не менее, это может быть оспорено, что раз немногие анархисты (обычно анархо-индивидуалисты, но не всегда) признают «анархо»-капитализм частью нашего движения, то это (очень маленькое) меньшинство показывает, что большинство является «сектантами». Снова, меня это не убеждает, так как в любом движении будут встречаться люди, которые придерживаются взглядов, отвергаемых большинством и которые, иногда, несовместимы с базовыми принципами движения. (Очевидный пример это расизм и сексизм Прудона.) В равной степени, анархисты и «анархо»-капиталисты имеют фундаментально разный анализ и цели, это едва ли по-сектантски указать на это (быть сектантом в политике означает ставить во главу угла различия и соперничество с политически близкими группами).

Некоторые ученые замечают различие. Например, Джереми Дженнингс в своем замечательном обзоре анархистской теории и истории, замечает что «трудно не прийти к выводу, что эти идеи ['анархо'-капитализм] – с корнями в классическом либерализме – называются анархистскими только на основе неправильного понимания того, что такое анархизм». [«Анархизм», **Современные политические идеологии,** Roger Eatwell and Anthony Wright (eds.), стр. 142] Барбара Гудвин приходит к похожему выводу, замечая что «место 'анархо'-капиталистов среди правых либертарианцев, а не среди анархистов, потому что абсолютно осуждая государственное принуждение, они молчаливо поддерживают экономическое и межличностное принуждение, которое будет процветать в обществе ***laissez-faire***. Большинство анархистов разделяют эгалитарные идеалы вместе с социалистами. Анархо-капиталисты одинаково ненавидят равенство и социализм». [Используя политические идеи, стр. 138]

К сожалению, это кажется меньшинством в академических кругах, так как большинство счастливо считать правую «либертарианскую» идеологию подклассом анархизма, несмотря на то, что так мало общего между ними двумя. Их включение возможно происходит потому, что «анархо»-капиталисты называют себя анархистами и ученые принимают это за чистую монету. Как сказал один анархист, «совершенно изменчивое определение анархизма позволяют любому человеку и явлению называться таковым, неважно насколько авторитарно и анти-социально». [Benjamin Franks, *«Mortal Combat»*, стр. 4-6, **Прикосновение класса**, no. 1, стр. 5] Многие ученые скорее подходят к анархизму с позиции словарного определения, чем с позиции политического движения, существует тенденция, что утверждения «анархо»-капиталистов принимают за чистую монету. Полезно подчеркнуть, что анархизм это социальное движение с долгой историей, и в то время как его приверженцы придерживались разных взглядов, анархизм никогда не ограничивался простой оппозицией к государству (так называемое словарное определение).

Аргумент «анархо»-капиталистов в том, что форма анархизма зависит от использования словарного определения «анархизма» и/или «анархии». Они пытаются определить анархизм как оппозицию правительству, и ничего больше. Конечно, многие (если не большинство) словарей «определяют» анархию как «хаос» или «беспорядок», но мы никогда не видим как «анархо»-капиталисты используют эти определения!

Более того, словари едва ли политически сложны и их определения редко отражают широкий диапазон идей, ассоциированных с политическими теориями и их историей. Таким образом, словарное «определение» анархизма имеет тенденцию игнорировать его последовательные взгляды на власть, эксплуатацию, собственность и капитализм (эти идеи легко обнаружить, если прочитать анархистские тексты). И чтобы эта стратегия работала, многие «неудобные» вещи из истории и идей из всех разделов анархизма должны быть проигнорированы. Индивидуалисты как Такер и коммунисты как Кропоткин считали анархизм частью более широкого социалистического движения. Поэтому «анархо»-капиталисты не являются анархистами в том же смысле, в каком дождь не является сухим.

Существенно, что создатель термина анархо-капитализм, Мюррей Ротбард не имел влияния на анархистское движение даже в Северной Америке. Неудивительно, что его влияние было ограничено правыми, особенно так называемыми «либертарианскими» кругами. То же самое можно сказать про «анархо»-капитализм в общем. Это можно увидеть из того, как Ротбард упоминается в библиографии Paul Nursey-Bray об анархистских мыслителях. Это академическая книга, справка для библиотек. Ротбард там присутствует, но контекст очень намекающий. Ротбард включен в книгу в раздел, который называется «Среди маргиналов анархистской теории». Стоит процитировать его предисловие к разделу про Ротбарда: «Включение или исключение Ротбарда из анархистов следует рассматривать спорным моментом. Его анархо-капитализм рассматривается как маргинальная теория, поскольку там есть связь с традицией индивидуалистический анархизма, есть неувязка между мутуализмом и коммунитаризмом этой традиции и теорией свободного рынка, вытекающей из Людвига фон Мизеса и Фридриха фон Хайека, которая лежит в основе политической философии Ротбарда, и помещает его в современную либертарианскую традицию». [Анархистские мыслители и мысль, стр. 133]

Это важно, в то время как Ротбард (как и другие «анархо»-капиталисты) заимствует некоторые элементы индивидуалистического анархизма, он делает это в очень выборочной манере и помещает то, что он берет в очень другое социальное окружение и политическую традицию. Есть схожие места между двумя системами, существуют также важные различия, которые мы обсудим в деталях в разделе G, вместе с анти-капиталистической природой индивидуалистического анархизма (те важные части, которые Ротбард и его последователи игнорируют или отвергают). Разумеется, Nursey-Bray не включает «анархо»-капитализм в обсуждение анархистских школ мысли в предисловии библиографии.

Конечно, мы не можем остановить «анархо»-капиталистов от использования слов «анархизм», «анархо» и «анархия» для описания своих идей. Западные демократии не могли запретить китайскому сталинистскому государству называть себя Китайской Народной Республикой. Также социал-демократы не могли запретить фашистам в Германии называть себя «национал-социалистами». Итальянские анархо-синдикалисты не могли запретить фашистам использовать выражение «национал синдикализм». Это не значит, что их имена отражают их сущность – Китай это диктатура, а не демократия; нацисты не были социалистами (капиталисты делали состояния в нацистской Германии, потому что было разрушено рабочее движение); и итальянское фашистское государство не имело ничего общего с анархо-

синдикалистскими идеями децентрализованных, организованных снизу профсоюзов и отмене государства и капитализма.

Можно утверждать, что предыдущее значение слова не препятствует новому значению. Язык меняется и может развиться такой новый вид анархизма, который имеет мало общего со старым анархизмом или совсем не имеет ничего общего. В равной степени, можно сказать, что в прошлом появлялись новые направления анархизма, которые значительно отличались от старых версий (например, появление коммунистических форм анархизма вместо анти-коммунистического мутуализма Прудона). Оба аргумента неубедительны. Первый просто издевается над концепцией языка и порождает путаницу. Если люди станут называть черное белым, оно не станет белым. В равной степени, называть идеологию, которая не имеет ничего общего с известной и давно устоявшейся социально-политической теорией и движением, тем же самым именем приводит к путанице. Никто не воспринимает фашистов всерьез, когда они называют свои партии «демократическими», и мы не воспримем троцкистов серьезно, если они станут называть себя «либертарианцами» (как некоторые начали делать). Второй аргумент терпит неудачу, потому что развитие анархизма происходило на основе прошлого опыта и не меняло его фундаментальную (социалистическую) основу. Таким образом, коммунистический и коллективистский анархизм это действительные формы анархизма, потому что они построены на ключевых положениях мутуализма, а не на отрицании их.

Похожая защита понятия, что «анархо»-капитализм это форма анархизма предполагает, что проблема в терминологии. Этот аргумент основан на том, что «анархо»-капиталисты против существующего капитализма и поэтому «мы должны различать капитализм свободного рынка и государственный капитализм. Они оба различаются как день и ночь». [Ротбард, Логика действия II, стр. 185] Будет грубо указать но то, что настоящее различие в том, что один из них существует, в то время как другой существовал только в голове Ротбарда. В то же время мы должны указать, что «анархо»-капиталисты не только используют слово «анархизм» необычным способом (т. е. в противоположность тому, что всегда обозначалось термином), они также используют слово капитализм похожим способом (обозначают им то, что никогда не существовало). Разумеется, использование таких слов, как «капитализм» и «анархизм» радикально другим способом, чем традиционное использование, только провоцирует путаницу. Дело в том, что «анархо»-капиталисты просто выбрали плохое название для своей идеологии? Едва ли, потому что его сторонники быстро бросаются защищать эксплуатацию (нетрудовые доходы) и капиталистические права собственности, так же как авторитарные социальные структуры, порождаемые ими. Более того, как хорошие капиталистические экономисты они считают, что экономика без процентной ставки, ренты и доходов очень неэффективна и скорее всего не будет развиваться. Их идеология имеет корни в экономике с наемным трудом, лендлордами, банковским делом и фондовыми рынками, которая характеризуется иерархией, угнетением и эксплуатацией, то есть капиталистическая экономика.

Поэтому они хорошо выбрали свое имя, так оно показывает, как далеко оно от анархистской традиции. Почти все анархисты согласятся с комментарием долго работающего анархистского активиста Дональда Рума: «Называющие себя 'анархо-капиталистами' (не путать с анархистами любых убеждений) хотят разрушить го-

сударство как регулятор капитализма и хотят передать власть капиталистам». Они «неправильно называют себя анархистами», потому что они «не противостоят капиталистическому угнетению», в то время как настоящие анархисты «экстремально либертарные социалисты». [«Что такое анархизм? стр. 7, 12-13, 10] Как мы отмечаем в разделе F.1, 'анархо'-капиталисты не противостоят иерархиям и эксплуатации, связанной с капитализмом (наемный труд и система частного землевладения) и, следовательно, не имеют право на термин «анархист». Только потому что кто-то использует название, это не значит, что они поддерживают идеи, связанные с этим названием и так обстоят дела в случае с «анархо»-капитализмом. Его идеи расходятся с ключевыми идеями, связанными со всеми формами традиционного анархизма (даже индивидуалистический анархизм, который часто называется праотцом этой идеологии самими «анархо»-капиталистами).

Мы освещаем эту тему в анархистском FAQ по трем причинам. Во-первых, некоторое количество «либертарианцев» и «анархо»-капиталистов в сети означает, что те, кто хотят узнать про анархизм могут прийти к выводу, что они «анархисты» тоже.

Во-вторых, к сожалению, некоторые ученые и писатели приняли за чистую монету их утверждение о том, что они являются анархистами и включили их идеологию в общие отчеты об анархизме (лучшие ученые отмечают в своих отчетах, что анархисты в общем отвергают это утверждение).

Эти две причины очевидно связаны, и поэтому нужно показать факты. Последняя причина это предоставить другим анархистам аргументы и доказательства, чтобы использовать против «анархо»-капитализма и его утверждения, что это новая форма «анархизма».

Как мы отмечали выше, этот раздел FAQ не отражает некоторые дебаты внутри анархизма. Он отражает попытки анархистов забрать обратно историю и значение анархизма от тех, кто пытается украсть его имя. Впрочем, наша дискуссия служит также двум другим причинам. Во-первых, критика правых «либертарианских» теорий позволяет нам объяснить анархистские теории и в то же время обозначить, почему они лучше.

Во-вторых, и что более важно, оно разделяет цели и допущения нео-либерализма. Это отметил Боб Блэк в ранних 1980-ых, когда «крыло правых рейганистов... очевидно присвоило, с подозрительной избирательностью, такие темы, как дерегулирование и волюнтаризм. Идеологи возмущены тем, что Рейган пародирует их принципы. Ерунда! Я замечаю, что это их принципы, а не мои, он нашел подходящим пародировать». [«Либертарианец как консерватор», Отмена работы и другие эссе, стр. 141-2]

Ему вторит Ноам Хомски два десятилетия позже, когда он говорит, что «никто не воспринимает правое либертарианство серьезно (потому что все знают, что общество построенное на его принципах саморазрушится через три секунды). Единственная причина, почему некоторые люди из правящей элиты притворяются, что воспринимают его серьезно, в том, что они могут использовать его как оружие в классовой борьбе». [Понимая власть, стр. 200].

Так как неолиберализм используется как идеологическая база текущей атаки на рабочий класс, критика «анархо»-капитализма также позволяет нам построить

теоретическое оружие, чтобы бороться с этой атакой и чтобы помочь нашей стороне в классовой войне.

В результате натиска капитализма свободного рынка вместе с критикой анархистами «анархо»-капитализма, некоторые «анархо»-капиталисты пытаются переименовать свою идеологию в «рыночный анархизм». С их точки зрения это дает два преимущества. Во-первых, это позволяет им собрать людей, подобных Спунеру и Такеру (и, иногда, даже Прудона) в их фамильное дерево, так как все они поддерживали рынки (в то же время систематически атакуя капитализм).

Во-вторых, это позволяет им дистанциировать их идеологию от мрачной реальности неолиберализма и результатов делания капитализма более свободно-рыночным. Проще говоря, трудно расписывать преимущества «свободного рынка» капитализма, когда капитализм свободного рынка обогащает богатых и подавляет и угнетает многих.

На рыночной площади идей имеет смысл использовать термин «рыночный анархизм», чтобы избежать реальность анти-капиталистического ядра анархизма и реальность капитализма свободного рынка (здесь подходит термин "blackwashing"). Факт в том, что как бы не были похвальны их заявленные цели, «анархо»-капитализм глубоко испорчен своей упрощенной натурой и им легко злоупотреблять от имени экономической олигархии, которая таится за риторикой экономических учебников в том «специальном случае», так игнорируемом экономистами, называемом реальностью.

Анархизму всегда было известно о существовании капитализма «свободного рынка», особенно его экстремального (минимальное государство) разновидности, и всегда отвергали его. Как мы обсудим в разделе F.7, анархисты, начиная с Прудона, всегда отвергали его.

Как отмечает академик Алан Картер, анархисты заботятся о равентстве как о необходимом условии для настоящей свободы и «это хорошая причина для того чтобы не путать анархистов с либералами или экономическими 'либертарианцами' — другими словами, для того чтобы не смешивать вместе всех, кто так или иначе критически относится к государству. Поэтому очень ошибочно называть людей вроде Нозика 'анархистами'». [«Некоторые заметки об 'анархизме'», Учение об анархизме, том 1, стр. 143]

Поэтому анархисты оценили капитализм «свободного рынка» и отвергли его как не анархистское начиная с рождения анархизма, поэтому попытки «анархо»-капитализма сказать, что их система анархистская, противоречит долгой истории анархистского анализа. Некоторые ученые верят их попыткам забрать лейбл анархизма для своей идеологии и это основывается на ложной предпосылке: они «считаются анархистами в основном потому, что сами называют себя анархистами и критикуют государство». [Питер Сабатини, Социальный анархизм, стр. 100]

Мы должны отметить, что большинство (если не все) анархистов не хотят жить в точно таком же обществе, но без государственного принуждения и (инициации) насилия. Анархисты не путают свободу с правом управлять и эксплуатировать других и с возможностью менять хозяев. Недостаточно, что мы можем начать наш собственный (кооперативный) бизнес в таком обществе. Мы хотим отмены капиталистической системы авторитарных отношений, не просто смены начальников или возможности

маленьких островков свободы в море капитализма (островки которые всегда находятся в опасности потопа и наша свобода может быть разрушена). Поэтому, в этом разделе FAQ, мы анализируем многие утверждения «анархо»-капиталистов на своих собственных условиях (например, важность равенства на рынке или почему замена государства частными охранными фирмами это просто смена названия государства вместо его полного уничтожения) но это не значит что мы хотим общество почти идентичное существующему сейчас. Это далеко не так. Мы хотим изменить общество и сделать его более подходящим для развития и обогащения индивидуальности и свободы.

В конце концов, мы посвящаем этот раздел FAQ тем, кто видел настоящее лицо капитализма «свободного рынка»: работающим мужчинам и женщинам (анархистам или нет), убитым в тюрьмах и концентрационных лагерях или на улицах наемными убийцами капитала.

Для большей дискуссии по теме, смотрите приложение «Анархизм и 'анархо'-капитализм».

F.1. Действительно ли «анархо»-капиталисты являются анархистами?

Одним словом, нет. В то время как «анархо»-капиталисты очевидно пытаются ассоциировать себя с анархистской традицией, используя слово анархо или называя себя анархистами, их идеи заметно различаются с анархистскими идеями. В результате, любые утверждения, что их идеи анархистские или что они часть анархистской традиции или движения, ложные.

«Анархо»-капиталисты утверждают что они анархисты потому что они говорят что они против правительства. Как отмечалось в предыдущем разделе, они используют словарное определение анархизма. Однако, это не учитывает что анархизм это политическая теория. Так как словари редко бывают политически сложны, они не могут опознать, что анархизм это больше чем оппозиция правительству, он также значит оппозицию капитализму (т. е. эксплуатации и частной собственности). Таким образом, оппозиция правительству необходимое, но не достаточное условие, чтобы быть анархистом – ты также должен быть против эксцалуатации и капиталистической частной собственности. Так как «анархо»-капиталисты не считают проценты, ренту и доходы (то есть капитализм) эксплуатирующими вещами и не противостоят капиталистическим правам собственности, они не анархисты.

Часть проблемы в том, что марксисты, как многие ученые, также имеют тенденцию утверждать что анархисты просто выступают против государства. Существенно, что марксисты вместе с «анархо»-капиталистами определяют анархизм как чистую оппозицию правительству. Это не совпадение, так как они оба хотят исключить анархизм из более широкого социалистического движения.

Это имеет смысл с марксистской точки зрения, так как это позволяет представить им свою идеологию как единственную серьезную анти-капиталистическую идеологию (не говоря уже о том, что ассоциация анархизма с «анархо»-капитализмом это прекрасный способ дискредитации наших идей в широком радикальном движении).

Само собой разумеется, что это серьезное и очевидное искажение анархистской позиции, так как даже поверхностный взгляд на анархистскую теорию и историю показывает что анархисты не ограничивали свою критику общества только государством. В то время как ученые и марксисты знают об анархистском противостоянии государству, они обычно не понимают анархистскую критику, направленную на все другие авторитарные социальные институты и как она подходит общему анархистскому анализу и борьбе.

Они думают, что анархистское осуждение капиталистической частной собственности, патриархата и так далее это избыточные дополнения, а не логичная позиция,

которая отражает суть анархизма: «Критики иногда утверждали, что анархистская мысль (и классическая анархистская теория в частности) подчеркивает оппозицию государству до точки пренебрежения реальной гегемонией экономической власти. Возникает эта интерпретация, возможно, из упрощенного и преувеличенного различия между анархистским акцентом на политическое доминирование и марксистским акцентом на экономической эксплуатации» [Джон П. Кларк И Камилла Мартин, «Анархия, география и современность» стр. 95]

Реклю сказал очевидное, когда он написал, что «анти-авторитарная критика, которой подвергается государство, также относится ко всем социальным институтам». [цитируется по Clark и Martin, **Op. Cit.**, стр. 140]

Прудон, Бакунин, Гольдман, Кропоткин и так далее согласились бы с этим. В то время как они все отмечали, что анархизм был против государства, они быстро переходили к критике частной собственности и других форм иерархической власти. В то время как анархизм очевидно противостоит государству, «сложная и развитая анархистская теория идет дальше, не останавливая критику политических организаций, она идет расследовать авторитарный характер экономического неравенства и частной собственности, иерархических экономических структур, традиционного образования, патриархальной семьи, класса и расовой дискриминации и жестких гендерных и возрастных ролей, упоминая лишь о некоторых важных темах. Суть анархизма, в конце концов, не в теоретической оппозиции государству, но в практической и теоретической оппозиции господству». [Джон Кларк, Анархическое движение, стр. 128 и стр. 70]

Это также случай с индивидуалистическими анархистами, чья защита некоторых форм собственности не остановила их от критики ключевых аспектов капиталистических прав собственности. Как отмечает Джереми Дженнингс, «дело в том, что все анархисты, а не только преданные к преобладающему в двадцатом веке виду анархо-коммунизма, были критически настроены к частной собственности, настолько, что считали ее источником иерархии и привилегий». Он продолжает утверждением, что такие анархисты как Такер и Спунер «соглашались с утверждением, что собственность законна, только если она не превышает количество продукта индивидуального труда». [«Анархизм», Современные политические идеологии, Roger Eatwell и Anthony Wright (eds.), стр. 132]

Позиция Ротбарда по этой теме фундаментально различалась (т. е. расходилась) с индивидуалистическим анархизмом. Будет честно сказать, что большинство «анархо»-капиталистов капиталисты в первую очередь. Если аспекты анархизма не подходят некоторым аспектам капитализма, они отвергнут этот элемент анархизма, но не будут ставить под сомнение капитализм (самый очевидный пример этого это выборочная апроприация Ротбардом традиции индивидуалистического анархизма).

Это значит, что правые «либертарианцы» присоединяют приставку «анархо» к своей идеологии, потому что считают, что быть против государственного вмешательства эквивалентно тому, чтобы быть анархистом (это вытекает из их словарного определения анархизма). То, что они игнорируют основную часть анархистской традиции должно доказать, что в них едва ли есть что-либо анархистское. Они не против власти, иерархии государства – они просто хотят приватизировать его.

Иронично, ограниченное определение анархизма дает убедиться, что «анархо»-капитализм изначально противоречит сам себе. Это можно увидеть у лидера «анархо»-капиталистов Мюррея Ротбарда. Он противостоял против зла государства, аргументируя это тем что «оно присвоило себе монополию силы, масксимальную власть, принимающую решения, на данной территории». Само по себе это определение ничем не примечательно. Меньшинство людей (элита правителей) забирает себе право править другими – это должно быть частью любого разумного определения правительства или государства. Однако, проблема начинается, когда Ротбард замечает что «очевидно, в свободном обществе, Смит имеет максимальную власть, принимающую решения, на своей частной собственности, Джон на своей и так далее». [Этика свободы, стр. 170 и стр. 173]

Логическое противоречие в этой позиции должно быть очевидно, но не Ротбарду. Это показывает силу идеологии, способность простых слов (выражение «частная собственность») превращать плохие вещи («максимальная власть, принимающая решения на данной территории») в хорошие («максимальная власть, принимающая решения на данной территории»).

Так, это противоречие может быть решено только одним путем – пользователи «данной местности» должны также быть ее обладателями. Другими словами, система владения (или «размещение и использование»), которой отдают предпочтение анархисты. Однако, Ротбард капиталист и поддерживает частную собственность, нетрудовые доходы, наемный труд, капиталистов и лендлордов. Это значит, что он поддерживает расхождение между владением и использованием и это значит что «максимальная власть, принимающая решения» распространяется на тех, кто использует, но не владеет собственностью (т. е. арендаторы и рабочие). Государственная природа частной собственности четко обозначена словами Ротрбарда. Владелец собственности в «анархо»-капиталистическом обществе владеет «максимальной властью, принимающей решения» на данной территории — это также то, что государство имеет сейчас. Ротбард доказал своим собственным определением что «анархо»-капитализм не анархичен.

Конечно, будет грубо указать на то, что политическая система, в которой владелец территории также ее правитель, обычно называется монархией. Что предполагает, что в то время как «анархо»-капитализм можно назвать «анархо-статизмом», гораздо более лучшим термином был бы «анархомонархизм». На самом деле, некоторые «анархо»-капиталисты сделали явным этот очевидный вывод из аргумента Ротбарда. Ханс-Херман Хоппе один из них.

Хоппе предпочитает демократии монархию, считая ее превосходящей системой. Он говорит, что монарх это частный собственник правительства – все земли и природные ресурсы принадлежат ей_ему. Основываясь на австрийской экономике (на чем же еще?) и ее понятии о временных предпочтениях, он заключает, что монарх будет работать, чтобы максимизировать внутренний доход и общую капитальную стоимость своей собственности. Учитывая собственный интерес, его горизонт планирования будет дальновидным и эксплуатация будет гораздо более ограниченной. В отличие от монархии демократия это правительство в публичной собственности и избранные правители используют ресурсы на короткий период и не свои собственные. Другими словами, они не владеют страной и поэтому будут искать способы

максимизировать свои краткосрочные интересы (и интересы тех, кто, как они думают, выберет их на пост). В противоположность, Бакунин указывал на то, что если анархизм отвергает демократию, то он «делает это не для того, чтобы повернуть демократию вспять, а чтобы продвинуть ее», в частности чтобы расширить ее через «великую экономическую революцию, без которой любое право пустое слово и обман». Он искренне отвергал «лагерь аристократической реакции». [Базовый Бакунин, стр. 87]

Однако, Хоппе не является традиционным монархистом. Его идеальная система это система соревнующихся монархий, общество в котором правит «добровольно признанная естественная элита – '***nobilitas naturalis***' состоящая из семей с давними записями высших достижений, дальнозоркости и примерного личного поведения. Это потому что несколько людей быстро достигнут статуса элиты и их наследственные качества скорее всего будут передаваться внутри нескольких дворянских семей. Единственной проблемой традиционных монархий была монополия, а не элитность и дворянство, другими словами король монополизировал роль судьи и его подчиненные не могли обратиться к другим членам дворянства за услугами». [«Политическая экономия монархии и демократии и идея естественного порядка» стр. 94-121, Журнал либертарианских исследований, том 11, № 2, стр. 118-119]

Это просто подтверждает анархистскую критику «анархо»-капитализма, а именно что это не анархизм. Это становится еще более очевидным, когда Хоппе объясняет реальность «анархо»-капитализма:

«В договоре, заключенном между собственником и общественными арендаторами, для защиты их частной собственности, не будет свободы слова, даже свободы слова на территории арендатора. Кто-то может говорить неисчислимые вещи и пропагандировать почти любую идею под солнцем, но никому не разрешено защищать идеи, противоположные цели договора сохранения частной собственности, такие как демократия и коммунизм. Не может быть никакой терпимости к демократам и коммунистам в либертарианском обществе. Они должны быть физически отделены и исключены от общества. Похожим образом, в договоре, заключенном для защиты семьи и родства, не может быть терпимости к людям, ведущий образ жизни, несовместимый с этой целью. Они – защитники альтернативного образа жизни, не ориентированные на семью и родственников, например, сторонники индивидуального гедонизма, паразитизма, поклоняющиеся природе, гомосексуалы или коммунисты – должны быть физически исключены из общества, если оно поддерживает либертарианский порядок». [Демократия: бог, который провалился, стр. 218]

Таким образом, владелец имеет власть над своими арендаторами и может выпускать указы, что они могут и что не могут делать и может исключить любого, кто подрывает общественный порядок (это в интересах арендаторов, конечно же). Другими словами, автократическая власть начальника расширена на все аспекты общества – все под маской защиты свободы. К сожалению, сохранение прав собственности разрушает свободу для многих. (Хоппе ясно отмечает, что для «анархо»-капиталистов «естественный исход добровольных сделок между различными владельцами частной собственности решительно неэгалитарный, иерархический и элитистский». [«Политическая экономия монархии и демократии и идея естественного порядка», Журнал либертарианских исследований, стр. 118])

Неудивительно, Хомски аргументировал, что правое «либертарианство» «не протестует против тирании, если это частная тирания. На самом деле оно (как и другие современные идеологии) сводится к защите одной или другой формы незаконной власти, часто даже настоящей тирании». [Хомски об анархизме, стр. 235 и стр. 181]

Трудно не прийти к выводу, что «анархо»-капитализм это немного больше чем игра со словами. Это не анархизм, а умно придуманный и сформулированный суррогат для автократического, элитистского консерватизма. Нетрудно прийти к выводу, что настоящих анархистов и либертарианцев (всех видов) не будут терпеть при так называемом «либертарианском социальном порядке».

Некоторые «анархо»-капиталисты смутно осознают это очевидное противоречие. Ротбард, например, приводит аргумент, который мог бы разрешить это противоречие, но он абсолютно терпит неудачу. Он просто игнорирует суть вопроса, что капитализм основан на иерархии и поэтому не может быть анархистским. Он делает это, аргументируя тем, что иерархия, связанная с капитализмом хороша, если частная собственность, которая произвела его, была приобретена честным способом. В этом он еще раз обращает внимание на одинаковые структуры власти и общественные отношения государства и собственности. Он говорит:

«Если можно сказать, что государство правильно владеет своей территорией, тогда правильно для государства делать правила для всех, кто живет в этой области. Оно может легитимно воспользоваться или контролировать частную собственность в этой области, потому что оно по-настоящему владеет всей земной поверхностью в этой области. Пока государство разрешает своим подданным покинуть свою территорию, то, можно сказать, то же самое делает любой другой владелец, который устанавливает правила для людей, живущих на его собственности». [Op. Cit. стр. 170]

Очевидно, Ротбард утверждает, что государство несправедливо владеет своей собственностью. Он утверждает, что «наша теория гомстэдинга создания частной собственности достаточна, чтобы разрушить любые претензии государственного аппарата и что проблема с государством в том, что оно имеет насильственную монополию на защиту и максимальную решающую силу на площади, большей, чем справедливо приобретенная площадь одного человека.» [Op.Cit, стр. 171 и стр. 173]

Есть четыре фундаментальные проблемы с его аргументом.

Во-первых, он предполагает, что его «теория гомстэдинга» разумная и либертарианская теория, но это не так (смотри раздел F.4.1). Во-вторых, он игнорирует историю капитализма. Распределение собственности, которое имеется в настоящий момент, является в такой же степени результатом насилия и принуждения, как и государство, поэтому его аргумент имеет серьезные недостатки. Он составляет «безупречную теорию собственности», несвязанную с реальностью.

В третьих, даже если мы проигнорируем эти проблемы и предположим, что частная собственность может и была приобретена средствами, которые предполагает Ротбард, это не оправдывает иерархию, связанную с ней. Настоящее и будущее поколение людей будет отлучено от свободы предыдущими поколениями. Если, как утверждает Ротбард, собственность это естественное право и основа свободы, почему большинство будет лишено меньшинством своего права по рождению? Другими словами, Ротбард отрицает, что свобода должна быть универсальной.

Он выбирает собственность вместо свободы, в то время как анархисты выбирают свободу вместо собственности. В-четвертых, это предполагает, что фундаментальная проблема государства не в том, как анархисты постоянно подчеркивали, его иерархической и авторитарной природе, но в факте, что оно несправедливо владеет территорией, на которой правит.

Даже хуже, частная собственность может привести к большим нарушениям индивидуальной свободы (по крайней мере для не собственников), чем государство. Это открыто признавал Ротбард.

Он приводит гипотетический пример страны, где Королю угрожает возвышающееся «либертарианское» движение.

Король отвечает использованием хитрой стратегемы, а именно он «объявляет свое правление отмененным, но перед тем как сделать это он произвольно объявляет всю землю своего королевства собственностью себя и своих близких. Вместо налогов его подчиненные платят арендную плату и он может регулировать жизнь всех людей, которые живут на его собственности.»

Ротбард потом спрашивает:

«Каков должен быть ответ либертарианских бунтарей на этот дерзкий вызов? Если они последовательные утилитаристы, они должны согласиться с этой уверткой и согласиться жить при режиме, не менее деспотичном, чем тот за который они сражались так долго. Возможно, даже более деспотичный, потому что король и его родственники могут претендовать на либертарианский принцип абсолютного права частной собственности, на абсолютность которого они не могли претендовать раньше. [Op. Cit., стр. 54]

Разумеется, Ротбард утверждает, что мы должны отказаться от этой «хитрой стратегемы», так как новое распределение собственности не будет справедливым. Однако, он не заметил, что его аргумент подрывает его собственные утверждения, что капитализм может быть либертарианским.

Как он сам отмечает, владелец собственности имеет такую же монополию на власть на определенной территории, как и государство, эта власть еще более деспотична, так как основывается на «абсолютном праве частной собственности»! И запомните, Ротбард выступает на стороне «анархо»-капитализма («если у вас разнузданный капитализм, вы будете иметь все виды власти: у вас будет экстремальная власть». [Хомски, Понимая власть, стр. 200]

Фундаментальная проблема в том, что идеология Ротбарда ослепляет его. Он не замечает, что государство и частная собственность производят идентичные социальные отношения.

(иронично, он полагает, что государство обладает своей территорией и это «делает государство, так же как король в средние века, феодальным сюзереном, кто хотя бы теоретически обладал всей землей в своей области», не замечая, что это делает капиталиста или лендлорда королем и феодальным сюзереном внутри «анархо»-капитализма. [Op. Cit. стр. 171]).

Одна группа китайских анархистов указала на очевидное в 1914 году. «Основной принцип анархизма это противостояние власти, анархисты стремятся смести все злые системы настоящего общества, которые имеют авторитарную природу и поэтому в нашем идеальном обществе не будет лендлордов, капиталистов, должностных

лиц, представителей или глав семей». [Цитируется по Ариф Дирлик, Анархизм в китайской революции, стр. 131]

Только, уничтожение всех форм иерархии (политической, экономической и социальной) приведет к настоящему анархизму, обществу без власти (ан-архия). На практике, частная собственность это главный источник угнетения и авторитаризма в обществе — есть мало свободы или нет совсем в подчиненных лендлорда или внутри капиталистического производства (как сказал Бакунин, «рабочий продает свою личность и свою свободу на определенное время»).

В отличие от анархистов, «анархо»-капиталисты не имеют проблем с лендлордами и заводским фашизмом (т. е. наемным трудом), это позиция, которая кажется крайне нелогичной для теории, называющей себя либертарной. Если бы она по-настоящему была либертарной, она бы противостояла всем формам подавления, не только этатизму («Те, кто противостоят авторитаризму не будут просить ни у кого разрешения дышать. Либертарианец не будет просить разрешения на проживание в любом месте его планеты и отрицает право кого-либо забирать часть земли для собственного использования или правления». [Стюарт Кристи и Альберт Мелтцер, Шлюзы анархии, стр. 31]). Эта нелогичная и противоречивая позиция вытекает из «анархо»-капиталистического определения свободы как отсутствия принуждения и будет обсуждать в разделе F.2 более детально. Ирония в том, что «анархо»-капиталисты косвенным образом подтверждают анархистскую критику своей идеологии.

Конечно, «анархо»-капиталисты имеют еще одно средство избежать очевидного, а именно они утверждают, что рынок ограничит злоупотребления собственников. Если рабочим не нравится их начальник, они могут искать другого. Таким образом капиталистическая иерархия хорошая и рабочие и арендаторы «согласны» на нее. В то время как логика та же самая, сомнительно, что «анархо»-капиталисты будут поддерживать государство просто потому, что граждане могут покинуть одно государство и присоединиться к другому.

Как таковой, это не адресует суть вопроса — авторитарная природа капиталистической собственности (смотри раздел А.2.14). Более того, этот аргумент совсем игнорирует реальность экономической и социальной власти. Таким образом, аргумент «согласия» терпит неудачу, потому что он игнорирует социальные обстоятельства капитализма, который ограничивает выбор многих.

Анархисты долго говорили о том, что как класс, рабочие не имели выбора, кроме как согласиться на капиталистическую иерархию. Альтернатива это крайняя нищета или голод. «Анархо»-капиталисты отклоняют эти утверждения, отрицая, что существует экономическая власть. Это просто свобода контракта.

Анархисты воспринимают такие утверждения как шутку. Чтобы показать почему, мы должны снова процитировать Ротбарда, его высказывание про отмену рабства и крепостничества в 19 веке. Он сказал, что «тела рабов были освобождены, но собственность, на которой они работали и которую заслуживали получить, оставалась в руках их бывших угнетателей.

С экономической силой, которая оставалась в их руках, бывшие лорды стали фактически хозяевами тех, кто сейчас стал свободным арендатором или трудящимся на ферме. Крепостные и рабы ощутили свободу, но были жестоко лишены плодов свободы.» [Op. Cit. стр. 74]

Сказать напоследок, анархисты не видят логики в этой позиции. Стандартное «анархо»-капиталистское утверждение в том, что если силы рынка («свободный обмен») приводят к созданию «арендаторов и трудящихся на ферме» значит они свободны. Рабочие, обездоленные рыночными силами, находятся в такой же социальной и экономической ситуации как бывшие крепостные и бывшие рабы. Если последние не имеют плодов свободы, не имеют их и первые. Ротбард видит очевидную «экономическую власть» в последнем случае, но отрицает их в первом случае. (Иронично, Ротбард отрицает экономическую власть при капитализме в той же самой работе [Op. Cit. 211-2])

Только идеология останавливает Ротбарда от очевидного вывода — одинаковые экономические условия производят одинаковые социальные отношения и поэтому капитализм отличается «экономической властью» и «фактическими хозяевами». Единственный выход для «анархо»-капиталистов это просто сказать, что бывшие крепостные и бывшие рабы были свободны выбирать и поэтому Ротбард был неправ. Это может быть жестоко, но по крайней мере это будет последовательно!

Точка зрения Ротбарда чужда для анархизма. Например, индивидуалистический анархист Вильям Бэйли заметил, что при капитализме существует классовая система отмеченная «зависимым индустриальным классом рабочих» и «привилегированным классом монополизаторов богатства, каждый из них все больше отличается друг от друга по мере развития капитализма. Это превратило собственность в социальную силу, экономическую силу, разрушительную для прав, плодородный источник несправедливости, средство порабощения неимущих». Он заключил: «При этой системе мы не можем достичь всеобщей свободы».

Бэйли замечает, что современный «индустриальный мир в капиталистических условиях возник при режиме статуса» (законные привилегии). Однако, скорее всего он бы не пришел к выводу, что такая система была бы прекрасной, если бы возникла естественно или существующее государство было бы отменено, оставляя классовую структуру неизменной. [Индивидуалистические анархисты, стр. 121]

Как мы обсудим в разделе G.4, индивидуалистические анархисты вроде Такера и Ярouза пришли к выводу, что даже самая свободная конкуренция бессильна перед огромной концентрацией капитала, связанной с корпоративным капитализмом.

Поэтому анархисты признают, что «свободный обмен» или «согласие» в условиях неравенства уменьшат свободу и увеличат неравенство между людьми и классами. Как мы обсудим в разделе F.3, неравенство производит социальные отношения, которые основаны на иерархии и доминировании, а не свободе. Как сказал Ноам Хомски:

«Анархо-капитализм, по моему мнению, доктринерская система, которая, если применить, приведет к формам тирании и угнетения, которая имеет мало копий в человеческой истории. Нет ни малейшей вероятности что эти (по моему мнению, устрашающие) идеи будут применены, потому что они быстро разрушат любое общество, которое сделало эту колоссальную ошибку.

Идея контракта между властителем и его голодающими подчиненными это больная шутка, возможно это стоит обсудить на академическом семинаре, исследуя последствия (по-моему мнению, абсурдных) идей, но нигде больше». [Ноам Хомски про анархизм, интервью с Томом Лэйном, Декабрь 23, 1996]

Ясно, что, по своим аргументам, «анархо»-капитализм не анархистский. Это не должно быть сюрпризом для анархистов. Анархизм, как политическая теория, родился когда Прудон написал «Что такое собственность?» специально, чтобы опровергнуть понятие, что работники свободны, когда капиталистическая собственность заставляет их наниматься к лендлордам и капиталистам. Он хорошо знал, что в таких обстоятельствах собственность «нарушает равенство на правах изоляции и увеличения, а также свободы от деспотизма… и ничем не отличается от грабежа. Он, неудивительно, говорит о 'собственнике, которому [рабочий] продал и сдал свою свободу'».

Для Прудона, анархия была «отсутствием хозяина, суверена», в то время как «собственник был синоним суверена, так как он устанавливает свою волю как закон и не страдает от противоречий и контроля. Это значит, что собственность порождает деспотизм, так как каждый собственник — независимый лорд в области своей собственности». [Что такое собственность, стр. 251, стр. 130, стр. 264, стр. 266-7]

Нужно отметить, что классическая работа Прудона это длинная критика защиты частной собственности, которую выдвигает Ротбард, чтобы спасти свою идеологию от очевидных противоречий.

Ротбард проводит тот же анализ, что и Прудон, но приходит к противоположным выводам и ожидает, что его будут считать анархистом! Более того, кажется ироничным, что «анархо»-капиталисты зовут себя анархистами, и основываются на аргументах, в оппозицию которым анархизм был создан.

Как показано, «анархо»-капитализм имеет столько же смысла, сколько «анархо-статизм» — это оксюморон, противоречие в терминах. Идея, что «анархо»-капитализм оправдывает имя «анархизм» просто ложна. Только кто-то невежественный в анархизме может так думать. В то время как вы ожидаете, что анархистская теория покажет, в чем дело, хорошая вещь в том, что «анархо»-капитализм сам по себе делает то же самое.

Неудивительно, что Боб Блэк аргументировал, что «демонизировать государственный авторитаризм, и в то же время игнорировать идентичные ему порядки в крупных корпорациях, которые контролируют мировую экономику, это фетишизм в худшей форме.» [«Либертарианец как консерватор», Отмена работы и другие эссе, стр. 142] Левый либерал Стивен Л. Ньюман говорит то же самое:

«Акцент правых либертарианцев на противопоставлении свободы и политической власти скрывает роль власти в их мировоззрении… власть, используемая в частных отношениях, например, в отношениях между работодателем и работником, не встречает возражений…

Это показывает любопытную нечувствительность к использованию личной власти как средство социального контроля. Сравнивая публичную и личную власть, мы можем спросить правых либертарианцев: Когда цена исполнения свободы кого-либо чрезвычайно высока, какая практическая разница между приказами государства и приказами работодателя?…

Хотя обстоятельства не одинаковы, говорить рассерженным работникам, что они могут уволиться с работы, то же самое, что говорить политическим диссидентам, что они могут эмигрировать.» [Liberalism at Wit’s End, стр. 45-46]

Как указал Боб Блэк, правые либертарианцы говорят, что человек может по крайней мере сменить работу. Но вы не можете избежать работы — точно так же как при этатизме вы можете сменить гражданство, но не можете избежать подчинения тому или иному государству. Но свобода значит больше, чем право сменить хозяев». [Op. Cit., стр. 147] Схожесть между капитализмом и этатизмом ясна — поэтому «анархо»-капитализм не может быть анархистским.

Отрицать власть (максимальную силу, принимающую решения) государства и принимать власть собственника — это не только крайне нелогичная позиция, но также расходится с базовыми принципами анархизма. Эта искренняя поддержка наемного труда и капиталистических прав собственности показывает, что «анархо»-капиталисты не анархисты, потому что они не противостоят всем формам власти.

Они очевидно поддерживают иерархию между боссом и рабочим (наемный труд) и лендлордом и арендатором. Анархизм, по определению, против всех форм архи, включая иерархию, созданную капиталистической собственностью. Игнорировать очевидную архи, связанную с капиталистической собственностью крайне нелогично и оправдывать одну форму доминации, потому что она проистекает из «справедливой» собственности и в то же время атаковать другую, потому что она проистекает из «несправедливой» собственности — это не видеть леса за деревьями.

В дополнение, мы должны отметить, что такое неравенство во власти и богатстве нуждается в «защите» от обездоленных («анархо»-капиталисты признают нужду в частной полиции и судах для защиты собственности от кражи — и, добавляют анархисты, чтобы защитить кражу и деспотизм, связанную с собственностью!).

Благодаря поддержке частной собственности (и, таким образом власти), «анархо»-капитализм заканчивает, сохраняя государство в «анархии»: а именно частное государство, чье существование его сторонники пытаются отрицать, просто отказываясь называть это государством, как страус прячет свою голову в песок. Как правильно сказал один анархист, «анархо-капиталисты просто заменили государство частными охранными фирмами, и это едва ли может называться анархизмом, как этот термин обычно понимается». [Брайан Моррис, «Глобальный антикапитализм, стр. 170-6, Анархические исследования, том. 14, № 2]

Как мы обсудим в разделе F.6, «анархо»-капитализм лучше называть капитализмом «частного государства» так как там будет функциональный эквивалент государства и оно также будет преследовать интересы элиты с собственностью как и существующее государство (если не больше). Как сказал Альберт Мельцер:

«Здравый смысл показывает, что любое капиталистическое общество может обойтись без 'государства'... но не может обойтись без организованного правительства, или приватизированной формы правительства, если там есть люди, накапливающие деньги и другие люди, работающие на них. Философия 'анархо-капитализма' придумана 'либертарианскими' новыми правыми, не имеет ничего общего с анархизмом. Это ложь...

Явно необузданному капитализму... необходима сила в своем распоряжении для поддержания классовых привилегий, от государства или от частных армий. Они верят в ограниченное государство — то есть такое, у которого есть одна функция, защищать правящий класс, не вмешиваться в эксплуатацию и быть таким дешевым, насколько возможно, для правящего класса. Идея служит также другой цели... моральному

оправданию для буржуазного сознания в избегании налогов и не чувствовать себя виноватым.» [Анархизм: Аргументы За и Против, стр. 50]

Для анархистов, нужда капитализма в некотором виде государства неудивительна. «Анархизм без социализма кажется таким же невозможным для нас, как социализм без анархии, в таком случае это было бы не что иное чем доминация сильнейших, поэтому это сразу приведет к организации и консолидации этого господства; то есть к образованию правительства». [Эррико Малатеста, Эррико Малатеста: его жизнь и идеи, стр. 148]

Поэтому, «анархо»-капиталисты отвергают анархистскую критику капитализма и наши аргументы в необходимости равенства, они не могут быть признаны анархистами или быть частью анархистской традиции. Для анархистов кажется странным, что «анархо»-капиталисты хотят избавиться от государства, но хотят оставить систему, которую оно помогло создать и его функцию защитника собственности капиталистов и прав собственности. Другими словами, уменьшить государство до его функции (по меткому выражению Малатесты) жандарма капиталистического класса не является целью анархистов.

Таким образом, анархизм это гораздо больше чем простое словарное определение «нет правительства» — он также влечет за собой противостояние всем формам архи, включая те, которая производит капиталистическая собственность. Это понятно от корня слова «анархия». Как мы заметили в разделе А.1, слово анархия значит «нет правителей» или «против власти».

Как признает сам Ротбард, собственник является правителем собственности и поэтому, является правителем тех, кто использует ее. По этой причине «анархо»-капитализм не может быть признан формой анархизма — настоящий анархист должен логически противостоять власти собственника и государства. Так как «анархо»-капитализм не призывает открыто (или скрытно) к экономическим соглашениям, которые покончат с системой наемного труда и ростовщичеством, он не может быть признан анархистским или частью анархистской традиции.

В то время как анархисты всегда противостояли капитализму, «анархо»-капиталисты включили его в свое учение и поэтому их «анархия» будет отмечена отношениями, основанными на субординации и иерархии (такой как наемный труд), а не на свободе. (неудивительно, что Прудон говорил, что «собственность это деспотизм» — она создает авторитарные и иерархические отношения между людьми схожим образом, как это делает этатизм). Их поддержка капитализма «свободного рынка» игнорирует влияние богатства и власти на природу и результат индивидуальных решений внутри рынка (смотри разделы F.2 и F.3 для дальнейшей дискуссии).

Более того, любая такая система (экономической и социальной) власти потребует внешней силы, чтобы существовать и «анархо»-капиталистическая система соревнующихся «защитных фирм» будет просто новым государством, приводящим в жизнь капиталистическую власть, права собственности и закон.

Таким образом, «анархо»-капиталисты и анархисты имеют разные начальные позиции и противоположные выводы в уме. Их утверждения об анархизме фиктивны, потому что они отвергают так много анархистской традиции и служат не-анархистам в теории и на практике.

Неудивительно что Питер Маршалл сказал, что «немногие анархисты примут 'анархо-капиталистов' в анархистский лагерь так как они не разделяют заботу об экономическом равенстве и социальной справедливости. 'Анархо'-капиталисты, даже если они отвергают государство, могут в лучшем случае называться правыми либертарианцами, а не анархистами». [Требуя невозможного, стр. 565]

F.2 Что «анархо»-капиталисты имеют в виду под свободой?

Для «анархо»-капиталистов концепция свободы ограничена идеей «свободы от». Для них свобода значит просто свободу от инициации насилия, или «не-агрессия против какого-либо человека или собственности». [Мюррей Ротбард, К новой свободе, стр. 23] Понятие о том, что настоящая свобода должна комбинировать свободу для и свободу от, пропущена в их идеологии, так же как социальный контекст так называемой свободы, которую они защищают.

Перед тем как продолжить, полезно процитировать Алана Хауорфа: «На самом деле, удивительно как мало внимания получает концепт свободы от либертарианских писателей. Они обсуждают анархию, государство, и утопию. Слово свобода даже не появляется в индексе. Появляется слово 'liberty', но только чтобы упомянуть отрывок про Уильта Чемберлена. В предположительно 'либертарианской' работе, это более чем удивительно. Это действительно стоит внимания». [Анти-либертарианство, стр. 95]

Почему дело в этом, можно увидеть из того, как правые «либертарианцы» определяют свободу.

В право-либертарианской и анархо-капиталистической идеологии свобода считается продуктом собственности. Как сказал Мюррей Ротбард: «либертарианец определяет свободу как состояние, при котором права собственности человека на свое тело и материальную собственность не захвачены, не подвергаются агрессии… Свобода и неограниченные права собственности идут рука об руку». [Op. Cit. стр. 41]

В этом определении есть некоторые проблемы. В таком обществе человек не может законно делать что либо с чужой собственностью, если владелец запрещает это. Это значит, что гарантированная свобода человека зависит от количества собственности, которой он или она владеет.

Из этого следует, что кто-либо без собственности совсем не имеет гарантированной свободы (кроме, конечно, свободы не быть убитым или еще как-либо быть поврежденным от умышленных действий других людей). Другими словами, распределение собственности это распределение свободы, как это определяют правые либертарианцы. Это поражает анархистов, как из идеологии, которая утверждает, что продвигает свободу, следует что у одних людей должно быть больше свободы, чем у других. Это логический вывод из их взгляда, который вызывает серьезное сомнение, заинтересованы ли «анархо»-капиталисты в свободе.

Смотря на определение «свободы» Ротбарда, процитированное выше, мы видим, что свобода не признается фундаментальным, независимым концептом. Вместо этого, свобода выводится из чего-то более фундаментального, а именно «законных прав» индивида, которые определяются как права собственности. Другими словами,

«анархо»-капиталисты и правые «либертарианцы» считают право на собственность абсолютным, из этого следует, что свобода и собственность становятся одним и тем же. Это предполагает альтернативное название для правых либертарианцев, а именно «пропертарианец». И, разумеется, если мы не принимаем мнение правых либертарианцев на то, что составляет законные права, то их утверждение о том, что они защитники свободы, слабое.

Другой важный вывод того, концепта что «свобода это собственность» это то что он производит отчужденное понятие свободы. Как мы отмечали, свобода больше не признана абсолютной, но выводится из собственности — что имеет важное последствие. Ты можешь продать свою свободу и все еще считаться свободным идеологией. Эта концепция свободы обычно называется «владение собой».

Но, говоря очевидное, я не владею собой, как если бы я был объектом, отделенным от своей субъективности — я есть я (смотри раздел B.4.2). Однако, концепт «владения собой» удобен для оправдания форм доминации и угнетения — через согласие (обычно под действием обстоятельств, мы должны отметить) на определенные контракты, человек может «продать» (или арендовать) себя другим (например, когда рабочие продают свою рабочую силу капиталистам на «свободном рынке»).

В результате, «владение собой» становится оправданием отношения к людям как к объектам — иронично, та самая вещь, которую этот концепт должен был остановить! Анархист Л. Сьюзан Браун сказал: «в настоящий момент люди 'продают' рабочую силу другим, он/она теряет самоопределение и вместо этого к ней относятся как к бессловесному инструменту для исполнения чужой воли». [Политика индивидуализма, стр. 4]

Рабочим платят, чтобы они подчинялись. Вам захочется узнать, на какой планете был Ротбард, когда сказал, что «труд человека отчуждаем, а его воля нет, и что он не может отчуждать свою волю, в частности контроль над своим телом и разумом». Он противопоставляет частную собственность и владение собой, говоря, что «вся физическая собственность, принадлежащая человеку отчуждаема…

Я могу отдать или продать другому человеку мою обувь, мой дом, мои деньги, и т. д. Но есть определенные важные вещи, которые неотчуждаемы… его воля и контроль над своей личностью неотчуждаемы». [Этика свободы, стр. 40, стр. 134-5]

«Трудовые услуги» как и частную собственность можно отчуждать. Как мы отмечали в разделе B.1, нельзя разделить «трудовые услуги» и «волю» нельзя разделить — если ты продаешь свой труд, ты также отдаешь контроль над своим телом и разумом другому человеку. Если работни_ца не подчиняется командам своей работадатель_ницы, ее_его увольняют.

То, что Ротбард отрицал это, показывает полное отсутствие здравого смысла. Возможно, Ротбард аргументировал тем, что работ_ница может уволиться в любой момент и поэтому не отчуждает свою волю (это может быть его аргумент против рабских контрактов — смотри раздел F.2.2).

Но это игнорирует факт, что между подписанием и разрывом контракта и в течение рабочих часов (и возможно вне рабочих часов, если начальник использует принудительные тесты на наркотики или увольняет работ_ниц, которые посещают профсоюзные или анархистские собрания или тех, кто имеет «неестественную» сексуальность и так далее) работни_ца отчуждает свое тело и волю. По словам Рудольфа

Рокера, «в реальности капитализма не может быть разговора о 'праве на собственную личность', так как одни люди должны подчиняться экономическому диктату других, если не хотят голодать». [Анархо-синдикализм, стр. 10]

Иронично, право собственности (которое вытекают из владения собой) становится средством, при капитализме, которым отменяется владение собой людей без собственности. Фундаментальное право (владение собой) отрицается производным правом (владение вещами).

«Обращаться к другим и к себе как к собственности,» аргументирует Л. Сьюзан Браун, «объективирует человеческий индивид, отрицает единство между субъектом и объектом и отрицает индивидуальную волю… и разрушает свободу, которую человек ищет в первую очередь. Либеральная вера в собственность, ведет не к свободе, но к отношениям доминации и субординации.» [Op. Cit. стр. 3]

При капитализме, отсутствие собственности может быть таким же угнетающим, как отсутствие законных прав из-за отношений доминирования и подчинения, которая эта ситуация создает. Человеческое «согласие» на эту иерархию упускает суть дела. Как сказал Александр Беркман:

«Закон говорит, что работодатель ничего не крадет у вас, потому что все делается с вашего согласия. Вы согласились работать на своего босса за определенную плату, и он забирает все, что вы производите…

Но действительно ли вы согласились? Когда человек на шоссе прикладывает пистолет к вашей голове, вы отдаете свои ценности ему. Вы «соглашаетесь», но вы делаете это, потому что не можете помочь себе, потому что вас заставляет его пистолет.

Вы не обязаны работать на работодателя? Ваши нужды заставляют вас, так же как пистолет человека на шоссе. Вы должны жить… Вы не можете работать на себя… Заводы, машины, и инструменты принадлежат классу работодателей, поэтому вы должны наниматься этому классу для того чтобы жить и работать. На кого бы вы не работали, все сводится к одному и тому же: вы должны работать на него. Вы не можете помочь себе. Вас заставляют». [Что такое анархизм? стр. 11]

Из-за классовой монополии на средства производства, работники (обычно) находятся в невыгодном положении с точки зрения переговорной силы — есть больше рабочих, чем рабочих мест (смотрите раздел C.9).

Внутри капитализма нет равенства между собственниками и бедными, поэтому собственность является источником власти. Утверждать, что эта сила должна быть оставлена в покое или является справедливой — для анархистов это нелепо.

Как только государство было образовано, и большинство капитала было приватизировано, угроза физической силы больше не нужна, чтобы заставлять работников работать, даже с низкой платой и плохими условиями труда. Используя термин правой либертарианки Айн Рэнд, имеет место «начальная сила», теми кто имеет капитал против тех, не имеет.

Другими словами, если вор умер и завещал свою нечестно добытую собственность своим детям, будут ли дети иметь право на украденную собственность? Нелегально. Заимствуя остроту Прудона, «собственность это кража», и плоды эксплуатируемого труда это просто легальная кража, тогда единственный фактор, дающий детям умерших капиталистов право наследовать «добычу» это закон, государство. Как написал

Бакунин, «Призраки не должны править и угнетать этот мир, который принадлежит только живым». [Джефф Драугн, Между анархизмом и либертарианством»]

Или, другими словами, правые либертарианцы «не могут ответить на обвинения, что нормальные операции на рынке систематически ставят целый класс людей (люди, работающие за заработную плату) в обстоятельства, которые заставляют их принимать положения и условия труда, диктуемые теми, кто дает им работу. В то время как это правда, что люди формально свободны искать более лучшую работу или останавливать работу, в надежде получить более высокую зарплату, в конце концов из позиция на рынке работает против них. Они не могут жить, если не найдут работу. Когда обстоятельства регулярно ставят в относительно невыгодное положение один класс людей в их отношениях с другим классом, членам класса с преимуществами не нужны насильственные действия для того чтобы получить, что они хотят.» [Стивен Л. Ньюман, Liberalism at Wit's End, стр. 130]

Отмена налогов не убирает угнетение. Как сказал Толстой:

«В России рабство было отменено когда вся земля была апроприирована. Когда земля была передана крестьянам, она была обременена платежами, которые имели место в земельном рабстве. В Европе налоги, которые держали людей в рабстве, начали отменять только когда люди уже потеряли землю, были непривычны к сельскохозяйственной работе, и ... зависели от капиталистов. Они отменили налоги для рабочих, только потому что большинство людей уже были в руках капиталистов. Одна форма рабства не отменена, если другая уже заменила ее». [Рабство нашего времени, стр. 32]

Поэтому аргумент Ротбарда (являющийся также противоречивым) не понимает, в чем дело (и реальность капитализма). Да, если мы определяем свободу как «отсутствие принуждения», тогда неизбежна идея, что наемный труд не ограничивает свободу, но такое определение бесполезно. Потому что оно прячет структуры власти и отношения доминации и субординации. Как говорит Кароль Пэйтман «контракт в котором работник продает свою рабочую силу это контракт в котором он_она продает команды над своим телом и самим собой, так как он_она не может быть отделен_а от своих способностей. Продавать себя в использование на некоторый период значит быть несвободным трудящимся. Характеристики этого состояния отражает термин зарплатное рабство». [Сексуальный контракт, стр. 151]

Другими словами, противоречия в собственности неизбежно производят субординацию. «Анархо»-капитализм не принимает во внимание этот источник несвободы, но он все еще существует и имеет важное влияние на свободу людей. Для анархистов свобода лучше определяется как «управление собой» или «менеджмент себя» — иметь возможность управлять своими действиями (если одн_а) или участвовать в определении общественной активности (если в составе группы).

Свобода, говоря другими словами, не абстрактный законный концепт, но важная конкретная возможность для каждого человеческого существа довести до полного развития все свои силы, способности и таланты, которыми природа наделила их. Ключевой аспект здесь управление своими действиями внутри ассоциаций (менеджмент себя). Если мы посмотрим на свободу таким образом, мы увидим что принуждение осуждается, так же как иерархия (так же как капитализм, потому что

во время рабочих часов люди не свободны делать свои собственные планы и иметь голос на то, что повлияет на них. Они исполнители приказов, а не свободные люди).

Анархисты признают авторитарную природу капиталистических фирм, поэтому они противостоят наемному труду и капиталистическим правам собственности вместе с государством. Они желают заменить институты, структурированные субординацией институтами, структурированными свободными отношениями (основанными, другими словами, на самоуправлении) во всех аспектах жизни, включая экономические организации. Прудон аргументировал, что «ассоциации работников… полны надежды и протеста против зарплатной системы, и они укрепляют солидарность» и их важность основана «на их отрицании власти капиталистов, банков и правительств». [Основная мысль революции, стр. 88-99]

В отличие от анархистов, «анархо»-капиталистское представление о свободе позволяет арендовать индивидуальную свободу и в то же время этот человек будет свободным. Может показаться странным, что идеология, утверждающая свою поддержку свободы, не видит ничего плохого в отчуждении и отрицании свободы, но на самом деле это неудивительно. В конце концов, теория контрактов это «теоретическая стратегия, которая оправдывает подчинение, представив его как свободу» и «превратила подрывное предположение [что мы все рождаемся свободными и равными] в защиту гражданского подчинения.»

Неудивительно, что контракт «создает отношения субординации», а не свободы. [Кэрол Пэйтман, Op. Cit., стр. 39 и 59]

Неудивительно, что Колин Вард аргументировал что как анархист он, «по определению, социалист» и что «контроль рабочих над индустриальным производством это единственный подход, совместимый с анархизмом». [Говоря об анархии, стр. 25 и 26]

В конечном счете, любая попытка построить этическую основу, начиная от абстрактного индивида (как делает Ротбард в своем методе «законных прав») закончится в доминации и угнетении между людьми, а не свободой. Ротбард приводит пример опасности идеалистической философии, о которой предупреждал Бакунин, когда сказал, что «материализм отрицает свободную волю и заканчивает установкой свободы; идеализм, во имя человеческого разума, утверждает свободную волю, и на обломках любой свободы находит авторитаризм». [Бог и государство, стр. 48]

Ротбард искренне поддерживал наемный труд, лендлордизм и правила, наложенные собственниками на тех кто использует собственность, но не владеет ей. Ротбард, основываясь на абстрактном индивидуализме, оправдывает власть, но не свободу. Несомненно, это происходит из-за либеральных и консервативных корней его идеологии.

Индивидуальный анархист Шон Уайлбадур однажды определил Википедию как «самый успешный современный эксперимент в продвижении подчинения властям как свободу». Однако, Википедия бледнеет по сравнению с успехом либерализма (во многих формах) в делании того же самого. Неважно политически или экономически, либерализм всегда стремился оправдать и рационализировать индивидуальное подчинение некоторым формам иерархии. То, что «анархо»-капитализм делает это под вывеской анархизма глубоко оскорбляет анархистов.

В общем, мы можем видеть, что логика право-либертарианского определения свободы заканчивает в отрицании себя, потому что оно приводит к созданию и поощрению власти, что противоположно свободе. Например, как указала Айн Рэнд, «человек должен поддерживать свою жизнь собственными усилиями, человек, который не имеет права на произведение своего труда не имеет средств для поддержания своей жизни. Человек, который производит, то время как другие распоряжаются его продуктом, является рабом» [Лексикон Айн Рэнд: Объективизм от А до Я, стр. 388-389]

Но, как показано в разделе C.2, капитализм основан, как сказал Прудон, на работниках, работающих на предпринимателя, который платит им и присваивает себе продукты их труда. Поэтому это форма воровства. Таким образом, по логике либертарианского капитализма, капитализм основан не на свободе, но на зарплатном рабстве. Процент, доход и рента получаются из неоплаченного труда работников.

Это спорно, что право-либертарианское или «анархо»-капиталистическое общество будет иметь меньше свободы или авторитаризма чем в существующем капитализме. В противоположность анархизму, «анархо»-капитализм с его узкими определениями ограничивает свободу только несколькими аспектами социальной жизни и игнорирует доминацию и власть за пределами этих аспектов. Как указывает Питер Маршалл, их «определение свободы полностью негативное.

Оно требует отсутствия принуждения, но не может гарантировать позитивную свободу индивидуальной автономии и независимости». [Требуя невозможного, стр. 564]

Ограничивая свободу таким узким диапазоном человеческих действий, «анархо»-капитализм однозначно не является формой анархизма. Настоящие анархисты поддерживают свободу в каждом аспекте жизни человека.

Вкратце, как сказал французский анархист Элизи Реклю: «есть пропасть между двумя видами общества. Одно из них построено свободно людьми доброй воли, основано на рассмотрении общих интересов. Другое общество принимает существование временных или постоянных мастеров, которых его члены обязаны слушаться». [цитируется по Кларк и Мартин, Анархия, География, Современность, стр. 62]

Другими словами, выбирая между анархизмом и капитализмом, «анархо»-капиталисты выбирают последнее и называют его анархизмом.

F.2.1 Как частная собственность влияет на свободу?

Правые либертарианцы не признают или считают малозначимым тот факт, что (абсолютное) право собственности может вести к широкому контролю владельцев собственности над теми, кто использует, но не владеет собственностью (работниками и арендаторами).

Таким образом, капитализм свободного рынка приводит к очень выборочной и основанной на классе защите прав и свобод. Например, при капитализме свобода работодателей неизбежно конфликтует со свободой работников. Когда акционеры или их менеджеры практикуют свою «свободу предпринимать» и решают, как их компания будет работать, они нарушают право своих работников решать, как будут

применяться их способности и поэтому при капитализме права собственности работодателей конфликтуют и ограничивают права человека работников на управление собой.

Капитализм дает право на самоуправление только немногим, не всем. Или, говоря по-другому, капитализм не признает определенные права человека как универсальные, что делает анархизм.

Это может быть видно из защиты австрийским экономистом У. Дункан Рэки защиты наемного труда. Называя внутрифирменные рынки труда иерархиями, Рэки (в своем лучшем тоне бывшего преподавателя) говорит что, «нет ничего авторитарного, диктаторского или эксплуатирующего в отношении. Работники приказывают работодателям платить им столько, сколько указано в контракте, также как наниматель приказывает работникам выполнять условия контракта». [Рынки, предприниматели и свобода, стр. 136 и 137]

Условия контракта включают в себя условие, что работники должны подчиняться приказам работодателя или они будут уволены, если не будут подчиняться. Довольно ясно, что приказы во внутрифирменном рынке труда исходят в одном направлении. У боссов есть власть, работникам платят, чтобы они подчинялись. И возникает вопрос: если трудовой договор создает свободного рабочего, почему он_а должн_а оставлять свою свободу в рабочее время?

Рэки признает отсутствие свободы иносказательным путем, когда он замечает, что «работники фирмы на любом уровне иерархии могут выполнять роль предпринимателя. Область, в которой эта роль может быть выполнена, расширяется, по мере увеличения власти у работника». [Op. Cit., стр. 142]

Это значит, что работники подчиняются контролю от вышестоящих, который ограничивает действия, которые они могут делать и поэтому они не свободны принимать решения, вести себя, участвовать в планах организации, создавать будущее и так далее во время рабочих часов.

Это странно, что одновременно рассматривая фирму как иерархию, Рэки пытается отрицать, что она авторитарная и диктаторская — как будто вы можете иметь иерархию без авторитарных структур или неизбранного человека во власти, который не является диктатором. Его заблуждение разделяет австрийский гуру Людвиг фон Мизес, который утверждал, что: «предприниматель и капиталист не безответственные автократы, потому что они безоговорочно подчиняются потребителю». На следующей странице он признает, что существует «управленческая иерархия, которая содержит среднего подчиненного работника». [Человеческое действие, стр. 809, 810]

Ему не приходит в голову, что капиталист может подчиняться потребительскому контролю и в то же время быть автократом с подчиненными работниками.

Снова, правые либертарианцы признают, что капиталистическая управленческая структура это иерархия и работники подчиняются, и в то же время отрицают, что она автократична к рабочим! Таким образом, мы имеем свободных работников внутри отношений, в которых отчетливо отсутствует свобода — странный парадокс. На самом деле, если бы ваша личная жизнь была также близко рассмотрена и регулирована, как рабочая жизнь миллионов людей по всему миру, вы бы справедливо приняли это за худшую форму угнетения и тирании.

Несколько иронично, что правый либерал и экономист «свободного рынка» Милтон Фридман противопоставлял «центральное планирование, включающее в себя принуждение — техника армии современного тоталитарного государства» с «добровольной кооперацией между людьми — техника рынка» как два различных пути координации экономической активности больших групп («миллионов») людей. [Капитализм и свобода, стр. 13]

Однако, это упускает ключевой момент во внутренней природе компании. Как замечают сами правые либертарианцы, внутренняя структура капиталистической компании иерархична. На самом деле, капиталистическая компания это форма центрального планирования и этим разделяет ту же «технику», что и в армии.

Как заметил Питер Дрюкер в своей истории Дженерал Моторс, «есть примечательно близкая параллель между схемой организации Дженерал Моторс и двумя институтами, больше всего известными за административную эффективность: католическая церковь и современная армия». [Цитируется по Дэвид Энглер, Апостолы Жадности, стр. 66] Таким образом, капитализм отмечен серией тоталитарных организаций.

Диктатуры не изменяются сильно — и не делаются менее фашистскими — когда обсуждаем экономические структуры вместо политических. Говоря очевидное, «договор найма (как брачный контракт) это не обмен; оба контракта создают социальные отношения, которые продолжаются во времени — социальные отношения субординации». [Кэрол Пэйтман, Сексуальный конракт, стр. 148]

Возможно Рэки (как большинство правых либертарианцев) скажет, что работники добровольно соглашаются подчиняться диктатуре босса (он пишет, что «человек вступит в контрактное соглашение, известное как фирма, если считает, что ему будет лучше там. Фирма это пример добровольного выгодного обмена». [Op. Cit. стр. 137]).

Однако, это не остановит отношения от авторитарности и диктатуры (и такие эксплуатирующие, что это очень маловероятно, что люди на вершине не будут злоупотреблять своей властью). Представление трудовых отношений как добровольное соглашение просто мистифицирует существование и применение силы внутри организации.

Как мы обсудим дальше в разделе F.3, в капиталистическом обществе работники имеют выбор найти работу или терпеть жалкую бедность и/или голод. Неудивительно тогда, что люди «добровольно» продают свой труд и «соглашаются» на авторитарные структуры! У них нет выбора поступить по-другому.

Так, внутри рынка труда работники могут искать лучшие условия труда, которые возможны, но это не значит, что финальный контракт «свободно» принят, а не в силу обстоятельств или принуждения, что у обоих сторон есть одинаковая переговорная сила во время составления контракта или что обеспечена свобода обоих сторон.

Это значит, что аргументировать (как делают правые либертарианцы) что свобода не может быть ограничена наемным трудом потому что люди входят в отношения, которые, как они считают, приводят к улучшению над начальной ситуацией. Начальная ситуация не имеет отношения к делу, поэтому их аргумент терпит неудачу.

В конце концов, соглашаясь работать на потогонной фабрике 14 часов в день это улучшение по сравнению со смертью от голода — но это не значит, что соглашающиеся работать свободны или действительно хотят там работать.

Они не хотят и это обстоятельства, созданные законом (т. е. государством), которые обеспечили их «согласие» на такой режим (если бы им дали шанс, они бы желали изменить режим, но не могут, так как это нарушит права собственности их боссов и они будут репрессированы за попытку.)

Правые либертарианцы заинтересованы только в узком концепте свободы (а не в свободе как таковой). Это можно увидеть в аргументе Айн Рэнд, что «Свобода, в политическом контексте, означает свободу от государственного принуждения. Это не означает свободу от лендлорда, или свободу от работодателя, или свободу от законов природы, которые не обеспечивают человека автоматическим благополучием. Это означает свободу от принудительной власти государства — и ничего больше!» [Капитализм: незнакомый идеал, стр. 192]

Говоря так, правые либертарианцы игнорируют большое количество авторитарных социальных отношений, которые существуют в капиталистическом обществе и, как делает здесь Рэнд, подразумевают что эти отношения такие же как «законы природы».

Однако, если посмотреть на мир без предубеждений, но с целью максимально увеличить свободу, большинство угнетающих институтов это государство и капиталистические социальные отношения (и последнее полагается на первое).

Следует заметить, что в отличие от гравитации, власть лэндлорда и босса зависит от использования силы — гравитации не нужен полицейский, чтобы заставлять вещи падать!

Таким образом, правые либертарианцы далеки от защиты свободы, на самом деле они ярые защитники определенных форм власти. Кропоткин аргументировал против предшественников правого либертарианства:

«Современный индивидуализм, начатый Гербертом Спенсером, подобно критической теории Прудона, мощное обвинение против опасностей и несправедливостей правительства, но его практическое решение социальных проблем жалкое — такое жалкое, что ведет нас к вопросам, может ли разговор 'Нет силе' быть просто извинением за поддержку лендлордов и капиталистического доминирования». [Действуйте для себя, стр. 98]

Защищать «свободу» владельцев собственности это защищать власть и привилегию — другими словами, этатизм. Так, считая концепт свободы как «свободы от», это ясно, что защищая частную собственность (как противоположность владению) «анархо»-капиталисты защищают силу и власть собственников управлять теми, кто использует их собственность. Также мы должны отметить, защищая все мелкие тирании которые делают рабочую жизнь многих людей фрустрирующей, стрессовой и неблагодарной.

Анархизм, по определению, отдает предпочтение организациям и социальным отношениям, которые не иерархичны и не авторитарны. В другом случае, одни люди более свободны, чем другие. Отсутствие атаки на иерархии ведет к большому противоречию.

Например, так как Британская армия добровольная, это «анархистская» организация! Иронично, можно назвать «либертарианским» государство, так как оно может быть признано добровольным соглашением, потому что позволяет своим подчиненным добровольно эмигрировать.

Приравнивание свободы (капиталистическим) правам собственности не защищает свободу, на самом деле это активно отрицает свободу. Отсутствие свободы неизбежно, если мы признаем капиталистические права частной собственности. Если мы отрицаем их, мы можем попробовать создать мир, основанный на свободе во всех аспектах жизни, вместо нескольких.

F.2.2 Поддерживают ли рабство либертарианские капиталисты?

Да. Это может оказаться сюрпризом для многих людей, но правое «либертарианство» является одной из немногих политических теорий, которые оправдывают рабство. Например, Роберт Нозик задает вопрос: *»...будет ли свободная система позволять... [индивиду] продать себя в рабство?»*, и отвечает: *«Я считаю, что да»*[1]. В то время как некоторые правые «либертарианцы» (например, Мюррей Ротбард) не согласны с Нозиком, в их идеологии нет логического базиса для такого несогласия.

Это можно увидеть у «анархо»-капиталиста Уолтера Блока, который, как и Нозик, поддерживает «добровольное» рабство. Он говорит: *«если я владею чем-либо, я могу продать это (и законом это должно быть разрешено). Если я не могу это продать, я на самом деле не обладаю этим»*. Таким образом, соглашение продать себя на всю жизнь — это *«добросовестный контракт»*, который *«при аннулировании становится кражей»*. Он критикует тех правых «либертарианцев» (таких как Мюррей Ротбард), которые против «добровольного» рабства, как отходящих от своих принципов. Блок, по его словам, стремится внести *«небольшое уточнение»*, которое *«укрепит либертарианство, сделав его внутренне более последовательным»*. Он утверждает, что его позиция показывает, *«что контракт, основанный на частной собственности [может] достичь самых отдаленных сфер человеческого взаимодействия, даже добровольных рабских контрактов»*.[2]

Логика проста: ты не можешь чем-либо владеть, если не можешь продать это. Владение собой — это один из краеугольных камней капиталистической идеологии laissez-faire. Поэтому поскольку вы владеете собой, вы можете и продать себя.

Защита рабства не должна быть сюрпризом для всякого, кто знаком с классическим либерализмом. Это элитистская идеология, главное логическое обоснование которой — защищать свободу и власть владельцев собственности и оправдывать несвободные социальные отношения (такие как государство и наемный труд) в терминах «согласия». Нозик и Блок просто доводят её до своего логического завершения. Это потому, что их позиция не нова, а, как и многие другие вещи правого «либертарианства», может быть найдена в работе Джона Локка. Ключевое различие в том, что Локк отказался от термина *«рабство»* и предпочитал использовать термин *«тяжелая работа» (drudgery)*, так как для него рабство означало отношения *«между законным победителем и пленником»*, где первый имел власть над жизнью и смертью последнего.

[1] Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, 2008. – С. 403.

[2] «Towards a Libertarian Theory of Inalienability: A Critique of Rothbard, Barnett, Smith, Kinsella, Gordon, and Epstein,» pp. 39-85, Journal of Libertarian Studies, vol. 17, no. 2, p. 44, p. 48, p. 82 and p. 46.

Как только между ними заключается *«договор», «соглашение об ограниченной власти, с одной стороны, и о повиновении – с другой… состояние… рабства прекращается»*. До тех пор пока хозяин не мог убить раба, это было *«тяжелой работой»*. Как и Нозик, Локк признаёт, что *«люди продавали себя; но ясно, что это была продажа на тяжелую работу, а не в рабство. Ведь совершенно очевидно, что продавший себя человек не находился под абсолютной, безграничной деспотической властью, ибо господин не обладал властью убить его в любое время, убить человека, которого он через определенный срок обязан был отпустить и не держать больше у себя на службе»*.[3] Иными словами, «добровольное» рабство приветствовалось, но называлось по-другому.

Нельзя сказать, что Локк был обеспокоен недобровольным рабством. Он был вовлечен в работорговлю. Он имел долю в «Королевской Африканской Компании», которая осуществляла торговлю рабами для Англии, получая прибыль от их продажи. Он также имел значительную долю в другой работорговой компании «Багамские Искатели Приключений». Во «Втором трактате» Локк оправдывал рабство, говоря, что пленники *«взяты в справедливой войне»*[4], войне против агрессоров [раздел 85]. Это, конечно, не имело ничего общего с настоящим рабством, от которого Локк получал прибыль (например, были часты набеги за рабами). Его «либеральные» принципы не мешали ему предлагать конституцию, которая обеспечит то, что *«каждый свободный человек в Каролине будет иметь абсолютную власть над своими черными рабами»*. Его конституция сама по себе была типично автократичной и иерархической, явно придуманной для того, чтобы *«избежать возвышения широкой демократии»*.[5]

Таким образом, понятие контрактного рабства имеет долгую историю в правом либерализме, хотя большинство отказываются называть его так. Конечно, только стыд останавливает многих правых «либертарианцев» назвать вещи своими именами. Они ошибочно полагают, что рабство может быть только недобровольным. На самом деле, исторически «добровольные» рабские контракты были обычным делом (отличный обзор этого можно найти в David Ellerman. *Property and Contract in Economics*). Любая новая форма «добровольного» рабства будет «цивилизованной» формой и может появиться, когда человек «согласится» продать свой пожизненный труд другому (как голодающий работник «согласится» стать рабом за еду). Также надо иметь возможность расторгнуть контракт при определенных обстоятельствах (Возможно, в обмен на разрыв контракта бывший раб должен платить компенсации за ущерб своему хозяину за труд, который тот потерял – несомненно, значительные суммы, и такие платежи могут привести к долговому рабству, которое является самой распространенной формой «цивилизованного» рабства. Такие компенсации за ущерб могут быть согласованы в контракте как «гарантия выполнения обязательств» или «условный обмен».)

В общем, правые «либертарианцы» говорят о «цивилизованном» рабстве (или, иными словами, гражданском рабстве), а не о принудительном. В то время как некоторые из них могут не называть это рабством, они соглашаются с базовым

[3] Локк Дж. Два трактата о правлении. Книга вторая. Глава IV.
[4] Там же. Глава VII.
[5] The Works of John Locke, vol. X, p. 196.

принципом, что поскольку люди владеют собой, они могут продать себя, то есть могут продать свой труд за всю жизнь, а не по частям.

Стоит отметить, что это не просто академические дебаты. «Добровольное» рабство являлось проблемой во многих обществах и до сих пор существует во многих странах (особенно в странах третьего мира, где существует кабальный труд — т.е. где долг используется для закрепощения людей — это самая распространенная форма). В то время как во многих «развитых» странах, таких как США, получают распространение потогонные системы и детский труд, «добровольное» рабство (возможно, через долги и кабальный труд) может стать обычным делом во всех частях мира. Это ироничный (если не удивительный) результат «освобождения» рынка и равнодушия к настоящей свободе тех, кто внутри него.

Некоторые правые «либертарианцы» очевидно обеспокоены логическими выводами из их определения свободы. Мюррей Ротбард, например, указывал на *«невозможность защиты рабского контракта в либертарианской теории»*. Конечно, другие «либертарианские» теоретики утверждают прямо противоположное, поэтому «либертарианская теория» вообще не имеет такого требования, но это не важно. По существу, его отрицание вращается вокруг утверждения, что человек *«не может, по природе, продать себя в рабство и быть вынужденным к такой продаже – поскольку это означало бы, что ему пришлось бы в обмен отказаться от будущей воли по отношению к собственной личности»* и что *«если работник остается полностью подчиненным воле своего господина добровольно, он всё еще не является рабом, поскольку его подчинение добровольное»*. Однако, как мы отмечали в разделе F.2, аргумент Ротбарда о смене работы терпит неудачу, так как не учитывает отрицание воли и контроля над собственным телом, что очевидно при наемном труде. Это тот провал, который подчеркивают «либертарианцы», выступающие за рабские контракты, — они считают рабский контракт расширенным трудовым контрактом. Более того, современный рабский контракт, скорее всего, принимает форму *«гарантий исполнения контракта»*, на что Ротбард сетует как на *«неудачное подавление»* государством. В такой системе раб может согласиться работать X лет или платить хозяину существенные компенсации, если он не в состоянии работать. Эта угроза компенсаций приводит в жизнь контракт и Ротбард признаёт такие «контракты» обеспеченными. Другой способ создать рабский контракт — это *«условный обмен»*, который Ротбард также поддерживает. Долговая кабала тоже кажется ему приемлемой. Ротбард сюрреалистически замечает, что платить компенсации и долги в таких контрактах нормально, так как *«деньги, безусловно, отчуждаемы»* и забывает, что деньги должны быть заработаны трудом, который, как он утверждает, неотчуждаем![6]

Следует отметить, что рабский контракт не может быть признан недействительным по причине того, что он не может быть исполнен, как предполагает Ротбард. Это имеет место по причине того, что доктрина специфического исполнения применяется ко всем контрактам, а не только к трудовым. Потому что все контракты оговаривают некоторое будущее исполнение. В случае пожизненного трудового контракта он может быть расторгнут, если раб платит любую подходящую компенсацию. Как говорит Ротбард в другом месте, *«если А согласился работать всю жизнь*

[6] Ротбард М. Этика свободы. Часть II. Гл. 2, 14.

на Б в обмен на 10 000 граммов золота, он должен будет вернуть пропорциональное количество собственности, если он не соблюдает контракт и останавливает работу»[7]. Понятно, что закон в общем случае разрешает материальные компенсации для невыполненных контрактов. Ротбард тоже поддерживает *«гарантии исполнения контракта»* и *«условный обмен»*. Разумеется, обязанность платить такие компенсации за ущерб (в виде единовременной выплаты или на протяжении определенного периода времени) может превратить работника в самый распространенный тип современного раба – долгового раба.

Интересно отметить, что даже Мюррей Ротбард не против продажи людей. Он утверждает, что дети — это собственность их родителей, которые могут делать с ними всё что угодно (кроме убийства), даже продать их на *«свободном рынке детей»*[8]. Совмещенный с искренней поддержкой детского труда (в конце концов, ребенок может бросить своих родителей, если не хочет работать на них) такой «рынок детей» может легко превратиться в «рынок детей-рабов» — с предпринимателями, получающими высокую прибыль, продавая младенцев и детей или их труд капиталистам (как это было в XIX веке в Британии). Неудивительно, что Ротбард игнорирует возможные неприятные аспекты такого рынка во плоти (такие как дети, проданные на работу на фабрики, в дома и бордели). Но дело не в этом.

Конечно, это теоретическое оправдание рабства в сердце идеологии, которая называет себя «либертарианством», тяжело принять многим правым «либертарианцам» и поэтому они говорят, что такие контракты будет трудно осуществить. Эта попытка выпутаться из противоречия терпит неудачу просто потому, что игнорирует природу капиталистического рынка. Если существует спрос на исполнение рабских контрактов, то будут и развиваться компании, предоставляющие эти «услуги» (будет интересно посмотреть, как две «защитные» фирмы, одна защищающая рабские контракты, а другая нет, могут прийти к компромиссу и достигнуть мирного соглашения по вопросу, действительны ли рабские контракты). Таким образом, мы можем видеть, что так называемое «свободное» общество будет производить компании, чьей специальной функцией будет охота за сбежавшими рабами (т. е. людьми в рабских контрактах, которые не выплатили компенсацию за свою свободу собственникам рабов). Конечно, возможно, Ротбард утверждал бы, что такие рабские контракты будут «вне закона» при его *«общем либертарианском своде законов»*, но это было бы отрицанием рыночной «свободы». Если рабские контракты «запрещены», тогда это точно патернализм, останавливающий продажу людьми своих «трудовых услуг» кому и на какой срок они «желают». Совместить эти два варианта нельзя.

Таким образом, идеология, утверждающая, что поддерживает свободу, как ни странно, заканчивает оправданием и защитой рабства. На самом деле для правого «либертарианца» рабский контракт — это выражение, а не отрицание свободы! Как это возможно? Как рабство может поддерживаться в качестве выражения свободы? Просто право-«либертарианская» поддержка рабства — это симптом глубокого авторитаризма, а именно некритическое принятие теории контрактов. Центральное утверждение теории контрактов состоит в том, что контракты – это способ защитить

[7] Rothbard M. Man, Economy, and State, vol. I , p. 441.
[8] Ротбард М. Этика свободы. Часть II. Гл. 9.

и обеспечить индивидуальную свободу. Рабство — это полная противоположность свободы и поэтому в теории контракт и рабство должны взаимно исключать друг друга. Однако, как было отмечено выше, некоторые теоретики контрактов (исторические и современные) включали рабские контракты в число легитимных. Это говорит о том, что теория контрактов не может предоставить теоретическую поддержку обеспечения и усиления личной свободы.

Как утверждает Кэрол Пейтмен, *«теория контрактов прежде всего о путях создания социальных отношений, основанных на подчинении, а не об обмене»*. Вместо того, чтобы разрушать подчинение, теоретики контрактов оправдывают его: *«доктрина контрактов провозглашает, что подчинение хозяину, начальнику и мужу — это свобода»*.[9] Центральный вопрос теории контрактов (и правого «либертарианства») — это не *«свободны ли люди»* (как кто-то может ожидать), а «свободны ли люди подчинять себя любым способом, каким они захотят». Кардинально отличающийся вопрос и его может задать только тот, кто не знает, что значит свобода.

Анархисты говорят, что не все контракты легитимны и что свободный человек не может заключить контракт, который отрицает его свободу. Если люди способны выражать себя через свободные соглашения, значит эти соглашения должны быть основаны на свободе с самого начала. Любое соглашение, которое создает доминирование и иерархию, сводит на нет допущения, лежащие в основе соглашения, и делает себя недействительным. Иными словами, «добровольное» правительство – это всё еще правительство и определяющими характеристиками анархии должны быть, конечно, «нет правительствам» и «нет правителям».

Это заметнее всего в предельном случае рабовладельческого контракта. Джон Стюарт Милль утверждал, что такой контракт будет недействительным. Он говорил, что человек может добровольно вступить в такой контракт, но делая так, *«он отрекается от своей свободы; он воздерживается от будущего использования свободы после этого единичного акта. Он навсегда отрекается от пользования своей свободой, и, следовательно, совершая этот акт, он сам уничтожает то основание, которым устанавливается признание за ним права устраивать свою жизнь по своему усмотрению... Принцип свободы нисколько не предполагает признания за индивидуумом свободы быть несвободным. Признать за индивидуумом право отречься от своей свободы не значит признавать его свободным.»*. Он добавляет, что *«Эти основания, сила которых столь ярко обнаруживается в рассматриваемом нами случае, имеют очевидно более широкую применимость...»*.[10]

И это такая применимость, которой защитники капитализма боятся (Милль применял эти основания шире и, что неудивительно, стал поддерживать рыночно-синдикалистскую форму социализма). Если мы отвергаем рабские контракты как нелегитимные, тогда мы по логике должны также отвергать все контракты, которые имеют качества, схожие с рабством (т. е. отрицают свободу), включая и зарплатное рабство. При условии, как сказал Дэвид Эллерман, что *«добровольный раб... и наемный работник не могут на самом деле отделить свою волю от своих преднамеренных действий, так что они могут быть наняты хозяином или работодателем»*, мы остаемся

[9] Pateman C. The Sexual Contract, p. 40, 146.
[10] Милль Дж.С. О свободе.

со *«скорее неправдоподобным утверждением, что человек может оставить свою волю на 8 или около того часов в день на недели, месяцы или годы, но не может на всю рабочую жизнь»*.[11] Это позиция Ротбарда.

Последствия поддержки «добровольного» рабства довольно разрушительны для всех форм правого «либертарианства». Это было доказано Эллерманом, когда он написал очень сильную защиту его под псевдонимом «Дж. Филмор», называющуюся «Либертарианский подход к рабству». Это классическое опровержение имеет форму «доказательства от противного» (или доведения до абсурда), посредством чего он берет аргументы правых «либертарианцев», доводит их до своего логического завершения и показывает, как они доходят до незабываемого вывода, что *«пришло время для либеральных экономистов и политических мыслителей перестать уклоняться от этого вопроса и критически пересмотреть свои предрассудки касательно определенных добровольных социальных институтов... этот критический процесс неумолимо приведет либерализм к логическому выводу: либертарианство, которое, наконец, закладывает фундамент экономического и политического рабства»*. Эллерман показывает, что с право-«либертарианской» точки зрения существует «фундаментальное противоречие» в современном либеральном обществе, которое состоит в том, что государство запрещает рабские контракты. Он замечает, что *«кажется, есть базовый предрассудок среди либералов, что рабство от природы недобровольно, поэтому вопрос добровольного рабства мало рассматривался. Совершенно обоснованный либеральный аргумент, что недобровольное рабство по природе своей несправедливо, неприменим в случае добровольного рабства. Запрет добровольного рабства привел к ограничению свободы контракта в современном либеральном обществе»*. Таким образом, можно обосновать *«цивилизованную форму контрактного рабства»*.[12]

Статья Эллермана была так точна и логична, что многие читатели были убеждены, что она была написана правым «либертарианцем» (включая, надо сказать, и нас!). Кэрол Пейтмен верно заметила, что *«здесь есть хорошая историческая ирония. На американском Юге рабы были освобождены и превращены в наемных работников, а теперь американские теоретики контрактов говорят, что все работники должны иметь возможность превратить себя в гражданских рабов»* [13].

Целью статьи Эллермана было показать проблемы, которые найм (наемный труд) представляет для концепции самоуправления и что контракт не обязательно приводит к социальным отношениям, основанным на свободе. Как выразился «Филмор», *«любая тщательная и решительная критика добровольного рабства или конституционного недемократического правительства будет перенесена на договор найма — который является добровольной контрактной основой системы свободного рынка и свободного предпринимательства. Такая критика будет, таким образом, сведением в абсурду»*. Так как *«контрактное рабство»* — это *«расширение договора между нанимателем и нанимаемым»*, он показывает, что разница между наемным трудом и рабством во временных рамках, а не в принципах или задействованных социальных отношениях.[14] Это объясняет, почему раннее рабочее движение называло капита-

[11] Ellerman D. Property and Contract in Economics, p. 58.

[12] Philmore J. The Libertarian Case for Slavery // The Philosophical Forum 14, no. 1 (Fall 1982): p. 43-58.

[13] Pateman C. The Sexual Contract, p. 63.

[14] Philmore J. The Libertarian Case for Slavery // The Philosophical Forum 14, no. 1 (Fall 1982): p. 43-58.

лизм «наемным рабством» и почему анархисты до сих пор так его называют. Это показывает несвободную природу капитализма и скудость его видения свободы. В то время как можно представить наемный труд как «свободу» благодаря его «добровольной» природе, это гораздо труднее сделать, когда речь идет о рабстве или диктатуре (и давайте не будем забывать, что Нозик также имел проблему с автократией – см. раздел В.4). Эти противоречия показаны для всех, чтобы они могли видеть это и ужасаться.

Всё это не значит, что мы должны отвергать свободные соглашения. Это далеко не так! Свободные соглашения очень важны для общества, основанного на индивидуальном достоинстве и свободе. Есть множество форм свободных соглашений, и анархисты поддерживают те из них, которые основаны на кооперации и самоуправлении (т. е. когда люди работают вместе как равные). Анархисты хотят создать отношения, которые отражают (и, таким образом, выражают) свободу, которая является основой свободного соглашения. Капитализм создает отношения, которые отрицают свободу. Оппозиция между автономией и подчинением может быть решена только модификацией или отказом от теории контрактов, чего не может сделать капитализм, и поэтому правые «либертарианцы» отказываются от автономии в пользу подчинения (и также отвергают социализм в пользу капитализма).

Таким образом, настоящая противоположность между истинными либертариями и правыми «либертарианцами» лучше всего выражена в их мнениях о рабстве. Анархизм основан на людях, чья индивидуальность зависит от поддержания свободных отношений с другими людьми. Если люди отрицают свои способности к самоуправлению, они привносят через контракт качественные изменения в их отношения с другими — свобода превращается в господство и подчинение. Таким образом, для анархиста рабство — это парадигма отсутствия свободы, а не её выражение (как утверждают правые «либертарианцы»). Как писал Прудон:

«Если бы мне надо было ответить на вопрос: 'Что такое рабство?' — я ответил бы: 'Это убийство', и мысль моя была бы сразу же понятна. Мне не было бы нужды в длинных рассуждениях, чтобы показать, что право отнять у человека его мысль, волю, его личность есть право над его жизнью и смертью и сделать человека рабом — значит убить его.»[15]

В противоположность этому, правые «либертарианцы» эффективно утверждают, что «Я поддерживаю рабство, потому что я верю в свободу». Это печальное отражение этического и интеллектуального банкротства нашего общества, что такой «аргумент» действительно предлагается некоторыми людьми под именем свободы. Концепция «рабство — это свобода» слишком оруэлловская, чтобы выдержать критику — мы оставим правым «либертарианцам» порчу нашего языка и этических стандартов попыткой обосновать её.

Из базового понимания, что рабство противоположно свободе, неизбежно следует анархическое отрицание авторитарных социальных отношений:

«Свобода ненарушима. Я не могу ни продать, ни отчудить мою свободу. Никакой договор, никакое условие, имеющее предметом отчуждение или упразднение свободы, не имеет силы. Раб, ступивший на свободную землю, тем самым делается свобод-

[15] Прудон П.Ж. Что такое собственность?

ным... Свобода есть первое условие человеческого состояния, отказаться от свободы — значит отказаться от человеческого достоинства. Возможны были бы после этого человеческие поступки?»[16]

Контракт найма (т.е. наемное рабство) отменяет свободу. Он основан на неравенстве власти и *«эксплуатация — это следствие факта, что продажа рабочей силы имеет своим следствием подчинение работника»*[17]. Из-за поддержки Прудоном самоуправления и его оппозиции капитализму следует, что любые отношения, которые похожи на рабство, нелегитимны, и контракт, который создает отношения подчинения, недействителен. Таким образом, в истинном анархическом обществе рабские контракты не будут иметь законной силы — люди в настоящем свободном (т. е. некапиталистическом) обществе никогда не потерпят такой ужасный институт и не сочтут его действительным контрактом. Если кто-то был недостаточно умен, чтобы подписать такой контракт, они просто скажут, что отвергают его, так как человек должен быть свободным — такие контракты обречены на провал и без силы правовой системы (и частных защитных фирм), поддерживающей их, такие контракты останутся невыполненными.

Поддержка рабских контрактов (и наемного рабства) правыми «либертарианцами» показывает, что их идеология имеет мало общего со свободой и гораздо больше общего с оправданием собственности и подавления и эксплуатации, которые она создает. Их теоретическая поддержка постоянного и временного «добровольного» рабства и автократии показывает их глубокий авторитаризм, который делает невозможным их желание быть либертариями.

[16] Там же.
[17] Pateman C. The Sexual Contract, p. 149.

F.3 Почему «анархо»-капиталисты не ценят или мало ценят равенство?

Мюррей Ротбард аргументировал, что «правые либертарианцы не противостоят неравенству». [For a New Liberty, стр. 47] В противоположность этому, настоящие либертарианцы противостоят неравенству, потому что оно производит разрушительный эффект на индивидуальную свободу. Часть причин, почему «анархо»-капиталисты не ценят или мало ценят равенство, происходит из определения этого термина. «А и Б равны», аргументировал Ротбард, «если они идентичны друг другу в отношении данного свойства… Есть только один способ, которым два человека могут быть действительно равны в полном смысле: они должны быть одинаковы по всем своим свойствам». Потом он заметил очевидное: «Люди не одинаковы… животные, человечество характеризуются высоким уровнем разнообразия, вкратце это неравенство». [Egalitarianism as a Revolt against Nature and Other Essays, стр. 4-5]

Другими словами, каждый человек уникален — это не отрицал ни один эгалитарист. На базе этой удивительной проницательности, он приходит к выводу, что равенство невозможно (за исключением равенства прав) и попытка достичь равенства это бунт против природы. Полезность софистики Ротбарда для богатых и сильных должна быть очевидна, так как она уводит анализ от социальной системы, в которой мы живем, на биологические различия.

Это значит, что потому что мы все уникальные, результаты наших действий не будут одинаковыми и поэтому социальное неравенство происходит из естественных причин, а не из экономической системы, при которой мы живем. Неравенство дарований, с этой точки зрения, подразумевает неравенство результатов и поэтому существует социальное неравенство. Индивидуальные различия это факт природы, попытки создать общество, основанное на равенстве (т. е. сделать всех одинаковыми в терминах собственности и так далее) невозможны и неестественны. Разумеется, это будет музыкой для ушей богатых.

Перед тем как продолжить, мы должны отметить, что Ротбард искажает язык, чтобы доказать свою точку зрения и он не первый, кто искажает язык таким определенным способом.

В книге Оруэлла 1984, выражение «все люди равны» можно было перевести на новояз — «но лишь в том смысле, в каком старояз позволял сказать: 'Все люди рыжие'. Фраза не содержала грамматических ошибок, но утверждала явную неправду, а именно что все люди равны по росту, весу и силе». [«Appendix: The Principles of Newspeak», 1984, стр. 246] Приятно знать, что «мистер Либертарианец» крадет идеи у Большого Брата, и по той же причине: чтобы сделать критическую мысль невозможной, ограничивая значение слов.

«Равенство» в контексте политической дискуссии не значит «идентичный», это значит равенство прав, уважение, значимость, сила и так далее. Это не подразумевает, что нужно относиться ко всем одинаково (например, ожидать, что 80-летний мужчина будет выполнять ту же работу, что и 18-летний. Это нарушает требование относиться к ним с уважением как к уникальным индивидам).

Разумеется, ни один анархист никогда не поддерживал такое понятие равенства как быть идентичными. Как мы обсуждали в разделе A.2.5, анархисты всегда основывали свои аргументы о необходимости социального равенства на том факте, что в то время как люди разные, мы все имеем одинаковое право быть свободными и что неравенство в богатстве порождает неравенство свободы. Для анархистов:

«Равенство не значит равное число, а одинаковые возможности… Не делайте ошибку определения равенства в свободе с принудительным равенством каторжных лагерей. Настоящее анархистское равенство подразумевает свободу, не количество. Это не значит что все должны кушать, пить или одевать одинаковые вещи, делать одну и ту же работу, или жить одинаково. Далеко от этого: совсем наоборот, на самом деле. Индивидуальные потребности и вкусы отличаются, как аппетиты. Это равная возможность удовлетворить их, что составляет истинное равенство.

Далеко от выравнивания, такое равенство открывает дорогу для величайшего возможного разнообразия активностей и развития. Человеческие характеристики разнообразны, и только подавление этого свободного разнообразия приводит к выравниванию, одинаковости и обычности. Свободные возможности и выражение своих индивидуальностей означает развитие естественных сходств и различий… Жизнь в свободе, в анархии сделает больше, чем просто освободит человека от его нынешнего политического и экономического рабства. Это будет только первый шаг, подготовка к настоящему человеческому существованию». [What is Anarchism?, стр. 164-165]

Разнообразие индивидов (их уникальность) вдохновляет анархистов на поддержку равенства, а не отрицание этого. Таким образом, анархисты отвергают новоязное ротбардовское определение равенства как бессмысленное. Нет двух одинаковых людей, поэтому навязывать «одинаковое» равенство между ними значит относиться к ним как к неравным, то есть не имеющим одинаковой ценности или не давая им равное уважение, как и подобает им как людям и товарищам уникальных личностей.

Что мы должны сделать с утверждением Ротбарда? Хочется просто процитировать Руссо, когда он аргументировал: «бесполезно спрашивать, есть ли необходимая связь между двумя неравенствами (социальной и естественной); это будет вопрошанием, другими словами, обязательно ли командующие лучше подчиненных, и находится ли сила тела или разум, мудрость, добродетели в определенных людях в пропорции к их власти и богатству. Этот вопрос, возможно следовало бы обсуждать рабам перед их хозяевами, но крайне недостойно обсуждать это разумному и свободному человеку в поиске правды». [The Social Contract and Discourses, стр. 49]

Это кажется подходящим, когда вы видите, что Ротбард утверждает, что неравенство индивидов приведет к неравенству в доходах, так как «каждый человек стремится заработать доход, равный его 'предельной производительности'». Это потому что «некоторые люди более разумны, другие более бдительны и дальновидны, чем остальные люди в популяции и капитализм позволит подняться этой

естественной аристократии». Фактически, для Ротбарда все правительства являются заговором против этих высших людей. [The Logic of Action II, стр. 29, 34] Но нужно поднять несколько других вопросов.

Уникальность людей всегда существовала, но большую часть человеческой истории мы жили в очень эгалитарных обществах. Если социальное неравенство вытекает, на самом деле, из естественного неравенства, тогда все общества должны были бы быть отмечены им. Это не так. На самом деле, если взять относительно недавний пример, многие посетители ранних Соединенных Штатов отмечали его эгалитарную природу, что-то что вскоре изменилось с появлением капитализма (появление, зависимое от государственного действия, мы должны добавить).

Это значит, что общество, в котором мы живем (его правовая система, социальные отношения, которые оно генерирует и так далее) имеют гораздо более решающее значение на неравенство, чем индивидуальные различия. Таким образом, определенная правовая система имеет тенденцию увеличивать «естественные» неравенства (предполагая что это источник первоначального неравенства, а не, скажем, жестокость и насилие). Как аргументировал Ноам Хомски:

«Предположительно это тот случай, что в нашем 'реальном мире' некоторая комбинация качеств способствует успеху в ответ на 'требования экономической системы'. Давайте положим, для аргумента в дискуссии, что комбинация качеств зависит от природных талантов. Почему этот (предполагаемый) факт представляет собой 'интеллектуальную дилемму' у эгалитаристов? Обратите внимание, что мы вряд ли можем знать, какая эта комбинация качеств.

Можно предположить, что некоторая смесь алчности, эгоизма, отсутствия заботы о других, агрессивности и похожие характеристики играют роль в продвижении вперед и достижении успеха в соревновательном обществе, основанном на капиталистических принципах... Каким бы не было правильное собрание качеств, мы можем спросить, что следует из факта, если это факт, что некоторые частично унаследованные качества ведут к материальному успеху?

Все что следует... это комментарий о наших конкретных социально-экономических механизмах... Эгалитарист может ответить, во всех таких случаях, что социальный порядок должен быть изменен, чтобы коллекция качеств, приносящих успех, больше так не делала. Он может даже аргументировать, что в более порядочном обществе, качества которые сейчас ведут к успеху, были бы признаны патологическими, и мягкое убеждение было бы подходящим способом помочь людям справиться со своей несчастной болезнью». [The Chomsky Reader, стр. 190]

Если мы изменим общество, социальные неравенства, которые мы видим сейчас, исчезнут. Очень возможно, что природные различия давным-давно были заменены социальными неравенствами, особенно неравенствами в собственности. И как мы обсуждаем в разделе F.8, эти неравенства в собственности были изначально результатом силы, а не разницы в способностях. Таким образом утверждать, что социальное неравенство следует из природных различий это ошибочно и большинство социального неравенства вытекает из жестокости и силы. Начальное неравенство было увеличено системой капиталистических прав собственности и поэтому неравенство внутри капитализма гораздо больше зависит от, скажем, существования наемного труда чем от «природных» различий между людьми.

Это можно увидеть из существующего общества: мы видим, что на рабочем месте и в разных индустриях многие, если не большинство, уникальных индивидуумов получают идентичные зарплаты за идентичный труд (хотя не в случае женщин и черных, которые получают меньшую зарплату, чем мужчины, белые работники за идентичный труд).

Подобным образом, капиталисты сознательно создают неравенство в зарплате и иерархии, по единственной причине, чтобы разделить и править рабочей силой (смотри раздел D.10). Таким образом, если мы предполагаем, что эгалитаризм это бунт против природы, тогда большинство капиталистической экономики находится в таком бунте, а когда нет, «природные» неравенства были навязаны искусственно теми, кто у власти на рабочем месте или в обществе как целом, посредством государственного вмешательства, законов о собственности и авторитарных социальных структур.

Более того, как мы показали в разделе C.2.5, анархисты знали о коллективной природе производства в капитализме, с 1840 года, когда Прудон написал «Что такое собственность?».

Ротбард игнорирует анархистскую традицию и реальность, когда он говорит, что индивидуальные различия производят неравенство результатов. Как бы сказал экономист с более твердым пониманием реальности, «понятие о том, что зарплаты зависят от персонального мастерства, как выражается в значении результата, не имеет смысла в любой организации, где производство взаимозависимое и совместное — то есть не имеет смысла практически ни в одной организации». [James K. Galbraith, Created Unequal, стр. 263]

«Природные» различия необязательно приведут к неравенству и такие различия не будут иметь большое значение в экономике отмеченной совместным производством. В другой социальной системе, «природные» различия будут поощряться и приветствоваться гораздо больше, чем при капитализме (где иерархия обеспечивает подавление индивидуальности, а не ее поощрение) без сокращения социального равенства.

По своей сути, устранение иерархии на рабочем месте не только повысит свободу, но и устранит неравенство, так как меньшинство не сможет монополизировать процесс принятия решений и плоды совместной производственной деятельности.

Поэтому утверждение о том, что «природные» различия порождают социальное неравенство, ошибочно — оно принимает правовую систему капитализма как данность и игнорирует, что изначальный источник неравенства лежит в собственности и силе. На самом деле, неравенство результатов или вознаграждений более возможно находится под влиянием социальных условий, а не индивидуальных различий (как и ожидалось в обществе, основанном на наемном труде или других формах эксплуатации).

Ротбард изо всех сил старается изобразить эгалитаристов, как движимых завистью к богатым. Трудно объяснить завистью движущую силу людей, похожих на Бакунина и Кропоткина, которые оставили жизнь богатых аристократов, чтобы стать анархистами, которые терпели заключение в тюрьме в своей борьбе за свободу для всех, а не только для элиты.

Когда на это указывают, типичный правый ответ это сказать, что это показывает, люди из настоящего рабочего класса не социалисты. Другими словами, если вы рабочий анархист, вами движет зависть, а если нет, если вы отрицаете свою классовую принадлежность, значит вы показываете, что социализм это не движение рабочего класса!

Ведомый своим допущением и ненавистью к социализму, Ротбард зашел так далеко, что исказил слова Карла Маркса, чтобы они подошли к его идеологической позиции. Он сказал что, «Маркс признает истинность заявлений антикоммунистов тогда и сейчас», что коммунизм это выражение зависти и желания свести все к общему уровню.

Конечно, Маркс не делал ничего такого. В цитатах, которые Ротбард представил, чтобы доказать свое утверждение, Маркс критикует то, что он называет «необдуманным коммунизмом» («этот тип коммунизма» в цитате, которую приводит Ротбард, но очевидно не понимает). Неудивительно, что Маркс «явно не подчеркивал эту темную сторону коммунистической революции в своих поздних работах», так как он открыто отрицал этот тип коммунизма! Для Ротбарда, все типы социализма кажутся одинаковыми и идентифицированными с центральным планированием — отсюда следует его эксцентричный комментарий, что «Сталин установил социализм в Советском Союзе». [The Logic of Action II, стр. 394-5 и стр. 200]

Другая причина, по которой «анархо»-капиталисты не заботятся о равенстве это то, что они думают, что (используя выражение Роберта Нозика) «свобода разрушает паттерны». Говорится, что равенство (или любой «государственный принцип справедливости») не может «продолжительно реализовываться без продолжительного влияния на жизни людей». То есть равенство может только поддерживаться запретом на индивидуальную свободу совершать обмен или налогами на доходы. [Anarchy, State, and Utopia, стр. 160-3]

Как бы то ни было, этот аргумент не признает, что неравенство также ограничивает человеческую свободу и что капиталистические права собственности не единственно возможная система.

В конце концов, деньги это власть и неравенство в терминах власти легко приводит к ограничениям свободы и превращения большинства из свободных производителей в исполнителей приказов. Другими словами, как только достигнут определенный уровень неравенства, собственность не способствует, но на самом деле находится в противоречии с концами, которые делают частную собственность законной. (In other words, once a certain level of inequality is reached property does not promote, but actually conflicts with, the ends which render private property legitimate.)

Как мы обсуждаем в следующем разделе, неравенство может легко вести к ситуации, где владение собой используется, чтобы оправдать свою противоположность и поэтому неограниченные права собственности подрывают значимое самоопределение, которое многие люди интуитивно понимают под термином «владение собой» (т. е. то что, анархисты называют свободой вместо владения собой). Таким образом, частная собственность сама по себе ведет к продолжительному влиянию на жизнь людей, как и приведение в жизнь предложения Нозика о «справедливом» распределении собственности и власти, которое вытекает из этого неравенства. Более того,

многие критики отметили, что аргумент Нозика предполагает то, что он собирается доказывать.

Как сказал один критик, в то время как Нозик «желает защищать капиталистические права частной собственности, настаивая на том, что они основаны на основных свободах», на самом деле он «произвел аргумент в пользу неограниченных прав собственности, используя неограниченную частную собственность, и таким образом он спрашивает вопрос, на который пытается ответить».

[Andrew Kerhohan, «Capitalism and Self-Ownership», pp. 60-76, Capitalism, Ellen Frankel Paul, Fred D. Miler, Jr, Jeffrey Paul and John Ahrens (eds.), стр. 71]

В ответ на утверждение о том, что равенство может поддерживаться только продолжительным влиянием на жизнь людей, анархисты скажут, что неравенства, вызываемые капиталистическими правами собственности также включают в себя широкое и продолжительное влияние на жизнь людей. В конце концов, Боб Блэк замечает: «Это очевидно, что источником наибольшего прямого принуждения, испытываемого обычным взрослым, является не государство, а бизнес, который нанял его_ее. Ваш_а начальни_ца или супервизор_ка дает вам больше приказов за неделю, чем полиция за 10 лет». [«The Libertarian As Conservative», The Abolition of Work and Other Essays, стр. 145]

Например, работник, нанятый капиталистом не может свободно обменивать машины или сырье, которым он_а обеспечена, чтобы использовать, но Нозик не называет такие «ограниченные» права собственности как посягающие на свободу (он также не говорит, что зарплатное рабство ограничивает свободу, конечно же). Таким образом, утверждение, что равенство включает в себя нарушение свободы, игнорирует тот факт, что неравенство также нарушает свободу (не говоря уже о важных негативных эффектах неравенства в богатстве и власти, которые мы рассмотрели в разделе B.1).

Реорганизация общества могла бы эффективно минимизировать неравенства устранением большого источника таких неравенств (наемный труд) и было бы введено самоуправление. Мы не имеем желания ограничивать свободный обмен (в конце концов, большинство анархистов желают, чтобы «экономика дара» стала реальностью рано или поздно) но мы утверждаем, что в свободном обмене не должны участвовать неограниченные капиталистические права собственности, которые предполагает Нозик (смотри раздел I.5.12 для дискуссии о «капиталистических актах» внутри анархистского общества).

Ротбард, иронично, знает о факте, что неравенство ограничивает свободу для многих. Как он сказал, «неравенство в контроле это неизбежное следствие свободы. В любой организации всегда будет меньшинство людей, которые достигнут позиции начальника и другие останутся последователями на низах.» [Op. Cit., стр. 30] Процитируем Боба Блэка: «Одни люди дают приказы и другие подчиняются им: в этом сущность рабства». [Op. Cit., стр. 147] Возможно, если бы Ротбард провел некоторое время на рабочем месте, а не на штатном академическом посте, он бы понял что боссы редко являются естественной элитой, как он думал.

Как владелец фабрики Энгельс, он блаженно не знал, что деятельность не-«элиты» в цеху (продукт, который босс присваивает) поддерживает всю иерархическую структуру (как мы обсудим в разделе H.4.4, работа под командованием — когда работники делают в точности то, что приказал им босс — это разрушительное оружие в классовой

борьбе). Это кажется несколько ироничным, что антимарксист Ротбард обратился к тому же аргументу, что и Энгельс, для того чтобы опровергнуть анархистский аргумент о свободе внутри ассоциаций!

Нужно упомянуть, что Блэк также признавал это, отмечая что «ленинизм отличается от либертарианства не больше, чем Кока-кола от Пепси-колы. Только встав на твердую почву фабричного фашизма и офисной олигархии, ленинисты и либертарианцы осмеливаются спорить о разделяющих их тривиальных вопросах.» [Op. Cit., стр. 146]

Как признает Ротбард, неравенство производит классовую систему и авторитарные социальные отношения, которые имеют корни во владении и контроле частной собственности. Это производит специфические области конфликта со свободой, факт, который Ротбард (как другие «анархо»-капиталисты) стремится отрицать, как мы обсудим в разделе F.3.2. Таким образом, для анархистов, оппозиция «анархо»-капиталистов равенству не понимает важных вещей и вызывает много вопросов.

Анархисты не желают сделать людей «одинаковыми» (это невозможно и полностью отрицает свободу и равенство), но хотят сделать социальные отношения между людьми, у которых есть одинаковая власть. Другими словами, они хотят ситуацию, где люди взаимодействуют друг с другом без институционализированной власти или иерархии и влияют друг на друга «естественно», пропорционально тому, как (индивидуальные) различия между (социально) равными применимы в данном контексте.

Процитируем Михаила Бакунина, «Величайший ум недостаточен для того, чтобы охватить всё. Отсюда следует… необходимость разделения и ассоциации труда. Я получаю и даю,-- такова человеческая жизнь. Всякий является авторитетным руководителем, и всякий управляем в свою очередь. Следовательно, отнюдь не существует закрепленного и постоянного авторитета, но постоянный взаимный обмен власти и подчинения, временный и — что особенно важно,-- добровольный.». [God and the State, стр. 33]

Такая обстановка может существовать только внутри самоуправляющейся ассоциации. Капитализм (т. е. наемный труд) создает очень специальные отношения и институты власти. По этой причине анархисты это социалисты. Другими словами, анархисты поддерживают равенство, потому что мы сознаем, что все уникальны. Если мы серьезны, когда говорим о «равенстве прав» или «равной свободе», тогда условия должны быть такими, чтобы люди могли наслаждаться этими правами и свободами. Если мы предполагаем право развивать свои способности до максимума, например, тогда неравенство ресурсов и власти внутри общества разрушит это право, просто потому что у большинства людей нет способов свободно практиковать свои способности (они подчиняются власти босса, например, во время рабочих часов).

В прямом противоречии с анархизмом, правое «либертарианство» не заботится ни о каких формах равенства, за исключением «равенства прав». Они закрывают глаза на реальность жизни. В частности, на влияние экономической и социальной власти на индивидов в обществе и социальные отношения доминирования, которые они создают. Люди могут быть равны перед законом и в правах, но они могут быть несвободны под влиянием социального неравенства, отношений, которые оно создает и как оно влияет на закон и возможности угнетенных использовать его.

Из-за этого, все анархисты настаивают, что равенство необходимо для свободы, включая индивидуальных анархистов, идеологию которых «анархо»-капиталисты хотят присвоить. («Спунер и Годвин настаивают на том, что неравенство развращает свободу. Их анархизм направлен против неравенства, так же как против тирании. В то время как им симпатичны идеи Спунера об индивидуалистическом анархизме, они [Ротбард и Дэвид Фридман] не замечают или удобно упускают из виду его эгалитарный подтекст». [Stephen L. Newman, Liberalism at Wit's End, p. 74 and p. 76])

Без социального равенства индивидуальная свобода так ограничена, что становится издевательством (существенным образом ограничивая свободу большинства выбором хозяина, который будет управлять ими, а не жизнь свободных).

Конечно, определяя равенство таким ограниченным способом, сама идеология Ротбарда становится бессмыслицей. Как отмечает Л. А. Роллинс, «Либертарианство, адвокация 'свободного общества', в котором люди будут иметь равные свободы и равные права, это специфическая форма эгалитаризма. Как таковое, либертарианство это бунт против природы. Если люди по своей биологической природе неравны по качествам, необходимым для достижения и сохранения 'свободы' и 'прав'... тогда невозможно, чтобы люди имели 'равные свободы' или 'равные права'. Если свободное общество начинается как общество 'равной свободы', значит нет такой вещи как 'свободное общество'». [The Myth of Natural Law, стр. 36]

При капитализме, свобода это товар, как и все остальное. Чем больше у тебя денег, тем больше у тебя свободы. Равная свобода, на новоязе Ротбарда, не может существовать! Что касается равенства перед законом, ясно, что такие надежды разбиваются о скалы богатства и сил рынка.

Бедный и богатый имеют равные права спать под мостом (предполагая, что владелец моста соглашается, конечно!); но владелец моста и бездомный имеют разные права, и поэтому вы не можете сказать, что они имеют «равные права» на новоязе Ротбарда. Разумеется, богатый и бедный не будут в равной степени использовать право спать под мостом.

Как наблюдал Боб Блэк: «Ваша жизнь, ваше время — это единственный товар, который можно продать, но нельзя купить. Мюррей Ротбард полагает, что равенство это бунт против природы — однако его день длится те же 24 часа, как и у всех остальных». [Op. Cit., стр. 147]

Искажая язык политических дебатов, большинство различий во власти в капиталистическом обществе может быть объяснено не несправедливой и авторитарной системой, но биологией (мы все уникальные индивиды, в конце концов). В отличие от генов (хотя биотехнологические корпорации также работают над этим), человеческое общество может быть изменено людьми, которые составляют его, чтобы отражать основные черты, которые мы все разделяем — наша человечность, наша способность думать и чувствовать, и наша нужда в свободе.

F.3.1 Почему это пренебрежение равенством важно?

Просто потому что пренебрежение равенством скоро закончится тем, что свобода для большинства будет отрицаться во многих важных областях. Большинство

«анархо»-капиталистов и правых либертарианцев отрицают (или в лучшем случае игнорируют) силу рынка. Ротбард, например, утверждает что экономическая сила не существует при капитализме. То, что люди называют «экономической силой» это «просто право при свободе отказаться совершать обмен», поэтому этот концепт бессмысленен. [The Ethics of Liberty, стр. 222]

Однако, факт в том, что существуют значительные центры власти в обществе, (они же источники иерархической власти и авторитарных социальных отношений) которые не являются государствами. Как сказал Элизи Рэклю: «власть королей и императоров имеет пределы, но власть богатства не имеет пределов. Доллар это хозяин хозяев». Таким образом, богатство это источник власти, так как «существенная вещь» при капитализме это «тренировать себя, чтобы достичь денежную ценность, с целью командовать другими всемогуществом денег. Власть человека увеличивается в прямой пропорции с его_ее экономическими ресурсами». [John P. Clark and Camille Martin (eds.), Anarchy, Geography, Modernity, стр. 95, 96-7]

Таким образом центральная ошибка в «анархо»-капитализме это (невысказанное) предположение, что различные действующие лица в экономике имеют относительно равную власть. Это предположение было отмечено многими читателями их работ. Например. Питер Маршалл замечает, что «анархо-капиталисты вроде Мюррея Ротбарда предполагают, что люди имеют одинаковую переговорную силу в капиталистическом обществе, основанном на рынке». [Demanding the Impossible, стр. 46] Джордж Вэлфорд также пишет в своем комментарии к «Механике свободы» Дэвида Фридмана:

«Частная собственность, предусмотренная анархо-капиталистами очень сильно отличается от того, что мы знаем. Едва ли мы зайдем слишком далеко, если скажем, что одно отвратительно, а другое приятно. При анархо-капитализме не будет национальной страховки, социального страхования, национального здравоохранения и ничего заменяющего законы о бедных. Совсем не будет сетей общественной безопасности. (Сети общественной безопасности это коллекция услуг, предоставляемых государством или другими институтами, такими как дружественные общества. Это включает в себя социальное обеспечение, пособие по безработице, бесплатное здравоохранение, приюты для бедных, и иногда субсидированные услуги, такие как общественный транспорт. Сети общественной безопасности предотвращают людей от падения в крайнюю бедность.) Это было бы строго соревновательное общество: работай, проси милостыню или умирай. Читая дальше, мы узнаем что каждый человек должен будет покупать все товары и услуги, необходимые ему_ей, не только одежду, еду и жилье, но также образование, медицину, уборку, правосудие, полицию, все формы охраны и страховок, даже разрешение на использование улиц (улицы будут в частной собственности). Есть любопытная особенность: у всех всегда будет достаточно денег, чтобы купить это все.

«Там нет публичных больниц для попавших в несчастный случай или хосписов, но никто не умирает на улицах. Нет общественной образовательной системы, но нет неграмотных детей, нет общественных услуг полиции, но нет людей, неспособных купить услуги эффективной защитной фирмы, нет публичного закона, но нет тех, кто не может купить использование частной легальной системы. Также нет тех, кто

может купить гораздо больше, чем все остальные. Ни один человек или группа не обладает экономической властью над остальными.

«Этому нет объяснения. Анархо-капиталисты принимают за должное, что в их любимом обществе, хотя оно не содержит механизмов для сдерживания конкуренции (для этого потребуется власть над соревнующимися и это анархо-капиталистическое общество) конкуренция не будет доведена до той точки, где кто-нибудь бы страдал бы от нее. В то время как они провозглашают свою систему соревновательной, где частный интерес остается необузданным, они показывают, что оно работает как кооперативное, в котором человек или группа не наживаются за счет других.» [On the Capitalist Anarchists]

Предположение об относительном равенстве идет впереди в концепции Мюррея Ротбарда о собственности и гомстэдинге (обсуждается в разделе F.4.1).

«Гомстэдинг» рисует картину индивидуумов и семей, идущих в дикую природу построить дом для себя, борящихся с природой и так далее. Это не вызывает идею транснациональных корпораций, нанимающих десятки тысяч людей без земли, ресурсов и продающих их труд другим. Как отмечалось, Ротбард говорил, что экономическая сила не существует (по крайней мере, при капитализме. Как мы видели в разделе F.1, он делает очень нелогичные исключения).

Похожим образом, пример Дэвида Фридмана о споре «защитных» фирм за смертную казнь и против смертных казней (смотри раздел F.6.3) неявно предполагает, что фирмы имеют равную переговорную силу и ресурсы — если нет, то процесс переговоров будет односторонним и меньшая компания подумает дважды, прежде чем вступать в бой с большей (возможный результат, если они не смогут прийти к соглашению) и поэтому придет к компромиссу.

Однако, право-либертарианское отрицание силы рынка неудивительно. Необходимость, а не избыточность, предположения о естественном равенстве нужна, «если врожденные проблемы теории контрактов не станут слишком очевидными». Если некоторые индивиды имеют значительно большую силу, чем другие, и если они всегда действуют в своих интересах, тогда контракт, который бы создал равных партнеров невозможен — пакт создаст ассоциацию хозяев и слуг.

Разумеется, сильный представит контракт как выгодный для обоих: сильному больше не нужно трудиться (и он становится богатым, т. е. еще более сильным) и слабый получает доход и поэтому не голодает. [Carole Pateman, The Sexual Contract, стр. 61]

Поэтому если свобода считается функцией владения, тогда ясно, что люди не владеющие собственностью (кроме собственного тела, разумеется) теряют эффективный контроль над собой и своим трудом (что является основой их равных естественных прав). Когда переговорная сила человека мала (что часто случается на рынке труда) обмены имеют тенденцию увеличивать неравенства богатства и силы с течением времени, а не работают в пользу уравнивания.

Другими словами, «контракт» не должен применять силу, если переговорные позиции и богатство будущих контракторов не равны (если бы участники переговоров имели равную силу, сомнительно, что они бы согласились продать контроль над своей свободой/ трудом другому). Это значит, что «власть» и «рынок» не являются противоположными терминами. В то время как, в абстрактном смысле, все рыноч-

ные отношения добровольны, на практике это не случается в капиталистическом рынке. Большие компании имеют сравнительное преимущество над маленькими компаниями, общинами и индивидуальными рабочими, что обязательно повлияет на результат любого контракта.

Например, большая компания или богатый человек имеют доступ к большим фондам и поэтому могут выдержать судебные тяжбы и забастовки, в то время как ресурсы их оппонентов истощены. Или, если компания загрязняет окружающую среду, местная община может мириться с причиненным ущербом из-за страха что индустрия (от которой они зависят) переместится в другую область. Если члены общины подадут в суд, тогда компания вряд ли будет использовать свои права собственности, когда есть угроза переезда.

В таких условиях, община «свободно» согласится на эти условия или потерпит массовые экономические и социальные потрясения. И похожим образом, «агенты лендлордов, которые угрожали увольнением сельскохозяйственным рабочим и арендаторам, не голосовавшим за реакционные силы» в выборах 1936 года в Испании только использовали свои легитимные права собственности, когда угрожали работающим людям и их семьям экономической неопределенностью и бедственным положением. [Murray Bookchin, The Spanish Anarchists, стр. 260]

Если взять рынок труда, то ясно, что «покупатели» и «продавцы» рабочей силы редко бывают на равных (если бы они были, тогда капитализм скоро погрузился бы в кризис — смотри раздел C.7). Как мы подчеркивали в разделе C.9, при капитализме конкуренция на рынке труда обычно скошена в пользу работодателей.

Таким образом возможность отказать в обмене больше всего ударяет по одному классу и так обеспечивает, что «свободный обмен» работает, чтобы обеспечить доминацию (и эксплуатацию) одного класса над другим. Неравенство в рынке обеспечивает то, что решения большинства формируются в соответствии с нуждами людей у власти, а не нуждами всех. По этой причине, например, индивидуальный анархист Дж. К. Ингалс был против предложения Генри Джорджа о национализации земли. Ингалс хорошо знал, что богатые могли перебить ставки бедных на аренду земли и таким образом лишения рабочего класса продолжатся.

Поэтому рынок не может покончить с властью или несвободой — они все еще здесь, но в другой форме. И чтобы обмен был действительно добровольным, обе стороны должны иметь равную силу принять, отклонить контракт или повлиять на его условия. К несчастью, эти условия редко встречаются на рынке труда или на капиталистическом рынке в общем. Таким образом, аргумент Ротбарда, что экономическая сила не существует, не признает, что богатые могут получить больше ресурсов, чем бедные и что корпорации в общем имеют большую возможность отказать в контракте (индивидууму, союзу или общине) чем наоборот (и что влияние такого отказа таково, что он будет побуждать других прийти к компромиссу гораздо быстрее).

При таких обстоятельствах, формально свободные люди должны «соглашаться» быть несвободными, для того чтобы выжить. Глядя на беговую дорожку современного капитализма, на то что мы терпим, для того чтобы заработать достаточно денег для выживания, не вызывает удивления, что анархисты спрашивали, служит ли рынок для нас или мы служим рынку (и тем, кто находится у власти внутри рынка).

Неравенство не может быть легко устранено. Как указал Макс Штирнер, свободная конкуренция «не свободна, потому что у меня нет вещей для конкуренции.» Из-за базового неравенства в богатстве («в вещах») мы обнаруживаем, что «При буржуазном режиме рабочие попадают всегда под власть имущих – тех, которые имеют в своем распоряжении какое-либо государственное имущество (а все владения – государственные, принадлежат ему и только отданы в пользование единичной личности); в особенности попадают они в руки тех, кто владеют деньгами и имениями, то есть в руки капиталистов. Рабочий не может оценивать свою работу по той же мерке, по которой оценивает ее потребитель. 'Работа плохо оплачивается!' А наибольшую прибыль от нее получает капиталист.» [The Ego and Its Own, стр. 262, 115]

Интересно отметить, что даже Штирнер признавал, что капитализм приводит к эксплуатации и что его корни лежат в неравенстве в собственности и власти. И мы можем добавить, что ценности, которые трудящийся не продал, идут в руки капиталисту, который инвестирует в другие вещи и который собирает и повышает свои преимущества в «свободной» конкуренции. Процитируем Стивена Л. Ньюмана:

«Другим тревожным аспектом отказа либертарианцев признать власть на рынке является их неспособность увидеть разницу между свободой и автономией... Наемный труд при капитализме, конечно, формально свободный труд. Никого не принуждают работать под дулом пистолета. Однако экономические обстоятельства часто имеют эффект силы; они вынуждают относительно бедных людей соглашаться на работу на условиях, диктуемых собственниками и менеджерами. Индивидуальный работник сохраняет [негативную] свободу, но теряет автономию [позитивную свободу].» [Liberalism at Wit's End, стр. 122-123]

Если мы рассмотрим «равенство перед законом» это очевидно, что оно имеет ограничения в (материально) неравном обществе. Брайн Моррис замечает, что для Айн Рэнд «при капитализме политика (государство) и экономика (капитализм) отделены друг от друга. Это, конечно, чистая идеология, Рэнд оправдывает государство тем, что оно защищает частную собственность, то есть поддерживает и защищает экономическую силу капиталистов силовыми методами». [Ecology & Anarchism, стр. 189]

То же самое можно сказать про «анархо»-капитализм и его «защитные агенства» и «общий либертарианский свод законов». Если внутри общества меньшинство обладает всеми ресурсами и большинство обездолено, тогда любой закон, защищающий частную собственность автоматически дает силу имущему классу. Рабочие всегда применяют силу, если они восстают против своих начальников или протестуют против закона и поэтому «равенство перед законом» отражает и усиливает неравенство во власти и богатстве.

Это значит, что система прав собственности защищает свободы одних людей таким способом, который дает им неприемлемо большую власть над другими. И эта критика не может быть удовлетворена лишь подтверждением прав в вопросе, мы должны оценить относительную важность различных видов свобод и других ценностей, которыми мы дорожим.

Пренебрежение правыми либертарианцами равенством важно, потому что оно позволяет «анархо»-капитализму игнорировать многие ограничения свободы в обществе. В дополнение, оно позволяет им приукрашивать негативные эффекты их

системы, рисуя нереалистичную картину капиталистического общества без многочисленных крайностей богатства и власти (на самом деле, они часто конструируют капиталистическое общество в терминах идеала — а именно мастерская работа — идеала, который пре-капиталистический и чей социальный базис был разъеден капиталистическим развитием). Неравенство формирует решения, которые нам доступны и которые мы принимаем:

«Стимул всегда доступен в условиях значительного социального неравенства, которое заставляет 'слабых' вступать в контракт. Когда преобладает социальное неравенство, возникает вопрос, что считать добровольным вступлением в контракт. Поэтому социалисты и феминистки фокусировались на условиях входа в контракт найма на работу и брачный контракт. Мужчины и женщины… сейчас юридически свободны и равноправные граждане, но, находясь в неравных социальных условиях, невозможно исключить, что некоторые или многие контракты создают отношения, которые имеют неприятные сходства с рабским контрактом». [Carole Pateman, Op. Cit., стр. 62]

Идеологическая путаница правого либертарианства может быть видна из их оппозиции к налогам. С одной стороны, они говорят, что налоги неправильны, потому что они забирают деньги у тех, кто заработал их и дают бедным. С другой стороны, капитализм «свободного рынка» считается обществом с большим социальным равенством! Если налоги забирают у богатых и отдают бедным, тогда как «анархо»-капиталисты станут более эгалитарными без налогов?

Этот механизм выравнивания исчезнет. (Конечно, можно утверждать, что все великие состояния это результат государственного вмешательства, искажающего «свободный рынок», но это ставит все их истории об «из грязи в князи» в странное положение.) Таким образом, у нас есть проблема: или у нас есть относительное равенство или у нас нет.

Или у нас есть богатые и силы рынка, или нет. Это ясно по теоретикам типа Ротбарда, что «анархо»-капитализм не обойдется без своих миллионеров (согласно ему, нет ничего не либертарианского в «иерархии, наемном труде, отчислениях в фонды, сделанные либертарианскими миллионерами, и либертарианской партии». [quoted by Black, Op. Cit., стр. 142]) Поэтому мы остались с силой рынка и широкой несвободой.

Таким образом, для идеологии, которая разоблачает эгалитаризм как «бунт против природы» несколько смешно что они рисуют «анархо»-капитализм как общество относительного равенства. Другими словами, их пропаганда основана на том, что никогда не существовало, и не будет существовать: эгалитарное капиталистическое общество. Без неявного предположения о равенстве, которое лежит в основе их риторики, очевидные ограничения их видения «свободы» становятся слишком очевидными. Любой laissez-faire капитализм будет неравным и «те кто имеют богатство и власть будут только повышать свои привилегии, в то время как слабые и бедные будут беднеть… Правые либертарианцы просто хотят свободы для себя, чтобы защищать свои привилегии и эксплуатировать других». [Peter Marshall, Op. Cit., стр. 653]

F.3.2 Может ли быть гармония интересов в обществе без равенства?

«Анархо»-капитализм основан на концепте «гармонии интересов» который развивали теоретики, похожие на Фредерика Бастиа в 19 веке и учителя Ротбарда Людвига фон Мизеса в 20 веке. Для Ротбарда, «все классы живут в гармонии через добровольный обмен товаров и услуг, который взаимно приносит пользу им всем». Это значит, что капиталисты и работники не имеют антагонистических классовых интересов. [Classical Economics: An Austrian Perspective on the History of Economic Thought, том 2, стр. 380, 382]

Для Ротбарда, классовый интерес и конфликт не существует внутри капитализма, за исключением если он поддерживается государственной силой. Он утверждал, что «будет ошибкой использовать такие термины, как 'классовый интерес' или 'классовый конфликт' в обсуждении рыночной экономики». Это происходило из-за двух вещей: «гармонии интересов разных групп» и «отсутствия однородности интересов внутри любого социального класса».

Только «по отношению к государственному действию интересы разных людей могут объединиться в 'классы'». Это значит, что «однородность появляется из-за вмешательства государства в общество». [Conceived in Liberty, том. 1, стр. 261] Так, другими словами, классовый конфликт невозможен при капитализме, потому что по удивительному совпадению одновременно существуют общие интересы между людьми и с другой стороны, их нет!

Вам не нужно быть анархистом или другим социалистом, чтобы увидеть, что аргумент бессмысленен. Адам Смит, например, просто записал реальность, когда сказал, что работники и начальники имеют «интересы, которые не одинаковые. Работник хочет получить как можно больше, хозяева хотят дать как можно меньше. Первые расположены так, что объединяются для того, чтобы поднять зарплаты, последние чтобы снизить их.» [The Wealth of Nations, стр. 58]

Смит признавал, что государство было ключевым способом, которым имущий класс поддерживал свою позицию в обществе. Как таковое, оно отражает экономический классовый конфликт и интересы и не создает их (это не предполагает, что экономический класс это единственная форма социальной иерархии конечно, только очень важная). Американские рабочие, в отличие от Ротбарда, слишком хорошо знали о правде в анализе Смита. Например, одна группа аргументировала в 1840 году, что боссы «держат нас в своей власти, и заставляют нас работать исключительно для своей прибыли…

Капиталист не имеет другого интереса в нас, кроме получить от нас настолько много труда, насколько возможно. Мы нанятые люди, и нанятые люди, как нанятые лошади, не имеют души». Таким образом «их интересы как капиталистов, и наши интересы как трудящихся, прямо противоположны» и «и по природе вещей, враждебны и непримиримы». [цитируется по Christopher L. Tomlins, Law, Labor, and Ideology in the Early American Republic, стр. 10] Анализ Александра Беркмана:

«Легко понять, почему хозяева не хотят, чтобы вы организовались, почему они боятся настоящих профсоюзов. Они знают очень хорошо, что сильный, борющийся

профсоюз может вынудить платить более высокие зарплаты и лучшие условия, что значит меньше доходов для плутократов. Поэтому они делают все, что в их силах, чтобы остановить работников от организации…

«Хозяева нашли очень эффективный способ парализовать силу организованного труда. Они убедили рабочих, что они имеют те же интересы, что и работодатель… и что хорошо для работодателя, также хорошо для его подчиненных… Если твои интересы такие же, как у твоего босса, зачем ты будешь с ним бороться?

Вот что они тебе говорят… Это хорошо для индустриальных магнатов, когда их рабочие верят в это… тогда они не будут думать о борьбе со своими хозяевами за лучшие условия, но они будут терпеливыми и будут ждать, когда их работодатель разделит свой достаток с ними…

Если ты послушаешься своих эксплуататоров и их глашатаев, ты будешь хорошим и будешь рассматривать только интересы своих хозяев… но всем наплевать на твои интересы… Они увещевают тебя «Не будь эгоистичным», в то время как босс богатеет за счет того что ты хороший и не эгоистичный. И они смеются украдкой и благодарят бога за то, что ты такой идиот.

«Но… интересы капитала и трудящихся не одинаковы. Не было придумано большей лжи, чем так называемая 'одинаковость интересов'… Ясно, что они полностью противоположны, по факту антагонистичны друг другу». [What is Anarchism?, стр. 74-75]

То, что Ротбард отрицает это, говорит много о силе идеологии.

Ротбарду было ясно, что делают профсоюзы, а именно ограничивают власть работодателя и обеспечивают получение рабочими большей части прибавочной стоимости. Как он сказал, профсоюзы «пытаются убедить рабочих, что они могут улучшить свою долю за счет работодателя. Вследствие этого, они неизменно пытаются установить такие правила работы, которые препятствуют директивам менеджмента…

Другими словам, вместо того, чтобы согласиться подчиняться приказам менеджмента в обмен на его плату, рабочие сейчас установили не только минимальные зарплаты, но также условия работы, без которых они отказываются работать. Это снизит количество продукции». [The Logic of Action II, стр. 40, 41] Обратите внимание на предположение, что доходы и власть босса неприкосновенны.

Для Ротбарда, профсоюзы уменьшают продуктивность и вредят доходам, потому что они оспаривают власть босса делать то, что он_она хочет на своей собственности (по всей видимости, laissez-faire был неприменим для людей рабочего класса во время рабочих часов). Но это неявно признает, что существует конфликт интересов между работниками и боссами. Не нужно много думать, чтобы обнаружить возможный конфликт интересов, который может возникнуть между работниками, которые стремятся увеличить свои зарплаты и минимизировать труд и боссами, которые стремятся минимизировать зарплаты и увеличить выпускаемую продукцию. Может быть аргументировано, что если рабочие выиграют этот конфликт интересов, тогда их боссы выйдут из бизнеса и поэтому они вредят себе, не подчиняясь своим индустриальным хозяевам.

Рациональный рабочий, с этой точки зрения, будет тот_та, котор_ая лучше всего понял_а, что его_ее интересы такие же, как интересы босса, потому что его_ее благополучие зависит от того, как хорошо обстоят дела фирмы. В таком случае, он_она

поставит интересы фирмы впереди собственных и не будет препятствовать боссу, критикуя его_ее власть. Если дело в этом, тогда «гармония интересов» просто переводится как «начальники знают лучше» и «делай, что тебе говорят» — и мы уверены, что такое подчинение это прекрасная «гармония» для отдающих приказы!

Интересная вещь в том, что точка зрения Ротбарда производит отчетливо рабский вывод. Если работники не имеют конфликта интересов со своими начальниками, тогда, очевидно, логичная вещь для работника делать то, что прикажет начальник. Служа своему хозяину, они автоматически получают пользу. В противоположность этому, анархисты отрицали такую позицию. Например, Вильям Годвин отрицал капиталистическую собственность в точности потому, что производится «дух угнетения, дух рабства, и дух мошенничества». [An Enquiry into Political Justice, стр. 732]

Более того, мы должны отметить, что обличительная речь Ротбарда о профсоюзах неявно признает социалистическую критику капитализма, которая подчеркивает, что подчинение власти босса во время рабочих часов делает возможной эксплуатацию (смотри раздел С.2). Если бы зарплаты представляли «предельный» вклад работника в производство, боссам не надо было бы обеспечивать исполнение своих приказов.

Так много настоящих боссов борются с профсоюзами в точности потому, что они ограничивают их способность выжимать из работника столько продукции, сколько возможно за согласованную плату. Как таковые, иерархические социальные отношения на рабочем месте обеспечивают отсутствие «гармонии интересов» так как ключ к успешной капиталистической фирме это минимизировать расходы на зарплаты, чтобы повысить доходы. Нужно также отметить, что Ротбард обратился к другому концепту австрийской экономики во время своих комментариев против профсоюзов.

Несколько иронично, он обращается к анализу равновесия, так как, по видимому, «уровень зарплат на рынке труда без профсоюзов всегда стремится к равновесию плавным и гармоничным способом». (В другом эссе он высказывает мнение, что «в австрийской традиции… предприниматель гармонически направляет экономику в направлении равновесия».) [Op. Cit., стр. 41, 234]

Он не говорит, что зарплаты достигнут равновесия (и что остановит их, если не действия предпринимателей, разрушающих экономику?) однако, это странно, что рынок труда может приблизиться к ситуации, которая не существует по австрийской экономике! Как бы то ни было, как отмечалось в разделе С.1.6 эта выдумка нужна, чтобы спрятать очевидную экономическую силу правящего класса при капитализме.

Несколько иронично, учитывая его утверждения о «гармонии интересов», Ротбард хорошо знал, что лендлорды и капиталисты всегда использовали государство, чтобы продвинуть свои интересы. Однако, он предпочитал называть это меркантилизмом, а не капитализмом. Забавно читать его короткую статью «Меркантилизм: урок наших дней?», так как он проводит параллель с классическом текстом Маркса «Первоначальное накопление» содержащемся в первом томе Капитала. [Rothbard, Op. Cit., стр. 43-55]

Ключевое отличие в том, что Ротбард просто отказывается видеть действия государства, которые создают необходимые условия для его любимого капитализма и это не влияет на его мантру о гармонии интересов между классами. Вместо того чтобы

точно документировать, как капиталисты и лендлорды использовали государство, чтобы обогатить себя за счет рабочего класса, он отказывается рассмотреть, как это опровергает любые утверждения о гармонии интересов между экспуататорами и эксплуатируемыми.

Ротбард правильно отмечает, что меркантилизм «использует государство, чтобы нанести вред или запретить конкуренцию.» Это относится к иностранным капиталистам и рабочему классу. Они являются, конечно конкурентами в терминах того, как делится доход. В отличие от Маркса, он просто не смог увидеть как меркантилистские политики были инструментом для строительства индустриальной экономики и создания пролетариата.

Таким образом он посылает проклятия в адрес меркантилизма, потому что он «искусственно снижает процентную ставку» и продвигает инфляцию, которая «вредит бедным» так как «зарплаты обычно отставали от повышающихся цен». Он описывает «отчаянные попытки правящего класса заставить зарплаты снизиться ниже рыночного уровня». Несколько иронично, учитывая оппозицию «анархо»-капиталистов законным праздникам, он заметил, что меркантилисты «не любят праздники, потому что нация была лишена определенного количества труда; желание отдыха индивидуального рабочего никогда не рассматривалось стоящим внимания».

Почему мы имеем такие «плохие» экономические законы? Просто потому что лендлоры и капиталисты были в правлении государства. Как замечает Ротбард: «законодательство было составлено в пользу феодальных лендлордов и в ущерб работникам» в то время как парламент «состоял в основном из лендлордов». В Массачусетсе верхняя палата состояла из «богатейших коммерсантов и владельцев земли». Меркантилисты, замечает он, но не задумывается, «были честно заинтересованы в эксплуатации труда рабочих по максимуму». [Op. Cit., стр. 44, 46, 47, 51, 48, 51, 47, 54, 47]

Эти политики имеют смысл с классовой точки зрения, они были необходимы для максимизации доходов, которые потом инвестировались в развитие индустрии. Как таковые, они были очень успешны и проложили основание индустриального капитализма в 19 веке.

Ключевая перемена при переходе от меркантилизма к собственно капитализму состоит в усилении экономической власти, поскольку рабочий класс успешно лишён средств к существованию и нет нужды столь же часто взывать к власти политической, которая порой несговорчива, по крайней мере, в риторике.

Обсуждая попытки работодателей в Массачусетсе в 1670 и 1672 годах заставить государство ввести максимальные зарплаты, Ротбард высказал мнение, что «отсутствует понимание того, как устанавливаются зарплаты в ненарушенном рынке». [Conceived in Liberty, том 2, стр. 18] В противоположность этому, дорогой профессор, работодатели прекрасно знали, как устанавливаются зарплаты на рынке, где господствуют работники, и следовательно, использовали государство, чтобы изменить рынок. Они делали так начиная с рассвета капитализма. В отличие от некоторых экономистов, они полностью знали о правде «гармонии интересов» и вели себя соответственно.

Как мы документировали в разделе F.8, история капитализма полна случаями, когда капиталистический класс использует государство, чтобы воплотить в жизнь

«гармонию интересов», которую хозяева всегда искали — послушание. Государственное вмешательство продолжается по сей день, и на практике капиталистический класс никогда полностью не полагался на экономическую власть, чтобы обеспечить свое господство, из-за нестабильности капиталистического рынка — смотри раздел C.7. Деструктивный эффект рыночных сил на общество и желание поддерживать свою позицию в экономике в ущерб рабочему классу — смотри раздел D.1.

Важно то, что текущая практика капитализма и его история не были достаточными, чтобы рассеять убеждение Ротбарда о «гармонии интересов». Но, Ротбард всегда старался подчеркнуть, что как хороший австрийский экономист, эмпирическое испытание не подтверждает и не опровергает теорию, и поэтому история и практика капитализма мало значит, когда мы оцениваем за и против этой системы (если только история подтверждает идеологию Ротбарда, тогда он делает многочисленные эмпирические выводы).

Для Ротбарда, очевидный класс, которому нужны такие политики, отсутствует. Вместо этого, мы получаем жалкие комментарии, что только «определенные коммерсанты и фабриканты получали выгоду из этих меркантилистских законов». [The Logic of Action II, стр. 44] Он прибегал к той же близорукой точке зрения к капитализму, существующему в наше время, конечно, жалуясь на использование государства определенными капиталистами как на продукт экономической необразованности и/или особые интересы, присущие капиталистам в вопросе. Он просто не мог увидеть лес за деревьями.

Близорукость не ограничивалась Ротбардом. Бастиа сформулировал свою теорию «гармонии интересов» точно в тот момент, когда классовая борьба между работниками и капиталистами стала угрозой социальному порядку, когда распространялись социалистические идеи всех видов (включая анархизм, которому Бастиа открыто противостоял) и рабочее движение незаконно организовывалось, потому что государства большинства стран запретили его. Он распространял представление, что рабочие и боссы имеют общие интересы, когда на практике было очевидно, что они не имеют общих интересов. «Гармония», которая существовала, была следствием государственного подавления рабочего движения, сама по себе странная необходимость, если бы труд и капитал имели общие интересы.

История капитализма вызывает проблемы внутри «анархо»-капитализма так как оно утверждает, что все получают выгоду от рыночного обмена и это, а не принуждение, производит более быстрый экономический рост. Если дело в этом, почему некоторые люди отвергают рынок, для того чтобы обогатить себя политическими методами и, логически, ввергают себя в бедность в долгой перспективе (через долгое время)?

И почему класс, доминирующий в экономике, в общем случае также контролировал государство? В конце концов, если не существует классового интереса или конфликта, тогда почему класс, владеющий собственностью, всегда искал государственную помощь, чтобы исказить экономику в свою пользу? Если бы классы имели гармонические интересы, тогда им не пришлось бы поддерживать свою позицию и они не искали бы способы так сделать. Все же государственная политика всегда отражала нужды элиты, владеющей собственностью — подвергаясь давлению снизу, конечно. (как сбивчиво отмечает Ротбард, не обдумывая очевидные последствия,

«крестьяне и городские трудящиеся и ремесленники никогда не имели возможности контролировать государственный аппарат и поэтому были внизу организованной государством пирамиды и эксплуатировались правящими группами». [Conceived in Liberty, том 1, стр. 260]).

Это не совпадение, что рабочий класс не имел возможности контролировать государство и что законы «отвратительно способствовали богатым против бедных». [William Godwin, Op. Cit., стр. 93] Они принимают законы, в конце концов. Эта долгая и продолжающаяся анти-рабочая интервенция в рынок проливает новый свет на мнение Ротбарда, что правительство это заговор против сверх человека!

Когда правые либертарианцы утверждают, что существует гармония интересов между классами в ненарушенном рынке, анархисты просто отвечают, указывая на то, что мы имеем «нарушенный» рынок и это показывает, что такая вещь не существует внутри капитализма. Конечно, будет аргументировано, что правые либертарианцы против государственного вмешательства для капиталистов (за пределами защиты их собственности, что является существенным использованием государственной силы само по себе) и что их политические идеи стремятся остановить это. Это является правдой (для воплощения их идей в жизнь понадобится революция).

Как бы то ни было, сам факт, что капиталистический класс обратился к государству, чтобы укрепить свою экономическую власть, показывает, что право-либертарианская гармония интересов (на которую они обращают внимание как на основание своего нового порядка) просто не существует. Если бы она существовала, тогда бы класс, обладающий собственностью, никогда бы не обратился к государству за помощью и не потерпел бы, что «определенные» его члены так делают.

Если бы существовала гармония интересов между классами, тогда боссы бы не отправляли эскадроны смерти, чтобы убить протестующих рабочих, как они это обычно делали (и надо отметить, что организаторы либертарных профсоюзов были убиты боссами и их дружинниками, включая линчевание членов IWW (Индустриальные рабочие мира) и организованные бизнесом эскадроны смерти против членов CNT в Барселоне). Это использование частного и публичного насилия не должно быть удивительным, как заметил мексиканский анархист Рикардо Флорес Магон, не может существовать настоящее содружество между классами, «потому что класс, обладающий собственностью, всегда склонен увековечить экономическую, политическую и социальную систему, которая гарантирует ему спокойное наслаждение в его хищениях, в то время как рабочий класс прилагает усилия, чтобы уничтожить эту несправедливую систему». [Dreams of Freedom, стр. 139]

Очевидная ненависть Ротбарда к профсоюзам и забастовкам может быть объяснена идеологической склонностью к «гармонии интересов». Потому что забастовки и необходимость рабочего класса в организации показывает ложь доктрины «гармонии интересов» между хозяевами и работниками, которую апологеты капитализма вроде Ротбарда предполагали лежащей в основе производственных отношений. Хуже того, они делают правдоподобным понятие, что существуют противоположные интересы между классами. Странно, Ротбард сам предоставляет более чем достаточные доказательства, чтобы опровергнуть собственные догмы, когда изучает государственное вмешательство в рынок.

Каждый правящий класс стремится отрицать, что они имеет интересы, отличные от интересов людей, которыми он управляет. Важно то, что те, кто отрицают классовую борьбу больше всего, обычно те, кто больше всего задействованы в классовой борьбе (например, Муссолини, Пиночет и Тэтчер все утверждали конец классовой борьбы, в то время как в Америке правые республиканцы объявляют каждого, кто указывает на результаты их классовой войны с рабочим классом как защитников «классовой войны»).

Элиты давно знали, как сказал черный националист Стив Бико, что «самое мощное оружие в руках угнетателя это разум угнетенных». Защитники рабства и крепостничества представляли это как волю бога и что обязанностью хозяина было хорошо обращаться с рабом, также как обязанностью раба было подчиняться (в то же время, конечно, обвиняя раба, если хозяин не выполнял свою сторону договора). Каждая иерархическая система имеет свою версию позиции «гармонии интересов» и каждое иерархическое общество, которое заменяет предыдущее, издевается над предыдущей версией и в то же время торжественно объявляет, что в этом обществе по-настоящему есть гармония интересов как его основополагающий принцип.

Капитализм не исключение, со многими экономистами, повторяющими мантру, которую каждый босс говорил, начиная с начала времен, а именно что работники и их хозяева имеют общие интересы. Как обычно, стоит процитировать Ротбарда по этому вопросу. Он (справедливо) разоблачает защитника «гармонии интересов» в версии хозяина рабов, и делая так, он показывает роль экономики при капитализме. Цитируем Ротбарда:

«Растущее отчуждение рабов и слуг вело… олигархию попытаться получить их верность, рационализируя их тяжелую долю как что-то естественное, справедливое и божественное. Так тираны всегда пытались обмануть своих подчиненных и заставить их одобрить — или по крайней мере смириться — свою судьбу… Слуги, по словам не слуги Реверенда Самуэлла Уилларда, были обязаны почитать и слушаться своих хозяев, чтобы служить им усердно и весело, и быть терпеливыми и покорными даже с самым жестоким хозяином. Действительно удобная идеология для хозяев! … Все, что подчиненный должен был делать, вкратце, сдать свой данный при рождении дар свободы и независимости, чтобы подвергать себя полностью прихотям и командам других, которым можно было бы затем слепо доверить заботиться о себе на постоянной основе.

«Несмотря на мифы идеологии и угрозу кнута, слуги и рабы находили многие способы протестовать и бунтовать. Хозяева постоянно осуждали слуг за непослушание, угрюмость и лень». [Conceived in Liberty, том 2, стр. 18-19]

Поменяйте Реверенда Самуэлла Уилларда на не-рабочего профессора Мюррея Ротбарда и вы получите краткое определение роли, которую экономика играет при капитализме. Существуют различия.

Ключевое различие в том, что в то время как Уиллард хотел постоянное рабство, Ротбард добивался временной формы и позволял работникам менять хозяев. В то время как Уиллард обращался к кнуту и государству, Ротбард обращался к абсолютной частной собственности и капиталистическому рынку, чтобы обеспечить продажу работниками своей свободы правящему классу (неудивительно, так как Уиллард жил в экономике, где работники имели доступ к земле и инструментам, в то время

как во времена Ротбарда классовая монополизация средств жизни была полной и у работников было мало альтернатив. Они могли только продать свою свободу имущему классу).

Ротбард не стремился запретить профсоюзы и забастовки. Он утверждал, что его система абсолютных прав собственности сделает просто невозможной организацию профсоюзов и приведет к неуспеху любую другую форму коллективного действия. Даже базовое пикетирование будет невозможным, потому что, как отмечал Ротбард много раз, тротуар перед рабочим местом будет во владении босса, который запретит пикетирование, так же как запретит профсоюзы. Таким образом, частная собственность и экономическая власть сделают коллективную борьбу де факто незаконной, а не де юре незаконность, которую бы приняло государство в интересах капиталистов.

Он сказал, что в то время как профсоюзы «теоретически совместимы с существованием свободного рынка», он сомневался, что это возможно, так как профсоюзы полагались на государство, чтобы быть нейтральными и чтобы их активность терпели, так как они «приобретают почти всю свою власть через применение силы, особенно силы против штрейкбрехеров и собственности работодателя». [The Logic of Action II, стр. 41] Таким образом, мы обнаруживаем, что правые «либертарианцы» поддерживают «защитное» насилие (т. е. которое ограничено защитой собственности и власти капиталистов и лендлордов) и в то же время осуждая как насилие любое действие людей, подвергающихся насилию.

Ротбард, конечно, позволял работникам оставлять свое рабочее место, чтобы искать другую работу, если они чувствовали себя эксплуатируемыми. Со всей своей очевидной ненавистью к профсоюзам и забастовкам, Ротбард не спрашивает самый основной вопрос — если не существует столкновения интересов между трудом и капиталом, почему тогда существуют профсоюзы и почему боссы всегда противостояли им (часто с жестокостью)? И почему капитал всегда обращался за помощью к государству, чтобы поддержать свои позиции на рынке труда?

Если бы действительно существовала гармония интересов между классами, тогда капитал не обращался бы постоянно к государству, чтобы раздавить рабочее движение. Для анархистов, причины очевидны, также как причины того, что боссы всегда отрицали любые столкновения интересов «в интересах капитала не дать рабочим понять, что они зарплатные рабы. 'Одинаковость интересов' и мошенничество является одним из способов сделать это. Все те, кто получают выгоду от зарплатного рабства заинтересованы в сохранении системы, и все они естественно пытаются предотвратить рабочих от понимания ситуации». [Berkman, Op. Cit., стр. 77]

Громогласный анти-юнионизм Ротбарда и его очевидное желание сделать любую форму коллективных действий рабочих невозможной на практике, если не в законе, показывает, как экономика заменила религию как контрольный механизм. В любой иерархической системе имеет смысл для хозяев индоктринировать подчиненный класс корыстным вздором, но только капиталисты имеют преимущество, потому что их доктрина называется наукой, а не, скажем, религией.

Даже здесь, параллели близки. Как заметил Колин Вард, «так называемые правые либертарианцы» просто «поклоняются рыночной экономике». [Talking Anarchy, стр. 76] В то время как Уиллард отсылал к богу как основе естественного порядка, Ротбард обращался к науке и это не было научно из-за идеологического априоризма

австрийской экономики. Как сказал в своей уничтожающей рецензии на одну из его экономических книг Винч: «главный смысл книги показать, что никогда не существовавшая страна совершенного свободного рынка представляет лучший из всех мыслимых миров и дает максимальное удовольствие всем участникам.

Все что угодно находится в свободном рынке… Окажется, что книга профессора Ротбарда больше похожа на систематическую теологию чем на экономику… Она будет интересна студенту социологии религии». D.N. Winch, The Economic Journal, vol. 74, No. 294, стр 481-2]

В заключение, лучше всего процитировать едкую критику Эммой Гольдман праволиберального индивидуализма, одной из форм которого является идеология Ротбарда. Она справедливо атакует «грубый индивидуализм, который является только замаскированной попыткой подавить и разрушить человека и его_ее индивидуальность.

Так называемый индивидуализм это социальный и экономический laissez-faire: эксплуатация масс классами с помощью обмана, духовного опустошения и систематической индоктринации рабского духа… Это коррумпированный и извращенный «индивидуализм» является смирительной рубашкой индивидуальности…

Грубый индивидуализм неизбежно привел к величайшему современному рабству, к самому грубому классовому неравенству… Грубый индивидуализм значил индивидуализм для хозяев, в то время как народ распределен в рабскую касту, чтобы служить горстке корыстных «суперменов»… и в чье имя защищается и считается за добродетель политическая тирания и социальное угнетение, в то время как любая попытка человека получить свободу и социальные возможности осуждается как … зло в честь того самого индивидуализма». [Red Emma Speaks, стр. 112]

В заключение. История и текущая практика капитализма показывают, что не может существовать гармония интересов в неравном обществе. Любой, кто утверждает обратное, не уделил достаточно внимания.

F.4 Какой позиции придерживаются правые «либертарианцы» в вопросе частной собственности?

Правые либертарианцы не заинтересованы в устранении капиталистической частной собственности и, следовательно, власти, угнетения и эксплуатации, которое идет вместе с ним. Они делают идола из частной собственности и утверждают что защищают «абсолютные» и «неограниченные» права собственности. В частности, налоги и воровство считаются одним из самых больших злодеяний, так как они включают в себя принуждение против «честно приобретенной» собственности.

Это правда, что они призывают к концу государства, но не потому что они заботятся об ограничениях свободы, испытываемых зарплатными рабами и арендаторами, но потому что они желают, чтобы капиталисты и лендлорды не были потревожены законными ограничениями, что они могут и что не могут делать на своей собственности. Анархисты подчеркивают, что правые «либертарианцы» не противостоят эксплуатации и угнетению рабочих (на самом деле, они отрицают, что это возможно при капитализме) но они не хотят, чтобы государство препятствовало капиталистической «свободе» эксплуатировать и угнетать рабочих еще больше, чем сейчас!

Поэтому они «против государства просто потому что они капиталисты в первую очередь». [Peter Marshall, Demanding the Impossible, стр. 564]

Должно быть очевидно, что причины, по которым кто-то против государства имеют значение, когда мы оцениваем претензии мыслителя на включение в анархистскую традицию. Например, социалистическое противостояние наемному труду было разделено сторонниками рабства в южных штатах Америки. Сторонники рабства говорили, что труд за зарплату хуже рабства потому, что владелец имел стимул присматривать за своей собственностью во время хороших и плохих времен, в то время как наемный работник остается голодать во время плохих времен.

Этот аргумент не помещает их в социалистический лагерь, так же как социалистическая оппозиция наемному труду не делает их сторонниками рабства. Как таковые, «анархо»-капиталистическая и право-«либертарианская» оппозиция государству не должна путаться с анархистской и лево-либертарианской оппозицией. Первые противостоят государству, потому что оно ограничивает капиталистическую власть, доходы и собственность, в то время как последние противостоят ему, потому что оно бастион для всех трех.

Более того, чествование капиталистами собственности как источника свободы игнорирует факт, что частная собственность это источник «тирании» (как мы показали в разделах B.3 и B.4, например). Как мы видели в разделе F.1, это ведет к довольно очевидному противоречию с самим собой ведущего «анархо»-капиталистического

идеолога. Как подчеркивал Толстой, «сохранение законов о земле и собственности держит работников в рабстве у владельцев земли и у капиталистов, даже если работники освобождены от налогов.» [The Slavery of Our Times, стр. 39-40] Малатеста:

«Один из базовых постулатов анархизма это отмена (классовой) монополии, будь то на землю, сырье или средства производства, и следовательно отмена эксплуатации труда теми, кто владеет средствами производства. Апроприация труда других людей с точки зрения анархистов и социалистов это кража». [Errico Malatesta: His Life and Ideas, стр. 167-168]

Анархисты могут расходиться во мнениях в других вопросах, но они объединяются в осуждении капиталистической собственности. Прудон утверждал, что собственность является кражей и деспотизмом, в то время как Штирнер показывал религиозную и государственную природу частной собственности и ее влияние на индивидуальную свободу, когда он написал:

«Собственность в буржуазном смысле означает священную собственность, и я должен 'уважать' твою собственность. 'Уважение перед собственностью'!...»

Но иначе обстоит дело с эгоистической точки зрения. Я не отступлю боязливо перед твоей и вашей собственностью; нет, я на нее буду всегда смотреть как на мою собственность, которую мне нет надобности «уважать». Поступайте и вы точно так же с тем, что вы называете моей собственностью!

«При таком взгляде на вещи мы, наверное, сумеем столковаться друг с другом.

«Политические либералы особенно заботятся о том, чтобы по возможности уничтожить все сервитутные повинности так чтобы каждый сделался свободным господином на своей земле, хотя бы эта земля была такой величины, что ее можно унавозить отбросами одного человека (ведь женился же под старость один крестьянин для того, 'чтобы воспользоваться отбросами своей жены'). Хоть что-нибудь – как бы оно ни было мало, – да свое, своя неотъемлемая собственность! Чем больше таких собственников, таких удобрителей, тем больше 'свободных людей и хороших патриотов' в государстве.»

«Политический либерализм, как и все религиозное, рассчитывает на уважение, гуманность, любовь. Поэтому он постоянно испытывает огорчения. В практической жизни люди ничего не уважают, и каждый день мелкие владения скупаются крупными собственниками, и 'свободные люди' превращаются в поденщиков.

«Если бы, наоборот, 'мелкие собственники' прониклись сознанием, что и крупная собственность принадлежит им, они бы не уступили ее и их бы нельзя было лишить обладания ею... Вместо того, чтобы ему принадлежал мир, ему в действительности не принадлежит даже та несчастная точка, на которой он вертится». [The Ego and Its Own, стр. 248-9]

В то время как разные анархисты имеют разные перспективы на то, что случится потом, мы критически относимся к существующей системе капиталистических прав собственности. Таким образом «анархо»-капиталист полностью отрицают одно из общих (и определяющих) черт всех анархических течений — оппозицию капиталистической собственности. От индивидуальных анархистов как Такер до анархо-коммунистов как Букчин, анархисты противостояли тому, что Вильям Годвин назвал «накопленной собственностью». Это происходило потому, что было в «прямом противоречии» с собственностью в форме «продукции, произведенной одним

работни_ком» и поэтому оно позволяет «одному человеку завладеть продукцией, произведенной другими людьми». [The Anarchist Reader, стр. 129-131]

Для анархистов, капиталистическая собственность это источник эксплуатации и доминации, а не свободы (она подрывает свободу, связанную с владением, создавая отношения доминации между владельцем и нанятым работником). Едва ли удивительно, что по словам Мюррея Букчина, Мюррей Ротбард «атаковал меня как анархиста с энергией, потому что, как он сказал, я против частной собственности». Букчин называет «анархо»-капиталистов «пропритарианцами». [«A Meditation on Anarchist Ethics», стр. 328-346, The Raven, no. 28, стр. 343]

Мы обсудим оправдание Ротбардом частной собственности «гомстэдингом» в следующем разделе. Однако, мы заметим здесь один аспект право-либертарианских абсолютных и неограниченных прав собственности, а именно что они производят плохие побочные эффекты, такие как иерархия и голод. Как заметил экономист и эксперт по массовому голоду Амартия Сен:

«Возьмем систему прав, основанных на правах владения, передачи и ректификации. В этой системе набор собственности разных людей считается справедливой (или несправедливой) рассматривая прошлую историю, а не проверяя последствия такого владения. Но что если последствия ужасны?…

Ссылаясь на некоторые результаты эмпирических исследований в работе про голод… предоставлены доказательства, которые показывают, что многие большие голоды в недавнем прошлом, в которых умерло миллионы людей, не было снижения количества пищи и голод произошел именно из-за изменений в собственности, произошедших из-за полностью легитимного применения права собственности…

Может ли массовый голод появляться в системе прав, которые морально защищали различные этические теории, включая теорию Нозика? Я считаю что прямой ответ это да, потому что для многих людей единственный ресурс, которым они законно владеют, это их рабочая сила, может оказаться непродаваемой на рынке и человек останется без еды… Если появляются такие результаты как голод, будет ли распределение собственности морально оправданным несмотря на катастрофические последствия? Есть что-то глубоко невероятное в утвердительном ответе». [Resources, Values and Development, стр. 311-312]

Неограниченные права собственности могут иметь серьезные плохие последствия и поэтому существование «честно приобретенной» собственности не подразумевает справедливое или свободное общество — далеко от этого. Неравенство, которое генерирует собственность, может нанести серьезный урон индивидуальной свободе (смотри раздел F.3). На самом деле, Мюррей Ротбард говорил что государство это зло не потому, что оно ограничивает индивидуальную свободу, но потому, что ресурсы, которыми оно обладает не были честно приобретены. Если бы они были, тогда государство могло бы отрицать свободу внутри своих границ как и любой другой владелец собственности. Таким образом, право-либертарианская теория судит о собственности не по влиянию, которое оно оказывает на существующую свободу, но смотря на прошлую историю.

Это имеет интересный побочный эффект, как мы отмечали в разделе F.1, позволяя своим сторонникам смотреть на капиталистические и государственные иерархии, признать их похожие негативные эффекты на свободу подчиненных, но утверждать,

что одно легитимно, а другое нет просто из-за их истории. Как если бы это изменило доминацию и несвободу, которая действует на людей, живущих сейчас!

Это вытекает из способа, которым «анархо»-капиталисты определяют свободу, а именно что несвободу вызывают намеренные действия других людей, которые нарушают твои (определенные правыми либертарианцами) права. («Мы определяем свободу... как отсутствие вторжения другим человеком на личность или собственность». [Rothbard, The Ethics of Liberty, p. 41]) Это значит что если никто намеренно не принуждает тебя, тогда ты свободен. Таким образом, действие капиталистической частной собственности можно отнести к «фактам природы» и игнорировать как источник несвободы. Однако, подумав, мы поймем, что это не так. Оба преднамеренные и непреднамеренные действия могут оставить людей без свободы. Простая аналогия покажет почему.

Предположим (в примере из замечательной книги Алана Хауорта Антилибертарианство (стр. 49)) что кто-то украл вас и поместил вас в глубокую (естественно сформированную) яму, далеко от людей, и из которой невозможно выбраться. Никто не будет отрицать, что вы несвободны. Давайте предположим дальше, что другой человек идет мимо и случайно падает в яму с вами.

В соответствии с правым либертарианством, в то время как вы несвободны (т. е. подверглись намеренному принуждению) ваш товарищ по несчастью совершенно свободен, потому что он подчиняется фактам природы, а не действию людей (намеренному или нет). Или, возможно, он_а «добровольно выбрала» оставаться в яме, в конце концов, это только факты природы ограничивают ее_его действия. Но, очевидно, вы оба в одинаковом положении, имеете одинаковые выборы и одинаково несвободны! Таким образом, определение свободы, которое утверждает, что только умышленные действия других — например, принуждение — уменьшает свободу, ошибочно. Другими словами, свобода это независимый путь и «силы рынка не могут обеспечить настоящие условия для свободы, так же как силы государства. Жертвы их обоих одинаково порабощены, отчуждены и угнетены». [Peter Marshall, Demanding the Impossible, стр. 565]

Стоит привести длинную цитату Хомского по этой теме:

«Рассмотрим, например, право-либертаринскую теорию юстиции... согласно этой теории, человек имеет право на все, что приобрел честным способом. Если, по счастливой случайности, трудом или изобретательностью, человек приобретает некоторые вещи, тогда он_а имеет право сохранить их и распоряжаться ими, как пожелает, и справедливое общество не будет нарушать это право.

«Можно легко определить, куда может привести такой принцип. Вполне возможно, что законными способами — скажем, удачей, дополненной контрактом, 'свободно' принятым под давлением нужды — один человек может получить контроль над жизненно важными вещами. Другие могут продать себя в рабство этому человеку, если он хочет принять их. В противном случае, они могут погибнуть. Без сомнительных дополнительных условий, общество справедливо.

«Аргумент имеет все достоинства доказательства, что 2+2=5... Предположим, что выдвинута некоторая концепция 'справедливого общества', которая не признает только что описанную ситуацию справедливой... Тогда можно прийти к одному из двух выводов. Мы можем заключить, что концепция просто неважна, не представ-

ляет интереса как руководство мысли и действия, потому что она не может быть правильно применена даже в таком элементарном случае, как этот.

«Или же мы можем прийти к выводу, что выдвинутая концепция должна быть отклонена, потому что не соответствует предварительному теоретическому понятию, которое она намерена охватить в очевидных случаях. Если наша интуитивная концепция справедливости достаточно ясна, чтобы управлять социальным устройством, описанным выше как очень несправедливым, тогда единственный интерес в демонстрации того что этот результат может быть справедливым при данной теории справедливости и мы приходим к логическому выводу reductio ad absurdum, к выводу что эта теория безнадежно неадекватна. Хотя это может захватить некоторую частичную интуицию в отношении справедливости, она, очевидно, пренебрегает другими.

«Настоящий вопрос, который должен быть поднят насчет теорий, которые полностью проваливаются охватить концепцию справедливости в его важном и интуитивном смысле, это почему они вызывают такой интерес. Почему они не отвергаются на основе своей неудачи, которая поражает в очевидных случаях? Возможно, ответ дал, частично, Эдвард Гринберг в дискуссии о недавней работе о правовой теории юстиции.

«После обзора опытных и концептуальных недостатков, он отмечает, что такая работа 'играет важную роль в процессе обвинения жертвы и защите собственности от эгалитарных натисков различных групп, не имеющих собственности.' Идеологическая защита привилегий, эксплуатации и частной власти будет приветствоваться, независимо от своих достоинств.

«Эти вопросы играют немаловажную роль для бедных и угнетенных здесь и по всему миру». [The Chomsky Reader, стр. 187-188]

Воспевание прав собственности всегда больше всего защищалось теми, у кого есть большая часть собственности в обществе. Это понятно, потому что у них есть наибольшая выгода от этого. Те, кто хочет повысить свободу в обществе, будут достаточно мудры, чтобы понять это и отвергнут права собственности.

Защита капиталистической собственности имеет один интересный побочный эффект, а именно что появляется необходимость защищать неравенство и авторитарные отношения, которые создает неравенство. Из-за (капиталистической) частной собственности, наемный труд будет все еще существовать при «анархо»-капитализме (в конце концов это капитализм). Это значит, что необходима защитная сила, государство, чтобы защищать эксплуатацию, угнетение, иерархию и власть от тех, кто страдает от них. Неравенство делает посмешище из свободного соглашения и согласия, как мы продолжительно подчеркиваем. Как указывал Кропоткин давно:

«Когда работник продает свой труд нанимателю… это посмешище называть это свободным контрактом. Современные экономисты могут называть его свободным, но отец политической экономии — Адам Смит — не был виноват в таком неправильном названии. Пока три четверти человечества вынуждены вступать в такие контракты, конечно, необходима сила, чтобы обеспечивать предполагаемые контракты и поддерживать такое положение вещей. Сила — много силы — необходимо, чтобы предотвратить захват трудящимися собственности, которую несправедливо апроприировало меньшинство…

Партия Спенсера (прото правые либертарианцы) прекрасно понимала это; и в то время как они предлагают не применять силу, чтобы поменять существующие условия, они поддерживают еще большую силу, чтобы сохранить их. Анархия очевидно не совместима с плутократией, так же как и с другой формой -кратии». [Anarchism and Anarchist Communism, стр. 52-53]

Из-за необходимости защищать привилегии и власть, «анархо»-капитализм лучше всего называть капитализмом частного государства. Как утверждают анархисты Стюарт Кристи и Альберт Мельцер, «американский нефтяной барон, который насмехается над любой формой государственного вмешательства в его способ ведения бизнеса — то есть в эксплуатацию людей и природы — также может отменить государство в определенной степени. Но он должен построить собственную репрессивную машину (армию шерифов, чтобы защищать свои интересы) и берет на себя, насколько он может, функции, обычно исполняемые государством, исключая любые тенденции государства, которые могут стать препятствием в погоне за богатством». [Floodgates of Anarchy, стр. 12]

Неудивительно что «анархо»-капиталисты предлагают частные защитные силы вместо государственных защитных сил (полиция и армия) — предложение которое эквивалентно возвращению государства под другим именем. Это будет больше обсуждаться в разделе F.6.

Защищая частную собственность, правые либертарианцы противоречат многим своим другим утверждениям. Например, они имеют тенденцию противостоять цензуре и попыткам ограничить свободу ассоциаций, когда участвует государство, но они будут искренне поддерживать право босса или лэндлорда, когда они запрещают профсоюзы или люди говорят о профсоюзах на их собственности. Они буду противостоять закрытым цехам, когда они созданы рабочими, но не против, когда боссы делают обязательным условием вступления в должность, вступление в союз компании. Также они говорят, что поддерживают право людей путешествовать, куда они хотят. Они делают это утверждение, потому что они полагают, что только государство ограничивает свободу передвижения, но это ошибочное предположение. Владельцы должны согласиться впустить тебя на их землю или собственность. («люди имеют только право передвигаться на той собственности и земле, где собственники желают сдавать в аренду или продавать им». [Murray Rothbard, The Ethics of Liberty, стр. 119])

Не существует свободы передвижения на частной собственности (включая частные дороги). Поэтому иммиграция может быть такой же сложной при «анархо»-капитализме, как и при этатизме (в конце концов, государство, как владелец собственности, впускает только тех людей, которых хочет впускать). Частная собственность, как можно видеть из этих простых примеров, является мелкомасштабным государством. Говоря, что они различаются, потому что это делает босс, не убеждает любого настоящего либертария.

Существуют другие способы жизни. Правые «либертарианцы» в общем утверждают, что люди могут быть настолько коммунистами, насколько они хотят, на их частной собственности. Они не замечают, что все группы не будут иметь выбора и будут жить при законах, основанных на самых жестких и экстремальных интерпретациях прав собственности и будут выживать при экономическом давлении, которое такой

режим будет производить. Если община не сможет выжить на капиталистическом рынке, тогда, с их точки зрения, она заслуживает свою судьбу.

Этот социально-дарвинистский подход к социальной организации основан на многочисленных заблуждениях. Он путает рыночную цену чего-либо с его важностью; он путает капитализм с продуктивной активностью в общем; и он путает доходы с активностью, делающей вклад в социальное и индивидуальное благополучие; он путает свободу с возможностью выбрать хозяина, а не отсутствием хозяина. Разумеется, они считают капитализм самой эффективной экономической системой и полагают, что капитализм выиграет в соревновании со всеми другими системами. Этому, очевидно, будет очень помогать свод законов, который является капиталистическим по своей природе.

F.4.1 Что не так с теорией собственности «гомстэдинга»?

Как «анархо»-капиталисты оправдывают собственность? Смотря на Мюррея Ротбарда, мы узнаем, что он предлагает теорию собственности гомстэдинга. В этой теории утверждается, что собственность происходит из занятия и смешивания труда с естественными источниками (которые предполагаются находящимися не в собственности). Таким образом мир превращается в частную собственность, так как «право на ничейные ресурсы (такие как земля) происходит только из затрат труда, которые расходуются чтобы преобразовать этот ресурсы». [The Ethics of Liberty, стр. 63]

Его теория, нужно отметить, имеет свои корни в той же Локковской традиции, как и теория Роберта Нозика (которая была раскритикована в разделе B.3.4). Как Локк, Ротбард рисует концептуальную историю людей и семей, которые строят дом в дикой местности своим собственным трудом (соблазнительно переименовать его теорию в «безукоризненную концепцию собственности» так как его концептуальная теория сильно различается с актуальными историческими фактами).

Его единственная инновация (если это можно назвать так) была в том, что он отрицал даже риторическую важность, того, что часто называется оговоркой Локка, а именно понятие, что общие ресурсы могут быть присвоены только если другим хватает собственности. Как мы отмечали в разделе E.4.2 это было потому, что это могло привести (ужас из ужасов!) к незаконности всей частной собственности.

К сожалению для Ротбарда, его теория гомстэдинга была опровергнута Прудоном в «Что такое собственность» в 1840 году (вместе с другими оправданиями собственности). Прудон справедливо отмечал, что «свобода человека священна, она одинакова священна во всех людях; то есть, если он нуждается в собственности для объективного действия, то есть для своей жизни, аппроприация материального одинаково необходима всем…

Из этого следует, что один человек не может помешать другому… присвоить количество собственности равной его, и он не может помешать людям приходить». И если все доступные ресурсы присвоены, и владелец «рисует границы, строит заборы. Таким образом, здесь есть участок земли, на который никто отныне не имеет права вступить, исключая владельца и его друзей… Дайте этому продолжиться, и скоро у

людей не будет места? чтобы отдыхать, нет места чтобы жить. Они умрут у дверей собственника, на границе собственности, которая принадлежала им по рождению». [What is Property?, стр. 84-85, 118]

Гений Прудона лежал в обращении защиты частной собственности против нее, обращаясь к ней как к абсолютной и универсальной, как и ее апологеты обращались к самой собственности. На утверждения Ротбарда, что собственность это естественное право, он объяснил, что сущность таких прав в их универсальности и что частная собственность обеспечила, что это право не может быть дано всем. К утверждениям, что труд создает собственность, он просто заметил, что частная собственность обеспечила, что большинство людей не имеет собственности, на которой нужно работать и поэтому результаты этого труда принадлежат тому, кто имеет собственность.

Что касается размещения, он просто заметил, что большинство собственников не занимают всю собственность которая у них есть, в то время как те, кто используют ее, не владеют собственностью. В таких обстоятельствах, как может размещение оправдывать собственность, когда собственность исключает размещение? Прудон показал, что защитники собственности должны выбрать между собственным интересом и принципом, между лицемерием и логикой.

Ротбард выбирает первое перед последним и его теория просто логическое обоснование для специфической системы прав собственности, основанной на классе. («Мы те кто принадлежит к классу пролетариата, собственность разъединяет нас!» [P-J Proudhon, Op. Cit., стр. 105]) Как Ротбард сам признавал в отношении последствий рабства и крепостничества, отсутствие доступа к средствам для жизни помещает человека в несправедливую зависимость к тем, кто имеет и поэтому частная собственность создает экономическую власть при его любимом капитализме так же, как она создает при пост-рабстве (смотри раздел F.1). Таким образом, рассуждения Ротбарда, при всей их интуитивной привлекательности, заканчиваются оправдывая капиталистическую и землевладельческую доминацию и гарантируют, что большинство населения будет испытывать собственность как кражу и деспотизм а не источник свободы и силы (что дает владение).

Также кажется странным, что в то время как (правильно) атакуя теорию общественного договора государства как недействительную (потому что «предыдущие поколения не могут ограничивать последующие поколения» [Op. Cit., стр. 145]) он не может видеть, что он делает то же самое со своей поддержкой частной собственности (похожим образом, Айн Рэнд говорила, что «любое утверждаемое право человека, которое обуславливает необходимость нарушения прав других, не является и не может быть правом» но, очевидно, присвоение земли нарушает право других ходить, использовать или присваивать землю. [Capitalism: The Unknown Ideal, стр. 325])

Из-за своей поддержки аппроприации и наследования, Ротбард ясно показывает, что будущие поколения будут не такими свободными как первые поселенцы (в конце концов, они не могут аппроприировать никакой земли, она вся уже принадлежит кому-то!). Если будущие поколения не могут быть связаны прошлыми, это относится также ко всем ресурсам и правам собственности. То, что анархисты давно поняли — нет разумной причины, почему те, кто первый приобрел собственность должны контролировать ее использование и исключать будущие поколения.

Даже если мы примем теорию Ротбарда за чистую монету, мы найдем многочисленные проблемы в ней. Если право на ничейные ресурсы происходит из затрат труда на них, как могут реки, озера и океаны быть апроприированными? Берега рек могут быть трансформированы, но сами реки? Как ты можешь смешать свой труд с водой? «Анархо»-капиталисты обычно обвиняют в загрязнении факт того, что реки, океаны и так далее никому не принадлежат, но как мы обсуждали в разделе Е.4, Ротбард не предоставил ясного аргумента для решения этой проблемы и проблемы загрязнений, которую он должен был решить (на самом деле, он закончил тем, что предоставил загрязнителям достаточную апологетику, чтобы позволить им продолжать уничтожать планету).

Существует вопрос, что считать «смешиванием» труда. Значит ли огораживание земли, что ты смешал свой труд с ней? Ротбард утверждает, что это не так (он выражает оппозицию «произвольным требованиям»). Он замечает, что это не тот случай, когда «первооткрыватель… может должным образом претендовать на кусок земли, построив забор для своего участка». Он думает, что «они претендуют не на большее, чем на сам забор, а не на землю внутри забора, так как только граница участка была трансформирована и использована людьми».

Однако, если забор это частная собственность и владелец запрещает другим пересекать его, тогда огороженная земля недоступна другим! Если право-либертарианский предприниматель построит забор вокруг оазиса в пустыне и откажет путешественникам посещать его, если они не заплатят его цену (которая очень высока) тогда человек аппроприировал оазис без «трансформации» его своим трудом. Путешественники имеют выбор заплатить цену или умереть (и любой владелец оазиса имеет право позволить им умереть).

По комментариям Ротбарда, это возможно, что он мог утверждать что такие границы не имеют законной силы, так как они позволяют произвольные требования — хотя его позиция не ясна. В конце концов, строитель забора преобразовал границы и неограниченные права собственности это то, что любят правые либертарианцы. Одна вещь правдива, если оазис станет каким-либо способом частным, тогда не дать воду путешественникам будет нормальным, так как «владелец никого не принуждает, на самом деле он поставляет жизненно важные услуги, и должен иметь право отказать в продаже или запросить какую угодно цену.

Эта ситуация может быть несчастливой для клиентов, как и многие ситуации в жизни». [Op. Cit., стр. 50, 221] То, что владелец поставляет жизненно важные услуги, только потому что, что он завладел общим наследием человечества, Ротбард так же не замечает, как и то, что эта ситуация создает очевидную экономическую власть.

И, конечно, Ротбард игнорирует факт экономической власти — транснациональная корпорация может «трансформировать» гораздо больше нетронутых ресурсов, наняв работников, чем семья может за год. Транснациональное смешивание труда, которое оно купило у зарплатных рабов, с землей не возникает в уме, когда читаешь рассуждения Ротбарда о собственности, но в жизни это случается. Это, возможно, неудивительно, так как весь смысл теории Локка был в оправдании аппроппriации продукта труда людей их нанимателем.

Другая проблема в рассуждениях Ротбарда. Оно совсем неисторично (и, как мы заметили выше, больше похоже на «безукоризненную концепцию собственности»).

Он переместил «капиталистического человека» в начало времен и сконструировал историю собственности основываясь на том, что он хотел оправдать. Он игнорирует неудобный исторический факт что земля была в общей собственности в течение тысячелетия и что понятие смешивания труда, чтобы огородить землю было изобретено, чтобы оправдать экспроприацию земель у общего населения (и у туземного населения) богатыми. Интересно отметить, что то, что по-настоящему происходило в фронтирах США (исторический пример, который Ротбард берет на вооружение) было далеко от индивидуалистической структуры, которую он рисует, и (достаточно иронично) это было разрушено последующим развитием капитализма.

Ка замечает Мюррей Букчин, в деревенских областях «развилось скромное натуральное сельское хозяйство, что позволило им быть почти полностью самодостаточными и им нужно было мало, если вообще нужно, денег». Экономика имела корни на бартере, фермеры обменивали излишки с близлежащими ремесленниками. Докапиталистическая экономика значила, что люди наслаждались «свободой от служения другим» и «способствовала крепкой готовности защищаться от незваных коммерческих гостей. Это состояние, близкое к автаркии, однако, не было индивидуалистическим; оно было сильной общинной взаимозависимостью…

На самом деле, независимость, которой наслаждались мелкие землевладельцы Новой Англии, была функцией кооперативной социальной базы, из которой она происходила. Обмен сделанных дома товаров и объектов, пользование общими инструментами и инвентарем, занятие общим трудом во время сбора урожая в системе взаимной помощи, помощь новичкам в строительстве сарая, чистке кукурузы, перекатывании бревна и так далее, был незаменимым цементом, который связывал разрозненные фермы в крепкую общину». Букчин цитирует Дэвида П. Сзаматри (автора книги о восстании Шейса) говоря, что это было общество, основанное на «кооперативном, ориентированном на общину обмене» и не было «соревновательным обществом». [The Third Revolution, том 1, стр. 233]

В это некапиталистическое общество пришли капиталистические элементы. Силы рынка и экономическая власть скоро привели к трансформации этого общества. Торговцы просили плату в деньгах (золотые или серебряные монеты), которых у фермеров не было. В дополнение, деньги требовались чтобы платить налоги (налоги всегда были ключевым способом, которым государство поощряло трансформацию в сторону капитализма, так как деньги могли быть добыты только работой на тех, кто имел их). «Владельцы местных магазинов уговаривали фермеров платить все платежи и долги в деньгах, а не товарами. Так как у фермеров не было денег, владельцы магазинов давали им краткосрочный кредит для их покупок.

Через время, многие фермеры оказались в больших долгах и не могли выплатить свои долги, особенно в деньгах». Кредиторы обратились к судам и многие гомстэдеры были лишены своей земли и товаров, чтобы выплатить долги. В ответ началось восстание Шейса, так как «городские коммерческие элиты категорически сопротивлялись всем мирным петициям, в то время как государственные законодатели также оказались глухи к просьбам», потому что они находились под сильным влиянием тех же самых элит.

Восстание было важным фактором в централизации государственной власти в Америке, чтобы гарантировать, что народное влияние и контроль над правитель-

ством были маргинализованы и чтобы богатые элиты и их права собственности были защищены от народа. («Элита и обеспеченные слои населения мобилизовались в большой силе, чтобы поддержать инструмент, который ясно давал им выгоду за счет провинциальных аграриев и городских бедных».) [Bookchin, Op. Cit., стр. 234, 235, 243]) Таким образом, система гомстэдинга была, что иронично, подорвана и разрушена возвышением капитализма (как обычно, при помощи государства, управляемого богатыми).

В то время как теория Ротбарда как определенный призыв (мы представляем, что он смотрел слишком много вестернов) проваливается оправдать теорию «неограниченных» прав собственности (и теорию свободы, которую Ротбард получает из нее). Все что она делает это защищает капиталистическую и землевладельческую доминацию (для чего она и была предназначена).

F.5 Повысит ли свободу приватизация общественной собственности?

«Анархо»-капиталисты стремятся к ситуации, в которой «ни один участок земли, ни один квадратный метр земли в мире не остался бы общественным», другими словами чтобы все было «приватизировано». [Murray Rothbard, Nations by Consent, стр. 84] Они утверждают что приватизация «общего» (то есть дорог, парков, и т. д.), которое сейчас бесплатно доступно всем повысит свободу. Правда ли это? Здесь мы коснемся частного владения общественной собственностью, которую мы считаем само собой разумеющейся (и часто платим налоги за это).

Ясно даже из краткого рассмотрения гипотетического общества, основанного на приватизированных дорогах (как предложил Мюррей Ротбард [For a New Liberty, стр. 202-203] и Дэвид Фридман [The Machinery of Freedom, стр. 98-101]) что единственное повышение свободы будет только для правящей элиты. Так как «анархо»-капитализм основан на плате за то, что ты используешь, приватизация дорог потребует некоторый метод слежения за людьми, чтобы обеспечить, чтобы они платили за дороги, которые они используют. В Великобритании, например, во время 1980-ых правительство тори рассматривало идею платных автострад.

Очевидно, платные кабинки на автомагистралях будут препятствовать их использованию и ограничат «свободу», поэтому они пришли к идее трэкинга машин спутниками. Каждая машина будет иметь отслеживающее устройство, установленное на нем и спутник будет записывать, куда люди ездили и какую дорогу использовали.

Им присылали счета или деньги списывались с их банковского счета (в фашистском городе-государстве Сингапуре такая схема была представлена). В Лондоне, местное правительство представило схему, которая позволяла людям платить за публичный транспорт электронной картой. Это также позволило правительству сохранить детализированные записи того, когда и где люди передвигались, с очевидными последствиями для гражданской свободы.

Если мы экстраполируем эту систему до полной приватизации, понадобится надеть на всех людей следящие устройства, чтобы взимать с них деньги за использование дорог, тротуаров и т. д. Очевидно, что быть под слежкой частных фирм будет серьезной угрозой индивидуальной свободе.

Другой, менее дорогой, способ будет в том, что частные охранники будут случайно останавливать и спрашивать владельцев машин и прохожих, заплатили ли они за использование дороги или тротуара. «Паразиты» будут арестованы и оштрафованы или заперты. Снова, однако, люди в униформе, останавливающие и спрашивающие людей, имеют больше общего с полицейским государством, а не свободой. Установить платную кабинку на каждой улице будет крайне невыполнимо из-за связанных расходов и трудностей. Таким образом, идея приватизировать дороги и взимать

деньги с водителей, чтобы получить доступ к дорогам, кажется непрактичной в лучшем случае и угрожающей свободе в худшем случае. Устранится ли все беспокойство о гражданской свободе, если дать компаниям информацию о всех путешественниках, включая пешеходов?

Конечно, опция для владельцев позволить пользователям иметь бесплатный доступ к дорогам и тротуарам, которые они построили и поддерживают, будет трудной для компаний, основанных на доходе. Никто не сможет получить доходы в таком случае. Если компании платят чтобы построить дороги для использования своими клиентами/работниками, они будут финансово затруднены в конкуренции с другими компаниями, которые открыли доступ для всех, и таким образом, скорее всего так не сделают.

Если они ограничили доступ только своими клиентами, снова появляется проблема слежки. Затраты на создание транспортной сети и потом поддерживание ее объясняют, почему капитализм всегда обращался к помощи государства, чтобы обеспечить инфраструктуру (потенциальная власть владельцев таких инвестиций в запрашивании монопольных цен другим капиталистам объясняет, почему государства также часто регулировали транспорт).

Кто-то может возразить что эта картина всеобщего слежения за людьми не появится или не будет возможной. Однако, Мюррей Ротбард (в немного другом контексте) утверждал, что будет доступна технология, чтобы собирать информацию о людях. Он говорил, что: «следует отметить, что современные технологии делают еще более выполнимой сбор и сохранение данных о кредитных рейтингах людей и записи о выполнении или нарушении их контрактов или арбитражных соглашений. Предположительно, в анархистском (sic!) обществе будет расширен такого рода сбор данных». [Society Without A State», стр. 199]

С тотальной приватизацией мы можем также видеть появление частных Больших Братьев, собирающих информацию об индивидуумах для использования владельцами собственности. Пример Экономической Лиги приходит на ум (британская компания, которая предоставляла «услуги» слежения за политической принадлежностью и активностью работников для их нанимателей).

И, конечно, эти предложения приватизации игнорируют разницу в доходах и рыночной силе. Если, например, используются переменные цены чтобы уменьшить использование дороги в пик спроса, (чтобы устранить пробки в час пик) как предлагали Мюррей Ротбард и Давид Фридман, тогда богатые будут иметь больше свободы передвижения, чем остальное население. Мы даже можем увидеть людей, влезающих в долги, чтобы добраться до работы или ездящих, чтобы найти работу.

Другая проблема в понятии тотальной приватизации это то, что она подразумевает конец свободы передвижения. Если ты не получишь разрешения или (и это кажется больше возможным) не заплатишь за доступ, ты не сможешь никуда путешествовать. Как дает понять Ротбард, «анархо»-капитализм значит конец права путешествовать и бродить. Он говорит, что «мне стало ясно, что полностью приватизированная страна не будет иметь открытых границ совсем. Если каждый кусок земли в стране принадлежит кому-то… иммигрант не может въехать туда, если не приглашен и не имеет разрешение на аренду или покупку собственности».

Не объясняется, что будет с теми, кто не сможет платить за доступ или перемещение, т. е. выход (возможно, не имея возможности выйти из данной земли капиталиста, они станут подневольными работниками? Или они сядут в тюрьму и будут использованы, чтобы снизить зарплаты через тюремный труд? Возможно их просто пристрелят как нарушителей? Кто знает?). Не объясняется как эта ситуация повышает свободу.

Для Ротбарда, «полностью приватизированная страна будет так же закрыта как того хотят жители и владельцы собственности (не одно и то же, мы должны указать). Кажется ясным, тогда, что режим открытых границ, который де факто существует в США, равнозначен насильственному открытию центральным правительством… и не отражает настоящие желания собственников». [Nations by Consent, стр. 84, 85]

Конечно, желания не-собственников (большинства населения) ничего не значат. Таким образом, ясно, что с приватизацией общественной собственности право бродить, путешествовать, станет привилегией, подчиняющейся законам и правилам собственников. Это едва ли повысит свободу для всех, кроме капиталистического класса.

Ротбард признает, что «в полностью приватизированном мире, права доступа будут ключевой частью владения земли». [Op. Cit., стр. 86] Не существует бесплатного обеда, поэтому мы можем представить, что мы должны будем платить за такие права. Последствия этого очевидно непривлекательны и представляют опасность индивидуальной свободе. Проблему доступа, связанную с идеей приватизации дорог можно только избежать, если прописать в «общем либертарианском своде законов» «право на проезд». Это будет значить, что владельцы дорог должны будут, по закону, позволять всем использовать их. Но где «абсолютные» права собственности в этом случае? Владельцы дорог не будут иметь таких же прав, как другие собственники? И если будет применяться «право на проезд», что это будет значить для владельцев дорог, когда люди будут судить их за болезни, связанные с автомобильными загрязнениями?

(Право пострадавших от загрязнений судить загрязнителей это главный способ, которым «анархо»-капиталисты предлагают защищать окружающую среду – смотри раздел E.4.) Маловероятно, что те, кто хотят судиться, могут найти и тем более судить, миллионы индивидуальных водителей которые могли потенциально повредить их здоровью. Следовательно, владельцы дорог будут засужены за то, что они допустили загрязняющие (или опасные) машины на свои дороги. Поэтому владельцы дорог захотят ограничить уровень загрязнения, запрещая использовать их собственность, и поэтому будут сопротивляться праву на проезд как на атаку на их абсолютные права собственности.

Если владельцы дорог добьются своего (что будет крайне вероятным, учитывая абсолютные права собственности и предлагаемые переменные цены, чтобы избежать пробки, упомянутые выше) и будут иметь возможность контролировать, кто использует их собственность, свобода передвижения будет очень ограничена. Свобода передвижения будет только у тех, кого владельцы дорог сочтут желательными. На самом деле, Мюррей Ротбард поддерживает такой режим. («В свободном обществе (sic!), они (путешественники) будут иметь право, в первую очередь, путешествовать только по тем улицам, чьи владельцы согласны пустить их». [The Ethics of Liberty, стр.

119]) Угроза свободе при таком режиме очевидна – всем, кроме Ротбарда и других правых либертарианцев, конечно.

Возьмем другой пример. Предположим, что все парки, улицы и другие публичные места приватизированы. В настоящее время, люди могут использовать эти места чтобы проводить политические демонстрации, раздавать листовки, пикетировать и так далее. Однако, при «анархо»-капитализме владельцы такой собственности могут ограничить такие свободы, если они хотят, называя такие активности инициацией насилия (хотя они не могут объяснить, как выражение своего мнения является насилием).

Поэтому, свобода слова, собрания и множество других свобод, которые мы считаем как само собой разумеющееся, исчезнет при право-либертарианском режиме. Или, рассматривая случай пикетов и других форм социальной борьбы, это ясно, что приватизация общественной собственности только принесет пользу боссам. Забастовщики или политические активисты, пикетирующие или раздающие листовки в торговых центрах, быстро выводятся частной охраной уже сейчас. Подумайте, насколько хуже станет при «анархо»-капитализме, когда весь мир превратится в серию моллов – будет невозможно провести пикет, если владелец тротуара возражает (это радостно утверждал сам Ротбард. [Op. Cit., стр. 132]).

Если владелец тротуара также окажется боссом, против которого пикетируют, что Ротбард считал наиболее вероятным, тогда права рабочих будут на нуле. Возможно мы также увидим как капиталисты судят рабочие организации за замусоривание их территории, если они раздают листовки (оказывая еще больший стресс на ограниченные ресурсы).

IWW (Индустриальные рабочие мира) вошла в историю за свою тщательную защиту свободы слова и за известные бои за свободу слова в многочисленных американских городах. Боссы города беспокоились, что члены IWW будут проводить публичные митинги на улицах и сделали их незаконными. I.W.W. использовала прямые акции и продолжила проводить их. Граждане применяли насилие к членам IWW, но в конце IWW победили (для рассказа Эммы Гольдман о борьбе в Сан-Диего и ужасных репрессиях, которым подверглись либертарии от рук патриотичных дружинников смотри Living My Life [том 1, стр. 494-503]).

Рассмотрим этот случай при «анархо»-капитализме. Члены IWW будут криминальными агрессорами, так как владельцы улиц откажут диверсантам использовать улицы. Если бы они отказались признать указ собственников, частные полицейские увели бы их прочь.

В историческом примере городское правительство контролировали самые богатые люди города. Возможно что те же самые люди буду участвовать в выдуманном («анархо»-капиталистическом) случае. Это хорошая вещь, что в реальном случае члены IWW были провозглашены героями свободы, но в выдуманном они криминальные агрессоры? Делается ли ограничение свободы слова хорошей вещью, если мы превратим публичные места в частную собственность?

Конечно, Ротбард (и другие правые либертарианцы) знают что приватизация не уберет ограничения свободы слова, собрания и так далее (в то же время пытаясь представить себя сторонниками этих свобод!). Тем не менее, для них такие ограничения не имеют никаких последствий. Как говорит Ротбард, любые «ограничения не

будут наложены государством, но будут только требованиями для проживания или использования земли одного человека или общины». [Nations by Consent, стр. 85]

Таким образом мы снова видим слепоту правых либертарианцев к похожести частной собственности и государства, которые мы вначале отмечали в разделе F.1. Государство также выдвигает требование, что подчинение его власти необходимо, чтобы жить на его территории. Как заметил Такер, государство можно определить (частично) «как допущение, что единственная власть на данной территории принадлежит ему». [The Individualist Anarchists, стр. 24] Если владельцы собственности могут определять «запреты» (то есть законы и правила) для тех, кто использует собственность, тогда они единственная власть на данной территории, то есть государство.

Таким образом приватизация общественной земли обозначает подчинение людей, не владеющих собственностью, правилам и законам собственников – это произведет эффект приватизации государства и превращения мира в серию монархий и олигархий без притворства под демократию и демократические права.

Эти примеры могут едва ли повысить свободу в целом обществе, хотя «анархо»-капиталисты думают что повысит. Так далеко от повышения свободы для всех, приватизация общественной собственности только повысит свободу для правящих элит, даст им другую монополию из которой можно собирать доходы и применять свою власть. Это уменьшит свободу для всех остальных.

Иронично, поэтому, идеология Ротбарда предоставляет более чем достаточно доказательств, подтверждающих анархистский аргумент, что частная собственность и свобода находятся в фундаментальном конфликте. «Разумеется, что абсолютная свобода мысли, слова и действия», которую поддерживают анархисты «несовместима с содержанием учреждений, которые ограничивают свободу мысли, ограничивают речь до окончательного и бесповоротного обета, и даже диктуют, что рабочий должен складывать руки и умирать от голода по команде владельцев». [Elisee Reclus, цитируется по John P. Clark and Camille Martin (eds.), Anarchy, Geography, Modernity, стр. 159]

Как говорит Питер Маршалл: «во имя свободы, анархо-капиталисты желают превратить публичные места в частную собственность, но свобода не процветает за высокими заборами, под защитой частных компаний, но расширяется на открытом воздухе, когда ею пользуются все». [Demanding the Impossible, стр. 564]

Неудивительно, что Прудон утверждал, что «если публичная автострада является ничем большим чем принадлежностью частной собственности; если общинные земли превращены в частную собственность; если всеобщее достояние, вкратце, охраняется, эксплуатируется, сдается в аренду, и продается как частная собственность — что остается пролетарию? Какое преимущество ему дает то, что общество оставило состояние войны и вошло в полицейский режим?» [System of Economic Contradictions, стр. 371]

F.6 Противостоит ли «анархо»-капитализм государству?

Нет. Так как он основывается на частной собственности, «анархо»-капитализм подразумевает классовое деление общества на боссов и работников. Любому такому делению потребуется государство, чтобы поддерживать его. Однако, это не должно быть то же самое государство, которое существует сейчас. Относительно этого вопроса, «анархо»-капитализм просто адвокатирует «защитные ассоциации», которые защищают собственность. Для «анархо»-капиталистов, однако, эти частные компании не государства. Для анархистов, они несомненно государства.

В соответствии с Мюррем Ротбардом [«Society Without A State», in Nomos XIX, Pennock and Chapman, eds., стр. 192.], государство должно иметь одно или оба из следующих характеристик:

1. Возможность облагать налогом тех, кто живет внутри него.

2. Оно утверждает, и как правило получает принуждаемую монополию на обеспечение защиты на данной территории.

Он утверждает то же самое в Этике Свободы [стр. 171].

Вместо этого, «анархо»-капиталисты думают, что люди должны иметь возможность выбирать свою «защитную компанию» (которая предоставит нужную полицию) и суды из свободного рынка «защиты», который появится после того как будет устранена государственная монополия. Эти компании «все должны будут подчиняться базовому своду законов». [«Society Without A State», стр. 206] Таким образом «главный либертарианский свод законов» будет управлять действиями этих компаний. Этот «свод законов» будет по меньшей мере запрещать агрессивное насилие, хотя чтобы сделать это оно должно специфицировать что считается законной собственностью, как она может владеться и что собственно составляет агрессию. Таким образом, свод законов будет довольно широким.

Как будет составлен этот свод законов? Будут ли эти законы приняты демократически? Будут ли они отражать обычное использование (т. е. традиции)? Спрос и предложение? Естественный закон? «Анархо»-капиталисты показали сильную неприязнь в демократии, мы думаем что мы можем точно сказать, что будет использована некоторая комбинация двух последних вариантов. Мюррей Ротард аргументировал что судьи «не будут создавать закон, но находить его на основе согласованных принципов, взятых из традиции либо из причины», [Rothbard, Op. Cit., p. 206] в то время как Дэвид Фридман аргументировал в Механике Свободы, что различные защитные фирмы будут продавать свои собственные законы [стр. 116]. Иногда признается,

что могут потребоваться нелибертарианские законы в таком рынке (и они будут предоставлены).

Эта система защитных компаний это свободный рынок арбитров и аппеляционных судей, которые администрируют юстицию и «базовый свод законов». Ротбард считает, что такая система увидит «арбитров с лучшей репутацией для эффективности и неподкупности. Они будут выбираться разными сторонами на рынке. Им будет выдана большая часть бизнеса». Судьи «будут процветать на рынке в прямой пропорции со своей репутацией за эффективность и беспристрастность». [Rothbard, Op. Cit., стр.199, 204]

Поэтому, как в любой другой компании, арбитры будут стараться ради доходов и богатства, самые успешные из них станут «зажиточными». Конечно, такое богатство не повлияет на решения судьи, и если оно влияет, население (в теории) свободно выбрать любого другого судью (хотя, конечно, они также будут стремиться к прибыли и богатству — это значит что выбор судей будет ограниченным! — и законы, которыми они будут пользоваться, чтобы выносить свои решения, будут претворять в жизнь капиталистические права).

Будет ли эта система работать так, как задумывалось, обсуждается в следующих разделах. Мы думаем что она не будет работать так, как хотелось бы «анархо»-капиталистам. Более того, мы будем утверждать, что «анархо»-капиталистические защитные компании соответствуют не только критериям государства, изложенным в разделе B.2, но также критериям государства Ротбарда, изложенным выше.

Что касается анархического критерия, ясно что «защитные компании» существуют для того чтобы защищать частную собственность; что они иерархичны (они капиталистические компании, которые защищают власть тех, кто нанял их); они являются профессиональными органами принуждения; они имеют монополию на насилие на данной территории (эта территория, первоначально, является собственностью человека или компании, нанявшего ассоциацию).

Если, как заметила Айн Рэнд (используя определение государства, данное Вебером) правительство это институт «который имеет исключительную власть для обеспечения соблюдения определенных правил поведения в той или иной географической области» [Capitalism: The Unknown Ideal, p. 239] тогда эти «защитные компании» это средства, которыми владелец собственности (который имеет монополию определять правила, действующие на его собственности) обеспечивает соблюдение своих правил.

По этой (и другим) причинам мы должны называть «анархо»-капиталистические защитные фирмы «частными государствами» — потому что они таковыми являются — и «анархо»-капитализм капитализмом частных государств.

Прежде чем мы обсудим эти вопросы дальше, необходимо указать на относительно распространенную ошибку «анархо»-капиталистов. Это идея, что «защита» в системе, которую они адвокатируют, защищает людей, а не территории. Это, для некоторых, значит, что защитные компании не «государства».

Однако, так как люди и их собственность не существуют только в мысли, но на Земле, очевидно что эти компании будут осуществлять юстицию на данной области планеты. Также очевидно, поэтому, что эти «защитные ассоциации» будут оперировать на области, определенной владельцем собственности и будут претворять в жизнь за-

коны, правила и регуляции владельца собственности. Глубоко анти-либертарианские, на самом деле фашистские, аспекты этой системы будут рассмотрены в следующих разделах.

F.6.1 Что не так с юстицией «свободного рынка»?

Не нужно много воображения, чтобы понять, чьи интересы будут защищать процветающие арбитры, судьи и защитные компании: свои собственные, также как интересы тех, кто платит им зарплату, то есть другие члены богатой элиты. Так как закон существует, чтобы защищать собственность, тогда он (по определению) существует, чтобы защищать власть капиталистов от их работников.

Ротбард утверждает, что судьи «не будут устанавливать законы, но будут находить его на основе согласованных принципов, полученных из традиции или из разума». [Rothbard, Op. Cit., стр. 206] Однако, возникает вопрос: чей разум? Чьи традиции? Разделяют ли индивидуумы в разных классах одинаковые традиции? Одинаковые идеи плохого и хорошего? Будут ли богатый и бедный желать того же самого от базового закона? Очевидно нет. Богатый будет только поддерживать закон, защищающий его власть над бедным.

Хотя они должны отыскать законы, арбитры и судьи все еще влияют на процесс юстиции, их влияние не беспристрастное и не нейтральное. Так как арбитры сами будут частью профессии, со специфическими компаниями, развивающимися на рынке, не нужно быть гением, чтобы понять, что интерпретируя базовый закон, такие компании едва ли будут действовать против своих интересов как компаний.

В дополнение, если система юстиции основана на системе «один доллар, один голос», закон будет лучше всего защищать тех, у кого больше голосов (вопрос рыночных сил будет обсуждаться в разделе F.6.3). Более того, если силы рынка обеспечат то, что беспристрастные судьи будут доминировать, все судьи будут применять весьма пристрастный закон (именно тот, который будет защищать капиталистические права собственности). Беспристрастность при применении предвзятого закона едва ли сделает суд менее несправедливым.

Таким образом, из-за этих давлений – интересы арбитров / судей, влияние денег и суть закона – условия «свободных» соглашений при такой юридической системе будут склоняться в пользу кредиторов перед должниками, лендлордов перед арендаторами, работодателей перед работниками, и в общем, богатых перед бедными, точно так же как дела обстоят сейчас. Это то, что можно ожидать в системе, основанной на неограниченных правах собственности и (капиталистическом) свободном рынке. Похожую тенденцию к стандартизации результата в индустрии в ответ на влияние богатства можно увидеть в настоящей системе масс медиа. (смотри раздел D.3 – Как богатство влияет на масс медиа?)

Некоторые анархо-капиталисты, однако, утверждают, что как были разработаны более дешевые машины, чтобы удовлетворить спрос, так более дешевые защитные организации и судьи появятся на рынке для рабочего класса. Таким образом, будет обеспечена беспристрастность. Это аргумент упускает из виду несколько ключевых пунктов:

Во-первых, общий либертарианский свод законов будет применяться ко всем ассоциациям, поэтому они должны будут действовать в системе, установленной на власти денег и капитала. Свод законов будет отражать, поэтому, собственность, а не труд и социалистические своды законов будут классифицированы как незаконные. Работающие люди будут поставлены перед выбором фирмы, которая лучше всего будет применять капиталистический закон в их пользу. И как замечено выше, беспристрастное применение необъективного свода законов вряд ли обеспечит свободу и справедливость для всех.

Во-вторых, в гонке между Ягуаром и Фольксвагеном Жуком, кто вероятнее всего выиграет? Богатые будут иметь лучшую юстицию, которую можно купить за деньги, как они имеют сейчас. Члены капиталистического класса смогут выбрать фирмы с лучшими адвокатами, лучшими частными полицейскими и большими ресурсами. Люди без финансовых запасов, неспособные купить качественную юстицию, просто останутся ни с чем – такова магия рынка.

В-третьих, из-за тенденции к концентрации, централизации, и олигополии при капитализме (из-за увеличения капитальных затрат для новых фирм, чтобы выйти на рынок, как обсуждалось в разделе С.4), несколько компаний будут скоро доминировать на рынке – с очевидными последствиями для справедливости.

Разные фирмы будут иметь разные ресурсы. Другими словами, в конфликте между маленькой фирмой и большой, маленькая фирма находится в невыгодном положении относительно ресурсов. Они могут быть не в таком положении, чтобы начинать бороться с большой компанией, если она отрицает арбитраж и поэтому может просто сдаться, потому что, как правильно заметили «анархо»-капиталисты, конфликт и насилие увеличат расходы компании и поэтому конфликты будут избегаться меньшими компаниями. Это иронично, что «анархо»-капиталисты неявно предполагают, что защитные компании будут приблизительно одинаковых размеров, с одинаковыми ресурсами. В реальной жизни, это явно не так.

В четвертых, очень возможно, что многие компании сделают обязательным условием вступления на работу подписка на специфичные защитные компании или суды. Также как сегодня многие (большинство?) работников должны подписывать контракты о невступлении в профсоюз (и могут быть уволены, если они передумают) не требуется много воображения, чтобы увидеть, как то же самое может относиться к защитным фирмам и судам.

Это был / есть случай в моногородах (на самом деле, вы можете рассматривать профсоюзы как форму защитной фирмы и эти компании отказываются признавать их). Так как рынок труда почти всегда рынок покупателя, недостаточно утверждать, что работники могут найти новую работу без этого условия.

Они могут не найти и поэтому им придется мириться с этой ситуацией. И если (это кажется возможным) законы и правила владельца собственности будут иметь превосходство в любом конфликте, тогда работники и арендаторы будут в невыгодном положении независимо от того, насколько беспристрастны будут судьи.

Иронично, некоторые «анархо»-капиталисты указывают на нынешние отношения компаний и профсоюзов как пример того, как различные защитные фирмы будут решать свои конфликты мирно.

К сожалению для этого аргумента, права профсоюзов при «существующем капитализме» были созданы и воплощались в жизнь государством в прямой оппозиции капиталистической «свободе контракта». Перед тем как закон был изменен, профсоюзы часто разрушались силой – компании были лучше вооружены, имели больше ресурсов и имели закон на своей стороне.

Сейчас, с увеличением компаний, мы можем видеть, что случается с мирными переговорами и кооперацией между профсоюзами и компаниями, когда они больше не нужны (т. е. когда ресурсы двух сторон неравны).

Рыночная сила компаний сильно превосходит силу профсоюзов и закон, по определению, отдает предпочтение компаниям. Как пример того, как будут работать защитные агентства в «анархо»-капиталистическом обществе, это гораздо долее проницательно чем изначально намеревалось!

Давайте рассмотрим сам базовый свод законов. Как будут написаны законы в «базовом либертарианском своде законов» трудно угадать, хотя многие «анархо»-капиталисты поддерживают миф «естественного права», и это предполагает неизменяемый свод законов, составленных теми, кто считается «голосом природы».

Дэвид Фридман утверждает, что также как рынок в защитных компаниях, будет существовать рынок в законах и правах. Однако, будет существовать обширное давление рынка, чтобы унифицировать эти разные своды законов в один стандартный (представьте, что случится, если каждый производитель CD производил уникальный CD-плеер, или каждый производитель компьютеров производил компьютеры с разным размером разъема для флоппи диска – неудивительно, что через время компании стандартизируют свои продукты).

Фридман сам признает, что этот процесс возможен (и использует пример со стандартами размеров бумаги, чтобы показать это процесс).

В любом случае, законы не будут решаться на основании принципа «один человек, один голос»; поэтому, когда силы рынка сделают свою магию, общий свод законов будет отражать финансовые интересы и поэтому его будет очень трудно изменить. Так как права и законы будут товарами, как и все остальное при капитализме, они скоро будут отражать интересы богатых – в частности если те, кто интерпретирует закон, богатые профессионалы и компании с собственными эгоистичными интересами.

Неудивительно, что индивидуальные анархисты предлагали суд присяжных как единственный базис для настоящей справедливости в свободном обществе. Присяжные, в отличие от профессиональных арбитров, ad hoc, они обычные люди и не имеют власти, силы, или влияния богатства. И имея возможность судить закон и конфликт, они могут обеспечить народный пересмотр закона по мере развития общества.

Таким образом, система «защиты» на рынке будет продолжать отражать влияние и власть владельцев собственности и богатства и не будет подчиняться народному контролю, за исключением выбора между компаниями, обеспечивающих соблюдение капиталистических законов.

F.6.2 Каковы социальные последствия такой системы?

«Анархо»-капиталист представляет полицейские агентства, «защитные ассоциации», суды и апелляционные суды, все организованные на основе свободного рынка и доступные быть нанятыми. Как указывает Дэвид Уэйк, однако, главной проблемой в такой системе будет не коррупция «частных» судов и полицейских сил (хотя, как полагалось выше, это на самом деле может быть проблемой):

«Есть что-то более серьезное, чем 'опасность мафии' и эта другая проблема касается роли таких защитных институций в данном социальном и экономическом контексте.

«Контекст… это свободно-рыночная экономика без ограничений на аккумуляцию собственности. Сейчас, мы имеем американский опыт, приблизительно с конца гражданской войны до 1930-ых, существовали частные суды, частная полиция, по-настоящему частные правительства. Мы имели опыт (частной) полиции Пинкертона, которая была, со своими шпионами, со своими агентами провокаторами, и с методами, включающими в себя насилие и похищение, одним из самых мощных инструментов больших корпораций и инструментом подавления работающих людей. Мы имели опыт, создания внутри корпораций полицейских сил, основанных с той же целью… (Автомобильные компании опирались на дополнительные скрытые инструменты частной природы, обычно называемые гражданскими активистами, такие как Черный Легион). Они оказывали эффект частных армий, и иногда описывались как частные армии. Территории во владении угольных компаний, которые часто включали в себя целые города с пригородами, магазины, которые шахтеры были вынуждены посещать под экономическим принуждением, дома, в которых они жили, обычно охранялись частной полицией United States Steel Corporation или другой, которая владела собственностью. Главной практической функцией этой полиции было, конечно, предотвратить организацию трудящихся и сохранить текущий баланс сил.

«Эти комплексы были законом в себе, достаточно сильные, чтобы игнорировать, когда они не подкупали, правительства различных юрисдикций американской федеральной системы. Эта индустриальная система была, в свое время, часто охарактеризована как феодализм…» [«Anarchist Justice», Op. Cit., стр. 223-224]

Для описания оружия и активности этих частных армий, экономический историк Морис Доббс представляет прекрасную сводку в книге «Studies in Capitalist Development» [pp. 353-357]. (Изучение капиталистического развития). Судя по докладу о «Частных полицейских системах», процитированных Доббсом, в городе управляемом Republican Steel, «гражданские свободы и право на труд были подавлены полицией компании. Организаторы профсоюзов были вывезены из города». Города имели свои (ведущиеся компанией) деньги, магазины, дома и тюрьмы и многие корпорации имели пулеметы и слезоточивый газ наряду с обычными дробовиками, винтовками и револьверами. «Узурпация полицейской власти частными охранами, часто нанятыми из детективных агентств, многие с судимостями было обычной практикой во многих частях страны».

Местные (государственные) законные агентства закрывали глаза на происходящее (в конце концов, работники нарушали свои контракты и поэтому были «криминальными агрессорами» против компаний) даже когда члены профсоюзов и забастовщи-

ки были побиты и убиты. Собственные защитные организации рабочих были только те, которые хотели помочь им, и если работники, казалось, выигрывали, тогда призывалась армия, чтобы «восстановить мир». (Как случилось на забастовке в Лудлоу, когда забастовщики сначала аплодировали войскам, так как думали, что они будут защищать их гражданские права. Не нужно говорить, они были неправы.)

Здесь мы имеем общество, которое многие «анархо»-капиталисты называют примером своего идеала, с ограниченным вмешательством государства, свободным правлением владельцев собственности, и так далее. Что случилось? Богатые превратили рабочий класс в подобие рабов, капиталистическое производство подорвало независимых производителей (к досаде индивидуалистических анархистов того времени), и в результате появилась корпоративная Америка, которой противостоят «анархо»-капиталисты, как они говорят.

Мы ожидаем что «анархо»-капитализм будет другим? Что, в отличие от прошлого, защитные фирмы будут вмешиваться на стороне забастовщиков? Общий либертарианский свод законов будет обеспечивать соблюдение капиталистических прав собственности, поэтому работники будут в той же самой ситуации, как они были тогда. Поддержка забастовщиков, нарушающих права собственности будет нарушением всеобщего либертарианского свода законов и будет дорого обходиться компаниям, делающим прибыль (если не опасно, так как они могут быть признанными незаконными остальными). Таким образом, «анархо»-капитализм будет расширять права и силы боссов, но немногие права будут даны бунтующим рабочим, если вообще даны. И эта разница во власти будет закреплена в фундаментальных институтах системы.

Оценивая утверждение «анархо»-капитализма, что он является формой анархизма, Питер Маршалл замечает, что «частные охранные агентства будут только служить интересам тех, кто им платит»..» [Demanding the Impossible, стр. 653]

С увеличением «защитных ассоциаций» при «существующем капитализме» сейчас (ассоциаций, на которые многие «анархо»-капиталисты указывают как на пример их идей), мы видим доказательство утверждения Маршалла. Существует много документированных случаев, когда протестующие были жестоко избиты частной охраной. Как поясняет теория рынка, компании только поставляют то, что покупатель требует. Права других не учитываются (еще одни «внешние факторы», очевидно). Даже если жертвы успешно засудят компанию, послание понятно – социальный активизм может серьезно повредить вашему здоровью. С возвращением к «всеобщему либертарианскому своду законов» применяемых частными компаниями, эта формы «защиты» «абсолютных» прав собственности могут только увеличиться, возможно к уровню, перед этим достигнутому при расцвете капитализма в США, как описывалось выше Уэйком.

F.6.3 Но конечно же силы рынка остановят злоупотребления богатых людей?

Вряд ли. Появление корпораций в Америке показало, как «общий либертарианский свод законов» будет отражать интересы богатых и сильных. Законы, признающие корпорации «законными личностями» не были изначально продуктом государства,

а частных юристов, нанятых богатыми – результат, против которого Ротбард ничего не имел. Как замечает Ховард Зин:

«Американская ассоциация адвокатов, организованная юристами, привыкшими служить богатым, начала национальную кампанию, чтобы заставить Высший Суд принять решение, считающее компании людьми... К 1886 году... Высший Суд принял аргументы, что корпорации это 'люди' и их деньги это собственность, защищаемая Четырнадцатой поправкой... Судьи Высшего Суда были не просто интерпретаторами конституции. Они были люди определенного бэкграунда, определенного классового интереса». [A People's History of the United States, стр. 255]

Конечно, будет сказано, что Высший Суд это монополия и поэтому наш анализ имеет недостатки. В «анархо»-капитализме не существует монополии. Но корпоративные законы появились, потому что на них был спрос. Этот спрос будет все еще существовать при «анархо»-капитализме.

В то время как там не будет Высшего Суда, Ротбард утверждает что «базовый свод законов... должен быть согласован среди всех юридических агентств», но он настаивает, что это «не подразумевает унифицированной законной системы»! Хотя «любое агентство, которое нарушит базовый либертарианский кодекс будет вне закона» и скоро говорит, что это не монополия. [The Ethics of Liberty, p. 234]

Поэтому, вы или соглашаетесь на кодекс законов или выходите из бизнеса. И это не монополия! Поэтому, мы думаем, наши комментарии по поводу решения Высшего Суда обоснованны.

Если все доступные защитные фирмы обеспечивают соблюдение одних и тех же законов, тогда это едва ли можно назвать соревнованием! И если дело в том, что «когда частное богатство не контролируется, тогда полицейско-судебный корпус, имеющий в клиентах богатые корпорации, чей девиз это корысть, это едва ли безобидная социальная сила, контролируемая возможностью сотрудничества или аффилиации с конкурирующими компаниями». [Weick, Op. Cit., стр. 225]

Это особенно верно в отношении компаний, которые сами по себе являются большими бизнесами и поэтом имеют большое влияние на законы, которые они приводят в исполнение. Если свод законов признает и защищает капиталистическую власть, собственность и богатство как фундаментальную основу и любые попытки изменить это являются «инициацией насилия» и поэтому сила богатых вписана в систему с самого начала!

(И, мы должны добавить, если существует общий либертарианский свод законов, которому все должны подчиняться, куда девается спрос потребителей? Если люди требуют нелибертараинские законы, откажутся ли защитные фирмы поставлять их? Если так, станут ли новые фирмы, ища доход, поставлять то, что требуется потребителями? Поставит ли это их в прямой конфликт с существующими фирмами, поддерживающими общий свод законов? Не отражает ли рынок законов просто экономическую власть и богатство? Дэвид Фридман, который поддерживает рынок законов, утверждает что: «если почти все уверены, что зависимость от героина так ужасна, что она должна быть вне закона везде при любых обстоятельствах, анархо-капиталистические институции произведут законы против героина. Законы производятся на рынке, и это то, что хочет рынок». И он добавляет что «запросы рынка выражаются в долларах, а не в голосах. Легальность героина будет зависеть не от

того, как много людей за или против героина, но насколько высокую цену готова заплатить каждая сторона, чтобы добиться своего». [The Machinery of Freedom, стр. 127] И, так как рынок неравен в терминах дохода и богатства, такая позиция будет значить, что капиталистический класс будет иметь более высокий эффективный спрос, чем рабочий класс, и больше ресурсов, чтобы уладить любой возникающий конфликт. Таким образом, любые своды законов будут иметь тенденцию отражать интересы богатых.)

Это приводит нас к следующей проблеме, относящейся к силам рынка.

Также как очевидное влияние экономических интересов и разница в богатстве, другая проблема стоит перед юстицией «свободного рынка». Это сам «общий либертарианский свод законов». Даже если мы предположим, что система работает так, как она должна по теории, остается простой факт, что эти защитные компании обеспечивают соблюдение законов, которые открыто защищают капиталистическую собственность (и вытекающие из них социальные отношения). Капиталисты владеют средствами производства, с помощью которых они нанимают работников и это неравенство устанавливается перед любой специфической транзакцией на рынке труда. Это неравенство отражается в разнице во власти внутри (и снаружи) компании и в законе «анархо»-капитализма, который защищает эту власть от обездоленных.

Другими словами, свод законов, по котрому работают защитные компании, предполагает что капиталистическая собственность легитимна и можно легитимно применять силу, чтобы защитить ее. Это значит что, в эффекте, «анархо»-капитализм основан на монополии закона, монополии которая очевидно существует, чтобы защищать силу и капитал богатых. Главная разница заключается в том, что агентства, используемые, чтобы защищать богатства, будут в более слабой позиции, чтобы вести себя независимо от своих хозяев. В отличие от государства, «защитные» компании не подчиняются отдаленно общему населению и не могут быть использованы, чтобы хотя бы немного уравнять властные отношения между работником и капиталистом.

И, разумеется, очень возможно, что частные полицейские силы будут давать преференции более богатым клиентам (какой бизнес не сделал бы так?) и законы будут отражать интересы более богатых слоев общества (особенно если «процветающие» судьи администрируют закон) в реальности, если не в теории. Так как в капиталистическом обществе «клиент всегда прав», лучше всего платящие клиенты добиваются своего в «анархо»-капиталистическом обществе.

Например, в главе 29 «Механики свободы», Дэвид Фридман представляет пример того, как столкновение разных сводов законов может решиться переговорным процессом (обсуждаемый закон это смертная казнь). Это процесс включает в себя одну защитную фирму, дающую сумму денег другой, для того чтобы она приняла подходящее (за или против высшей меры наказания) решение. Фридман утверждает что, «как и в любой хорошей торговле, все выигрывают», но это очевидно неправда. Предполагая что защитная фирма, выступающая против смертной казни, платит фирме, поддерживающей смертную казнь, чтобы она приняла решение против смертной казни, тогда да, обе защитные фирмы получили деньги и довольны, так же как клиенты против смертной казни, но клиенты, поддерживающие смертыне казни получили только меньшие счета.

Их желание увидеть преступников повешенными (по какой-либо причине) было проигнорировано. (Если бы они не поддерживали смертную казнь, они бы не были клиентами этой компании.) Фридман утверждает, что сделка, позволяя компании против смертной казни уменьшить свои цены, «обеспечит сохранение своих клиентов и даже получит больше», но это только предположение. Она также может потерять клиентов в пользу защитной фирмы, которая отказывается идти на компромиссы (и имеет ресурсы сдержать слово). Предположение Фридмана, что низкие цены победят страсти людей, необоснованно. Также как предположение, что об фирмы имеют одинаковые ресурсы и переговорную силу. Если фирма за смертную казнь потребует больше, чем фирма против смертной казни может предложить и имеет больше оружия и войск, тогда фирма против казни должна будет согласиться на условия фирмы за смертную казнь.

Поэтому, в общем, неясно, что «все выигрывают» — может быть значительный процент тех, кто не «выигрывает», так как их желание смертной казни продано теми, кто утверждал что приведет это в исполнение.

Другими словами, система соревнующихся законов и приватизированных прав не гарантирует, что интересы всех потребителей будут удовлетворены. Учитывая неравные ресурсы в обществе, также ясно, что «эффективный спрос» вовлеченных сторон на исполнение законов будет кардинально различаться. Богатый глава транснациональной компании будет иметь гораздо больше ресурсов, чтобы платить за свои законы, чем один из его работников на сборочном конвейере. Более того, как мы обсуждали в разделе F.3.1 и F.10.2, рынок труда обычно склоняется в пользу капиталистов.

Это значит, что работники должны идти на компромиссы, чтобы получить работу и такие компромиссы могут включать в себя соглашение на присоединение к специфической защитной фирме или не вступление ни в какую фирму (точно также как сейчас работники вынуждены подписывать контракты о невступлении в профсоюз, чтобы получить работу). Другими словами, приватизированная законная система будет, весьма вероятно, искажать исполнение законов в соответствии с перекосом доходов и богатства в обществе.

По крайней мере, в отличие от любого другого рынка, потребителям не гарантируется то, что они хотят, просто потому что продукт, который они потребляют зависит от других на том же рынке, чтобы обеспечить поставки. Уникальная работа закона/ защитной фирмы в том, что она отрицает выбор потребителя (мы обсудим другие аспекты этого уникального рынка вкратце).

Уэйк подводит итоги, говоря: «любая юридическая система будет существовать в контексте экономических институций. Если существуют большие неравенства во власти в экономической и социальной сфере, человек должен представлять общество странным образом поделенным на части, чтобы считать что эти неравенства не будут отражаться в юридической и судебной сфере, и что экономически сильные не смогут манипулировать законной и судебной системой в свою пользу. Абстрагироваться от таких влияний контекста, и потом рассматривать достоинства абстрактной судебной системы… значит следовать методу, с которым мы, скорее всего, не продвинемся далеко. Это критика, которая относится ... к любой теории, которая полагается на закон, чтобы перевесить тенденции, присущие данной социальной и экономической

системе». [Weick, Op. Cit., стр. 225] (Для обсуждения этой проблемы, появляющейся при попытках защитить окружающую среду при «анархо»-капитализме, смотри раздел E.2 и E.3).

Есть другая причина, почему «рыночные силы» не остановят злоупотребления богатых, или на самом деле остановят систему от превращения от частного в публичный этатизм. Это из-за природы «защитного» рынка. (Для похожего анализа защитного рынка смотри Tyler Cowen «Law as a Public Good: The Economics of Anarchy» in Economics and Philosophy, no. 8 (1992), стр. 249-267 и «Rejoinder to David Friedman on the Economics of Anarchy» in Economics and Philosophy, no. 10 (1994), стр. 329-332).

В «анархо»-капиталистической теории предполагается, что конкурирующие «защитные компании» заинтересованы в мирном урегулировании разногласий между собой с помощью арбитража. Для того чтобы быть соревнующимися на рынке, компании должны кооперироваться через контрактные отношения, в противном случае высокие цены, связанные с конфликтом, сделают компанию неконкурентноспособной и она разорится. Компании, которые игнорируют решения арбитража буду признаны незаконными другими, осуждены и их правление будет проигнорировано. В этом процессе, утверждается, система соревнующихся «защитных» фирм будет стабильной и не превратится в гражданскую войну между агентствами, каждое из которых следует интересам своих клиентов с помощью силы.

Однако, есть хитрость. В отличие от других бизнесов в конкуренции, частное государство должно кооперироваться с конкурентами, чтобы поставлять услуги потребителям. Они должны иметь возможность согласиться на суды и судей, согласиться подчиняться решениям и законам и так далее. Это значит что сговор (когда компании на рынке соглашаются работать вместе, чтобы ограничить конкуренцию и пожинать выгоды монополии) встроен в систему. Другими словами, необходимые контрактные отношения между агентствами на «защитном» рынке требуют, чтобы фирмы кооперировались и вели себя (эффективно) как одна большая компания.

Например, для меня все равно, если Сэйвэй имеет хорошие отношения с Теско если я покупаю там. Товары, которые я покупаю, не зависят от отношений, которые существуют между соревнующимися компаниями. Однако, в случае частных государств, это не так. Если специфическая «защитная» компания имеет плохие отношения с другими компаниями на рынке, тогда это против моих интересов быть клиентом этой компании. Зачем присоединяться к частному государству, если его решения игнорируются другими и оно вынуждено прибегать к насилию, чтобы быть услышанным? Это потенциально опасно, также повышает цены, которые я должен платить. Арбитраж это один из самых важных сервисов, которые защитная компания может предложить своим клиентам и его доля на рынке основана на возможности урегулировать межведомственные споры без риска войны или неопределенности, что конечный результат не будет принят всеми сторонами.

Поэтому, рынок «анархо»-капиталистических защитных фирм такой, что частные государства должны кооперироваться с другими (или выйти из бизнеса быстро) и это значит что возможен сговор. Другими словами, система частных государств должна согласиться работать вместе, чтобы поставлять услуги «исполнения закона» своим клиентам и в результате такой кооперации создать картель. Однако, в отличие

от картелей в других индустриях, «защитный» картель будет стабильным, просто потому что его члены должны работать со своими конкурентами, чтобы выжить.

Давайте посмотрим, что случится, когда такой картель сформирован в специфической области и новая «защитная компания» желает вступить в рынок. Эта новая компания должна работать с членами картеля, чтобы поставлять свои услуги потребителям (заметим, что «анархо»-капиталисты заранее предполагают что они должны будут подписаться на тот же самый свод законов). Если новая защитная фирма постарается снизить монопольные цены картеля, другие компании откажутся работать с ней. Имея опасность постоянного конфликта или возможности конфликта, видя, что его решения игнорируются другими агентствами и видя неопределенность того, каковы будут результаты конфликта, немногие люди будут клиентами новой защитной компании. Цены новой компании новой компании пойдут вверх и увидят либо разорение, либо вход в картель. В отличие от любого другого рынка, если «защитная компания» не имеет дружеских, кооперативных отношений с другими фирмами в той же самой индустрии, она выйдет из бизнеса.

Это значит, что фирмы, которые кооперируются, должны согласиться не иметь дела с новыми фирмами, которые пытаются подорвать картель, чтобы новые фирмы провалились. Фирма «разрушитель картеля» выходит из бизнеса точно также, как незаконная – более высокие цены, связанные с тем, что все конфликты нужно решать силой, а не арбитражом, повышает цену продукции больше, чем у конкурентов и фирма получает непреодолимые трудности в продаже своих продуктов с доходом (мы не учитываем снижение спроса из-за страха конфликта настоящими и потенциальными клиентами).

Даже если мы предположим, что многие люди с радостью присоединятся к новой фирме несмотря на опасности, чтобы защитить себя от картеля и его налогов (т. е. монопольных доходов), достаточно людей останется членами картеля (возможно они будут уволены, если поменяют фирму, возможно они не любят перемены и считают что дополнительные деньги стоят мира, возможно они боятся, что присоединившись к новой фирме, их мир будет нарушен или что результаты их проблем с другими слишком ненадежны, чтобы стоить того, возможно они акционеры и хотят сохранить свой доход) поэтому кооперация все еще будет нужна, а конфликт будет невыгодным и опасным (и так как картель будет иметь больше ресурсов чем новая фирма, она может продержаться дольше, чем новая фирма).

В эффекте, разрушение картеля может принять форму вооруженной революции – как это возможно с любым государством.

Силы, которые разрушают картели и монополии в других индустриях (такие как свободный вход – хотя, конечно, защитный рынок будет иметь олигополические тенденции, как и любой другой и это создаст барьеры для входа, смотри раздел C.4) не работают здесь и поэтому новые фирмы должны кооперироваться или они потеряют долю на рынке и/или доходы. Это значит, что «защитные компании» будут пожинать монопольные доходы и, что более важно, будут иметь монополию на силу на данной территории.

Следовательно, появится монополия частных государств, в дополнение к существующей монополии закона и это де факто монополия на силу в определенной области (т. е. что-то вроде публичного государства, управляемого акционерами). Но-

вые компании, пытающиеся войти в «защитную» индустрию должны будут работать с существующим картелем, чтобы предоставлять услуги своим клиентам.

Картель в доминантной позиции и новые фирмы на рынок будут частью его или провалятся. Это точно такая же позиция, как у государства, с частными агентствами, свободными работать, если они подчиняются инструкция государства. Как и с монополистическим «всеобщим либертарианским сводом законов», если ты не подчиняешься требованиям, ты быстро выйдешь из бизнеса.

Также возможно, что появится множество картелей, с одним картелем, работающим на определенной территории. Потому что исполнение закона будет локализовано, и большинство преступлений появляется там, где живут преступники. Немногие преступники будут жить в Нью-Йорке и совершать преступления в Портленде. Однако, так как защитные компании должны кооперироваться, чтобы предоставлять свои услуги, так же должны картели. Немногие люди живут всю жизнь в одной местности, и поэтому фирмы из разных картелей должны входить в контакт, формируя картель из картелей.

Картель из картелей может быть менее могущественным, чем местный картель, но он все еще будет нужен, по той же самой причине что и местный картель. Поэтому «анархо»-капитализм будет, как существующий капитализм, отмечен серией публичных государств, покрывающих определенные территории, координируемых большими государствами на более высоких уровнях. Такой набор будет похожим на Соединенные Штаты во многом, за исключением, что он будет управляться напрямую богатыми акционерами без притворства «демократических» выборов. Более того, как в США и других государствах, там будет монополия правил и законов («всеобщий либертарианский свод законов»).

Некоторые «анархо»-капиталисты утверждают, что это не случится, но кооперация, необходимая, чтобы предоставлять услуги исполнения законов каким-то образом не превратится в сговор между компаниями. Однако, они быстро утверждают, что агентства изменники (например, так называемая «проблема мафии» или те, кто отрицают решения суда) выйдут из бизнеса из-за более высоких цен, связанных с конфликтами, а не арбитражем. Однако, эти более высокие цены обеспечены из-за того что обсуждаемые фирмы не кооперируются с другими. Если другие агентства бойкотируют фирму, но кооперируются со всеми другими, тогда бойкотируемая фирма будет в таком же невыгодном положении – независимо от того, является она разрушителем картеля или изменником.

«Анархо»-капиталисты пытаются совместить несовместимое. Если не может появиться наказание для фирм, не подчиняющимся правилам, тогда «анархо»-капитализм превратится в войну всех против всех, или, по меньшей мере, не могут быть предоставлены услуги социального мира и исполнения законов. Если фирмы не могут удержать других от разрушения социального мира, (сервис, который фирма предоставляет) тогда «анархо»-капитализм нестабилен и не будет оставаться упорядоченным, так как будут появляться агентства, которые служат интересам своих клиентов и приводят в исполнение свои законы за счет других. Если не может появиться сговор (или он слишком затратен), тогда не может появиться наказание для фирм, нарушающих правила, и «анархо»-капитализм является нестабильным.

Подводя итоги, «защитный» рынок частных государств имеет могущественные силы внутри него, превращающие его в монополию силы на данной территории. Из частно выбранной монополии на силу на специфической (в частном владении) области, рынок частных государств превратиться в монополию на силу во всей территории. Это происходит из-за необходимости мирных отношений между компаниями, отношений, которые необходимы фирме, чтобы удержать долю на рынке. Уникальные силы рынка, которые существуют в этой области, обеспечивают сговор и монополию.

Другими словами, система частных государств станет картелем и публичным государством – неподконтрольная никому, кроме своих акционеров, государство богатых, для богатых. Другими словами, фашизм.

F.6.4 Почему эти «защитные объединения» являются государствами?

Ясно, что «анархо»-капиталистические защитные ассоциации удовлетворяют критерию государства, указанному в разделе B.2 («Почему анархисты против государства»). Они охраняют собственность и сохраняют отношения власти, они практикуют принуждение, и являются иерархическими институтами, которые управляют людьми как «правящая элита», то есть те, кто использует обе управляющие силы и тех, кем они управляют. Таким образом, с анархической точки зрения, эти «защитные ассоциации» являются государствами.

Что интересно, однако, что по их собственному определению это «защитные ассоциации» являются государствами в «анархо»-капиталистическом смысле тоже. Сторонники капитализма определяют правительство (или государство) как организацию, имеющую монополию силы или принуждения на определенной территории. Относительно всего остального общества, эти защитные ассоциации будут иметь монополию силы и принуждения на определенной части собственности; таким образом, по собственному определению государства, эти ассоциации являются государствами!

Если мы посмотрим на определение Ротбардом государства, которое требует (а) власти на облагание налогом и/или (б) «принудительная монополия на предоставление защиты на данной территории», «анархо»-капитализм вступает в проблему.

Во-первых, стоимость найма защитных ассоциаций будет вычтена из богатства, созданного теми, кто использует, но не владеет собственностью капиталистов и лендлордов. Давайте не будем забывать, что капиталист будет нанимать работника или сдавать в аренду землю или здание, только если они получат прибыль, сделав так. Без труда работника, будет нечего продавать и не будет зарплат, чтобы платить за аренду. Таким образом, защитная фирма лендлорда или компании будет оплачена из доходов, собранных из капиталистической власти собирать дань из тех, кто использует, но не владеет собственностью. Другими словами, работники будут платить за агентства, которые осуществляют власть работодателя над ними через зарплатную систему и аренду – налоги в более хитрой форме.

Во-вторых, при капитализме большинство людей проводят большую часть дня на чужой собственности – то есть, они работают на капиталистов и/или живут в снимаемом жилье. Следовательно, если владелец собственности выбирает защитную ассоциацию, чтобы защищать свои заводы, фермы, сдаваемое жилье и так далее, их работники и арендаторы будут относиться к этому как к «принудительной монополии предоставления защиты на определенной территории». Безусловно, работники и арендаторы не смогут нанять свою собственную защитную компанию, чтобы экспроприировать у капиталистов и лендлордов. Поэтому, с точки зрения работников и арендаторов, собственники имеют монополию на защиту в данных областях. Конечно, «анархо»-капиталисты будут говорить, что арендаторы и работники «согласились» на все правила и условия контракта, когда они подписали его и поэтому монополия владельцев собственности не принудительная. Однако, аргумент о «согласии» настолько слаб в условиях неравенства, что бесполезен (смотри разделы F.2.4 и F.3.1, например) и, более того, он может быть использован для оправдания государства и использовался так. Другими словами, «согласие» само по себе не значит, что данный режим не этатистский (смотри раздел F.2.3 для большего по теме). Поэтому такой аргумент глубоко ущербен и может быть использован, чтобы оправдывать режимы, которые немногим лучше феодального капитализма (такие как города, принадлежащие компаниям, например – институт, против которого «анархо»-капитализм не имеет ничего против). Даже «всеобщий либертарианский свод законов» может быть признан «монополией на правление на определенной территории», особенно если у простых людей нет реальных способов повлиять на свод законов, потому что он зависит от рынка и определяется деньгами, или потому что это будет естественный закон и не может быть изменен простыми смертными.

Другими словами, если государство «присваивает себе монополию силы, максимальную власть, принимающей решения, на данной территории», [Rothbard, The Ethics of Liberty, стр. 170] тогда очевидно, что владелец собственности имеет такую власть. Владелец является, в конце концов, «максимальной властью, принимающей решения» на рабочем месте или своей земле. Если ты не нравишься боссу (например, если ты не подчиняешься приказам) тогда тебя увольняют. Если ты не можешь найти работу или арендовать землю, не согласившись на определенные условия (такие как не вступать в профсоюз или принимать услуги защитной фирмы, одобренной твоим работодателем) тогда ты либо подписываешь контракт либо ищешь что-то другое. Конечно, Ротбард не замечает, что боссы имеют монополию власти и вместо этого ссылается на «запрет добровольных покупок и продаж защитных и судебных услуг». [Op. Cit., стр. 171] Но точно так же, как закон контрактов позволяет запрещать профсоюзы на собственности, он может также запрещать покупку и продажу защитных и судебных услуг. (Может быть оспорено, что рыночные силы не допустят этого, но это маловероятно, так как боссы обычно имеют преимущества на рынке труда и работники должны идти на компромисс, чтобы получить работу – смотри раздел F.10.2 про то, почему так получается.) В конце концов, в городах, принадлежащих компаниям, только деньги компании были законными платежными средствами и единственным правоохранительным органом была полиция компании.

Поэтому, очевидно что «анархо»-капиталистическая система соответствует критериям Вебера о монополии на установление определенных правил на данной тер-

ритории. «Всеобщий либертаринский свод законов» это монополия и владельцы собственности определяют правила, которые действуют на их собственности. Более того, если правила, которые устанавливают владельцы собственности подчиняются правилам, содержащимся в монополистическом «всеобщем либертараинском своде законов» (например, что они не могут запретить продажу и покупку определенных продуктов – таких как защита – на их собственной территории) тогда «анархо»-капитализм определенно соответствует определению Вебера государства (Айн Рэнд описывала это как институт «который имеет эксклюзивную власть навязывать определенные правила поведения на данной географической области» [Capitalism: The Unknown Ideal, p. 239]) так как его свод законов побеждает желания владельцев собственности делать то, что они хотят на своей собственности.

Поэтому, неважно как вы на это смотрите, «анархо»-капитализм и его защитный рынок продвигает монополию максимальной решающей силы на данной территории. Для анархистов очевидно, что «анархо»-капиталистическая система это государственная система. Как мы заметили, она также является государством в «анархо»-капиталистической теории.

Так, в эффекте, «анархо»-капитализм имеет разные сорта государств, одно в котором боссы нанимают и увольняют полицейских. Как замечает Питер Сабатини (в Libertarianism: Bogus Anarchy), «внутри либертарианства, Ротбард представляет меньшинство, которое призывает к тотальному устранению государства. Однако утверждения Ротабрда о том, что он анархист, быстро аннулируются, когда показано, что он только хочет конца публичного государства. На его место он предлагает бесчисленные частные государства, с каждым человеком, поставляющим свою полицейскую силу, армию, и закон или покупающий эти услуги у капиталистических поставщиков... Ротбард не видит ничего плохого в накоплении богатства, поэтому люди с большим капиталом будут неизбежно иметь большую принудительную силу в своем распоряжении, точно также, как они имеют сейчас».

Далеко от отмены государства, «анархо»-капиталисты только хотят приватизировать его – сделать его подконтрольным только капиталистическому богатству. Их «компании» производят те же самые услуги что и государство, для тех же самых людей, таким же способом. Однако, есть незначительное различие. Владельцы собственности смогут выбирать между соревнующимися компаниями. Потому что такие компании наняты боссом, они будут использованы, чтобы усилить тоталитарную природу капиталистических фирм, обеспечивая то, что полиция и законы даже немного не подконтрольны простым людям.

Глядя за пределами «защитных ассоциаций» на сам защитный рынок (как мы обсуждали в предыдущем разделе), это станет картелем и поэтому станет неким образом публичным государством. По природе частного государства, ему необходимо кооперироваться с другими в той же самой индустрии, продвинуться к монопольной сети фирм и установить монополию на насилие в данной области. Используя предположения, используемые, чтобы защитить «анархо»-капитализм, система частного этатизма превратится в публичный этатизм – государство, управляемое менеджерами, подчиняющимися только элите, держащей акции.

Снова процитируем Питера Маршалла, «анархо»-капиталисты «утверждают, что все получат выгоду от свободного обмена на рынке, я в этом не уверен; любой

освобожденный рынок спонсирует возвращение в неравное общество с защитными ассоциациями, сохраняющими эксплуатацию и привилегии». [Demanding the Impossible, стр. 565] История и текущая практика подтверждают эту точку зрения.

Вкратце, «анархо»-капиталисты совсем не анархисты, они просто капиталисты, которые хотят увидеть развитие частных государств – государств, которые строго подчиняются своим хозяевам даже без притворства демократии, которую мы имеем сегодня. Следовательно, гораздо более лучшее название для «анархо»-капитализма это капитализм частных государств. По крайней мере мы получим более честную идею, что они пытаются продать нам. Как пишет Боб Блэк в «Либертарианец как консерватор», «По моему мнению анархисты правого крыла просто минархисты, которые хотят отменить государство, к своему удовольствию назвав его каким-то другим именем... Они не осуждают то, что делает государство, они просто осуждают тех, кто делает это».

F.6.5 Какие другие эффекты будет иметь юстиция «свободного рынка»?

Такая система будет опасной просто потому, что помещает большую власть в руки компаний. Как замечает Майкл Тэйлор: «является ли защитный рынок соревновательным или нет, нужно помнить, что продукт является своеобразным: когда мы покупаем машины или обувь или телефонный сервис мы не даем фирмам власть, основанную на силе, но вооруженные защитные агентства, как государства, делают потребителей (своих и чужих) уязвимыми, и, давая им власть мы не можем быть уверены, что они будут использовать ее только для нашей защиты». [Community, Anarchy and Liberty, стр. 65]

Как мы утверждали выше, есть много причин считать, что «защитный» рынок поместит большинство общества (кроме богатой элиты) в «уязвимую» позицию. Одну из таких причин предлагают сами «анархо»-капиталисты. Как они отмечают, капитализм отмечен экстремальным разделением труда. Вместо того, чтобы все имели все навыки, которые им нужны, эти умения распределены в обществе и все (как утверждается) получают выгоду.

В равной степени это относится к защитному рынку. Люди становятся клиентами защитной фирмы, потому что они не могу или не хотят защищать свою собственность и личность. Навыки защиты, поэтому, сконцентрированы в этих компаниях и эти фирмы будут иметь преимущество в опыте и ментальном состоянии (они тренированы бороться) также как, возможно, в оружии. Это значит, что большинство нормальных людей будет в какой-то степени в невыгодном положении, если картель защитных фирм решит вести себя насильственно. Общество разделения труда будет подавлять распространение в обществе навыков, необходимых для длительной войны и так, возможно, обеспечит, что потребители останутся уязвимыми.

Ценой свободы может быть вечная бдительность, но желают ли большинство людей вечно готовиться к войне? Для современного общества, ответ кажется отрицательным, они предпочитают позволить другим делать это (а именно государству и его вооруженным силам). И, мы должны заметить, вооруженное общество может быть

вежливым обществом, но эта вежливость происходит из страха, а не взаимного уважения, и поэтому полностью фальшивая и разрушающая душу.

Если мы посмотрим на неравенство в обществе, оно может произвести геттоизацию в «анархо»-капитализме. Как замечает Дэвид Фридман, конфликт между защитными фирмами плох для бизнеса. Конфликт стоит денег в терминах используемого оружия и повышенных («деньги за опасность») зарплатах. По этой причине он думает, что между фирмами будет существовать мирная кооперация. Однако, если мы взглянем на бедные районы с высоким рейтингом преступлений, тогда ясно, что такие районы будут опасным местом. Другими словами, очень возможно что возникнет конфликт. Но конфликт повышает затраты, и таким образом цены. Значит ли это, что районы, больше всего нуждающиеся в полиции, будут также иметь самые высокие цены на принуждение к закону? Так обстоят дела со страховкой сейчас, поэтому возможно мы увидим целые районы, превращающиеся в анархию Гоббса просто из-за того, что высокие цены, связанные с опасными районами, сделают эффективный спрос на услуги правоохранительных органов близким к нулю.

В системе, основанной на «частном этатизме», полиция и юстиция будут определяться силами «свободного рынка». Как показано в разделе B.4.1, правые либертарианцы предлагают, что человек будет иметь мало прав на чужой собственности, и владелец будет законом (возможны ограничения, в некоторой степени, общим либертарианским сводом законов, возможно нет – смотри предыдущий раздел). В этой ситуации, те, кто не сможет позволить себе полицейскую защиту, станут жертвами бродячих бандитов и свирепствующих преступлений, в результате приводя к обществу, где богатые надежно защищены в своих бастионах со своими военными силами, с кучей бедных, толпящихся вокруг них для защиты. Это будет очень похоже на феодальную Европу.

Соревнующиеся полицейские силы будут также пытаться исполнять законы своих спонсоров на территориях, которые не принадлежат им, что приведет к конфликтам, только если все не согласятся следовать «общему либертарианскому своду законов» (как того хочет Ротбард). Если там существуют соревнующиеся своды законов, возникнет проблема, чьи законы выбирать и исполнять, с каждым богатым спонсором охраны, желающим чтобы его закон контролировал всю землю. И, как замечено раньше, если существует один «либертарианский свод законов», это будет «монополией правительства» на данной территории, и поэтому этатизм.

В дополнение, нужно отметить, что правые либертарианцы утверждают, что при их системе анархистские ассоциации будут разрешены, если они сформированы добровольно. Это отражает их праздный концепт свободы. Потому что такие ассоциации будут существовать внутри и будут подчиняться общему либертарианскому своду законов «анархо»-капиталистического общества. Эти законы будут отражать и защищать интересы и власть тех, у кого есть капиталистическая собственность, это значит, что если собственники не согласятся, вести анархическую жизнь будет почти невозможно (Прекрасно говорить, что люди с собственностью могут делать, что хотят, если у вас нет собственности тогда эксперимент может оказаться трудным – не говоря о немногих областях, которые сами себя обеспечивают. Анархические комунны будут подчиняться рыночным силам, рыночные силы подчеркивают и воз-

награждают качества, противоположные ценностям, на которых основана коммуна). Таким образом, мы должны покупать право быть свободными!

Если, как того желают анархисты, большинство людей откажутся признавать или защищать права частной собственности и станут свободно собираться, чтобы организовать свои жизни и игнорировать боссов, это будет классифицировано как «инициация насилия» при «анархо»-капитализме, и поэтому репрессировано. Другими словами, как в любой авторитарной системе, «правила» «анархо»-капитализма не развиваются вместе с обществом и его меняющимися концептами (это можно увидеть из популярности естественного закона среди правых либертарианцев).

Поэтому, при «анархо»-капитализме вы будете свободны следовать (капиталистическим) законам и вести себя в границах этих законов. Только в этом контексте вы можете экспериментировать (если у вас хватит денег). Если вы выступаете за эти границы, тогда вы будете подвержены принуждению. Количество этого принуждения, нужного для того, чтобы предотвратить такие действия, зависит от того насколько люди хотят уважать закон. Следовательно, «анархо»-капиталистическое общество не способствует социальным экспериментам и свободной эволюции, как любят утверждать его сторонники. На самом деле, будет происходить противоположное, так как любая капиталистическая система будет иметь неравенство богатства и власти внутри него, таким образом обеспечивая, что возможность экспериментировать будет у тех, кто может себе это позволить. Как сказал Джонатан Волф, «представление о людях, свободно переходящих от одной утопии к другой, до тех по пока они не найдут свой рай, игнорирует мысль, что некоторые выборы могут быть необратимы… Эта мысль может привести к спекуляции о том, применим ли закон эволюции ко многим утопиям. Возможно, в долгосрочной перспективе мы найдем структуру, регулируемую законом выживания наиболее экономически приспособленных, и поэтому мы ожидаем увидеть развитие не разнообразия, но однородности. Эти сообщества с большой экономической силой в конце концов впитают в себя всех, кроме самых устойчивых сообществ вокруг себя». [Robert Nozick: Property, Justice and the Minimal State, p. 135]

И если изначальное распределение ресурсов похоже на уже существующее, тогда «самый экономически приспособленный» будет капиталистический (как утверждается в разделе J.5.12, капиталистический рынок активно отбирает против кооперативов, хотя они более продуктивные). Все это начинается с этатизма, кажется возможным, что капиталистическая утопия останется доминирующим типом (частично потому, что правовая система защищает капиталистические права собственности). Более того, мы сомневаемся, что большинство «анархо»-капиталистов приняли бы свою идеологию, если бы было более возможно, что некапиталистические утопии победят капиталистические (в конце концов, они называют себя капиталистами).

«Анархо»-капиталисты, которые следуют идеям Мюррея Ротбарда и правые либертарианцы, сторонники минимального государства соглашаются, что все должны следовать базовому «главному либертарианскому своду законов», который защищает капиталистические права собственности, мы можем точно сказать, что экономически самыми приспособленными будут капиталисты. Едва ли удивительно, что свод законов отражает капиталистические идеи о плохом и хорошем. В дополнение, как сказал Джордж Райтцер (смотри «Макдолизацию общества»), капитализм

стремится к стандартизации и конформности по своей логике. Это предполагает, что множество общин скоро сменятся серий общин, которые разделяют одинаковые качества иерархии и правящих элит. («Анархо»-капиталисты последователи Дэвида Фридмана предполагают возможным, что свободный рынок в законах приведет к одному стандартному закону и это относится к этой школе также).

Так, в конце, «анархо»-капиталисты утверждают, что в их системе ты будешь свободен следовать (капиталистическим) законам и работать в (капиталистической) экономике, и если ты удачлив, прими участие в «комунне» как коллективистский капиталист. Как щедро с их стороны! Конечно, любая попытка изменить правила или экономику будет незаконной и будет остановлена частными государствами.

Показывая ложь «анархо»-капиталистических утверждений, что они поддерживают эксперименты, это обсуждение также показало, что при «анархо»-капитализме также будет существовать принуждение. Принуждение отсутствовало бы, если бы все добровольно уважали права частной собственности и подчинялись закону (т. е. вели себя одобренным капиталистами способом). Если ты подчиняешься закону, ты будешь в порядке – точно также как при публичном этатизме. Более того, если граждане общества не хотят капиталистических порядков, может потребоваться много принуждения, чтобы навязать его. Это можно увидеть из опыта оккупаций итальянских фабрик в 1920 г. (смотри раздел A.5.5), в котором рабочие отказались принимать капиталистическую собственность или власть как легитимную и игнорировали ее. В ответ на изменение мысли в большой группе общества, капиталисты поддержали фашизм, чтобы остановить эволюционный процесс в обществе.

Социалистический экономический историк Маурис Доббс, после изучения частных армий в 1920-ые и 1930-ые в Америке сказал то же самое: «Когда политика бизнеса делает шаг финансирования и вооружения массового политического движения, чтобы захватить государственную машину, чтобы объявить вне закона оппозиционные формы организации и подавлять враждебные мнения, у нас есть лишь дальнейшая и более логичная стадия за пределами (частных армий)». [Op, Cit., стр. 357]

(Известный австрийский экономист Людвиг фон Мизес, чьи экстремальные свободно рыночные либеральные политические и экономические идеи вдохновили правое либертарианство, сказал так про фашизм: «Нельзя отрицать того, что фашизм и близкие к нему движения, направленные на установление диктатур, полны лучших намерений, и их интервенция в данный момент спасла Европейскую цивилизацию. Заслуга, которую фашизм таким образом завоевал себе, навечно останется в истории». [Либерализм, стр. 67, издание на русском].)

Этот пример показывает, что капитализм per se по существу авторитарная система, потому что он необходимо основан на принуждении и иерархии, что объясняет, почему капиталисты прибегали к самым экстремальным формам авторитаризма – включая тоталитарную диктатуру – во время кризисов, которые угрожали фундаментальным правилам самой системы. Нет причины, чтобы думать, что «анархо»-капитализм будет отличаться.

Так как «анархо»-капитализм, со своими частными государствами, не хочет избавляться от иерархических форм власти, становится бесспорной необходимость одного правительства, чтобы унифицировать правоохранительную активность различных защитных компаний. В конце концов, это то, что признает «анархо»-капитализм со

своим «общим либертарианским сводом законов» (основанным на рыночных силах или «естественном законе»). Таким образом, оказывается, что одно правительство / иерархия на данной территории неизбежны при любой форме капитализма. Очевидно что демократическая форма этатизма, с системой сдержек и противовесов, предпочтительна для диктатора, чтобы установить «абсолютные» прав собственности и «абсолютную» власть.

Конечно, у нас есть другой выбор, кроме частного или публичного этатизма. Это анархизм, конец иерархической власти и его замена «естественной» властью общинного и рабочего самоуправления.

F.7 Как история «анархо»-капитализма показывает, что это не анархия?

Конечно, «анархо»-капитализм имеет исторические преценденты и «анархо»-капиталисты потратили много времени, стараясь собрать разных индивидов в их традицию противогосударственного либерализма. Это само по себе должно быть достаточно, чтобы показать, что анархизм и «анархо»-капитализм имеют мало общего, так как анархизм развивался в противоположность либерализму и его защите капитализма. Неудивительно, эти противогосударственные либералы имели тенденцию, в лучшем случае, отказываться называть себя анархистами, или, в худшем случае, открыто отрицали, что они анархисты.

Один «анархо»-капиталистический обзор их традиции представлен Дэвидом М. Хартом. Его взгляд на анархизм типичен для школы, замечая, что в его эссе анархизм или анархист «используется в смысле политической теории, которая адвокатирует максимум индивидуальной свободы, для чего необходимо устранить государственную или другую организованную силу». [*«Gustave de Molinari and the Anti-statist Liberal Tradition: Part I»*, стр. 263-290, **Journal of Libertarian Studies**, vol. V, no. 3, стр. 284] Анархизм никогда не заботился только об устранении государства. Скорее, анархисты всегда поднимали экономические и социальные требования и цели вместе со своей оппозицией государству. Как таковое, противостояние государству может быть необходимым условием чтобы быть анархистом, но не достаточное условие, чтобы считать определенного человека или теорию анархистской.

Специфически, анархисты анализировали частную собственность, замечая, что иерархические социальные отношения, созданные неравенством богатства (например, наемный труд) ограничивают индивидуальную свободу. Это значит, что если мы ищем «максимум индивидуальной свободы», тогда наш анализ не может быть ограничен государством или правительством. Таким образом, либертарианская критика частной собственности это неотъемлемый аспект анархизма. Следовательно, чтобы ограничить анархизм, как это сделал Харт, требует значительного переписывания истории, как можно видеть из его отчета а Вильяме Годвине.

Харт пытается отнести Вильяма Годвина к «противогосударственным» либералам, утверждая, что он «защищал индивидуализм и право на собственность». [**Op. Cit.**, стр. 265]. Он, конечно, цитирует Годвина, чтобы поддержать свое утверждение, но странно усекает аргумент Годвина, чтобы убрать его вывод, что: «когда законы морали ясно поняты, их превосходство универсально постигнуто, и сами они видятся совпадающими с частным благоприятным положением каждого человека, идея собственности в этом смысле останется, но ни один человек не будет иметь желания владеть больше чем его соседи для целей хвастовства или роскоши».

Другими словами, личная собственность (владение) будет все еще существовать, но не частная собственность в значении капитала или неравенства в благосостоянии. Для Годвина: «следует, что по принципам равноправного и беспристрастного правосудия, что хорошие вещи мира являются общими, на которые один человек имеет право, как и другой». [**An Enquiry into Political Justice**, стр. 199, 703] Вместо того, чтобы быть либералом, Годвин выдвинулся за пределы этой ограниченной идеологии, чтобы предоставить первую анархистскую критику частной собственности и авторитарных социальных отношений, которые она создала. Его видение свободного общества является, используя современную терминологию, волюнтаристским (либертарным) коммунизмом.

Этот анализ подтверждается в восьмой книге классической работы Годвина, озаглавленной «О собственности». Разумеется, Харт не упоминает этот анализ, неудивительно, потому что он позже был перепечатан как социалистический памфлет. Годвин думал, что «предмет собственности ключевая вещь, которая дополняет ткань политической справедливости». Как Прудон, он подверг собственность, также как и государство, анархическому анализу. Для Годвина, было «три степени» собственности.

Первое это владение вещами, которые тебе нужны, чтобы жить. Вторая это владение продуктами собственного производства. Третья степень «привлекает самое бдительное внимание в цивилизованных государствах Европы. Это система, в которой человек входит в право располагать вещами, которые произвели другие люди». Он замечает, что «это ясно поэтому, что третий вид собственности находится в прямом противоречии со вторым». [**Op. Cit.**, стр. 701, 710-712] Здесь очевидно сходство с классическим анализом Прудона частной собственности (и нужно подчеркнуть, что два основателя анархической традиции независимо пришли к критике частной собственности).

Годвин, в отличие от классических либералов, видел необходимость «указать на зло накопленной собственности», говоря, что «дух угнетения, дух рабства, и дух мошенничества… являются прямым результатом роста установленной администрации собственности. Они одинаково враждебны к интеллектуальному и моральному улучшению». Таким образом, частная собственность вредит личности и развитию тех, кто подвержен авторитарным социальным отношениям, которые она производит. Потому что «накопление приносит домой рабский дух» и такая накопленная собственность «стирает силу мысли в пыль, гасит искры гения, и уменьшает большую массу человечества до погружения в низменные заботы». Это значит, что «феодальный дух до сих пор сохраняется, что уменьшило великую массу человечества до ранга рабов и скота для службы немногим». Как социалистическое движение, которое он вдохновил, Годвин утверждал, что «следует считать, что несправедливость, неравное распределение собственности, жадность и эгоистичный дух людей являются одним из первоначальных источников правительства, и по мере того как оно повышается в своих излишествах, оно беспрестанно требует новые несправедливости, новые наказания и новое рабство». Он подчеркивал, «давайте не будем забывать, что накопление собственности это узурпация» и считал, что вред, производимый монархиями, судами, священниками и уголовными законами явеется «глупым и

немощным по сравнению с вредом, причиняемым установленной администрацией собственности». [**Op. Cit.**, стр. 732, 730, 726, 717-718, 725]

Неудивительно, учитывая этот анализ, Годвин выступал против существующей системы собственности и в пользу «справедливости в равном распределении хороших вещей для жизни». Это основывалось на «равенстве условий, или, другими словами, равном доступе к средствам улучшения жизни и удовольствия», поскольку этот «закон строго предписан человечеству голосом справедливости». [**Op. Cit.**, стр. 725, 736]

Таким образом, его анархические идеи были применены к частной собственности, замечая как последовательные анархисты, что экономическое неравенство привело к потере свободы для многих и, следовательно, анархическое общество увидит радикальные перемены в собственности и правах собственности. Как заметил Кропоткин, Годвин «сформулировал в 1793 в точной форме политические и экономические принципы анархизма». Неудивительно, что как многие другие, он говорил, что Годвин был «первым теоретиком социализма без правительства – то есть, анархии». [**Environment and Evolution**, стр. 62, 26]

Для Кропоткина, анархизм по определению был не ограничен только политическими вопросами, но также атаковал экономическую иерархию, неравенство и несправедливость. Как подтверждает Питер Маршалл, «экономика Годвина, как его политика, была расширением его этики». **Demanding the Impossible**, стр. 210]

Теория Годвина важна, потому что она сформировала то, что стало стандартной социалистической мыслью 19 века по этому вопросу.

В Британии, его идеи повлияли на Роберта Оуэна и, в результате, на раннее социалистическое движение в этой стране. Его анализ собственности, был идентичен и предшествовал классическому анархическому анализу Прудона. Говорить, как это сделал Харт, что Годвин просто «пришел к выводу, что государство было злом, которое нужно было уменьшить во власти, если не совсем устранить», и в то же время не замечать его анализ собственности дает радикально неправильное представление о его идеях. [**Op. Cit.**, стр. 265]

Однако, это подходит его ошибочному утверждению, что анархизм только обеспокоен государством. Любое свидетельство противоположного просто игнорируется.

F.7.1 Являются ли соревнующиеся государства анархией?

Нет, конечно нет. Согласно «анархо»-капитализму, они являются. Это можно увидеть из идей Густава де Молинари.

Харт стоит на твердой почве, когда утверждает, что французский экономист 19 века Густав де Молинари является настоящим основателем «анархо»-капитализма. Вместе с Молинари, он говорит, «две различных течения анархической мысли сошлись: он совместил политический анархизм Бурке и Годвина с возникающим экономическим анархизмом Адама Смита и Сэя, чтобы создать новые формы анархизма», которые были названы анархо-капитализмом, или анархизмом свободного рынка. [**Op. Cit.**, p. 269] Конечно, Годвин (как другие анархисты) не ограничивал свой анархизм только политическими вопросами и он обсуждал «экономический анархизм» так же как

критику частной собственности (это также сделал Прудон). Как таковое, искусственно разделять анархизм на политические и экономические сферы это исторически и логически ошибочно. В то время как словари ограничивают «анархизм» оппозицией государству, анархисты так не делали и не делают.

Ключевая проблема для Харта в том, что Молинари отказывался называть себя анархистом. Он даже не противостоял государству, как сам Харт замечает, Молинари предлагал систему страховых компаний, чтобы защищать собственность и «называл эти страховые компании 'правительством', хотя они не обладали монополией на данной географической области». Как замечает Харт, Молинари был единственным защитником такой системы свободно-рыночной юстиции в то время во Франции. [David M. Hart, *«Gustave de Molinari and the Anti-statist Liberal Tradition: Part II»*, pp. 399-434, **Journal of Libertarian Studies**, vol. V, no. 4, стр. 415, 411]

Молинари ясно сказал, что он хочет «режим свободных государств» в противовес «монополистическим и коммунистическим правительствам». Это будет вести к «свободе государств», а не к отмене государства (т. е. не свобода от государства). Для Молинари будущее будет вести не к «подавлению государства, как о том мечтают анархисты… Оно принесет диффузию государства внутри общества. Это.. свободное государство в свободном обществе». [quoted by Hart, Op. Cit., p. 429, p. 411 and p. 422]

Молинари едва ли можно считать анархистом, даже если анархизмом считать только противостояние государству.

Более того, в другом смысле Молинари поддерживал государство. Как мы обсуждали в разделе F.6, эти компании будут иметь монополию на определенной географической области – они должны, чтобы обеспечивать соблюдение власти владельца над теми, кто использует, но не владеет, собственностью в вопросе. Ключевое противоречие можно увидеть в адвокации Молинари городов, принадлежащих компаниям, частных общин (его термин был «проприетарная компания»). Вместо налогов, люди будут платить арендную плату и «управление общиной будет либо оставлено в руках компании или передано специальной организации, созданной для этой цели». При таком режиме «те, у кого больше собственности, будут иметь пропорционально большее влияние в вопросах, влияющих на общину». Если бедные будут против, тогда они смогут просто уйти. [**Op. Cit.**, стр. 421, 422]

Идея о том, что Молинари был анархистом может быть отклонена. Его система была основана на приватизации правительства, а не на его отмене (как он сам признавал). Это будет отличаться от текущей системы, конечно, так как лендлорды и капиталисты будут нанимать полицию напрямую, чтобы она исполняла их решения, а не полагаться на государство, которое они контролируют не напрямую. Эта система не будет анархической, как можно увидеть из американской истории. Капиталисты и лендлорды создали свои частные полицейские силы и армии, которые регулярно атаковали и убивали организаторов профсоюзов и забастовщиков. Как пример, существовал Департамент Сервиса Генри Форда (частная полиция):

«В 1932 году голодный марш безработных планировал маршировать к воротам завода Форда в Дэдборне… Пулеметы дэдборнской полиции и Департамент Сервиса в компании Форд Мотор убили 4 и ранили более 20 человек… Форд фундаментально и полностью был против профсоюзов. Идея работающих людей, ставящих под вопрос его привилегии владельца была скандальной… Завод управлялся автократическим

режимом военных Беннета. Беннет организовал и тренировал три с половиной тысячи полицейских, нанятых Фордом. Его задачей было сохранять дисциплину среди работников, защищать собственность и власть Форда, и предотвратить образование профсоюза… Фрэнк Мёрфи, мэр Детройта, утверждал, что 'Генри Форд нанял самых худших гангстеров в нашем городе'. Эти слова были обоснованы. Чеены Департамент Сервиса Форда охраняли ворота его заводов, проникали в неожиданно появляющиеся группы профсоюзных активистов, выдавали себя за рабочих, чтобы шпионить за людьми в очереди… При этой тирании работники Форда не имели безопасности, не имели прав. В такой степени, что любая информация о состоянии дел на заводе могла быть только получена от бывших работников Форда». [Huw Beynon, **Working for Ford**, pp. 29-30]

Частная полиция атаковала женщин работниц, раздающих листовки про профсоюзы и жестоко их избила. В Канзасе и Далласе «похожим избиениям подверглись профсоюзники». Это использование частной полиции, чтобы контролировать рабочую силу, было не уникальным. Дженерал Моторс «потратили один миллион долларов на шпионаж, наняв 14 детективных агентств и 200 шпионов в одно время (между 1933 и 1936 годами). Детективное агентство Пинкертона обнаружило, что борьба с профсоюзами оказалась самой прибыльной активностью». [**Op. Cit.**, стр. 34, 32]

Мы должны отметить, что агентство Пинкертона оказывало услуги частной полиции за десятилетия до 1930-ых. В течение более чем 60 лет Детективное Агентство Пинкертона «специализировалось в предоставлении шпионов, агентов провокаторов, и частной армии для работодателей, борющихся с трудовыми организациями». К 1892 году оно «предоставило услуги менеджмента в 70 крупных трудовых спорах, и его 2000 активных агентов и 30000 в резерве составили больше, чем постоянная армия страны». [Jeremy Brecher, **Strike!**, стр. 55] С доступностью таких сил, неудивительно, что профсоюзы так трудно выживают в США.

Только «анархо»-капиталист будет отрицать, что это частное правительство, нанимающее частную полицию, чтобы обеспечить исполнение частной власти. Учитывая, что профсоюзы могут считаться «защитными» агентствами для работников, это предполагает картину того, как «анархо»-капитализм будет работать на практике, радикально отличаясь от того, что предлагают его сторонники.

Причина проста, это не игнорирует неравенство и подвергает собственность анархическому анализу. Неудивительно, что Прудон подчеркивал, что «необходимо для работников собраться в демократические общества, с равными условиями для всех членов, под страхом возврата в феодализм». Анархизм, другими словами, «увидит капиталистическую эксплуатацию остановленной везде, и зарплатная система будет отменена» и «экономические организации заменят правительственные и военные системы». [**The General Idea of the Revolution**, стр. 227, 281]

Ясно, что Прудон не разделял те же политические цели, что и Молинари. Он бы отклонил такую систему как немного обновленную форму феодализма, в которой владелец собственности является сувереном и работники подчиняются (смотри также раздел B.4).

Неудивительно, Молинари (в отличие от индивидуалистических анархистов) атаковал систему суда присяжных, говоря, что она заставляет людей «выполнять обязанности судей. Это чистый коммунизм». Люди будут «судить основываясь на своем

мнении, а не опираясь на справедливость». [quoted by Hart, **Op. Cit.**, стр. 409] Так как система суда присяжных использует любителей (т. е. обычных людей), а не профессионалов, на нее нельзя возложить обязанность защищать власть и права собственнности богатых. Как мы отмечали в разделе F.6.1, Ротбард критиковал индивидуалистических анархистов за поддержку присяжных по той же самой причине.

Но, как ясно из отчета Харта, Молинари не считал, что рабочие должны иметь влияние на свою жизнь, кроме потребления товаров и выбора боссов. Его точка зрения может быть видна из его сокрушения, что «В колониях, где рабство было уничтожено без замены принудительного труда соответствующим количеством свободного труда, мы видели нечто противоположное тому, что наблюдаем каждый день. Мы видели, как простые рабочие, со своей стороны, эксплуатировали промышленных предпринимателей и требовали такой заработной платы, которая выше причитающейся им законной доли продукта. Плантаторы, лишенные возможности получать за свой сахар такую цену, которая покрывала бы увеличение заработной платы, были вынуждены покрывать дефицит сначала за счёт своей прибыли, а потом и за счет своего капитала. Многие плантаторы таким образом разорялись, другим пришлось прекратить свои предприятия, чтобы предотвратить неизбежное разорение… Без сомнения, пусть лучше не будет накопления капиталов, чем погибнут целые поколения людей» (Маркс: какое великодушие со стороны г-на Молинари) «но не лучше ли было бы, если бы не погибали ни те, ни другие?» (цитируется по Карлу Марксу, Capital, том 1, стр. 937).

Получается, что работники, эксплуатирующие капитал это противоположно тому, что мы наблюдаем каждый день? Другими словами, это нормально, что предприниматели эксплуатируют работников при капитализме? Похожим образом, что есть законная доля, которую должны получать работники? Конечно, это определяется вечными законами спроса и предложения, а не тем, что считают правильным капиталисты (или Молинари)? И эти бедные бывшие надсмотрщики над рабами, они заслуживают нашей симпатии. Какие ужасы они терпят от своих бывших рабов – им пришлось уменьшить свои доходы! Как могли их бывшие рабы отказаться подчиняться им за то, что их бывшие владельцы считали их законной долей продукта!

Как просты были эти рабочие, не понимая жертв, на которые шли их бывшие хозяева и не ценя как трудно было их бывшим хозяевам создавать продукт без помощи плетки и клеймящего железа! Как правильно комментирует Маркс: «И скажите, пожалуйста, что это за „законная доля", которой, по вашему признанию, капиталист в Европе не доплачивает каждый день! Г-ну Молинари очень уж хочется там, в колониях, где рабочие так „неотёсаны", что „эксплуатируют" капиталистов, полицейскими мерами придать надлежащее действие закону спроса и предложения, который в других случаях действует автоматически.» [**Op. Cit.**, стр. 937]

Утверждению, что Молинари был анархистом, придает дополнительную трудность то, что он был современником Прудона, первым человеком, назвавшим себя анархистом, и жил в стране с сильным анархическим движением. Конечно, если бы он действительно был анархистом, он бы наладил контакты с Прудоном и присоединился к широкому движению. Он этого не сделал. Вот что Харт говорит о Прудоне:

«Их различия в экономической теории были значительными, и возможно по этой причине Молинари отказывался называть себя анархистом, несмотря на многие схо-

жести в политической теории. Молинари отказывался принимать социалистические экономические идеи Прудона… По мнению Молинари, термин 'анархист' был тесно связан с социалистическими и этатистскими экономическими взглядами». [Op. Cit. стр. 415]

Экономические взгляды Прудона, как и Годвина, происходили из его анархического анализа и принципов. Они не могут быть произвольно разделены, как предлагает Харт. Утверждая, что «Молинари был таким же анархистом, как Прудон», Харт забывает ключевой момент. Прудон знал, что частная собственность обеспечивала, что пролетарий не владел собой во время рабочих часов, то есть управлялся другими. Когда Харт утверждает, что Прудон имел «этатистские экономические взгляды», это просто показывает, как далеко «анархо»-капитализм от настоящего анархизма. Экономический анализ Прудона, его критика частной собственности и капитализма, вытекала из его анархизма и была важной частью его.

Ограничивая анархизм только оппозицией государству, Харт обедняет анархическую теорию и отрицает его историю. Учитывая, что анархизм родился из критики частной собственности, так же как государства, это показывает ошибочную природу его аргументов, что «Молинари был первым, кто разработал теорию свободного рынка, собственнического анархизма, который расширил законы рынка и строгую защиту собственности до его логического края». [**Op. Cit.**, стр. 415, 416] Харт показывает, как далеко от анархизма был Молинари, так как Прудон обратил свой анархический анализ на собственность, показывая, что «защита собственности» вела к подавлению многих меньшинством в социальных отношениях, идентичных тем, которые существуют в государстве. Более того, Прудон утверждал, что государство всегда будет необходимо, чтобы защищать такие социальные отношения. Приватизировать его вряд ли будет шагом вперед.

Неудивительно, Прудон отклонил идею, что капитализм laissez faire разделял его цели. «Школа Сэя,» утверждал Прудон, была «главным фокусом контрреволюции, после иезуитов» и «за прошедшие десять лет существовала только чтобы защищать и одобрять отвратительную работу монополистов денег и предметов первой необходимости, все больше углубляя неясность науки, (экономики) естественно трудной и полной осложнений» (то же самое можно сказать про «анархо»-капиталистов, между прочим).

Для Прудона, «ученики Мальтуса и Сэя, которые противостояли со всей своей силой против любой интервенции государства в вопросы коммерции и промышленности, не упускают выгоду из этой кажущейся либеральной позиции, и показывают себя более революционными, чем Революция. Более чем один честный исследователь был обманут таким образом».

Однако, это явное «анти этатистское» отношение сторонников капитализма ошибочно, так как капитализм свободного рынка не может решить социальный вопрос, который возникает из-за самого капитализма. Как таковое, было невозможно отменить государство при капитализме. Таким образом, «это бездействие власти в экономических вопросах является основой правительства. Что нам нужно от политической организации, если власть когда-то позволила нам наслаждаться экономическим порядком?» Вместо капитализма, Прудон поддерживал «конституцию Ценности», «организацию кредита», устранение процентной ставки, «установление

ассоциаций рабочих людей» и «использование справедливых цен». [**The General Idea of the Revolution**, стр. 225, 226, 233]

Ясно, что утверждение, что Молинари был анархистом, проваливаются, потому что он, в отличие от своих последователей, знал, чего добивается анархизм. Харт, в своей манере, признает это:

«Несмотря на его протесты о противоположном, Молинари должен быть признан анархическим мыслителем. Его атака на государственную монополию защиты должна соответствовать определению анархизма. Его неохота принимать это название происходило из факта, что социалисты использовали его первые, чтобы описать форму общества без государства, которой Молинари определенно противостоял. Как многие оригинальные мыслители, Молинари приходилось использовать концепты, развитые другими, чтобы описать свои теории. В его случае, он пришел к тем же политическим выводам, как и коммунистические анархисты, хотя он работал в либеральной традиции, и поэтому неудивительно, что термины, используемые двумя школами, были несовместимы. Так было до последней половины двадцатого века, когда радикальные либералы, поддерживающие свободный рынок стали использовать слово анархист, чтобы описывать свои взгляды». [Op. Cit. стр. 416]

Нужно отметить, что Прудон не был анархо-коммунистом, но смысл этой цитаты верный. (Ротбард также показал свое понимание анархизма, утверждая что «слабоумный Бакунин» был «ведущим анархо-коммунистом», который «подчеркивал особую роль люмпен-пролетариата в 1840-ые». [**The Logic of Action II**, стр. 388, 381] Это производит впечатление, потому что Бакунин стал анархистом в 1860-ые. Любой человек с базовым знанием анархистской истории знает, что анархо-коммунизм образовался после его смерти, и Бакунин не признавал люмпен-пролетариат агентом социальных изменений. Ротбардовские и марксисткие изобретения не выдерживают критики.) Цели анархизма были признаны Молинари противоречащими его идеологии. Следовательно, он (правильно) отказался от названия. Если бы его самозванные последователи в «последней половине двадцатого века» сделали то же самое, анархизм бы не волновался на счет них!

Кажется ироничным, что основатель «анархо»-капитализма пришел к тому же выводу, что и современные анархисты по поводу того, являются его идеи анархическими или нет!

F.7.2 Совместимо ли государство с анархией?

Конечно нет, но иронически к противоположному выводу пришел Харт, анализируя британских «волюнтаристов», в частности Ауберона Герберта. Волюнтаризм был дополнительной частью правого индивидуалистического движения, вдохновленного Гербертом Спенсером, ведущим оратором за свободно рыночный капитализм в последней половине 19 века. Как Харт, ведущий «анархо»-капиталист Ханс-Херман Хоппе считает, что Герберт «развил идею Спенсера равной свободы до его логического анархо-капиталистического конца». [Anarcho-Capitalism: An Annotated Bibliography]

Как с Молинари, есть проблема с представлением этой идеологии анархической, а именно что его ведущий свет, Герберт, открыто отрицал название «анархист» и призывал к правительству и демократическому государству. Таким образом, видимо, государство и правительство логически совместимы с «анархо»-капитализмом и наоборот!

Герберту было известно об индивидуалистическом анархизме и он дистанциировался от него. Он утверждал, что такая система будет «кромешным адом». Он думал, что мы «не должны направлять свои атаки – как делают анархисты, против всего правительства, против правительства самого по себе» но «только против разросшегося, преувеличенного, дерзкого, необоснованного и непростительного правительства, которое находится повсюду сейчас». Правительство должно быть «строго ограничено своими законными обязанностями по защите владения собой и индивидуальных прав». Он подчеркивал, что «мы поддерживаем правительство… формально образованное нацией, используя в вопросе силы метод большинства». Более того, Герберт знал об индивидуалистическом анархизме и отрицал его, считая, что он «основан на фатальной ошибке». [Essay X: The Principles Of Voluntaryism And Free Life]

Он повторил этот аргумент в других словах, констатируя, что анархия это «противоречие», и что волюнтаристы «отрицают анархическое убеждение». Он ясно сказал, что они «верят в национальное правительство, добровольно поддерживаемое… и которому доверили силу только для защиты личности и собственности». Он называл свою систему национального государства, финансируемого добровольными взносами «Добровольным государством». [«A Voluntaryist Appeal», Herbert Spencer and the Limits of the State, Michael W. Taylor (ed.), стр. 239, 228]

Как таковые, утверждения что Герберт был анархистом не подтверждаются.

Харт знал об этой незначительной проблеме, он процитировал утверждение Герберта о том, что он стремился к «регулярному правительству, в общем принятым всеми гражданами для защиты индивидуума». [quoted by Hart, Op. Cit., стр. 86] Как Молинари, Герберт знал, что анархизм это форма социализма и что политические цели нельзя искусственно отделить от экономических и социальных целей. Он был прав, когда не называл свои идеи анархизмом, так как это приведет к путанице (в частности, потому что анархизм был гораздо более широким движением, чем его). Как признает Харт, «Герберт встретился с такими же проблемами, как Молинари, когда называл свою философию. Как Молинари, он отрицал термин 'анархизм', который он связывал с социализмом Прудона и… терроризмом». Он толерантно относился к индивидуалистическому анархизма, он думал, что они «ошибаются в своем отрицании правительства».

Однако, Харт знает больше чем Герберт о его собственных идеях, утверждая, что его идеология «на самом деле является новой формой анархизма, потому что самый главный аспект современного государства, монополия на насилие в определенной области, отрицается в уверенных терминах обоими людьми». [Op. Cit., стр. 86] Он упоминает, что Бенджамин Такер называл Герберта «настоящим анархистом во всем, кроме названия», но Такер отрицал, что Кропоткин был анархистом, предполагая, что вряд ли был надежным руководством. [quoted by Hart, Op. Cit., стр. 87] Кажется Такер (в отличие от других анархистов) ошибался в своей оценке политики Герберта.

В то время как существует сходство между позицией Герберта и индивидуалистическим анархизмом, «пропасть» между ними «в других аспектах непреодолима», замечает историк Мэттью Томас. «Основной задачей индивидуалистов было сохранение существующих отношений собственности и поддержание определенной формы организации, чтобы защитить эти отношения... Такое рудиментарное государство было очевидно несовместимо с желанием индвидуалистических анархистов уничтожить государство. Анархисты также требовали значительных изменений в структуре отношений собственности через разрушение земельной и денежной монополии. Они утверждали, что это создаст равные возможности для всех. Индивидуалисты, однако, отрицали это и защищали коммерческие интересы класса, владеющего собственностью. Последствия таких различий предотвращали любые настоящие альянсы». [Anarchist Ideas and Counter-Cultures in Britain, 1880-1914, стр. 20]

Анархист Вильям Р. Макренчер, в своем анализе либертарного (социалистического) движения позднего 19 века в Британии, приходит к выводу (справедливо), что Герберт «часто ошибочно принимался за анархиста» но «чтение работы Герберта показывает, что он не был анархистом». [Freedom and Authority, стр. 199, 73] Ведущий британский социалистический журнал того времени замечает что «последователей Ауберона Герберта в Англии иногда называют анархистами чужаки, но они хотят прийти к компромиссу с несправедливостью государства, чтобы сохранить частную собственность». [Freedom, Vol. II, No. 17, 1888]

Некоторые не-анархисты называли Герберта анархистом. Например, Дж. А. Хобсон, левый либерал, написал критику политику Герберта, озаглавленную «Анархизм богатого человека». Хобсон говорил, что поддержка Гербертом эксклюзивной частной собственности приведет к тому, что бедные будут закрепощены богатыми. Герберт, «позволяя первым пришедшим монополизировать без ограничений лучшие природные ресурсы» позволит им «разрушить и ограничить похожую свободу тех, кто пришел после них». Хобсон приводит «экстремальный пример» острова «всю площадь которого присвоили несколько индивидуумов, которые используют право эксклюзивной собственности и передачи... которые установили династию.» В такой ситуации, основная часть населения будет лишена прав осуществлять свои способности или пользоваться продуктами своего труда, которое Герберт называл самым неотчуждаемым правом из всех. Хобсон пришел к выводу: «Таким образом, свобода немногих (в смысле Герберта) означает рабство многих». quoted by M. W. Taylor, Men Versus the State, стр. 248-9] М. У. Тэйлор замечает, что «из всех вопросов, которые поднял Хобсон... этот аргумент был самым эффективным, и Герберт не смог привести удовлетворительный ответ». [Op. Cit., стр. 249]

Ироничная вещь в том, что критика Хобсона похожа на анархическую и, более того, просто повторяет аргумент Прудона в «Что такое собственность?». С анархической точки зрения, неспособность Герберта ответить неудивительна, учитывая силу либертарной критики Прудона частной собственности. На самом деле, Прудон использовал аргумент, похожий на аргумент Хобсона, представляя «колонию... в отдаленной местности», а не остров. Его аргумент и выводы те же самые, с меньшинством, становящимся «владельцами целого района» и остальные остаются без собственности и «вынуждены продавать свое право по рождению». Он заключил словами: «В наш век буржуазной морали нравственное чувство настолько атрофиро-

валось, что я ничуть не буду удивлен, если многие честные собственники искренно спросят меня, что я во всем этом вижу дурного, несправедливого и незаконного. Грязные душонки! живые мертвецы! можно ли убедить вас, если вы даже, глядя на явное воровство, не понимаете, что это именно воровство!» [What is Property?, стр. 125-7] Что показывает, как далеко позиция Герберта от настоящего анархизма — и как далеко «анархо»-капитализм.

Экономически, Герберт не был анархистом, утверждая, что государство должно защищать локковские права собственности. Конечно, Харт может утверждать что эти экономические различия не имеют значения в вопросе анархизма Герберта, но это только повторяет утверждение, что анархизм только озабочен правительством, утверждение которое трудно поддержать. Эта позиция не выдерживает критики, особенно учитывая, что Герберт и Молинари защищали право капиталистов и лендлордов заставлять работников и арендаторов следовать их приказам. Их «правительства» существовали, чтобы защищать капиталистов от бунтующих работников, чтобы разрушать профсоюзы, забастовки и оккупации. Другими словами, они были монополией силы на данной области (а именно, желания владельцев собственности). В то время как они могли утверждать, что это было «защитой свободы», в реальности это защита власти и авторитета.

Как насчет того, чтобы посмотреть на политический аспект его идей? Поддерживал ли Герберт анархизм? Нет, далеко от этого. Он ясно требовал минимального государства, основанного на добровольном налогообложении. Государство не будет использовать силу любого вида, «кроме силы, используемой в целях ограничения силы». Он утверждал, что в его системе «государство не должно принуждать ни к каким услугам и не должно принуждать к платежам», оно «должно быть свободно проводить много полезных начинаний… в соревновании со всеми добровольными агентствами… в зависимости от добровольных платежей». [Herbert, Essay X: The Principles Of Voluntaryism And Free Life]

«Государство» остается и только если он не использует термин «государство» некоторым очень необычным способом, ясно, что он имеет в виду систему, где люди живут при единственном выбранном правительстве, которое вырабатывает законы, судит и защищает внутри определенной территории.

Это становится ясно, когда мы смотрим, как государство будет организовано. В своем эссе «Политик в поле зрения убежища», Герберт обсуждает право участвовать в выборах, констатируя, что оно будет ограничено теми, кто платит добровольный «подоходный налог» и люб_ая, кто «платит его, будет иметь право голосовать; те, кто не заплатил_, будут без права голосовать, что справедливо. Не будет других налогов.» Закон будет строго ограничен, конечно, и «правительство… должно ограничить себя просто защитой жизни и собственности, касается это внешней или внутренней защиты». Другими словами, Герберт был минимальным этатистом, с правительством, выбранным большинством тех, кто платит подоходный налог и которое финансируется этим налогом (и любым другим добровольным налогом, который они решили заплатить). Возможность индивидов и компаний нанимать свою частную полицию при таком режиме не имеет значения при определении того, является ли это анархией.

Это можно увидеть из сравнения Герберта с Айн Рэнд. Никто не утверждал, что Рэнд была анархисткой, но в то же время ее идеи очень похожи на идеи Герберта. Как Герберт, Рэнд поддерживала laissez-faire капитализм и была против «инициации насилия». Как Герберт, она расширила этот принцип, чтобы поддержать правительство, основанное на добровольных началах. [«Government Financing in a Free Society,» The Virtue of Selfishness, pp. 116-20]

Более того, как Герберт, она открыто отрицала, что была анархисткой и, снова как Герберт, думала, что идея соревнующихся защитных агентств («правительств») приведет к хаосу. Схожесть с Гербертом очевидна, но ни один «анархо»-капиталист не скажет, что Рэнд была анархисткой, хотя некоторые говорят, что Герберт был анархистом.

Эта позиция, конечно, глубоко не логична и вытекает из неанархической природы «анархо»-капитализма. Возможно неудивительно, когда Ротбард обсуждает идеи «волюнтаристов» он не обсуждает ключевой вопрос, кто определяет законы, которые действуют в обществе. Для Ротбарда, ключевым вопросом было кто исполняет закон, а не откуда происходят законы (конечно, если он одобрял эти законы). Подразумевание этого важно, так как это предполагает, что «анархизм» не должен быть против государства и правительства! Это можно ясно увидеть из анализа Ротбардом позиции Герберта по добровольному страхованию.

Ротабрд корректно замечает, что Герберт поддерживал добровольные налоги как средство финансирования государства, чья главная роль была обеспечить локковское право собственности. Ключевой смысл его критики был не в том, кто определяет закон, но кто приводит его в исполнение. Для Ротбарда, это должны быть частные полиция и суды и он предполагает, что «добровольные налоговики никогда не пытались решить эту проблему; они упорно считали, что никто не создаст конкурирующее защитное агентство в территориальных границах государства». Если государство противостоит таким фирмам, тогда эта система не является настоящим свободным рынком. Однако, «если правительство разрешит свободную конкуренцию в защитном сервисе, скоро не останется центрального правительства на территории. Защитные агентства, полиция и суды, будут соревноваться между собой таким же ненасильственным способом, как производители любой другой услуги на рынке». [Power and Market, p. 122 and p. 123]

Очевидно, здесь кроется ошибка. Ротбард игнорирует, кто определяет закон, который частные «защитные» фирмы будут приводить в исполнение. Если законы делаются центральным правительством, тогда факт, что граждане могут нанять частную полицию и пользоваться частными судами, не делает режим не этатистским. Мы можем точно предположить, что Рэнд, например, не будет иметь проблем с компаниями, предоставляющими частных охранников или нанимающих частных детективов в контексте ее минимального государства. Иронично, что Ротбард подчеркивает необходимость в такой монопольной легальной системе:

«В то время как государство перестанет существовать, то же самое нельзя будет сказать про конституцию или правление закона, которое, на самом деле, возьмет на себя гораздо более важную функцию в свободном обществе, чем в настоящем. Свободно конкурирующие юридические агентства должны следовать абсолютному закону, чтобы различать объективно защиту и вторжение. Этот закон, воплощаю-

щий разработку основного предписания на защиту личности и собственности от актов вторжения, будет кодифицирован в основном правовом кодексе. Неудача в установлении такого кодекса приведет к разрушению свободного рынка, потому что тогда защита против вторжения не может быть адекватно достигнута». [Op. Cit., стр. 123-4]

Если вы нарушите «абсолютный закон», защищающий (абсолютные) права собственности, тогда вы окажетесь в беде. Проблема сейчас существует в определении, кто пишет закон. Для Ротбарда, как мы заметили в разделе F.6.1, в его системе монопольные законы будут определяться судьями, либертарианскими адвокатами и юристами. Волюнтаристы предложили другое решение, а именно центральное правительство, выбранное большинством тех, кто добровольно решил платить подоходный налог. По словам Герберта:

Мы все соглашаемся, что должно существовать центральное агентство, борющееся с преступлениями — агентство, которое защищает свободу всех людей, и применяет силу против использования силы; но мое центральное агентство основано на добровольной поддержке, в то время как центральное агентство мистера Леви основано на принудительной поддержке». [quoted by Carl Watner, «The English Individualists As They Appear In Liberty,» стр. 191-211, Benjamin R. Tucker and the Champions of Liberty, стр. 194]

И всё, о чем волнуется Ротбард, это будут существовать частные полицейские или нет! Это отсутствие беспокойства о том, будет ли существовать государство и правительство, следует из странного факта, что «анархо»-капиталисты используют термин «анархизм» в отношении любой философии, которая противостоит всем формам инициации насилия. Заметьте, что правительство не играет роли в этом определении, таким образом Ротбард может анализировать политику Герберта, без комментирования, кто определяет законы, которые его частные «защитные» агентства приводят в исполнение. Для Ротбарда, «анархическое общество» определяется «как то, в котором нет законной возможности для агрессии против личности и собственности индивидуума». Он потом перешел к государству, определяя его как «институцию, которая имеет одно или оба (почти всегда оба) следующих свойства: (1) оно получает доход с помощью физического принуждения, известного как налоги и (2) оно владеет принудительной монополией на предоставление защитных услуг (полиция и суды) на данной территории». [Society without a State, p. 192]

Это очень необычное определение «анархизма», оно не упоминает или определяет правительство. Это, возможно, понятно, так как любая попытка определить его в терминах «монополии на принятие решений» приводит к обнаружению, что капитализм этатистский (смотри раздел F.1 для краткого изложения). Ключевой вопрос здесь в термине «легальная возможность». Это предполагает систему законов, которые определяют что такое агрессия и что такое легитимная «собственность». Герберт считается некоторыми «анархо»-капиталистами «анархо»-капиталистом. Что приводит нас к странному заключению, что для «анархо»-капиталистов вы можете иметь систему «анархизма» в котором существует правительство и государство — и государство не навязывает налоги и не останавливает работу частной полиции!

Как утверждает Ротбард «если правительство, основанное на добровольных взносах, позволяет свободную конкуренцию, результатом будет система свободного

рынка… Предыдущее правительство будет теперь просто одним из конкурирующих защитных агентств, среди многих на рынке.» [Power and Market, p. 124]

То, что правительство определяет, что законно, а что нет, кажется не беспокоит его и даже не приходит в голову. Почему оно должно, если существование правительства не играет роли в его определении анархизма и государства? Частная полиция, приводящая в исполнение монопольные законы, определяемые правительством это едва ли шаг в правильном направлении и это не может считаться анархизмом. Возможно это неудивительно, что при этой системе будет «базовый кодекс законов» который «все должны исполнять» также как «некоторый способ решения споров, который получит ободрение большинства в обществе… чьи решения будут приняты большинством общества». [«Society without a State,», p. 205]

Это просто государство под другим именем, что можно видеть, взглянув на других правых либералов. Милтон Фридман, например, заметил, (правильно) что «последовательный либерал это не анархист». Он констатировал, что правительство необходимо, чтобы предоставлять «легальную структуру» и предоставить «определение прав собственности». Другими словами, чтобы «определять, судить и приводить в исполнение правила игры». [Capitalism and Freedom, стр. 34, 15, 25, стр. 26, 27] Для Людвига фон Мизеса «либерализм это не анархизм, и не имеет ничего общего с анархизмом». Либерализм «ограничивает активность государства в экономической сфере только для защиты собственности». [Liberalism, стр. 37, 38] Ключевое различие между этими либералами и либерализмом Ротбарда в том, что не избранный парламент создает законы, общий кодекс законов «анархо»-капитализму создадут «либертарианские» адвокаты, юристы и судьи. Оба будут иметь законы, интерпретируемые судьями. Система Ротбарда также будет основана на законной структуре, которая предоставляет определение собственности и определяет правила игры. Однако, способы приведения в исполнение и арбитража этих законов будут частными. Даже это едва ли различие, так как сомнительно, что Фридман или фон Мизес (как Рэнд или Герберт) запрещали бы частные охранные фирмы или добровольные услуги арбитража, если они следуют законам страны. Единственное большое различие в том, что система Ротбарда открыто исключает публику из создания или исправления законов, которым они подчиняются и позволяет (процветающим) судьям интерпретировать и добавлять (капиталистические) законы. Возможно лишение этого права у народа это единственный способ, которым минимальное государство остается минимальным (как утверждал Ротбард) и капиталистическая собственность, власть и права собственности останутся защищенными и неприкосновенными, но ситуация в которой народ не имеет права голоса в режиме и законах, которым они подчиняются, обычно называется диктатурой, а не «анархией».

По крайней мере, Герберт был ясен в том, что его политика была правительственной системой, в отличие от Ротбарда, который предлагает монополию закона, но думает что это не правительство или государство. Как утверждал Дэвид Уик, это нелогично, в соответствии с Ротбардом «все должны будут подчиняться одному своду законов» и это может быть достигнуто только «насильственными действиями приверженцев закона против тех, кто попирает его» и поэтому «в его системе будут стоять против каждого человека юридические полномочия всех остальных. Человек, который не признает частную собственность легитимной, несомненно, воспримет

это как тиранию закона, тиранию большинства или самых сильных — вкратце, государство с многими головами. Если свод законов унитарен, тогда это множественное государство имеет только одну голову — закон… Можно назвать это государством, по определению Ротбарда, оно удовлетворяет одному из необходимых условий: 'Оно имеет насильственную монополию на предоставление защитных услуг (полиция и суды) на данной территории'… Индивидуальный суверен Гоббса становится многими суверенами — с одним законом. Лучше назвать это либертарианским государством, чем анархией, и это вызовет меньше путаницы». [Anarchist Justice, стр. 216-217]

Очевидными жертвами принуждения нового государства станут те, кто отрицает власть своих боссов и лендлордов, те, кто отрицают локковские права собственности, которыми дорожат Ротбард и Герберт. В таких случаях, бунтари и любое «защитное агентство» (как, например, профсоюз), которое защищает их, будет выставлено из бизнеса, так как нарушило закон страны. Как это отличается от государства, запрещающего конкурирующие агентства, трудно сказать. Это «трудность», утверждает Уик, «результирует из присоединения принципа частной собственности, и неограниченного накопления богатства, к принципу индивидуальной свободы. Это резко увеличивает вероятность того, что многие разумные люди, которые уважают своих коллег мужчин и женщин окажутся вне закона из-за несогласия с собственнической интерпретации свободы». Похожим образом, существуют экономические результаты капитализма. «Можно представить», продолжает Уик, «что те, кто проиграют в свободной конкуренции экономической системы Ротбарда, возможно значительное число, могут считать законную власть чуждой силой, государством для них, основанном на насилии, и могут быть совершенно равнодушными к тому, что, так же, как при капитализме девятнадцатого века, принцип свободы был обоснованием всего этого». [Op. Cit., стр. 217, 218]

F.7.3 Существует ли «правый» анархизм?

Одним словом, нет. Это можно увидеть из «анархо»-капитализма, также как из того, как он пытается собрать американских индивидуальных анархистов в свое фамильное древо.

Харт упоминает индивидуалистических анархистов, называющих идеи Такера «laissez faire либерализмом». [Op. Cit., p. 87]

Однако, Такер называл свои идеи социализмом и представил левую критику многих аспектов либерализма, в частности, основанные на Локке права частной собственности. Такер основывал многие свои идеи о собственности на Прудоне, поэтому если Харт не считает последнего социалистом, тогда это должно относиться также к Такеру. Он отмечает, что существует «два главных вида анархической мысли», а именно «коммунистический анархизм, который отрицает право индивида получать прибыль, взимать арендную плату или процент и владеть собственностью» и «правый собственнический анархизм, который решительно защищает эти права. Такер, как Годвин, должен быть помещен в левый лагерь». [«Gustave de Molinari and the Anti-statist Liberal Tradition: Part II», Op. Cit., p. 427]

Такер, в конце концов, говорил, что он стремится к концу прибыли, кредита и арендной платы и атаковал частную собсвенность на землю и дома больше, чем «занятие и использование». Стыдно, что Харт был так невежественен в анархизме, что игнорировал все остальные разновидности анархизма, которые антикапиталистические и не коммунистические.

Как мы видели, отчет Харта об истории «анти-государственного» либерализма имеет недостатки. Годвин включен только за счет игнорирования его взглядов на собственность, взглядов, которые во многом отражают поздний «социалистический» (т. е. анархический) анализ Прудона. Потом он обсуждает нескольких людей, которые были одиноки в своих воззрениях даже среди правых, поддерживающих экстремальный свободный рынок и все они знали об анархизме и открыто отрицали это название для своей идеологии. На самом деле, они предпочитали термин «правительство» или «государство», чтобы описать свою систему, которую, на поверхности, будет трудно согласовать с обычным «анархо»-капиталистическим определением анархизма, которое требует отсутствие правительства или просто «против государства». Обсуждение Хартом индивидуального анархизма в равной степени имеет недостатки, неправильно описав их экономические взгляды (очевидно, инидивидуальный анархизм имеет связи с «левым» анархизмом).

Однако, схожесть взглядов Молинари с тем, что позднее стало известно как «анархо»-капитализм, ясна. Харт замечает, что со смертью Молинари в 1912 году, «либериальный анти-этатизм буквально исчез, до тех пор, пока его снова не открыл экономист Ротбард в поздних 1950-ых». [«Gustave de Molinari and the Anti-statist Liberal Tradition: Part III», Op. Cit., p. 88] Пока этот край несколько больше, чем предыдущий, остается факт, что идеи, изложенные Ротбардом, также чужды анархической традиции, как идеи Молинари. Это позор, что Ротабрд, как его предшественники, не назвал свою идеологию чем-то другим, чем анархизм. Это не только было бы более аккуратным, это бы привело к гораздо меньшей путанице и не пришлось бы писать этот раздел FAQ! Это свидетельствует об их отсутствии здравого смысла, что Ротбард и другие «анархо»-капиталисты не смогли признать, учитывая долго существующую социально-политическую теорию и движение, называемое анархизмом, что они не могут называть себя «анархистами» без приравнивания своих взглядов с существующими в традиции. Вместо того, чтобы представить новый термин в политический словарь (или использовать терминологию Молинари), они предпочли попытаться бесплодно присвоить термин, используемый другими. Они кажется забыли, что политический словарь и использование зависят друг от друга. Следовательно, мы получаем статьи, которые говорят о новом «анархизме», в то же время пытаясь разъединить «анархо»-капитализм от настоящего анархизма, найденного в средствах массовой информации и книгах по истории. Единственная причина, почему «анархо»-капитализм считается некоторыми разновидностью анархизма, это потому что один человек (Ротбард) решил украсть имя у хорошо известной и широко распространенной политической и социальной теории и движения в 1950-ых и применить его к идеологии, которая имеет мало общего с ней, если вообще имеет.

Как Харт ненароком показывает, это не твердая база, чтобы строить утверждение. То, что любой может признать «анархо»-капитализм анархизмом просто следует из отсутствия знаний об анархизме — как говорили многочисленные анархисты.

Например, «Соединение Ротбардом анархизма с капитализмом», согласно Дэвиду Уэйку, «приводит к концепции, которая полностью за пределами мэйнстрима анархических теоретических текстов или социальных движений… это соединение противоречит само себе». Он подчеркивал, что «главные традиции анархизма полностью различны. Эти традиции, и теория, связанная с ними, выражают взгляды и стремления, и также, иногда, ярость, угнетенных людей в человеческом обществе: не только экономически угнетенных, хотя основное анархическое движение было в основном движением рабочих и крестьян, но также угнетенных властью во всех социальных измерениях… включая, конечно, политическую власть, выраженную в государстве». Другими словами, анархизм представляет «моральное обязательство», которому позиция Ротбарда «диаметрально противоположна». [Anarchist Justice, стр. 215, 229, 234]

Это стыд, что академики учитывают только слова Ротбарда, а не их содержание и отношение к анархической теории и истории. Если бы они так сделали, они бы скоро поняли, что выраженная оппозиция многих анархистов к «анархо»-капитализму это то, что нельзя игнорировать или отклонять. Другими словами, правый анархизм не может существовать и не существует, неважно, как часто правые пытаются использовать это слово, чтобы описать свою идеологию.

Причина проста. Политика и экономика анархии не может быть искусственно разделены. Они неразрывно связаны между собой. Годвин и Прудон не остановили свой анализ на государстве. Они расширили его на социальные отношения, происходящие из неравенства в богатстве, т. е. экономическую власть, так же как политическую власть. Чтобы увидеть почему, нам нужно только проконсультироваться с работой Ротбарда. Как отмечено в предыдущем разделе, для Ротбарда ключевым вопросом с «добровольными налоговиками» было не то, кто определял закон, но то, кто исполнял его. В его дискуссии, он говорил, что демократическое защитное агентство находится в невыгодном положении в системе «свободного рынка». Как он сказал:

«Оно будет, на самом деле, конкурировать в сильно невыгодном положении, основанное на принципе 'демократического голосования'. Посмотрев на это как на рыночный феномен, 'демократическое голосование' (один голос на человека) это просто метод потребительского 'кооператива'. Эмпирически, было много раз продемонстрировано, что кооперативы не могут успешно конкурировать с акционерными компаниями, особенно когда оба равны перед законом. Нет причин считать, что кооператив для защиты будет более эффективным. Следовательно, мы можем ожидать, что старое кооперативное правительство отомрет через потерю клиентов на рынке, в то время как акционерное (то есть корпоративное) защитное агентство станет доминировать на рынке». [Power and Market, стр. 125]

Заметьте, как он предполагает, что кооператив и корпорация будут «равны перед законом». Но кто определяет закон? Очевидно, не демократически избранное правительство, если идея «один человек, один голос» в определении общепринятого закона считается «неэффективной». Он также не считает, как индивидуальные анархисты, что закон будет судиться присяжными, наряду с фактами. Как мы отмечали в разделе F.6.1, он отверг это в пользу закона, определяемого «либертарианскими юристами и адвокатами». Таким образом, закон не изменяем обычными людьми и приводится в исполнение частными защитными агентствами, нанятыми, чтобы

защищать свободу и собственность имущего класса. В случае капиталистической экономики, это значит защищать власть лендлордов и капиталистов против бунтующих арендаторов и рабочих.

Это значит, что «общепринятый закон» Ротбарда будет определяться, интерпретироваться, приводиться в исполнение и исправляться корпорациями на основе воли большинства акционеров, т. е. богатых. Это едва ли произведет равенство перед законом. Как он говорит в сноске:

«Есть сильная а приори причина считать, что корпорации будут превосходить кооперативы в любой ситуации. Если каждый собственник получает только один голос независимо от того, сколько денег он вложил в проект (и заработки делятся таким же образом), нет стимула инвестировать больше, чем другой человек; на самом деле, стимул действует наоборот. Это препятствование инвестициям сильно препятствует кооперативам». [Op. Cit., стр. 125]

Если закон определяется и интерпретируется защитными агентствами и судами, тогда это будет сделано теми, кто инвестировал больше всех в эти компании. Маловероятно, что богатые будут инвестировать в защитные фирмы, не поддерживающие их права собственности, власть, прибыли и определение собственности, ясно, что агентства, которые благоволят богатым, выживут на рынке. Идея, что спрос рынка будет противостоять классовому правлению, кажется маловероятной, учитывая аргумент Ротбарда. Чтобы успешно конкурировать, вам нужно больше, чем спрос, вам нужны источники инвестирования. Если образуются кооперативные защитные агентства, они будут находиться в невыгодном положении на рынке из-за отсутствия инвестирования. Как говорится в разделе J.5.12, хотя кооперативы более эффективны, чем капиталистические фирмы, отсутствие инвестиций (происходящее из-за отсутствия контроля капиталистов, как заметил Ротбард) останавливает их от замены зарплатного рабства. Таким образом, капиталистическое богатство и власть тормозит распространение свободы в производстве. Если мы применим аргумент Ротбарда к его собственной системе, мы предполагаем, что рынок «защиты» также остановит распространение более либертарных ассоциаций, благодаря капиталистической власти и богатству. Другими словами, как любой рынок, «защитный» рынок Ротбарда будет просто отражать интересы элиты, а не масс.

Более того, мы можем ожидать, что любое демократическое защитное агентство (как профсоюз) поддерживающее, например, бастующих рабочих или сквотирующих арендаторов, будет подавлено. Потому что, как подчеркивает Ротбард, все «защитные» фирмы будут подчиняться «общепринятому» закону, написанному «либертарианскими адвокатами и юристами». Если они не будут подавлены, они быстро будут названными «незаконными» и будут подавлены другими агентствами. Иронично, Такер присоединился бы к Бакунину и Кропоткину в «анархическом» суде, обвиненным в нарушении «анархического» закона, в практиковании и защите «занятия и использования» а не одобренных Ротбардом прав собственности. Даже если демократические «защитные» агентства смогли выжить и не выйти из рынка из-за комбинации отсутствия инвестиций и насилия, произведенного их «незаконным» статусом, существует другая проблема. Как мы обсуждали в разделе F.1, лендлорды и капиталисты имеют монополию на принятие решений на своей собственности. Как таковые, они могут просто отказаться признавать любое демократическое агентство

как легитимную защитную ассоциацию и использовать такую же тактику, которую они использовали против профсоюзов, чтобы обеспечить, что демократическое защитное агентство не появится на их территории.

Ясно, тогда, что «правый» анархизм невозможен, так как любая система, основанная на капиталистических правах собственности будет просто олигархией, управляемой богатыми. Как замечает Ротбард, любое защитное агентство, основанное на демократических принципах, не выживет на рынке просто потому что оно не позволяет богатым контролировать себя и свои решения. Неудивительно, Прудон говорил, что капитализм laissez-faire означает «победу сильных над слабыми, победу тех, кто имеет собственность над теми, у кого нет ничего». [quoted by Peter Marshall, Demanding the Impossible, стр. 259]

F.8 Какую роль сыграло государство в создании капитализма?

Если «анархо»-капиталисты утверждают с некоторой правдоподобностью, что «настоящий» капитализм не этатистский или может существовать без государства, должно быть показано, что капитализм развивался естественно, в противоположность вмешательству государства. В реальности, имеет место противоположное. Капитализм родился из государственного вмешательства. Словами Кропоткина, «Государство… и капитализм… развивались бок о бок, взаимно поддерживая и усиливая друг друга». [Anarchism, стр. 181]

Многие писатели говорили об этом. Например, в шедевре Карла Полани «Великая трансформация» мы читаем, что «дорога к свободному рынку была открыта и держалась открытой огромным увеличением непрерывного, централизованно организованного и контролируемого интервенционизма» со стороны государства. [стр. 140]

Эта интервенция приняла многие формы — например, государственная поддержка во время «меркантилизма», что позволило «мануфактурам» (то есть индустрии) выжить и развиться, огораживания общественной земли, и так далее. В дополнение, государственная торговля, вторжение и жестокое завоевание Нового Света и других «примитивных» народов, и разграбление золота, рабов и сырья из-за рубежа также обогатили европейскую экономику, давая развитию капитализма дополнительный импульс. Кропоткин:

«История происхождения капитала уже была рассказана социалистами много раз. Они описали, как он был рожден из войны и грабежа, из рабства и крепостного права, современного мошенничества и эксплуатации. Они показали как капитализм был вскормлен кровью рабочих, и как шаг за шагом он покорил целый мир… Закон… следовал тем же самым фазам что и капитал… они продвигались рука об руку, поддерживая друг друга с помощью страдания человечества». [Op. Cit., стр. 207]

Этот процесс Карл Маркс назвал «первоначальным накоплением капитала» и он был отмечен расширенным насилием государства. Капитализм, как он выразился, «капает с головы до ног, из каждой поры, с кровью и грязью» и «начальная точка развития, которая дала начало трудящемуся и капиталисту, была порабощением рабочего». [Capital, том 1, стр. 926, 875]

Или, если Кропоткин и Маркс кажутся слишком предвзятыми, чтобы быть честными, мы имеем заключение Стюарта Милля, что «социальное устройство современной Европы началось с распределения собственности, которое было результатом не справедливого разделения, или было приобретено промышленностью, но завоевания и насилия». [Principles of Political Economy, стр. 15]

То же самое можно сказать о всех странах. Как таковые, когда сторонники «либертарианского» капитализма говорят, что они против «инициации насилия», они имеют в виду только новые инициации насилия: система, которую они поддерживают, была рождена из многочисленных инициаций насилия в прошлом (более того, она также нуждается во вмешательстве государства, чтобы продолжать функционировать — смотри раздел D.1, чтобы узнать детали).

На самом деле, многие мыслители утверждали, что именно государственная поддержка и принуждение (в частности отделение людей от земли) играло ключевую роль в том, что капитализм развился, а не теория «предыдущих накоплений» сделала это. Как утверждал левый немецкий мыслитель Франц Оппенгеймер (которого Ротбард избирательно цитировал), «концепция первоначального накопления, или оригинальное накопление богатства, в земле и в движимом имуществе, созданных с помощью чисто экономических сил», в то время как «кажется вполне правдоподобной», на самом деле «совершенна ошибочна; это сказка, или классовая теория, используемая, чтобы оправдать привилегии высших классов». [The State, стр. 5-6] Как суммировал индивидуальный анархист Кевин Карсон в части своего замечательного обзора этого исторического процесса:

«Капитализм никогда не был основан средствами свободного рынка. Он всегда устанавливался революцией сверху, навязанный правящим классом с корнями в Старом режиме… до-капиталистическим правящим классом, который был трансформирован капиталистическим способом. В Англии, это была земельная аристократия; во Франции, бюрократия Наполеона III; в Германии Юнкеры; в Японии Мейдзи. В Америке, ближайшее приближение к естественной буржуазной эволюции, индустриализация была проведена меркантилистской аристократией, федеральными судоходными магнатами и лендлордами». [«Primitive Accumulation and the Rise of Capitalism,» Studies in Mutualist Political Economy]

Настоящая история капитализма будет обсуждаться в следующих разделах. Иронично видеть правых «либертарианцев» воспевающих похвалы капитализму, который никогда не существовал и побуждают его принятие всеми странами, несмотря на исторические доказательства, что только государственное вмешательство делало капиталистические экономики жизнеспособными — даже в Мекке «свободного предпринимательства», Соединенных Штатах.

Как утверждает Ноам Хомский, «кто кроме лунатика мог противостоять развитию текстильной индустрии в Новой Англии в начале 19 века, когда британское текстильное производство было гораздо эффективнее, что половина индустриального сектора в Новой Англии обанкротилась бы без высоких протекционных тарифов, таким образом положив конец индустриальному развитию в Соединенных Штатах? Или высокие тарифы, которые радикально подорвали экономическую эффективность, чтобы позволить Соединенным Штатам развивать сталь и другие отрасли промышленности? Или крупные искажения рынка, которые создали современную электронику?» [World Orders, Old and New, стр. 168]

Такое влияние на экономику часто осуждается и отвергается правыми «либертарианцами» как меркантилизм. Однако, утверждать, что меркантилизм это не капитализм, не имеет смысла. Без меркантилизма, «правильный» капитализм бы никогда не развился, и любая попытка разъединить социальную систему с ее корня-

ми это антиисторично и посмешище над критической мыслью (особенно потому что «правильный» капитализм превращается в меркантилизм регулярно).

Похожим образом, это иронично, когда «анархо»-капиталисты и другие правые либертарианцы утверждают, что они поддерживают свободу людей выбирать, как им жить.

В конце концов, рабочему классу не давали этот выбор, когда капитализм развивался. Вместо этого, их право выбирать их собственный образ жизни постоянно нарушалось и отвергалось — и это оправдывалось ведущими капиталистическими экономистами того времени. Чтобы достичь этого, государственное насилие имело одну цель, лишить трудящихся доступа к средствам жизни (в частности земли) и сделать их зависимыми от лендлордов и капиталистов, чтобы заработать на жизнь.

«Таким образом, процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства жизненные средства в капитал, с другой стороны, — непосредственных производителей в наёмных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства.» [Marx, Op. Cit., стр. 874-875]

Так что утверждать сейчас, (после того как капитализм был создан) что у нас есть шанс попытаться и жить как мы хотим крайне оскорбительно. Доступные выборы, которые нам доступны не независимы от общества в котором мы живем и решительно определяются прошлым. Утверждать, что мы свободны жить как мы хотим (в согласии с законами капитализма, конечно) это по существу утверждать, что мы можем (в теории) «купить» свободу, которая причитается каждому человеку, у тех кто украл ее у нас. Это игнорирует века государственного насилия, необходимые, чтобы произвести «свободного» рабочего, который делает добровольное соглашение в созданных государством социальных условиях.

История государственного принуждения и интервенции неотделима от истории капитализма: невозможно приветствовать последнее и отвергать первое. На практике капитализм всегда означал интервенцию на рынках, чтобы помочь бизнесу и богатым.

То, что называлось сторонниками капитализма laissez-faire не было ничем таким и представляло политико-экономическую программу специфической фракции капиталистического класса, а не сборник принципов «руки прочь от рынка». Как суммирует индивидуальный анархист Кевин Карсон, «то что ностальгически называлось „laissez-faire“ было на самом деле системой продолжающегося государственного вмешательства чтобы субсидировать накопление, гарантировать привилегии, и соблюдать рабочую дисциплину». [The Iron Fist behind the Invisible Hand (Железный кулак за невидимой рукой)]

Более того, существует определенное нежелание таких сторонников «свободного рынка» (т. е. сторонников капитализма «свободного рынка») различать исторический и существующий несвободный капитализм и другие по-настоящему свободные рыночные экономики, которые как утверждают они желают. Обычно «анархо»-капиталисты указывают на основанную на государстве капиталистическую систему как на доказательство своих взглядов (и даже более сюрреалистически они указы-

вают на докапиталистические системы как на примеры своей идеологии). Должно быть очевидно что они противоречат сами себе.

Другими словами, Ротбард и другие «анархо»-капиталисты относятся к капитализму как если бы он был естественным порядком вещей, а не продуктом веков капиталистического захвата и использования власти государства, чтобы продвигать свои интересы.

Факт, что прошлое использование государственной власти позволило капиталистическим нормам и предположениям стать системой по умолчанию в их кодификации законов собственности и оправданной буржуазной экономикой не делает это естественным. Роль государства в создании капиталистической экономики не может быть проигнорирована так как государство всегда было инструментом в создании и развитии такой системы.

Как сказал_а одна критик_есса правых «либертарианских» идей, Ротбард «полностью игнорирует роль государства в строительстве и сохранении капиталистической экономики на Западе. Имеющий привилегию жить в 20 веке, после того, как битвы, устанавливающие капитализм, были выиграны, Ротбард видит государство только как бремя на плечах рынка и инструмент создания еще большего бремени социализма.

Он манифестирует историческую близорукость, которая позволяет ему представить многие века человеческого опыта в долгую ночь тирании, которая закончилась только с изобретением свободного рынка и его «спонтанным» триумфом над прошлым. Бессмысленно спорить, так как Ротбард считает, что капитализм пришел к успеху без буржуазного государства. Факт в том, что все капиталистические страны полагались на механику правительства, чтобы создать и сохранить политическое и законное окружение, необходимое их экономической системе». Это, конечно, не остановило его от «критики других за неисторичность». [Stephen L. Newman, Liberalism at Wit's End, стр. 77-78, 79]

Таким образом мы имеем ключевое противоречие в «анархо»-капитализме. В то время как они противостоят государственному вмешательству в рынок, они предполагают, что оно не имело настоящего эффекта на то, как развивалось общество за прошедшие века.

По примечательному совпадению, общий эффект от всего этого государственного вмешательства привел к созданию капиталистической экономики, по всем свойствам идентичной той, которая развилась бы, если бы общество развивалось естественно. Кажется странным, что государственное насилие производит ту же самую экономическую систему, что правые «либертарианцы» и австрийские экономисты, логически выводящие концепты из базовых аксиом и предположений.

Еще большее совпадение, эти выводы почти такие, какие хотят слышать те, кто получил выгоду от предыдущего государственного принуждения — а именно, что частная собственность это хорошо, профсоюзы и забастовки это плохо, что государство не должно мешать власти боссов и даже не должно думать о помощи рабочему классу (нанятому или безработному).

В то время как советы и риторика могли измениться, социальная роль экономистов не изменилась. Понадобилось государственное действие, чтобы лишить производителей средств к жизни (в частности земли) и уменьшить зарплату работников, чтобы

они постоянно работали и подчинялись. Капиталисты получили много советов от ранних экономистов, как это сделать, что в деталях задокументировал марксистский экономический историк Майкл Перелман.

Как он суммирует, «классическая политическая экономика была озабочена продвижением первоначального накопления, чтобы поощрять капиталистическое развитие, хотя логика первоначального накопления была в прямом противоречии с ценностями laissez-faire, приверженцами которых были классические политические экономисты». [The Invention of Capitalism, стр. 12] Обращение к laissez-faire было возможно, потому что прямая власть государства могла быть большей частью заменена экономической властью, чтобы обеспечить зависимость рабочего класса.

Не нужно говорить, что некоторые правые «либертарианцы» признают, что государство играло некоторую роль в экономической жизни во время появления и развития капитализма. Они противопоставляют «плохих» бизнесменов (которые принимали государственную помощь) и «хороших» (которые не принимали). Ротбард комментирует, что марксисты «не делают различия между буржуазией, которая использовала государство и буржуазией, которая действовала на свободном рынке». [The Ethics of Liberty, стр. 72]

Но такой аргумент это бессмыслица, так как он игнорирует факт, что «свободный рынок» это сеть (и определяется государством посредством прав собственности, которое оно обеспечивает). Это значит что государственная интервенция в одной части экономики будет иметь последствия в других частях, в частности если государственной действие это экспроприация и/или защита продуктивных ресурсов (земли и рабочих мест) или искажение рынка труда в пользу боссов.

Другими словами, индивидуалистический взгляд «анархо»-капитализма ослепляет его сторонников, что они не замечают очевидную коллективную природу эксплуатации и угнетения рабочего класса, которая вытекает из коллективной и взаимосвязанной природы производства и инвестиций в любой настоящей экономике. Государственное вмешательство, поддерживаемое частью капиталистического класса имеет, используя экономический жаргон, позитивные экстерналии для остальной части капиталистического класса.

Они, в общем, получают выгоду как класс, точно так же как рабочий класс страдает коллективно, потому что их выборы ограничены их экономическими и политическими хозяевами (обычно это одни и те же люди). Как таковые, правые либертарианцы не понимают классовую природу государственного вмешательства.

Например, владельцы американской стали и другие компании, которые стали богатыми и большими за протекционистскими стенами очевидно были «плохими» буржуа. Но разве буржуа, которые обеспечивали сталелитейные компании углем, машинами, едой, защитой и так далее также не получили выгоду от действий правительства?

И поставщики роскошных товаров для богатых владельцев сталелитейных компаний, разве они не получили выгоду от государственного вмешательства? Или поставщики товаров для рабочих, которые трудились на сталелитейных заводах, возможные благодаря тарифам, разве они не получили выгоду?

И поставщики поставщиков? Разве пользователи технологий, впервые представленные в индустрии компаниями, защищенными приказами государства тоже не

получили прибыль? Разве капиталисты, имеющие большой выбор безземельных работников, не получают выгоду от «земельной монополии», даже если они не поддерживали эту монополиию, как другие капиталисты? Это увеличило количество наемных работников для всех капиталистов и увеличило их власть на рынке труда за счет рабочего класса.

Другими словами, такая политика помогала сохранять капиталистическую рыночную силу, независимо от того, индивидульный ли капиталист вдохновлял политиков проголосовать создать/ сохранять такую политику. И, похожим образом, все американские капиталисты получили выгоду из изменения законов, которые признавали и защищали капиталистические права частной собственности, которые государство привело в жизнь в течение 19 века (смотри раздел B.2.5).

Ротбард, другими словами, игнорирует классовое воровство и кумулятивный эффект кражи продуктивной собственности и продуктов рабочих, которые используют это. Он считал, что «моральное негодование» социализма возникает из-за аргумента «что капиталисты украли собственность, которая справедливо принадлежала рабочим, и поэтому существующее распределение накопленной собственности несправедливо». Он утверждал, что учитывая «эту гипотезу, остальная часть импульсов для марксизма и анархо-синдикализма существует вполне логично».

Однако, «решение» Ротбарда проблемы прошлых насилий кажется (существенно) оправданием существующих прав собственности а не серьезной попыткой понять или исправить прошлые инициации силы, которые сделали наше общество капиталистическим и все еще формируют его сегодня.

Потому что он считает нежелательным возвращение собственности, которая была очевидно украдена и может быть возвращена тем, кто был лишен собственности или их потомкам (например, дать землю обратно крестьянам или фермарам арендаторам). Если это не может быть сделано, то «право на эту собственность принадлежит, справедливо и этично, его текущим владельцам». [Op. Cit., стр. 52, 57]

В лучшем случае, он позволяет национализировать собственность и «гомстединг» рабочими любой корпорации, которая имеет большую часть доходов от государства (это значит, в соответствии с аргументами Ротбарда о конце сталинизма, что они будут иметь акции в компании). Конечный результат его теории это оставить вещи почти такими же, какие они сейчас. Это потому что он не мог понять что эксплуатация рабочего класса была коллективной по натуре и как таковая, просто невозможно переделать ее в индивидуальном порядке.

Возьмем очевидный пример. Если доходы от рабства в южных штатах Америки были использованы, чтобы инвестировать в заводы в Северных штатах (как это и происходило), действительно ли означает раздача земли освобожденным рабам в 1865 году конец несправедливости, которая вытекает из этой ситуации? Конечно, продукты труда рабов были украденной собственностью, так же как и земля, и в результате, любая инвестиция, которая была сделана из труда рабов.

В конце концов, другие инвестиции были основаны на доходах, полученных от рабского труда и «большинство доходов, полученных в северных штатах были получены из излишков, происходящих на южных плантациях». [Perelman, Op. Cit., стр. 246]

В терминах наемных работников Севера, они были косвенно экслуатированы существованием рабства, так как инвестиции, которые делались за счет рабства, позволяли уменьшить их переговорную силу на рынке, и уменьшали их возможность создать собственный бизнес, увеличивая цены. И что насчет инветиций, сгенерированных эксплуатацией этих наемных работников?

Как указывает Марк Лейер, капиталисты и лендлорды «покупают землю и машины, но эти деньги представляют из себя не больше чем экспроприированный труд других». [Bakunin, стр. 111] Если земля должна быть возвращена тем, кто работал на ней, как предлагает Ротбард, почему нельзя возвратить индустриальные империи, которые были созданы на спинах поколений рабов?

И что насчет доходов, сделанных на поколениях зарплатных рабов, которые работали над этими инвестициями? И что насчет инвестиций, которые эти доходы позволили? Однозначно, если земля должна быть дарована тому, кто работал на ней, должны ли инвестиции быть возвращены тем, кто сгенерировал их? И предполагая, что настоящие работники могут справедливо захватить свои рабочие места, что насчет тех, кто был нанят ранее и их потомков? Почему они должны быть исключены от богатств, которые их предки помогали создавать?

Разговор на уровне индивидуумов упускает все это из вида и общий результат это обеспечить, чтобы результату веков принуждения и кражи остались непотревоженными. Потому что рабочий класс как целое был экспроприирован и его труд эксплуатировался. Невозможно определить задействованных людей и их потомков и невозможно отследить, как украденные продукты труда были инвестированы. Таким образом, классовая кража нашей планеты и свободы, так же как и продуктов труда поколений рабочего класса будет продолжаться в безопасности.

Разумеется, некоторые гоударства больше влияют на экономику, чем другие. Корпорации не инвестируют или покупают у поставщиков, базированных в авторитарных режимах, по чистой случайности. Они не случайно оказались здесь, получая выгоду от этатизма и авторитаризма.

Скорее они выбирают государство, чтобы располагаться, основываясь точно на дешевизне труда. Другими словами, они предпочитают располагаться в диктатурах и авторитарных режимах в Центральной Америке и Юго-Восточной Азии, потому что эти режимы больше всего влияют на рынок труда. В то же время они говорят о «свободном рынке» и «экономической свободе», которую эти режимы отрицают для своих подчиненных.

Для Ротбарда это кажется только совпадением или корреляцией а не систематическим явлением. Вся вина лежит в сговоре между бизнесом и государством, вина лежит на определнных капиталистах, а не на капитализме. Другими словами, система чиста, только индивидуумы испорчены.

Но, для анархистов, происхождение современной капиталистической системы лежит не в индивидуальных качествах капиталистов как таковых, но в динамике и эволюции самого капитализма — комплекс взаимодействий между классовым интересом, классовой борьбой, социальной защиты против деструктивных действий рынка, индивидуальных качеств и так далее. Другими словами, утверждения Ротбарда ошибочны — они не понимают капитализм как систему, его динамическую

природу и авторитарные социальные отношения, которые он производит и необходимость в государственном вмешательстве.

Поэтому, когда правые предлагают, чтобы «нас» «оставили в покое», становится понятным, кого они имеют в виду под «мы», когда мы рассматриваем, как развивался капитализм.

Ремесленники и крестьяне были «оставлены в покое», чтобы умереть от голода (иногда даже не это, так как работные дома были изобретены, чтобы доставить бездомным радость труда), и рабочий класс индустриального капитализма был «оставлен в покое» без работы, если не уважал правила своих хозяев.

Как незабвенно сказал Маркс «Но, с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня». [Op. Cit., стр. 875]

По другую сторону классового разделения, они хотели быть «оставленными в покое», чтобы применять свою власть над другими, как мы увидим. Этот современный «капитализм» по эффекту, является разновидностью «корпоративного меркантилизма», с государствами предоставляющими условия, чтобы позволить корпорациям процветать (т. е. послабления в налогах, субсидии, бэйлауты, анти-рабочие законы и т. д.) говорит больше об этатистских корнях капитализма, чем идеологически правильное определение капитализма, используемое его сторонниками.

На самом деле, если мы посмотрим на роль государства в создании капитализма, мы испытаем желание переименовать «анархо»-капитализм в «марксистский капитализм».

Потому что, учитывая исторические сведения, может появиться политическая теория, по которой создана «диктатура буржуазии» и это капиталистическое государство отомрет в анархию. Это означает замещение экономических и социальных идей марксизма и замещение прямой противоположностью, но это не значит, что мы должны отказываться от идеи (в конце концов, это то, что «анархо»-капитализм сделал с индивидуальным анархизмом!)

Но мы сомневаемся, что многие «анархо»-капиталисты будут приветствовать такое изменение имени (несмотря на то, что это будет отражать их политику гораздо лучше; в конце концов они не возражают против прошлой инициации силы, только против настоящей и многие думают, что современное государство отомрет под действием сил рынка).

Это предполагается тем фактом, что Ротбард не поддерживал перемены снизу, как способ создания «анархии». Он помог создать так называему Либертарианскую Партию в 1971 году, которая, как марксисты, борется за власть.

С падением сталинизма в 1989 году, Ротбард видел целые экономики, которые могли быть захвачены и он утверждал, что «десоциализация» (то есть денационализация, как ленинисты он перепутал социализм с национализацией) «обязательно включает в себя действия правительства, сдающее свою собственность частным субъектам…

В глубоком смысле, избавление от социалистического государства требует от государства исполнить один финальный, быстрый, великолепный акт саморазрушения,

после которого оно исчезнет со сцены». (сравните с Энгельсом «захват средств производства во имя общества это последнее независимое действие государства как государства». [Selected Works, стр. 424])

Он считал, что «капитальные блага созданы Государством» и «философски не принадлежат никому» но не заметил, чей труд был эксплуатирован и обложен налогами, чтобы построить их (разумеется, он отвергал идею акций для всех, потому что это будет «эгалитарная раздача незаслуживающим жителям», предположительно больным, безработным, пенсионерам, матерям, детям, и будущим поколениям). [The Logic of Action II, стр. 213, 212, 209]

Индустриальные заводы будут переданы рабочим, работающим в текущий момент там, но не под их прямым действием и прямой экспроприации. Вместо этого это сделает государство. Это можно понять, потому что предоставленные самим себе, рабочие могли бы действовать не так, как он того хотел.

Таким образом мы видим его защищающим идею передачи индустрии от государственной бюрократии рабочим посредством «частных, оборотных акций» и владение «не передается коллективам или кооперативам рабочих или крестьян целиком, это вызвало бы обратно болезни социализма в децентрализованной и хаотической синдикалистской форме». Его «гомстэдинг» совершается не самими рабочими, а «акции передаются рабочим» государством.

Он также замечает, что это должно быть «приоритетом» для правительства «вернуть всю украденную, конфискованную собственность первоначальным владельцам, или их наследни_кам». Это будет включать в себя «найти первоначальных владельцев земли» — т. е., класс лендлордов чье богатство было основано на эксплуатации крепостных и крестьян. [Op. Cit., стр. 210, 211-212] Таким образом, экспроприированные крестьяне получат свою землю обратно, но не крестьяне, которые работали на земле, принадлежащей феодалам и аристократам и которая была отнята государством.

Таким образом, те кто был освобожден от сталинисткого режима, подвергся бы «либертарианскому» режиму, чтобы обеспечить, чтобы передача собственности происходила экономически правильным путем. Как это происходило, нео-классические экономисты, которые надзирали за процессом, обеспечили, что владение и контроль были переданы напрямую новому правящему классу, а не тратили время на выпуск «акций», которые бы в конечном счете оказались в руках немногих из-за действия рыночных сил (настоящий способ, которым это было сделано, можно было бы считать современной формой «первоначального накопления» так как он обеспечил, чтобы капитальные блага не оставались в руках рабочих).

Но это отвлечение от темы. Факт остается в том, что государственное вмешательство было необходимо, чтобы создать и поддерживать капитализм. Без государственной поддержки сомнительно, что капитализм бы вообще развился. Так что единственный «капитализм» который существовал это продукт государственной поддержки и интервенции, и он характеризовался рынками, которые не были несвободными.

Таким образом, серьезные сторонники по-настоящему свободных рынков (как американские индивидуальные анархисты) были недовольны капитализмом — они справедливо и открыто противостояли ему. Их видение свободного общества про-

тиворечило стандартному капиталистическому обществу, факт, который «анархо»-капиталисты оплакивают и считают ошибкой и / или продуктом плохой экономики.

Видимо, общий эффект от всего этого государственного принуждения был нулевым. Это не фундаментально сформировало развитие экономики, как утверждали критики капитализма, и капитализм развивался естественно сам по себе.

Таким образом экономика, отмеченная неравенством богатства и власти, где большая часть населения не имеет земли и ресурсов и где проценты, рента и доходы извлекаются из труда работающих людей развилась бы все равно независимо от государственного принуждения, которым было отмечено появление капитализма и необходимость лендлордов и капиталистов в подчиненном и зависимом рабочем классе, которые вели такую политику просто ускорила процесс к «экономической свободе».

Как бы то ни было, это не более чем совпадение, что государственное принуждение и капитализм так переплетены в истории и в настоящей практике.

В общем, как любые другие апологеты капитализма, правые «либертараинцы» поддерживают систему без учета средств, которые были необходимы, чтобы создать эту систему.

Они имеют тенденцию уравнивать это с любой другой рыночной системой, не понимая, что это специфическая форма рыночной системы где труд сам по себе это товар. Иронично, конечно, что большинство защитников капитализма подчеркивают важность рынков (которые предшествовали капитализму) но недооценивают значение наемного труда (который определяет капитализм) вместе с насилием, которое создало капитализм.

Анархисты и марксисты подчеркивали, что деньги и товары определяют капитализм не больше чем частное владение средствами производства. Важно запомнить, что с социалистической точки зрения, капитализм не идентичен рынку.

Как мы подчеркивали в разделе C.2, анархисты и марксисты утверждают, что там где люди производят для себя, это не капиталистическое производство, т. е. когда рабочий продает товары это не капиталистическое производство. Таким образом, сторонники капитализма не понимают, что государственное принуждение понадобилось, чтобы трансформировать докапиталистические общества ремесленников и крестьян, продающие продукты своего труда, в капиталистическое общество наемных работников, продающих себя боссам, банкирам и лендлордам.

В заключение, нужно подчеркнуть, что этот процесс первоначального накопления не ограничивался частным капитализмом. Государственный капитализм также обращался к таким техникам. Форсированная коллективизация крестьян Сталиным и жестокая индустриализация за пятилетние планы в 1930-ых это самый очевидный пример.

То, для чего потребовались века в Британии, было сконцентрировано в десятилетия в Советском Союзе и других государствах с государственным капитализмом, с соответствующим влиянием на человеческий труд. Однако, мы не будем обсуждать здесь эти акты государственного принуждения, так как мы обеспокоены главным образом с действиями, необходимыми, чтобы создать условия для частного капитализма.

Разумеется, этот раздел не может надеяться описать все формы государственного принуждения по всему миру, которые были использованы, чтобы создать или заставить не желающее население принять капитализм. Все, что мы можем сделать, это предоставить немного информации о жестокой истории капитализма и предоставить достаточно ссылок для тех, кто хочет изучать вопрос дальше.

Первая начальная точка это Часть 8 («Так называемое первоначальное накопление») тома 1 Капитала Маркса. Эта классическая работа о происхождении капитализма должна быть дополнена более поздними работами, но базовый анализ правилен.

Марксистские писатели расширили анализ Маркса, с Маурисом Доббсом «Изучение развития капитализма» и Дэвидом Макналли «Против рынка», которых стоит прочесть, так же как Майкл Перелман «Изобретение капитализма». Книга Кропоткина «Взаимная помощь» имеет краткое изложение государственных действий по разрушению коммунальных институтов и общественного владения землей, так же как в его книге «Государство: Его историческая роль».

Важное чтение это книга Рудольфа Рокера «Национализм и культура». Книга индивидуального анархиста Кевина Карсона «Изучение мутуалистской политической экономики» предоставляет замечательное краткое изложение (смотри часть 2, «Капитализм и Государство: Прошлое, Настоящее и Будущее»), так же как его эссе «Железный Кулак за Невидимой Рукой».

F.8.1 Какие социальные силы стоят за возвышением капитализма?

Капиталистическое общество это относительно недавнее изобретение. Для Маркса, в то время как рынки существовали тысячелетие «капиталистическая эра начинается с 16 века». [Capital, том 1, с. 876] Как указал Мюррей Букчин, за «долгую эру, возможно длящуюся больше 5 веков», капитализм «сосуществовал с феодализмом и простыми товарными отношениями» в Европе. Он утверждает что этот период «не может быть назван переходным без истолковывания прошлого с учетом настоящего». [From Urbanisation to Cities, с. 179] Другими словами, капитализм не был неизбежным результатом истории или социальной эволюции.

Букчин продолжает, замечая, что капитализм существовал «с растущим значением в смешанной экономике Запада с 14 века до 17» но что «это буквально взорвалось в Европе, в частности в Англии, во время восемнадцатого и особенно девятнадцатого веков». [Op. Cit., с. 181] Возникает вопрос, что лежит за этим «растущим значением»? Увеличился ли капитализм из-за присущей ему более эффективной природе или здесь действовали другие, неэкономические силы? Как мы покажем, это определенно было второе — капитализм родился не из экономических сил, но из политических действий социальных элит, которые обогащались за счет ростовщичества. В отличие от продукции ремесленников (простой товар), наемный труд создает неравенство и богатство для немногих и поэтому будет защищаться и поощряться теми, кто контролирует государство в своих собственных экономических и социальных интересах.

Развитию капитализма в Европе помогали две социальные элиты, появляющийся капиталистический класс в разлагающихся средневековых городах и абсолютистское

государство. Средневековый город был «тщательно изменен постепенным увеличением в силе коммерческого капитала, в основном благодаря внешней торговле… Поэтому внутреннее единство коммуны было ослаблено, давая место растущей кастовой системе и необходимо ведя к растущему неравенству социальных интересов. Привилегированные меньшинства продвигали централизацию политических сил общества… Меркантилизм в погибающих городах республики логически вел к потребности в больших экономических единиц (т. е. национализировать рынок); и поэтому желание сильных политических форм очень усилилось… Таким образом город постепенно стал маленьким государством, прокладывая путь к предстоящему национальному государству». [Rudolf Rocker, Nationalism and Culture, с. 94] Кропоткин подчеркивал что это разрушение самоорганизации коммуны не только служило интересам появившегося капиталистического класса но также слжило интересам государства. Точно так же как лендлорд и капиталист ищут рабочую силу и рынок труда состоящий из атомизированных и изолированных индивидуумов, так же государство ищет способы устранить всех потенциальных противников и поэтому противостоит «всем коалициям и частным общетсвам, независимо от того какая у них цель». [The State: It's Historic role, с. 53]

Растущая экономическая сила прото-капиталистов конфликтовала с силой феодальных лордов, что значило что первым нужна была помощь, чтобы собраться вместе. Эта помощь пришла в форме монархического государства которое, в свою очередь, нуждалось в помощи против феодальных лордов. С силами абсолютизма за спиной, капитал мог начать процесс увеличения своей силы и влияния путем расширения «рынка» через государственное действие. Это использование государственного принуждения было нужно, потому что, как заметил Букчин «в любом до-капиталистическом обществе, существовали компенсационные силы, чтобы ограничить рыночную экономику. Не менее значительно, многие докапиталистические общества вырастили препятствия, как они думали непреодолимые, к внедрению государства в социальную жизнь». Он заметил, «силу деревенских коммун противостоять вторжению торговли и деспотических политических форм в жизнь общества». Государственное насилие было необходимо, чтобы разрушить это сопротивление и, неудивительно, «класс, который получил наибольшую выгоду от появляющегося национального государства была европейская буржуазия… Эта структура… предоставила базис для следующей великой системы мобилизации труда: заводы». [The Ecology of Freedom, с. 207-208, 336] Абсолютистское государство, заметил Рокер, «зависело от помощи этих новых экономических сил, и наоборот». Поначалу государство продвигало планы коммерческого капитала, потому что его казна была заполнена за счет расширения торговли. Его армия и флот «сделали вклад в экспансию индустриальной продукции потому что им требовался ряд вещей, которые не могли предоставить лавки мелких торговцев. Таким образом постепенно возникли так называемые мануфактуры, предшественники более поздних больших индустрий». [Op. Cit., с. 117-118] Как таковое, невозможно недооценить роль государственной власти в создании условий для сельскохозяйственного и промышленного капитализма.

Одно из самых важных государственных действий с точки зрения ранней промышленности были так называемые Акты об Огораживании, по которым общинные земли — бесплатная фермерская земля, разделяемая крестьянами в большинстве

деревень — была «огорожена» или включена в собственность разных лендлордов как частная собственность (смотри раздел F.8.3). Это обеспечило множество безземельных рабочих, у которых не было другого выбора кроме продажи своего труда лендлордам и капиталистам. На самом деле, широко распространенная независимость, происходящая от того, что у большинства домохозяйств была земля, заставляла растущий класс капиталистов жаловаться, как сказал один человек «что люди, которые должны работать на наемной работе, цепляются к земле, и в непослушании своих сердец предпочитают независимость сквоттеров найму у хозяина». (цитируется по Аллану Енглеру, The Apostles of Greed, с. 12)

В услужении хозяину, государство всегда репрессировало все признаки «непослушания» и «независимости» (такие как забастовки, профсоюзы и так далее). Например, Франция 17 века видела «декреты… которые запрещали рабочим менять своих начальников или которые запрещали собрания рабочих или забастовки под страхом корпоративного наказания или даже смерти. (Даже Теологический Факультет Университета Парижа посчитал подходящим торжественно произнести проклятия в адрес греха рабочих организаций)». [Maurice Dobb, Studies in Capitalism Development, с. 160]

В дополнение, другие формы государственной помощи обеспечивали, что капиталистические фирмы получали фору, таким образом обеспечивая их доминацию над другими формами работы (такими как кооперативы). Главным способом создания запаса ресурсов, которые могли быть использованы для инвестиций было использование меркантилистской политики, которая использовала протекционистские методы, чтобы обогатить капиталистов и лендлордов за счет потребителей и их рабочих. Например, одним из самых общих жалоб ранних капиталистов было то, что рабочие не приходили постоянно на работу. Однажды поработав несколько дней, они исчезали, так как у них было достаточно денег чтобы продолжать жить. С более высокими ценами на еду, вызванными протекционистскими мерами, рабочим приходилось работать дольше и тяжелее и так они привыкли к заводскому труду. В дополнение, меркантилизм позволил местной промышленности развиться, запрещая иностранную конкуренцию и также позволил промышленникам получать сверхприбыли, которые они могли потом использовать, чтобы увеличить свои инвестиции. По словам марксистского экономического историка Мауриса Добба:

«Вкратце, меркантилистская система была системой эксплуатации через торговлю, регулируемой государством, которая играла очень важную роль в ранние годы капиталистической индустрии: это была экономическая политика века первоначального накопления». [Op. Cit., с. 209]

Как суммирует Рокер, «когда абсолютизм победил всю оппозицию национальной унификации, продвигая меркантилизм и экономическую монополию, это дало всей социальной эволюции направление, которое могло только вести к капитализму». [Op. Cit., с. 116-117]

Меркантилистская политика имела много форм, включая государство, предоставляющее капитал новым индустриям, изымающее капитал у гильдий и налоги, устанавливающее монополии на местных, иностранных и колониальных рынках, и дающее права и пенсии успешным капиталистам. В терминах иностранной торговли, государство помогало местным капиталистам, устанавливая тарифы, квоты, и

запрещая импорт. Они также запрещали экспорт инструментов и технологий так же как эмиграцию квалифицированных рабочих, чтобы остановить конкуренцию (это относилось к любым колониям, которые имело специфическое государство). Другие политики были применены в зависимости от нужд специфической страны. Например, Англия приняла несколько Актов Навигации, которые заставляли торговцев использовать английские корабли, чтобы посещать ее порты и колонии (это разрушило коммерцию Голландии, ее главной соперницы). Не минимизировалось действие войны, с потребностью в оружии и транспорте (включая корабли) и государственными тратами в экономику. Неудивительно, учитывая это фаворизирование местной индустрии за счет соперников и подчиненного рабочего класса, период меркантилизма был периодом быстрого роста, в особенности в Англии.

Как мы обсуждали в разделе С.10, некоторый вид меркантилизма всегда был необходим, чтобы страна индустриализовалась. В общем, как говорит экономист Пол Ормерод, «совет следовать политике чистого свободного рынка кажется противоречит урокам практически всей экономической истории начиная с Индустриальной революции. Каждая страна, которая входила в сильный стабильный рост, сделала это, нарушив принципы свободного рынка». Эти интервенции включают использование «тарифных барьеров», чтобы защитить зарождающуюся промышленность, «правительственные субсидии» и «активную государственную интервенцию в экономику». Он суммирует: «Модель предпринимательской активности на рынке, с разумной государственной поддержкой плюс репрессии на рынке труда, кажется хорошей моделью экономического развития». [The Death of Economics, с. 63]

Таким образом, социальные силы, создающие капитализм были капиталистическая активность и государственное действие. Но без поддержки государства, сомнительно, что капиталистическая активность была бы достаточной, чтобы сгенерировать первоначальное накопление, необходимое, чтобы завести экономику. Из этого следуют необходимость Меркантилизма в Европе и его модифицированной кузины государственной помощи, тарифов и «актов о гомстэдинге» в Америке.

F.8.2 Какой был социальный контекст утверждения «laissez-faire»?

Медовый месяц интересов между ранними капиталистами и автократическими королями продолжался недолго. «Та же самая монархия, которая по веским причинам стремилась продвинуть интересы коммерческого капитала и которая в своем развитии опиралась на помощь капитала, наконец превратилась в препятствие для любого дальнейшего развития европейской индустрии». [Rudolf Rocker, Nationalism and Culture, стр. 117]

Это и есть социальный контекст выражения «Laissez-fair»- системы, которая исчерпала свои возможности поддержки, то на что она опиралась на первоначальных этапах. Также как и дети в какой-то момент восстают против покровительства и правил своих родителей, так и капиталисты восстали против довлеющей поддержки абсолютистского государства. Политика меркантилизма фаворизировала одни отрасли и ограничивала рост других. Правила и регулирование, которое касалось

тех, кого фаворизировали, уменьшала возможности для маневра капиталистов в изменяющихся условиях. Как утверждает Рокер «не смотря на те усилия, которые прикладывало абсолютистское государство, в своих интересах, удовлетворить запросы торговцев, они сковывали отрасль и оковы постепенно становились все более и более гнетущими… (это) стало тяжким бременем… которое парализовало всю экономическую и социальную жизнь» [Op. Cit., стр. 119]. В конце концов, меркантилизм стал скорее препятствием, чем силой, и нуждался в замене. С ростом экономической и социальной силы класса капиталистов, эту замену стало легче сделать. Как отмечает Эррико Малатеста:

"Развитие производства, расширение торговли, безмерная власть денег…гарантировали это превосходство (экономической власти над политической властью) капиталистическому классу, который более не удовлетворяла поддержка государства, и который потребовал, чтобы государство ушло со своего поста. Государство, которое распоряжалось властью по праву победителя …тем не менее подвластное, в силу существующих обстоятельств, капиталистам, продолжало относиться к своим богатым бывшим рабам с высокомерием и презрением, и претендовало на независимость и доминирование. Государство и в самом деле защищало, как жандарм, частную собственность, но было таким жандармом, который мнит себя кем-то, и ведет себя надменно по отношению к людям, которых должен защищать и опекать; только, что не грабит и не убивает их сам на следующем углу; и капиталисты решили от него избавиться… и заменить его правительством, которое сами изберут, в любое время им подконтрольное и в особенности организованное таким образом, чтобы защищать интересы своего класса от любых требований и притязаний тех, кого они отстранили от власти». [Anarchy, стр. 22-3]

Малатеста здесь показывает настоящее значение выражения «оставьте нас в покое», или «laissez-faire». Абсолютистское государство (не государство вообще) начало влиять на доходные активности и власть капиталистов, поэтому они решили, что оно должно уйти — что и сделал усиливающийся капиталистический класс, когда устранил такие популярные движения как Английская, Французская и Американская революции. В таких условиях, когда государство не полностью контролируется капиталистическим классом, тогда имеет смысл противостоять государственному вмешательству, неважно насколько полезным оно было в прошлом — государство, управляемое аристократами и феодальными лендлордами не управляет классами в правильной форме. Это меняется, когда члены капиталистического класса удерживают государственную власть и когда лендлорды начинают себя вести как деревенские капиталисты, и, неудивительно, laissez-faire был быстро модифицирован и потом оставлен, когда капиталисты могли рассчитывать на капиталистическое государство и защищать свою экономическую власть внутри общества.

Когда капитализм избавился от нежелательного влияния враждебного использования государственной власти не-капиталистическими классами, тогда laissez-faire утратил свою полезность (точно так же как оно имеет свою полезность сегодня, когда атакует социальные пособия). Когда это было выполнено, тогда государственное вмешательство в общество было поощрено и приветствовалось капиталистами. «Это иронично, что главные протагонисты государства, в его политической и административной власти, были Утилитаристы из среднего класса, на другой стороне их

этатистского баннера были начертаны доктрины экономического Laissez Faire». [E.P. Thompson, The Making of the English Working Class, с. 90] Капиталисты просто хотели, чтобы капиталистическое государство заменило монархическое государство, так что главы правительств следовали экономической политике, которая считалась бы капиталистами выгодной их классу как целому. Как говорит экономист по развитию Лэнс Тэйлор:

«В долгосрочной перспективе, не существует перехода к laissez-faire в современном экономическом росте. Государство всегда вмешивалось, чтобы создать капиталистический класс, и потом оно должно регулировать капиталистический класс, и потом государство должно волноваться о том, как не быть захваченным капиталистическим классом, но государство всегда было там». (Цитируется по Ноаму Хомскому, Year 501, с. 104)

Чтобы атаковать меркантилизм, ранние капиталисты игнорировали успешное влияние его политики на развитие индустрии и «запас богатства» для будущей экономической активности. Как указывает Уильям Лазоник, «политической целью (книги Адама Смита) 'Богатство наций' было атаковать меркантилистские институты, которая Британская экономика построила за предыдущие два века. Адам Смит предлагал институциональные изменения, но у него отсутствовал динамический исторический анализ. В его атаке этих институтов, Смит мог спросить, почему такая большая часть мирового рынка была под контролем Британии в конце 18 века. Если бы Смит спросил этот 'большой вопрос', он мог бы признать, что Британия была такой успешной на рынке благодаря меркантилистским институтам, которые он атаковал». Более того, он «мог бы опознать интегральное отношение между экономической и политической силой в восходе Британии к международному доминированию». В общем, «британские защитники laissez-faire отказывались говорить о роли, которая система национальной власти играла в создании условий, чтобы Британия начала свой динамичный путь развития… Они не беспокоились спросить, как Британия получила позицию 'мастерской мира', в то время как они удобно игнорировали продолжающуюся систему национальной власти — Британскую Империю -которая продолжала поддерживать позицию Британии». [Business Organisation and the Myth of the Market Economy, с. 2, 3, 5]

Похожие комментарии применимы к американским сторонникам laissez faire, которые не замечают, что «традиционная» американская поддержка по всему миру свободной торговли это достаточно недавний феномен. Это началось только в конце Второй Мировой Войны (внутри Америки милитаристские политики Кейнса были оставлены). В то время как американская индустрия развивалась, государство и капиталистический класс не имели времени для laissez-faire (смотри раздел F.8.5 для деталей). После того как индустрия стала сильной, Соединенные Штаты начали проповедовать laissez-faire остальному миру — и начала обманывать себя про свою собственную историю, считая свои слоганы про laissez-faire секретом успеха. Как все остальные успешные страны с промышленностью, государство помогало капиталистам напрямую и косвенно (через тарифы, земельную политику, репрессии рабочего движения, субсидии инфраструктуры и так далее) и оно «оставляло их в покое» чтобы они угнетали и эксплуатировали рабочих, эксплуатировали потребителей, строили свои промышленные империи и так далее.

Такис Фотопулес показывает, что социальные силы, делающие рынок «свободным» не имеют «естественной» эволюции к свободе:

«В противоположность тому, что утверждают либералы и марксисты, маркетизация экономики была не просто эволюционным процессом, следующий за экспансией торговли при меркантилизме. Современные (то есть капиталистические) рынки не эволюционируют из местных рынков и /или рынков иностранных товаров. Национальное государство, которое появлялось в конце Средних веков, играло важную роль в создании условий для 'национализации' рынка и освобождении рынка от эффективного социального контроля». [«The Nation-state and the Market», pp. 37-80 Society and Nature, Vol. 2, No. 2, с. 44-45]

«Освобождение» рынка значит освобождение тех, кто владеет большей частью рынка (т. е. богатая элита) от «эффективного социального контроля», но остальная часть общества была не так удачлива. Кропоткин говорит похожую вещь: «В то время как давая капиталистам некоторую возможность собирать свое богатство за счет беспомощных рабочих, правительство никогда и нигде… не давало трудящимся возможность делать то, что они хотят». [Anarchism, с. 182]

Так, выражение «laissez-faire» происходит в период, когда капиталисты возражали против ограничений, которые помогли создать их. Это не имеет отношения к свободе, а относится к нуждам капиталистов во власти и доходах. Также мы должны помнить, что в настоящий момент государство управляется богатыми для богатых. Выборы, там, где они имеют место, задействуют богатейших из мужчин собственников капитала. Это значит, что было два аспекта в призыве к laissez-faire. С одной стороны, элита хотела убрать регуляции и интервенции, которые находила обременительными и считала ненужными, так как их социальная позиция была защищена их экономической силой (меркантилизм развился в капитализм, когда рыночная сила была достаточной, чтобы производить зависимость и подчинение, так как рабочий класс был успешно лишен земли и средств производства). С другой стороны, серьезные социальные реформаторы (как Адам Смит) признавали, что затраты на такое управление государством, вдохновленное элитой, большей частью падали на плечи рабочего класса. Моральный авторитет последних был использован, чтобы поддержать желание первых максимизировать свое богатство, наложив затраты на других (рабочих, потребителей, общество и эко-систему планеты) с государством, готовым помочь им.

Неудивительно, рабочий класс узнал про лицемерие такого порядка (даже если большинство современных правых либертарианцев не знают об этом и предоставляют свои услуги, оправдывая действия и желания репрессивных и эксплуатирующих олигархов, ищущих монополистические позиции). Они обратились к политическому и социальному активизму, желая изменить систему, где экономическая и политическая сила усиливают друг друга. Некоторые (как чартисты и марксисты) требовали политических реформ, чтобы превратить демократию в настоящую систему с одним человеком, одним голосом. Таким образом, политическая свобода будет использована, чтобы остановить худшие перегибы так называемой «экономической свободы» (т. е. капиталистических привилегий и власти). Другие (как мутуалисты) стремились к экономическим реформам, которые бы обеспечили, что капиталистический класс бы исчез посредством настоящей экономической свободы. В конце концов, большин-

ство других анархистов утверждали, что нужны революционные перемены, потому что государство и капитализм так переплетены, что оба должны быть убиты в одно и то же время. Однако, борьба с государственной властью всегда происходила от общего населения. Как утверждал Мюррей Букчин, это ошибка изображать эту «революционную эру и ее демократические устремления как буржуазные, изображение, которое делает капитализм системой, больше связанной со свободой, или даже с обычными гражданскими свободами, чем это было исторически». [From Urbanisation to Cities, с. 18] В то время как капиталистический класс мог иметь выгоду от таких популярных движений как Английская, Американская, и Французская революции, но эти революции не были возглавлены, начаты и не велись буржуазией.

Не многое изменилось, так как капиталисты сегодня ищут максимум свободы от государства, чтобы обеспечить максимальную власть над их зарплатными рабами и обществом. Одна важная форма поддержки, которой правые либертарианцы хотят, чтобы государство (или «защитные» фирмы) оказывали капитализму, это обеспечение прав собственности — право владельцев собственности «делать как они хотят» на их собственности, что может иметь широкие и очевидные социальные последствия. «Либератарианские» капиталисты возражают против попыток других — рабочих, общества как целого, государства, и т. д. — влиять на власть боссов. То, что это просто защита привилегий и власти (а не свободы) обсуждалось в разделе B и в других главах части F, поэтому мы не будем здесь повторяться. Сэмюэль Джонсон однажды сказал: «мы слышим самые громкие возгласы о свободе от хозяина африканских рабов». [цитируется по Noam Chomsky, Year 501, с. 141] Наши современные «либертарные» капиталисты владеют зарплатными рабами и кричат о точно такой же «свободе».

F.8.3 Какие еще формы принимала интервенция государства в создании капитализма?

Кроме того, что оно было заказчиком новых форм продукции и социальных отношений, также оно защищало власть собственника, государство вмешивалось экономически также другими способами. Как мы отметили в разделе B.2.5, государство играло ключевую роль в трансформации законов общества в капиталистические законы, игнорируя традиционное и обычное право, когда это было удобно сделать. Похожим образом, использование тарифов и раздача монополий компаниям играло важную роль в накоплении капитала за счет работающих людей, точно так же как это сделало разрушение профсоюзов и разгон забастовок силой.

Однако, одним из самых вопиющих из этих действий было огораживание общественной земли. В Британии, посредством Актов Огораживания, земля, которая свободно использовалась бедными крестьянами, была отдана в частную собственность к крупным лендлордам. Как суммировал социалистический историк Е. П. Томпсон, «социальное насилие огораживания состояло из … радикального, тотального навязывания деревне капиталистической собственности». [The Making of the English Working Class, с. 237-8] Права собственности, которые давали преимущества богатым, заменили права использования и добровольное соглашение, которым пользовались крестьяне для использования земли. В отличие от прав пользования, которые по-

лагались на общину, права собственности требовали вмешательства государства, чтобы их создать и поддерживать. «Парламент и закон обеспечивали капиталистическое определение эксклюзивной собственности на землю», замечает Томпсон. Этот процесс включал в себя игнорирование желаний тех, кто пользовался общественной землей и репрессирование тех, кто возражал. Парламент, конечно, управлялся богатыми для богатых. Богатые люди просто «подчинялись правилам, которые они сами создали». [Customs in Common, с. 163]

Неудивительно, многие владельцы земли стали богатыми с помощью огораживания общественной земли, пустырей и холмов, в то время как многие простые люди лишились своих вековых прав. Огораживание земли было огромным мошенничеством крупных землевладельцев. По словам английской народной поэмы, написанной в 1764 году как протест против огораживания:

> Они вешают мужчину и хлестают женщину,
> Которые крадут гуся из общей земли;
> Но отпускают на свободу более крупного злодея,
> Который крадет землю у гуся.

Нужно помнить, что процесс огораживания не был ограничен только периодом индустриальной революции. Как замечает Колин Вард, «Во времена Тюдоров, волна огораживаний, проведенная владельцами земли, которые искали прибыль от высокой цены на шерсть лишила общинников средств к существованию и заставила их искать работу в другом месте или стать бродягами или сквоттерами на помойках по окраинам деревень». [Cotters and Squatters, с. 30] Первая волна увеличила количество сельского пролетариата, который продавал свой труд лендлордам. Мы не должны забывать, что это навязывание капиталистических прав собственности не подразумевает, что оно было незаконным. Как замечает Майкл Перелман, «формально, этот отъем земли был полностью легальным. В конце концов, крестьяне не имели прав собственности в узком смысле. Они имели только традиционные права. По мере развития рынка, первые жадные до земли дворяне и позже буржуа использовали государство, чтобы создать законную структуру, аннулирующую традиционные права». [The Invention of Capitalism, с. 13-14]

Являясь технически законной, потому что лендлорды создавали законы, влияние этой кражи земли не должно быть недооценено. Без земли, вы не можете жить и должны продавать свою свободу другим. Это ставит людей с капиталом в более выгодное положение, что имеет тенденцию повышать, а не понижать, неравенство в обществе (и таким образом ставит безземельных рабочих в ухудшающееся со временем положение). Этот процесс можно увидеть на ранних стадиях капитализма. С огораживанием земли была создана сельскохозяйственная рабочая сила, которой приходилась путешествовать в места, где есть работа. Этот наплыв безземельных бывших крестьян в города обеспечил то, что традиционная система цехов была разрушена и трансформировалась в капиталистическую индустрию с боссами и зарплатными рабами, вместо мастеров и их подмастерий. Поэтому огораживание земли играло ключевую роль, «ясно, что экономическое неравенство вряд ли создаст разделение общества во всемогущий владеющий класс и подчиняющийся класс,

работающий на зарплату, если доступ к средствам производства, включая землю, каким-либо способом не запрещен существенной части общества». [Maurice Dobb, Studies in Capitalist Development, с. 253]

Важность доступа к земле суммировали в этом лимерике последователи Генри Джорджа (писатель 19 века, который призывал к национализации земли и «единому налогу»). Джорджисты выразили свой базовый аргумент о важности земли в этих нескольких, замечательных, строчках:

> Экономист из колледжа планировал
> Жить без доступа к земле
> Он бы достиг успеха
> Но обнаружил что ему нужны
> Еда, убежище и место, чтобы стоять.

Таким образом, анархисты озабочены «монополией на землю», частью которой были Акты об Огораживании. Монополия на землю, говоря словами Такера, «состоит из обеспечения государством земельных прав, которые не основаны на персональном занятии и культивации». [The Anarchist Reader, с. 150] Нужно помнить, что общинная земля не включала в себя большие землевладения членов феодальной аристократии и других лендлордов. Это помогло искусственно ограничить доступную землю и создать сельский пролетариат точно так же как огораживания.

Важно помнить, что зарплатный труд впервые образовался на земле и это было защитой прав на землю лендлордов и дворянства, совмещенное с дворянством, это значило, что люди не могли просто работать на своей земле. Подавляющие экономические условия, созданные огораживанием земли и приведением в силу прав собственности, обеспечило то, что капиталисты не должны были угрожать оружием людям, чтобы они работали часами в авторитарных, дегуманизирующих условиях. В таких условиях, когда большинство лишено собственности и находится под угрозой голода, бедности, бездомности и так далее, «инициация насилия» не необходима. Но потребовались ружья, чтобы привести в силу систему частной собственности, которая создала рынок труда в первую очередь, огородить общинную землю и защитить собственность дворянства и богатых.

Понизив доступность земли для сельских людей, огораживания разрушили независимость рабочего класса. Через эти акты, бесчисленное множество крестьян были исключены от доступа к своим бывшим средствам существования, это заставило их искать работу у лендлордов или переехать в города, чтобы искать работу на недавно появившихся заводах многообещающих индустриальных капиталистов, которые таким образом были обеспечены готовым источником дешевого труда. Капиталисты, конечно, не описывали результаты таким образом, но пытались сбивать с толку с их обычной риторикой про цивилизацию и прогресс. Например, Джон Беллерс, сторонник огораживаний, живший в 17 веке, утверждал, что общинная земля была «помехой для Индустрии, и ... Питомником Праздности и Наглости». «Леса и большие общинные земли делают бедных, которые владеют ими, похожими на индейцев». [цитируется по Thompson, Op. Cit., с. 165]

В другом месте Томпсон утверждает, что общины «видятся сейчас как опасные центры недисциплинированности... Идеология была добавлена к эгоистичному интере-

су. Вопросом публичной политики для джентльменов стало убрать крестьян с общинной земли, привести трудящихся к зависимости». [The Making of the English Working Class, с. 242-3] Давид Макналли подтверждает, что «это было в точности элементы материальной и духовной независимости, которые многие из самых откровенных защитников огораживаний стремились разрушить». Сторонники огораживаний 18 века «были примечательно прямолинейны в этом отношении. Общественные права и доступ к общинной земле, они утверждали, позволяли иметь степень социальной и экономической независимости, и поэтому производила ленивые, распутные массы сельских бедняков, которые избегали честного труда и посещения церкви... Отказывая таким людям в общинной земле и общественных правах, мы заставляем их подчиняться тяжелой дисциплине, наложенную рынком труда». [Against the Market, с. 19]

Земля давала рабочему классу степень независимости, что позволяло им быть «наглыми» в свою пользу. Это должно было быть остановлено, потому что это подрывало корни авторитарных отношений в обществе. Общинная земля повышала свободу для обычных людей и делала их менее желающими следовать приказам и соглашаться на наемный труд. Отсылка к «индейцам» важна, так как независимость и свобода коренных американцев хорошо задокументирована. Общей чертой обоих культур было общее владение средствами производства и свободный доступ к ним (узуфрукт). Это обсуждается далее в разделе I.7 (Разве либертарный социализм не разрушит индивидуальность?). Как подчеркивал Букчин, завод «не родился из нужды интегрировать труд с современными машинами», он появился, чтобы регулировать труд и сделать его регулярным. «Помешательство буржуазии на социальном контроле и его зверски анти-натуралистическое мировоззрение делали вклад в нерегулярность, или 'естественность', в ритме и интенсивности традиционных систем работы, больше чем цены или зарплаты, запрашиваемые работниками. Больше, чем любой отдельный технический фактор, эта нерегулярность вела к рационализации труда при одном ансамбле правил, к дисциплине труда и регулированию времени, которая была на современной фабрике... начальная цель фабрики была в доминации над трудом и разрушении независимости рабочего от капитала». [The Ecology of Freedom с. 406]

Поэтому давление должно было разрушить связи рабочих с землей и таким образом «потеря этой независимости включала в себя потерю контакта рабочего с выращиванием еды... Жизнь в деревенском доме... часто значила выращивание семейного сада, возможно выгон коровы, приготовление домашнего хлеба, и умение содержать дом в хорошем состоянии. Индустриальным императивом стало стереть эти умения и средства к существованию из жизни рабочих. Таким образом, полная зависимость рабочего от завода и от индустриального рынка труда было прекрасным условием для триумфа индустриального общества... Необходимость разрушить любые независимые средства для жизни, которыми рабочий мог запастись... происходила из заинтересованности в ослаблении пролетариата до состояния полного бессилия перед лицом капитала. И с этим бессилием приходила вялость, потеря характера и общины, и падение морального духа». [Bookchin, Op. Cit.,, с. 406-407] Неудивительно, была положительная связь между огораживанием и миграции из деревень и «определенная корреляция... между степенью огораживаний и опорой

на плохие ставки… огораживания привели к оттоку населения и более высокому уровню обеднения». Более того, «стандарты жизни были в среднем гораздо выше в тех областях, где трудящиеся совмещали индустриальную работу с фермерством… Доступ к общинным землям значил, что трудящиеся могли пасти животных, собирать хворост, камни и золотоносный песок, копать уголь, охотиться и рыбачить. Эти права часто создавали разницу между пропитанием и крайней нищетой». [David McNally, Op. Cit., с. 14 и с. 18] Законы об охоте также обеспечили, что крестьяне и слуги не могли легально охотиться за дичью, как во времена Ричарда II (1389) до 1831, ни один человек не мог убить дикое животное, если только ему было это не разрешено на основании собственности или социального положения.

Огораживание земли (независимо от того какую форму оно принимало — смотри раздел F.8.5 для эквивалента в США) решало две проблемы — высокая цена труда, и свободу и достоинство рабочих. Огораживания прекрасно иллюстрируют принцип, что капитализму требуется государство, чтобы обеспечить, что большинство людей не имеют свободного доступа к любым средствам существования и поэтому должны продавать себя капиталистам, чтобы выжить. Нет сомнения, что если бы государство «оставило в покое» европейских крестьян, позволяя им продолжать их коллективное фермерство («коллективное фермерство» потому что, как показывает Кропоткин, крестьяне не только имели общую землю, но также совместно делали многие работы на ферме), капитализм не смог бы развиться (смотри Mutual Aid за сведениями о европейских огораживаниях (с. 184-189)). Как замечает Кропоткин, «примеры коммунаров, самостоятельно разделяющих свою землю были редкими, повсюду государство принуждало их разделять землю, или просто отдавало предпочтение частной апроприации их земель» знатными и богатыми. Таким образом «говорить о естественной смерти сельской коммуны (или общины) из-за действия экономического закона такая же мрачная шутка, как говорить о естественной смерти солдат, убитых на поле боя». [Mutual Aid, с. 188 и с. 189]

С тех пор как рынок труда был создан с помощью огораживаний и монополии на землю, государство было пассивным в регулировании рынка. Когда условия рынка были выгодны для рабочего класса, государство прислушивалось к призывам лендлордов и капиталистов и вмешивалось, чтобы восстановить «естественный» порядок. Государство активно использовало закон, чтобы понижать зарплаты и запрещать профсоюзы рабочих в течение веков. В Британии, например, после Черной Смерти был недостаток слуг. Вместо того, чтобы позволить рынку творить свою магию, лендлорды обратились к государству и результатом стало «Положение о трудящихся» 1351 года:

«В то время как поздно выступать против злого умысла слуг, которые были ленивыми, и не желающими работать после эпидемии без высоких зарплат, наш господин король приказал… что слуги обязаны работать, получая зарплату, принятую в местах, где они работают, в 20 год правления настоящего короля, или 5 или 6 лет назад; и что слуги, отказывающиеся работать на таких условиях, должны быть наказаны тюрьмой».

Так, требовалось государственное вмешательство, потому что трудящиеся укрепили рыночные позиции и требовали более высоких зарплат, что, в свою очередь, приводило к инфляции во всей экономике. Другими словами, ранняя версия NAIRU

(смотри раздел С.9). В той или иной форме это положение оставалось в силе весь 19 век (поздние версии делали незаконным для работников создавать «заговоры» для повышения зарплат, то есть организовываться, чтобы требовать повышения зарплат). Такие меры особенно усиливались, когда рынок труда случайно давал преимущества рабочему классу. Например, «после Реставрации (Английской монархии)», отметил Добб, «когда дефицит рабочей силы снова стал серьезной проблемой и имущий класс был сильно напуган неподчинением лет Республики, шумиха вокруг законодательного вмешательства, чтобы держать зарплаты низкими, заставить бедных заниматься наемным трудом и расширить систему работных домов и 'домов коррекции' и обнищание крестьян снова достигло крещендо». То же самое происходило в континентальной Европе. [Op. Cit., с. 234]

Поэтому, снова и снова работодатели обращались к государству, чтобы применять силу, подавляющую рабочий класс, искусственно понижать зарплаты и поддерживающую их экономическую силу и власть. В то время как такое законодательство часто было трудно привести в исполнение и оно часто было неэффективным, потому что настоящие зарплаты со временем увеличивались, угроза и использование государственного принуждения обеспечило, что зарплаты не повышались так быстро, как они могли бы в другом случае. Похожим образом, использование судов и войск, чтобы разрушать профсоюзы и срывать забастовки, сильно помогало процессу накопления капитала. Существовали различные законы, чтобы контролировать свободное движение рабочих. «На протяжении веков», замечает Колин Вард, «жизнь бедного большинства в сельской Англии управлялась законами о бедных и их разветвлениями, как Акт о Поселениях 1697 года, который запрещал приезжим поселяться на территории прихода, если только у них не было Сертификата о Поселении, в котором их родной приход соглашался взять их обратно, если они станут нуждаться в помощи бедным. Как и работные дома, это была ненавистная институция, которая просуществовала до 20 века». [Op. Cit., с. 31]

Как подчеркивал Кропоткин, «„это было государство, которое обязалось урегулировать конфликты» между работниками и боссами «и гарантировать удобную жизнь» (удобную для хозяев, конечно). Оно также «строго запрещало любые собрания... под угрозой суровых наказаний... В городе и деревне Государство управляло над свободными собраниями людей, и было готово предотвратить самыми строгими мерами собрание профсоюзов». Рабочие, которые формировали профсоюзы, «были наказаны по Акту о Хозяине и Служащем — рабочие были арестованы и осуждены по простому доносу о плохом поведении, сделанном хозяином. Забастовки были подавлены автократическим путем... не говоря уже о военном подавлении забастовочных беспорядков... Практиковать взаимную поддержку при таких условиях было нелегкой задачей... После долгой борьбы, которая продолжалась больше ста лет, право собираться вместе было приобретено». [Mutual Aid, с. 210 и с. 211] До 1813 года законы, регулирующие зарплату не были отменены, в то время как законы против собраний оставались в силе до 1825 года (хотя это не остановило осудить Толпудл Мучеников за «принятие незаконной присяги» и депортировать их в Тасманию в 1834 году). https://en.wikipedia.org/wiki/Tolpuddle_Martyrs

50 лет спустя, были отменены положения устава о рабочих, которые делали гражданский иск, если босс нарушал свой контракт, но уголовное дело, если рабочий

нарушал контракт. Трейд юнионы были законно признаны в 1871 году, в то время как другой закон ограничивал, что могли делать рабочие на забастовке. Британские идеалы свободной торговли никогда не включали в себя свободу организоваться.

(К счастью, под рукой были экономисты, которые объясняли рабочим, что организоваться, чтобы требовать более высоких зарплат было против их интересов. По странному совпадению, все эти законы против профсоюзов на самом деле помогали рабочему классу, обеспечивая необходимые условия для совершенной конкуренции на рынке труда! Каковы шансы этого? Конечно, в то время как они считаются нежелательными мэйнстримными экономистами — и, по странному совпадению, боссами — профсоюзы в целом не запрещены в настоящее время, но сильно зарегулированы. Любящие свободу, дерегулирующие тэтчеристы провели 6 Актов о Занятости между 1980 и 1993 годами, ограничивающие забастовочное движение требованием разрешения на забастовку, запрещая вторичные действия, ограничивающие пикеты и давая работодателям право подавать в суд, если имеются подозрения в законности акций — в интересах рабочих, конечно, потому что, по некоторым причинам, политики, боссы и экономисты всегда знали лучше членов профсоюза, что лучше для них. И если они сопротивлялись, то для этого было нужно государство.)

Для любого, отдаленно знакомого с историей рабочего класса, понятие, что может существовать экономическая теория, которая игнорирует отношения власти между боссом и работниками, является злой шуткой. Экономические отношения всегда имеют элемент власти, даже если это защита собственности и власти богатых — Невидимая Рука всегда полагается на очень видимый Железный Кулак, когда это требуется. Как незабвенно сказал Кропоткин, ранний капитализм всегда видел Государство как «закрутившего гайки для рабочих» и «навязывавшего индустриальное рабство». Буржуазия «сметала как вредное для промышленности» все, что считалось «бесполезным и вредным», но этот класс «изо всех сил старался сохранить власть государства над промышленностью, над фабричным крепостным». Не следует также упускать из виду роль государственных школ, в рамках которых «дух добровольного рабства всегда умело культивировался в молодых умах, и это продолжается до сих пор, чтобы увековечить подчинение индивида Государству». [The State: Its Historic Role, с. 52-3 и с. 55] Такое образование также обеспечивало, что дети привыкают к подчинению и скуке, нужной для зарплатного рабства.

Более свежий пример фашистской Чили, где капитализм «свободного рынка» был навязан большинству общества элитой, используя авторитарное государство. Это признавалось Адамом Смитом, когда он противостоял государственному вмешательству в Богатстве Народов. Во времена Смита, правительство открыто и без стыда было инструментом в руках владельцев богатства. Менее чем 10% британских мужчин (и ни одна женщина) имели право голосовать. Когда Смит противостоял государственному вмешательству, он противостоял наложению интересов богатых на всех остальных (и, конечно, как «либерализм» и тем более «либертарианство», это политическая система, в которой многие следуют правилам и законам принятых немногими в интересах всех? Как показывает история, любое меньшинство, получая такую власть, злоупотребляет ею в своих собственных интересах). Сегодня, ситуация поменялась на обратную, с неолибералами и правыми «либертарианцами», противостоящими государственному вмешательству в экономику (т. е. регуляции большого

бизнеса), чтобы предотвратить публику даже от минимального влияния на власть или интересы элит. Факт, что капитализму «свободного рынка» всегда требуется помощь авторитарного государства, должен заставить всех честных «либертарианцев» спросить: Насколько «свободен» «свободный рынок»?

Введение

Раздел I. Как будет выглядеть анархическое общество?

До этого момента FAQ был по большей части критическим, фокусируясь на иерархии, капитализме, государстве и так далее, и на проблемах, которые они вызывают, так же как опровержение некоторым фальшивым «решениям», которые предлагали авторитаристы справа и слева. Пришло время изучить конструктивную часть анархизма – либертарно-социалистического общества, которое анархисты воображают. Это важно, так как анархизм по существу является конструктивной теорией, в абсолютной противоположности картине, обычно изображающей анархизм как хаос или бездумное разрушение.

В этом разделе FAQ мы дадим вам план того, как может выглядеть анархическое общество. Такое общество имеет базовые функции — такие, как быть не иерархическим, децентрализованным и, прежде всего, спонтанным как сама жизнь. Процитируем Глена Альбрехта, анархисты «придают большое значение свободному разворачиванию спонтанного порядка без использования внешней силы или власти». [«Ethics, Anarchy and Sustainable Development», pp. 95-117, Anarchist Studies, vol. 2, no. 2, p. 110] Этот тип развития предполагает, что анархическое общество будет организовано от простого к сложному, от индивида вверх к сообществу, биорегиону и, в конечном счете, к планете. Результирующее общество, которое будет результатом природы, свободно развивающейся к большему разнообразию и сложности, этически более предпочтительно, чем любой другой тип порядка, просто потому что оно позволяет самый высокий уровень органической солидарности и свободы. Кропоткин описывал это видение по-настоящему свободного общества следующими словами:

> «Мы предвидим миллионы и миллионы групп, свободно составляющих себя для удовлетворения всех разнообразных нужд людей… Все это будет составлено из людей, которые свободно собираются… 'Возьмите камешки', сказал Фурье, 'положите их в коробку и потрясите их, и они расположатся в мозаике, которую вы никогда не получите, инструктируя кого-нибудь расположить их гармонически'». [**The Place of Anarchism in Socialistic Evolution**, с. 11-12]

Анархическая оппозиция иерархии это существенная часть «спонтанного порядка» в обществе, потому что власть останавливает развитие и рост индивида. Из этого естественного роста индивидов, групп и общества как целого анархисты ожидают общество, которое удовлетворяет нужды всех — нужду в индивидуальной и социальной свободе, материальные товары, удовлетворяющие физические нужды и свободные и равные социальные отношения, которые удовлетворяют то, что можно назвать «духовными нуждами» (т. е. ментальное и эмоциональное благополучие, креативность, этическое развитие и так далее). Любая попытка заставить общество или людей прийти в определенную структуру, которая ограничивает их свободу, будет производить беспорядок, так как естественные баланс и развитие затруднены и искажены в антисоциальном и деструктивном направлении. Таким образом, анархическое общество должно быть свободным обществом свободных индивидов, связанных внутри либертарных структур, а не серий соревнующихся иерархий (будь они политическими или экономическими). Только в свободе общество и индивиды могут создать и развить справедливый и честный мир. По словам Прудона, «свобода это мать порядка, а не его дочь».

Так как индивид не существует в социальном вакууме, необходимы подходящие социальные условия для того, чтобы индивидуальная свобода развивалась и процветала в соответствии со своим полным потенциалом. Теория анархизма построена вокруг центрального предположения, что люди и их организации не могут рассматриваться в изоляции друг от друга. Это значит, что социальные структуры формируют нас, «что существует взаимная связь между властными структурами институтов и психологическими качествами и позицией индивидов» и что «главная функция участия — образовательная». [Carole Pateman, Participation and Democratic Theory, с. 27] Анархизм представляет эту позицию в самой последовательной и либертарной форме. Другими словами, свобода только тогда поддерживается и защищается действиями в условиях свободы, а именно при самоуправлении. Свобода это единственное предусловие для приобретения зрелости, необходимой для длительной свободы: «Только в свободе человек может вырасти в полный рост. Только в свободе он_ будет учиться думать и двигаться, и выявлять лучшее в себе». [Emma Goldman, Red Emma Speaks, с. 72]

Так как индивидуальная свобода может быть только создана, развита и защищена самоуправлением и свободным собранием, система, которая вдохновляет индивидуальность должна быть децентрализованной и партисипаторной, чтобы люди могли развить психологию, которая позволит им принять ответственность самоуправления. Жизнь в состоянии любой другой авторитарной системы производит раболепный характер, потому что индивид постоянно подчиняется иерархической власти, что притупляет их критические и самоуправляющиеся способности из-за отсутствия практики. Такая ситуация не может продвигать свободу, и поэтому анархист_ы «понимают, что сила и власть развращают тех, кто использует ее, так же сильно как тех, кто вынужден подчиняться ей». [Bakunin, The Political Philosophy of Bakunin, с. 249]

Посмотрев на капитализм, мы обнаружим, что при наемном труде люди продают свою креативную энергию и контроль над своей активностью на данный период. Босс не только забирает прибавочную стоимость из времени, которое работники продают, но само время — их свободу, их способность принимать собственные решения, выражать себя через работу вместе со своими коллегами. Наемный труд равняется наемному рабству, так как вы продаете свое время и умения (т. е. свободу) каждый день на работе и вы никогда не сможете вернуть это время себе. Оно ушло навсегда. Также это генерирует, процитируем Годвина, «чувство зависимости» и «рабский дух», обеспечивая, что «феодальный дух до сих пор живет, сводя большинство человечества к уровню рабов и скота для службы немногих». [The Anarchist Writings of William Godwin, с. 125-6] Поэтому анархисты видят необходимость в «создании ситуации, где кажд_ый человек может жить, свободно работая, без принуждения продавать свою работу и свободу другим, которые накапливают богатство за счет труда своих рабов». Kropotkin, Words of a Rebel, с. 208]

Таким образом, цель анархизма в создании общества, в котором каждый человек «должен иметь материальные и моральные средства развивать свою человечность» и «организовать общество таким способом, чтобы каждый индивид мог найти приблизительно равные средства для развития своих разнообразных дарований и использования своей работы; создать общество, которое поместит каждого индивида в такую позицию, что для н_его будет невозможно эксплуатировать труд другого» и

«наслаждаться социальным богатством, если он_а прямо внесл_а вклад в производство этого богатства». [Bakunin, Op. Cit., p. 409] Как таковые, анархисты согласятся с Джорджем Оруэллом: «Вопрос очень простой. Будет ли людям позволено жить приличной, полной человеческой жизнью, которая сейчас технически достижима? Будет ли обычный человек втолкнут обратно в грязь, или не будет?» [Orwell on Spain, с. 361]

Анархизм, вкратце, об изменении общества и отмене всех форм авторитарных социальных отношений, он ставит жизнь впереди разрушающей душу «эффективности», которая нужна, чтобы выжить при капитализме; анархист_ «берет свое позитивное право на жизнь и все ее радости, интеллектуальные, моральные и физические. Он_а любит жизнь, и собирается наслаждаться ею полностью». [Bakunin, Michael Bakunin: Selected Writings, с. 101] Таким образом, цитируя Эмму Гольдман, «все человеческие существа, независимо от расы, цвета, или пола, рождены с равным правом на долю на столе жизни; чтобы обеспечить это право, среди людей должна быть установлена экономическая, социальная и политическая свобода». [A Documentary History of the American Years, vol. 2, с. 450]

Это будет безклассовое и не иерархическое общество, общество без слуг и господ, основанное на свободной ассоциации свободных индивидов, которое вдохновляет и празднует индивидуальность и свободу:

«Фраза 'безклассовое общество' без сомнения пугает любого мыслящего человека. На ум приходит образ скучной посредственности… одинаковые самодостаточные люди, живущие в модельных домах, путешествующие в одинаковых фордах по бесконечным одинаковым дорогам… Но… разделение этого богатства не приведет к одинаковости жизни, просто потому что не существует одинаковости желаний. Одинаковость это неумный кошмар; не может быть одинаковости в свободном человеческом обществе. Одинаковость может быть только порождена тиранией тоталитарного режима». [Herbert Read, Anarchy and Order, с. 87-8]

Анархисты думают, что существенные социальные ценности это человеческие ценности, и что общество это комплекс ассоциаций, которые выражают волю своих членов, чье благополучие его цель. Мы считаем, что формы ассоциаций, когда согласие пассивно или подразумевается, недостаточны, и что общество только тогда будет здоровым, если оно в полном смысле либертарианское, т. е. самоуправляющееся, и эгалитарное. Это подразумевает, что не только все члены должны иметь право влиять на политику, если они хотят этого, но что самая большая возможность исполнять это право должна быть предоставлена каждому человеку. Анархизм включает в себя активное, а не пассивное, гражданство членов общества и этот принцип относится не только к «специальной» сфере социального действия называемого «политикой», но к любой форме социального действия, включая экономическую активность.

Так что, как будет показано, ключевой концепт, лежащий в основе социальной / политической и экономической структуры либертарианского социализма это «самоуправление», термин, который подразумевает не только контроль рабочих на своем рабочем месте, но также контроль граждан над своими сообществами (где это становится «самоуправлением»), через прямую демократию и добровольные федерации. Таким образом, самоуправление это позитивная импликация «негативного» принципа анархизма оппозиции иерархической власти. Через самоуправле-

ние, иерархическая власть устраняется, потому что самоуправляющиеся рабочие места и ассамблеи коммун / консульства это децентрализованные, «горизонтальные» организации, в которых каждый участник имеет равный голос в решениях, которые влияют на его или ее жизнь, вместо того чтобы только следовать приказам и управляться другими. Самоуправление, поэтому, это существенное условие для мира, в котором индивиды будут свободны следовать собственным мечтам, своим собственным способом, кооперируясь вместе как равные без влияния любой формы авторитарной власти (такие как правительство или босс).

Возможно, не нужно говорить, что этот раздел готовился только как эвристический совет, как способ помочь читателям предвидеть, как анархистские принципы могут быть воплощены на практике. Это не (не намеревалось, и не хотелось) определенное утверждение того, как они должны быть воплощены. Идея, что несколько человек могут в точности определить то, как будет выглядеть свободное общество, противоположно анархистским принципам свободного роста и мысли, и это далеко от наших намерений. Здесь мы просто пытаемся показать некоторые структуры, которые может содержать анархическое общество, основываясь на идеалах и идеях, которых придерживаются анархисты, информированы о нескольких примерах анархии в действии, которые существовали и наше критическая оценка их ограничений и успехов. Как сказал однажды Герберт Рид, «всегда ошибка делать априорные суждения. Главное это установить свои принципы – принципы равенства, индивидуальной свободы, рабочего контроля. Коммуна тогда стремится к установлению этих принципов с начального пункта, исходя из местных нужд и местных условий». [Op. Cit., с. 51]

Более того, мы должны помнить, что государства изменялось со временем и не всегда существовало. Таким образом, возможно существование социальной организации, которая не является государством и путать их было бы «путаницей», сделанной теми, кто «не может вообразить себе общество без концентрации Государства». Но «это значит игнорировать факт, что Человек жил в Обществе за тысячи лет до Государства» и что «большое количество людей жили в коммунах и свободных федерациях». Это не было государством, потому что государство это «только одна форма общества, предполагаемая в курсе истории. Тогда почему не делать различия между тем, что постоянно, и между тем, что временно?» [Kropotkin, The State: Its Historic Role, с. 9-10] Похожим образом, аксиомы капиталистической экономики не вечны, капитализм это последняя серия экономики. Так же, как феодализм заменил рабство, и капитализм заменил феодализм, так же свободный (ассоциированный) труд может заменить наемный труд. Как заметил Прудон, «период, через который мы сейчас проходим, отмечен специальной характеристикой: наемным трудом». Капитализм не всегда существовал и нет нужды в его продолжении. В то время как «радикальный порок политической экономики это называть временное состояние окончательным состоянием – а именно, разделение общества на пролетариев и патрициев» в реальности, «в настоящее время, организация труда неадекватна и временна». [Property Is Theft!, с. 190, с. 174 и с. 170] Анархисты стремятся сделать это временное состояние короче, а не длиннее.

В конечном счете, свободное общество, основанное на самоуправляющихся коммунах и ассоциированном труде, во многих отношениях, натуральная эволюция тенденций внутри существующего общества. Например, средства производства мо-

гут только использоваться коллективно, это предполагает, что отношения равенства и свободы, основанные на ассоциации рабочих, это разумная альтернатива отношениям, основанным на иерархии, эксплуатации и угнетении, хозяевах и слугах. Это борьба против угнетающих социальных отношений которая создает ассоциации (ассамблеи за забастовку на рабочем месте), которые могут экспроприировать рабочее место и могут сделать эту возможность реальностью.

Поэтому анархическое общество не будет создано за один день и будет иметь отсылки к прошлому, и изначально будет основано на структурах, созданных в социальной борьбе (т. е. создано внутри но против капитализма и государства) и будет отмечено идеями, которые появились и развились в этой борьбе. Например, анархические коллективы в Испании были организованы снизу вверх, похожим образом как C.N.T. (анархо-синдикалистский профсоюз) был организован перед революцией. В этом смысле, анархия это не некоторая далекая цель, но выражение борьбы рабочего класса. Создание альтернатив существующему иерархическому, угнетающему, эксплуатирующему и отчужденному обществу это необходимая часть борьбы и поддержания своей свободы и человечности в сумасшедшем мире иерархического общества. Как таковое, анархическое общество будет генерализацией разных типов «анархии в действии» созданных в разных стратегиях против всех форм угнетения и эксплуатации (смотри раздел I.2.3).

Это значит, что то, как будет выглядеть и работать анархическое общество, будет зависеть от специфических обществ, из которых оно создано и способов, которым оно создано. Другими словами, анархическое общество будет отражать экономические условия, унаследованные от капитализма, социальную борьбу, которая предшествовала этому и идеи, которые существовали в этой борьбе как модифицированные практической нуждой любой данной ситуации. Поэтому видение свободного общества, показанное в этом разделе FAQ, это не какого-либо рода абстракция, которая будет создана за день. Если бы анархисты не думали так, нас бы справедливо назвали утопистами. Нет, анархическое общество это результат социальной борьбы, активности, которая помогает создать массовое движение, которое содержит индивидов, которые могут думать за себя и желают и могут взять ответственность за свои жизни.

Поэтому, когда читаете этот раздел, помните, что это не план, но только возможные предположения того, как будет выглядеть анархическое общество. Оно создано, чтобы провоцировать мысль и показать, что анархическое общество возможно. Мы надеемся, что наши аргументы и идеи, представленные в этом разделе, вызовут больше дебатов и обсуждений о том, как может работать свободное общество и также важно, поможет вдохновить борьбу, которое создаст такое общество. В конце концов, анархисты хотят построить новый мир в раковине старого. Если у нас нет идеи о том, каким будет новое общество, тогда нам будет трудно представить его в наших активностях сегодня! Кропоткин писал, что трудно построить «без очень осторожного рассмотрения заранее, основанном на изучении социальной жизни, того как мы хотим построить – мы должны отвергнуть слоган Прудона (что разрушая, мы построим)… и объявить: 'в строительстве мы разрушим'». [Conquest of Bread, с. 173] В более позднее время, Ноам Хомский утверждал, что «альтернативы существующим формам иерархии, доминации, частной власти и социального контроля определенно существуют в принципе… Но чтобы сделать их реалистичными, потребуется большая

работа, включая работу по ясному артикулированию их». [Noam Chomsky, Turning the Tide, p. 250] Этот раздел FAQ может считаться вкладом в артикуляцию либертарных альтернатив существующему обществу, того, что мы хотим построить в будущем.

Мы не боимся, что многие скажут, что многое, что мы предлагаем в этом разделе FAQ, утопическое. Возможно, они правы, но, как сказал однажды Оскар Уайльд:

«Карта мира, которая не включает в себя Утопию, не стоит взгляда, потому что не увидим той земли, куда все время стремится Человечество. Однако лишь ступив на этот берег, оно оглядывает горизонт и, завидев лучшие земли, устремляет свой парус в иные пределы. Прогресс есть претворение Утопий в жизнь». [The Soul of Man Under Socialism, p. 1184]

Однако, мы попытались быть такими же практичными, насколько мы визионеры, представляя реалистичные проблемы, так же как предоставляя доказательства для наших решений этих проблем из реальной жизни там, где это возможно, мы не представляли серию невозможных допущений, которые отклоняют возможные проблемы по определению. Лучше рассматривать худшие возможные случаи, потому что если они не произойдут, мы ничего не потеряем, и если они произойдут, то по крайней мере мы имеем начальную точку для возможных решений. Так, мы пытались быть практичными утопистами!

Но мы должны подчеркнуть, что анархисты не хотят «совершенного» общества (как это часто ассоциируется с термином «утопия»). Это будет так же невозможно, как неоклассическое экономическое видение совершенной конкуренции. Вместо этого мы хотим свободное общество, основанное на настоящих людях и поэтому имеющее свои проблемы и трудности. Наше использование слова «утопия» не должно пониматься так, что анархисты не рассматривают все проблемы и утверждают, что анархическое общество будет идеальным и совершенным. Ни одно общество никогда не было совершенным и ни одно общество не будет совершенным. Все, что мы утверждаем, это то, что анархическое общество будет иметь меньше проблем и будет лучшим для жизни. Любой, ищущий совершенства, должен искать в другом месте. Любой, ищущий более лучший, но все еще человеческий и поэтому несовершенный, мир, может найти в анархизме потенциальный конец своих поисков.

Анархисты реалистичны в своих надеждах и мечтах. Мы не лелеем надежды, которые не могут быть достигнуты, но вместо этого базируем наше видение на анализе того, что неправильно в нашем обществе сегодня и средств изменения мира к лучшему. И даже если некоторые люди называют нас утопистами, мы отмахиваемся от обвинения с улыбкой. В конце концов, мечты важны, не только потому что они часто являются источником изменений в реальности, но потому что они выражают надежды:

“Люди могут называть нас мечтателями… Они не видят, что мечты также часть реальности жизни, что жизнь без мечты будет невыносимой. В нашем образе жизни не будут возможны перемены, если не будет мечты и мечтателей. Единственные люди, которые никогда не разочаровываются, это те, кто никогда не надеются и никогда не надеются исполнить свои надежды». [Rudolf Rocker, The London Years, c. 95]

Один последний пункт. Мы должны подчеркнуть здесь, что мы обсуждаем социальные и экономические структуры в областях, жители которых в большинстве анархи-

сты. Очевидно, что области, в которых жители не анархисты, реализуют другие формы в зависимости от идей, которые доминируют там. Следовательно, предполагая конец существующей государственной структуры, мы можем видеть анархистские коммуны вместе с этатистскими (капиталистические или социалистические) и эти коммуны принимают разную форму в зависимости от того, что хотят их жители — коммунистические и индивидуалистические коммуны в случае анархистов, государственный социализм и частное государство в этатистских областях, коммуны, основанные на религиозных сектах и так далее. Как утверждал Малатеста, анархисты «должны быть непримиримы в нашей оппозиции всему капиталистическому навязыванию и угнетению, и толерантны ко всем социальным концептам, которые доминируют в других человеческих группах, если они не угрожают равным правам и свободе других». [Errico Malatesta: His Life and Ideas, с. 174] Таким образом, мы уважаем желания других экспериментировать и жить свои жизни так, как они видят подходящим, в то же время поощряя людей в капиталистических и других государственных коммунах, чтобы они поднялись в революции против своих хозяев и присоединились к свободной федерации анархистских коммун. Разумеется, здесь мы не обсуждаем не-анархические коммуны, так как это не-анархистам следует предоставить свои аргументы в пользу своего вида этатизма.

Так что помните, что мы не утверждаем, что все будут жить анархическим образом в свободном обществе. Далеко от этого. Будут зоны несвободы вокруг, просто потому что развитие идей различается от области к области. Анархисты, разумеется, против того, чтобы заставлять людей быть анархистами (как вы можете заставить кого-либо быть свободным?). Наша цель в том, чтобы вдохновить подчиненных власти освободить себя и работать с ними, чтобы создать анархическое общество, но, очевидно, наши успехи в этом будут разниться. Поэтому мы можем ожидать, что зоны свободы будут сосуществовать с зонами, захваченными государственным социализмом, религией или капитализмом так же, как мы можем ожидать увидеть разные виды анархизма сосуществующими вместе.

Однако, будет ошибкой считать, что только потому что существует много выборов коммун, что это автоматически делает общество анархическим. Например, современный мир содержит более 200 разных государств. Для большинства из них, индивиды могут уйти и присоединиться к другому государству, если оно позволит им. Не существует мирового правительства. Это не делает серию государств анархией. Похожим образом, система, основанная на разных корпорациях, это не анархия тоже, и система основанная на серии частных городов или система (квази-феодальная или нео-феодальная?) основанная на множестве лендлордов, которые сдают в аренду землю и рабочие места работникам. Природа ассоциаций так же важна, как их добровольность. Как утверждал Кропоткин, «коммуны следующей революции не только покончат с государством и заменят парламентское правление свободной федерацией; они не только расстанутся с парламентским правлением внутри коммуны… Они будут анархическими внутри коммуны так же, как они будут анархическими за пределами коммуны». [Selected Writings on Anarchism and Revolution, с. 132] Следовательно, анархическое общество это такое общество, которое можно свободно покинуть и вступить в него, по существу оно не иерархическое и не угнетающее и не эксплуатирующее. Таким образом, анархические коммуны могут сосуществовать

с не анархическими, но это не значит, что не анархические общества каким-либо образом анархические или либертарные.

В заключение. Анархисты, если утверждать очевидное, не стремятся к хаосу, анархии в популярном смысле слова (Джордж Оруэлл однажды заметил, как автор правого крыла «использовал 'анархизм' вместо 'анархии', что едва ли более корректное использование слов, чем сказать, что консерватор это тот, кто делает варенье». [Op. Cit., p. 298]) Также анархисты не отвергают дискуссии о том, каким будет свободное общество (такое отвержение обычно основано на ложных причинах, что вы не можете предписать, что будут делать свободные люди). На самом деле, анархисты имеют довольно сильные мнения о базовых контурах свободного общества, всегда предполагая, что это только руководства. Эти предположения основаны на либертарных принципах, достижениях в классовой борьбе и большой осведомленности о том, чем плохи классовые и иерархические системы (и так же что не надо делать!)

Читая этот раздел FAQ помните, что анархическое общество будет создано автономными действиями массы населения, а не анархистами, пишущими книги об этом. Это значит, что настоящее анархическое общество совершит много ошибок и будет развиваться таким образом, который мы не можем предсказать. Это подразумевает, что это только серия предположений, как могут обстоять дела в анархическом обществе — это ни в коем случае не план. Всё, что анархисты могут сделать, это описать то, во что мы верим и почему такое видение желательно и жизнеспособно. Мы надеемся, что наши аргументы и идеи, представленные в этом разделе FAQ вдохновят больше дебатов и обсуждений о том, как может работать свободное общество. В дополнение, и в равной степени важно, мы надеемся, что это поможет вдохновить борьбу, которая создаст такое общество.

I.1 Разве либертарианский социализм это не оксюморон?

Одним словом, нет. Вопрос часто поднимается теми, кто знаком с так называемыми «либертарианскими» правыми. Как обсуждалось в разделе А.1.3, слово либертарианский использовалось анархистами гораздо дольше, чем правыми сторонниками свободного рынка. На самом деле, анархисты использовали его как синоним для анархиста более чем 150 лет, начиная с 1858 года. По сравнению, широкое распространение термина так называемыми «либертарианскими» правыми начинается с 1970-ых в Америке (начиная с 1940-ых ограниченно использовалось несколькими индивидами). На самом деле, за пределами Северной Америки либертарианец все еще преимущественно используется как эквивалент анархиста и как более короткая версия либертарианского социалиста. Как замечает Ноам Хомский:

«Позвольте мне сказать о терминологии, так как мы находимся в Соединенных Штатах, мы должны быть довольно осторожными. Либертарианец в Соединенных Штатах значит почти противоположное тому, что это слово значит традиционно в остальной части мира. Здесь, либертарианец значит ультра правого капиталиста. В европейской традиции, либертарианец значит социалист. Так, анархизм иногда назывался либертарианским социализмом, большое крыло анархизма, поэтому мы должны быть немного осторожны с терминологией». [**Reluctant Icon**]

Само по себе это не значит, что термин либертарианский социалист свободен от противоречий. Однако, как мы покажем ниже, утверждение, что термин противоречит сам себе, основывается на предположении, что социализму нужно государство, чтобы существовать и что социализм несовместим со свободой (и одинаково ошибочное утверждение, что капитализм либертарианский и не нуждается в государстве). Это предположение, как это часто бывает со многими возражениями социализму, основано на неправильной концепции того, что такое социализм, концепции, которой способствовали многие авторитарные социалисты и государственный капитализм в Советской России. В реальности оксюмороном является термин «государственный социализм».

К сожалению, многие люди принимают за правду утверждение, разделяемое многими справа и слева, что социализм равен ленинизму или марксизму и игнорируют богатую и разнообразную историю социалистических идей, идеи, которые разнятся от коммунизма и индивидуального анархизма до ленинизма. Как заметил однажды Бенджамин Такер, «факт того, что государственный социализм… затмил собой другие формы социализма, не дает права на монополию на социалистические идеи». [**Instead of a Book**, с. 363-4] К сожалению, многие леваки соединяются с правыми, чтобы сделать в точности это. На самом деле, правые (и, конечно, многие левые) считают, что, по определению «социализм» это государственное владение и кон-

троль средств производства, вместе с центральным планированием национальной экономики (и таким образом социальной жизни).

Даже быстрый взгляд на историю социалистического движения показывает, что идентификация социализма с государственным владением и контролем не распространена. Например, Анархисты, многие Цеховые Социалисты, коммунисты рабочих советов (и другие либертарные марксисты), так же как последователи Роберта Оуэна, все отвергали государственное владение. На самом деле, анархисты признавали, что средства производства не меняют свою форму капитала, когда государство завладело ими и наемный труд не изменил свою природу, когда нанимателем стало государство (например, смотри раздел H.3.13). Для анархистов государственная собственность капиталом ни в какой мере не социалистическая. На самом деле, как хорошо было известно Такеру, государственное владение превращало всех в пролетариев (кроме государственной бюрократии) — едва ли желаемая вещь для политической теории, стремящейся к концу зарплатного рабства!

Так что же такое социализм? Совместим ли он с либертарианскими идеалами? Что на самом деле значат слова либертарианский и социализм? Заманчиво использовать словарные определения как начальную точку, хотя мы должны подчеркнуть, что такой метод содержит проблемы, потому что разные словари дают разные определения и словари редко политически сложны. Используйте одно определение, и кто-то другой будет противостоять с еще одним определением, которое ему нравится. Например, социализм часто описывается как «государственное владение богатством» и анархия как «беспорядок». Ни одно из этих определений не полезно для обсуждения политических идей, в частности анархизма, потому что, очевидно, ни одна форма анархизма не будет социалистической по такому определению и анархисты не стремятся прийти к беспорядку. Поэтому, использование словарей это не конец дискуссии и часто приводит к ложному пути, когда применяется в политике.

Либертарианец, однако, в общем случае определяется как кто-то, кто придерживается принципов свободы, в особенности индивидуальной свободы мысли и действия. Такая ситуация может быть поощрена только социализмом, свободным доступом к средствам для жизни. Потому что в такой ситуации люди ассоциируются как равные и поэтому, как однажды сказали Джон Мост и Эмма Гольдман, «система коммунизма логически исключает любое и каждое отношение между хозяином и слугой, и значит настоящий Анархизм». [«Talking about Anarchy», с. 28, Black Flag, no. 228, с. 28] Другими словами, основывая себя на свободной ассоциации и самоуправлении в каждом аспекте жизни, анархическая форма социализма не может не быть либертарианской.

Другими словами, существует причина, по которой анархисты использовали термин либертарианец более чем 150 лет! Ближе к теме, зачем предполагать, что недавняя апроприация правыми этого слова будет считаться главным аргументом? Это предполагает, что частная собственность защищает индивидуальную свободу, а не подавляет ее. Такое предположение, как анархисты утверждали с начала анархизма как отдельной социо-политической теории, неправильно. Как мы обсуждали ранее (смотри раздел B.4, например), капитализм отрицает свободу мысли и действия на рабочем месте (если только вы не босс, конечно). Как многословно отметил один верный защитник капитализма (и классический либерал, часто называемый как прародитель правого «либертарианства»), капиталист «конечно же имеет власть над

работниками», хотя «он не может применять ее произвольно», благодаря рынку, но в его границах «предприниматель свободен давать полную власть своим прихотям» и «импровизированно увольнять рабочих». [Ludwig von Mises, **Socialism**, с. 443 и с. 444] Правые «либертарианцы» чрезвычайно слепы к разрушающим свободу иерархиям, связанным с частной собственностью, возможно неудивительно, потому что они фундаментально про-капиталисты и анти-социалисты (равным образом неудивительно, настоящие либертарианцы имеют тенденцию называть их «пропертарианцами»). Как правильно отмечает левый экономист Джофри М. Ходжсон:

«По их собственной логике, (такие) рыночные индивидуалисты вынуждены пренебрегать организационной структурой фирмы, или ошибочно вообразить, что рынки существуют внутри него. Сделать по-другому было бы признанием, что такая динамичная система, как капитализм, зависит от способа организации, из которого рынки исключены… Это… позволяет рыночным индивидуалистам игнорировать реальность нерыночных организаций в частном секторе… Таким образом, они могут игнорировать реальность контроля и власти в частной капиталистической корпорации, но оставаться критическими к публичному сектору бюрократии и государственного планирования». [**Economics and Utopia**, pp. 85-6]

Собственнический взгляд неизбежно генерирует массивные противоречия, такие как признание того, что государство и частная собственность разделяют общую монополию на принятие решений на данной территории, и в то же время противостоя только последней (смотри раздел F.1). Как долго указывали анархисты, иерархические социальные отношения, связанные с частной собственностью, не имеют ничего общего с индивидуальной свободой. Устранение государства, но сохранение частной собственности не будет, поэтому, шагом вперед: «Мы построим замечательный бизнес, если разрушим Государство и заменим его массой маленьких Государств! Убить монстра с одной головой, и сохранить монстра с тысячей голов!» [Carlo Cafiero, *«Anarchy and Communism»*, с. 179-86, **The Raven**, No. 6, с. 181]

Поэтому мы утверждаем, что анархизм это больше, чем безгосударственное общество, в то время как общество без государства необходимое условие для анархии, оно не достаточно – частные иерархии также ограничивают свободу. Хомски:

«В основном это основано на идее, что все иерархические и авторитарные структуры не оправдывают сами себя. Они должны иметь оправдание… Например, ваше рабочее место это один пункт контакта и ассоциации. Поэтому, рабочие места должны демократически контролироваться участниками… существует много способов, которыми люди взаимодействуют друг с другом. Формы организации и ассоциации, которые применяются, должны быть, в максимально возможной мере, не авторитарными, не иерархическими, управляться участниками». [**Reluctant Icon**]

Поэтому анархисты утверждают, что настоящие либертарианские идеи должны быть основаны на рабочем самоуправлении, т. е. рабочие должны контролировать и управлять работой, которую они делают, определяя, когда и как они это делают, и что случится с плодами их труда, что в свою очередь значит искоренение наемного труда. Или, используя слова Прудона, «аболицию пролетариата». [**Selected Writings of Pierre-JosephProudhon**, p. 179] До тех пор, пока это не сделано, большинство людей подчиняются авторитарным социальным отношениям, которые

люди, похожие на Мизеса и других правых «либертарианцев», поддерживают. Как сказал один анархо-коммунист:

«Потому что индивид не владеет собой, и ему не позволено быть настоящим собой. Он стал простым товаром на рынке, инструментом для накопления собственности – для других… Индивидуальность растянута на Прокрустовом ложе бизнеса… Если наша индивидуальность была сделана ради цены дыхания, какая суматоха произошла бы о насилии, сделанном над личностью! И все еще наше право на еду, питье и жилище слишком часто даются нам при условии на потерю индивидуальности. Эти вещи даются неимущим миллионам (и как скудно!) только в обмен на их индивидуальность – они становятся простыми инструментами индустрии». [Max Baginski, *«Stirner: The Ego and His Own»*, с. 142-151, **Mother Earth**, Vol. II, No. 3, с. 150]

Анархисты утверждают, что социализм может только значить бесклассовое и антиавторитарное (т. е. либертарианское) общество, в котором люди управляют своими делами, как индивиды или как часть группы (в зависимости от ситуации). Другими словами, это подразумевает самоуправление во всех аспектах жизни – включая работу. Это всегда поражало анархистов, как что-то странное и парадоксальное, (мягко говоря) что система «естественной» свободы (термин Адама Смита, апроприированный сторонниками капитализма) включает в себя необходимость абсолютного большинства продавать свою свободу, чтобы выжить. Таким образом, чтобы быть последовательным либертарианцем, логически нужно поддерживать самоуправление, и поэтому социализм (смотри раздел G.4.2). Это объясняет долгую анархическую оппозицию фальшивому «индивидуализму», связанному с классическим либерализмом (так называемая правая «либертарианская» идеология, хотя ее лучше называть «пропертарианской», чтобы избежать путаницы). Таким образом, мы обнаруживаем, что Эмма Гольдман отвергала «этот тип индивидуализма» в «честь него… социальное угнетение защищается и выставляется как достоинство». [**Red Emma Speaks**, с. 112]

Как мы обсудим в разделе I.3.3, социализация защищается, чтобы обеспечить устранение наемного труда, и социализация это распространенная тема всех настоящих форм социализма. Анархисты утверждают, что государственный социализм не устраняет наемный труд, а универсализирует его. На самом деле, государственный социализм показывает, что социализм обязательно должен быть либертарным, а не государственным. Потому что, если государство владеет рабочим местом, тогда производители не владеют, и тогда они не будут обладать свободой управлять своей собственной работой, но вместо этого будут подчиняться государству, как боссу.

Более того, заменяя капиталистический класс государственными чиновниками, вы не устраняете наемный труд; на самом деле вы делаете его хуже во многих случаях. Поэтому «социалисты», которые требуют национализации средств производства это не социалисты (что значит, что Советский Союз и другие так называемые «социалистические» страны не были/ не являются социалистическими и партии, которые поддерживают национализацию, не являются социалистическими). На самом деле, попытки связать социализм с государством неправильно понимают природу социализма. Основной принцип социализма в том, что (социальные) неравенства между людьми должны быть устранены, чтобы обеспечить свободу для всех (естественные неравенства не могут быть отменены, и анархисты не желают отменить их). Социализм, как сказал Прудон, «это эгалитаризм превыше всего». [**NoGods, No Masters**,

том 1, с. 57] Это относится также к неравенству во власти, особенно политической власти. И любая иерархическая система (в частности государство) отмечено неравенством власти – те, кто на вершине, (избранные или нет) имеют больше власти, чем те, кто снизу. Следующие комментарии спровоцированы изгнанием анархистов из социал-демократического Второго Интернационала:

«Можно утверждать с большей уверенностью, что мы самые логичные и самые полные социалисты, потому что мы требуем для каждого человека не только его (или ее) полную меру богатства общества, но также его (или ее) порцию социальной власти, что значит, реальную возможность влиять, вместе с другими, на управление общественными делами». [Malatesta and Hamon, **Op. Cit.**, vol. 2, p. 20]

Выборы кого-либо, чтобы администрировать общественные дела для тебя, это не значит иметь порцию социальной власти. Это, используя слова анархо-синдикалиста Эмиля Пуже «акт отречения», делегирования власти в руки немногих. [**Op. Cit.**, с. 67] Это значит, что «вся политическая власть неизбежно создает привилегированную ситуацию для людей, которые используют ее. Таким образом, это нарушает, с самого начала, принцип равенства». [Voline, **The Unknown Revolution**, с. 249]

Из этого короткого обсуждения мы видим связи между либертарианством и социализмом. Чтобы быть настоящим либертарианцем, нужно поддерживать рабочий контроль, в другом случае вы поддерживаете авторитарные социальные отношения. Поддержка рабочего контроля значит, что вы должны обеспечить, что производители владеют (и таким образом контролируют) средства производства и распределения товаров, которые они производят. Без владения, они не могут по-настоящему контролировать свою деятельность или продукт своего труда. Ситуация, в которой работники владеют средствами производства и распределения товаров это социализм. Таким образом, для того, чтобы быть настоящим либертарианцем, требуется быть социалистом.

Похожим образом, настоящий социалист должен также поддерживать индивидуальную свободу мысли и действия, в другом случае производители «владеют» средствами производства и распределения только на словах. Если государство владеет средствами жизни, тогда производители не владеют и поэтому не могут управлять своей собственной деятельностью. Как показывает опыт России при Ленине, государственное владение скоро производит государственный контроль и создание бюрократического класса, который эксплуатирует и подавляет рабочих даже больше, чем их старые боссы. Так как это основной принцип социализма, что неравенства между людьми должны быть отменены, чтобы обеспечить свободу, не имеет смысла для настоящего социалиста поддерживать любой институт, основывающийся на неравенстве власти (как мы обсуждали в разделе B.2, государство это такой институт). Противостоять неравенству и не расширять эту оппозицию неравенству во власти, особенно политической власти, предполагает отсутствие ясного мышления. Таким образом, чтобы быть настоящим социалистом, нужно быть либертарианцем, поддерживать индивидуальную свободу и противостоять неравенствам во власти, которые ограничивают свободу.

Поэтому, вместо того, чтобы быть оксюмороном, либертарианский социализм показывает, что настоящий социализм должен быть либертарианским и что либертарианец, который не социалист, это фальшивка. Настоящие социалисты противостоят

наемному труду, они также должны противостоять государству по тем же причинам. Похожим образом, последовательные либератарианцы должны противостоять наемному труду по тем же причинам, по которым они должны противостоять государству. Поэтому, либертарианский социализм отрицает идею государственного владения и контроля над экономикой, вместе с идеей государства как такового. Через рабочее самоуправление оно предлагает принести конец авторитету, эксплуатации, и иерархии в производстве. Это само по себе увеличит, а не уменьшит, свободу. Те, кто утверждает обратное, редко утверждают, что политическая демократия приводит к меньшей свободе, чем политическая диктатура.

Последний пункт. Можно утверждать, что многие социальные анархисты проносят контрабандой государство через коммунальное владение средств для жизни. Это, однако, не так. Тот, кто так утверждает, путает общество с государством. Коммунальное владение, поддерживаемое коллективистами и коммунистами –анархистами не то же самое, что государственное владение. Потому что оно основано на горизонтальных отношениях между рабочими и «собственниками» социального капитала (т. е. федеративные коммуны как целое, что включает в себя самих рабочих, мы должны подчеркнуть), а не вертикальные, как в национализации (отношения между бюрократами и их «гражданами»). Также, такое коммунальное владение основано на том, чтобы позволить рабочим самим управлять своей работой и рабочим местом. Это значит, что оно основано на рабочем самоуправлении, и не заменяет его. В дополнение, все члены анархистской коммуны подпадают в одну из трех категорий:

(1) Производители (т. е. члены коллектива или самозанятые ремесленники);

(2) те, кто не могут работать (т. е. старики, больные и так далее, которые были производителями);

(3) или дети и молодые люди (т. е. те, кто будет производителем).

Поэтому, рабочее самоуправление в структуре коммунального владения полностью совместимо с либертарианскими и социалистическими идеями, заинтересованные во владении средств производства и распределения самими производителями. Далеко от того, чтобы быть противоречием между либертарианством и социализмом, либертарианские идеалы подразумевают социалистические идеалы, и наоборот. Как сказал Бакунин в 1867:

«Мы убеждены, что свобода без социализма — это привилегия и несправедливость, и что социализм без свободы — это рабство и жестокость.» [**Bakunin on Anarchism**, p. 127]

История подтвердила его слова. Либертарианский социализм не является оксюмороном, скорее государственный социализм и либертарианский капитализм это оксюмороны. Исторически (в терминах того, кто первый использовал слово) и логически (в терминах оппозиции всем иерархическим организациям) это анархисты, которые должны быть названы либертарианцами, а не пропертарианские правые.

I.1.1 Является ли социализм возможным?

В 1920 году, правый экономист Людвиг фон Мизес провозгласил социализм невозможным. Ведущий член «австрийской» школы экономики, он утверждал это на ос-

новании того, что без частной собственности на средства производства, не может существовать конкурентного рынка для товаров и без рынка для товаров, невозможно определить их стоимость. Без знания их стоимости, экономическая рациональность невозможна и поэтому социалистическая экономика просто будет хаосом: «абсурдный результат бездумного аппарата». Для Мизеса, социализм значил центральное планирование с экономикой «подчиняющейся контролю высшего руководства». [«Economic Calculation in the Socialist Commonwealth», с. 87-130, Collectivist Economic Planning, F.A von Hayek (ed.), с. 104 и с. 106] Применяя свой «экономический калькуляционный аргумент» к марксистским идеям будущего социалистического общества, его аргумент, утверждается, применим ко всем школам социалистической мысли, включая либертарные. На основе его аргумента многие правые утверждают, что либертарный (или любой другой) социализм невозможен в принципе.

Как обозревал Давид Швайкарт, «долгое время было признано, что аргумент Мизеса логически дефективен. Даже без рынка для товаров, их денежная стоимость может быть определена». [Against Capitalism, с. 88] Другими словами, экономические вычисления, основанные на ценах, возможны в либертарной социалистической системе. В конце концов, для постройки рабочего места требуется столько тонн стали, столько кирпичей, столько часов труда и так далее. Если мы предположим мутуалистское общество, тогда цены этих товаров могут быть легко найдены, потому что кооперативы предлагали бы свои услуги на рынке. Эти товары были бы входными для создания других товаров и поэтому денежная стоимость последних может быть найдена.

Достаточно иронично, Мизес упоминал о идее такой мутуалистской системы в своем первоначальном эссе. «Обменные отношения между производством и товарами могут быть только установлены на основе частной собственности на средства производства», предполагал он. «Когда 'угольный синдикат' предоставляет уголь «железному синдикату», цена не может быть образована, только если оба синдиката являются собственниками средств производства, занятых в их бизнесе. Это не будет социализация, но капитализм рабочих и синдикализм». [Op. Cit., с. 112] Однако, его аргумент имеет недостатки по многим причинам.

Во-первых, и это самое очевидное, социализация (как мы обсудили в разделе I.3.3) просто значит свободный доступ к средствам для жизни. До тех пор, пока те, кто присоединяются к рабочему месту, имеют те же права и свободы, как существующие члены, тогда существует социализация. Рыночная система кооперативов, другими словами, не является капиталистической, потому что там нет наемного труда и новые работники являются полными членами синдиката, с теми же правами и свободами, как существующие члены. Таким образом, нет иерархических отношений между владельцами и наемными рабами (даже если эти владельцы также там работают). Все рабочие контролируют средства производства, которые они используют, это не капитализм.

Во-вторых, такая система ошибочно называется, как предлагает Мизес, «синдикализм», но правильнее было бы назвать это мютюэлизмом, и он очевидно считал его самого известного защитника, Прудона и его «фантастические мечты» о мютюэлитском банке, социалистическими. [Op. Cit., с. 88] Существенно, Мизес позже признавал, что это было «вводящим в заблуждение» называть синдикализм рабо-

чим капитализмом, хотя «рабочие были собственниками средств производства», это был «не настоящий социализм, то есть централизованный социализм», так как он «должен получать производственные товары из рынка. Индивидуальные граждане не должны располагать долей средств производства, которые предназначены им». Синдикализм, т. е. когда те, кто делают работу, контролируют ее, был «идеалом грабящих орд»! [Socialism, с. 274, с. 270, с. 273 и с. 275]

Его последователи, похожим образом, пришли к выводу, что «синдикализм» не был капитализмом и Хайек констатировал, что есть «много типов социализма», включая «коммунизм, синдикализм, цеховой социализм». Существенно, он показывал, что аргумент Мизеса был нацелен на системы, основанные на «центральном управлении всей экономической активности» и поэтому «ранние системы более децентрализованного социализма, как цеховой социализм или синдикализм, не рассматриваются нами здесь, потому что большинство признало, что они не предоставляют механизма для рационального управления экономической активностью»..» [«The Nature and History of the Problem», с. 1-40, Collectivist Economic Planning, F.A von Hayek (ed.),с. 17, с. 36 и с. 19] К сожалению, он не показал, кто пришел к такому выводу. Более недавно, Мюррей Ротбард призывал государство продавать частные акции рабочим в бывших сталинистских режимах в Восточной Европе, потому что собственность «не должна быть подарена коллективам или кооперативам, или рабочим или крестьянам в целости, это только принесет обратно пороки социализма в децентрализованной и хаотической синдикалистской форме». [The Logic of Action II, с. 210]

В третьих, синдикализм обычно относится к стратегии (революционный юнионизм), используемой, чтобы достичь (либертарного) социализма, а не сама цель (как заметил сам Мизес в тираде против профсоюзов, «Синдикализм это не что иное, как французское слово, означающее трейд юнионизм». [Socialism, с. 480]). Можно утверждать, что такая мютюэлистская система может быть целью для некоторых синдикалистов, хотя большинство предпочитают либертарный коммунизм (простой факт, очевидно не знакомый Мизесу). На самом деле, невежество Мизеса о синдикалистской мысли поразительно, он утверждает, что «рынок это демократия потребителей. Синдикалисты хотят трансформировать его в демократию производителей». [Human Action, с. 809] Большинство синдикалистов, однако, стремятся отменить рынок, и все стремятся к рабочему контролю над производством, чтобы дополнить (не заменить) выбор потребителя. Синдикалисты, как другие анархисты, не стремятся к рабочему контролю над потреблением, как утверждает Мизес. Учитывая, что Мизес утверждает, что рынок, в котором один человек может иметь тысячи голосов, и другой один голос, это «демократия», его невежество о синдикалистских идеях возможно только один аспект его общего незнания реальности.

Более важно, целая предпосылка его критики мютюэлизма ущербна. «Обменные отношения в производственных товарах», утверждал он, «могут быть установлены только на основе частной собственности на средства производства. Если Угольный Синдикат предоставляет уголь Железному Синдикату, цена может быть установлена только если оба синдиката владеют средствами производства». [Socialism, с. 132] Это может быть сюрпризом для многих компаний, чьи разные отделения продают друг другу свои продукты! Другими словами, сам капитализм показывает, что отделения компании, принадлежащие одной корпорации, могут обмениваться товарами через

рынок. То, что Мизес делает такое утверждение, хорошо показывает твердый базис его аргумента в реальности. Таким образом, социалистическое общество может иметь широкую автономию для своих кооперативов, точно так же как большая капиталистическая фирма может:

«предприниматель в состоянии так разделить расчеты по каждому подразделению своего предприятия, чтобы стало возможным определить их роль во всем предприятии. Таким образом, он может рассматривать каждое подразделение как если бы оно было отдельным образованием и может оценивать его соответственно доле его вклада в успех общего предприятия. В этой системе делового расчета каждое подразделение фирмы представляет собой целостное образование, так сказать, гипотетически независимое предприятие. Предполагается, что это подразделение владеет определенной частью капитала всего предприятия, что оно осуществляет закупки у других подразделений и продает им, что у него есть издержки и доходы, что его работа приносит либо прибыль, либо убытки, которые условно характеризуют его собственное ведение дел, в отличие от результатов других подразделений. Таким образом, предприниматель может предоставить администрации каждого подразделения высокую степень независимости… Каждый менеджер отвечает за работу своего подразделения. Если в отчетах показана прибыль это его заслуга, если убыток то его вина. Личные интересы побуждают его проявлять предельную осторожность и полностью выкладываться, руководя делами своего подразделения». [Human Action, с. 301-2]

Так много, для понятия, что общее владение делает невозможным рыночный социализм. В конце концов, либертарное общество может так же легко разделить вычисления каждой части своего предприятия, таким образом, чтобы определить, роль каждого кооператива в экономике. Оно может взглянуть на каждый отдел, как если бы он был отдельной организацией и оценить его в соответствии с долей, которое оно вкладывает, потому что предполагается, что каждый отдел «владеет» (то есть имеет права использования) своей определенной частью. Кооператив может покупать и продавать другим кооперативам и прибыль или убытки могут приписываться им, чтобы оценить независимые действия каждого кооператива и поэтому их собственные интересы принуждают кооперативных рабочих к предельной заботе и усилиям в управлении делами кооператива.

Чтобы опровергнуть Мизеса, нам нужно только повторить то, что он сам сказал о больших корпорациях! Таким образом, может существовать широкая автономия для организаций при социализме и это никаким образом не противоречит факту, что «все средства производства — это собственность общества». [«Economic Calculation in the Socialist Commonwealth», Op. Cit., с. 89] Социализация, другими словами, не подразумевает центральное планирование, но свободный доступ и свободные ассоциации. В общем, Мизес перепутал права собственности с правами использования, владение с собственностью, и не смог увидеть, как мютюэлистская система социализированных кооперативов, обменивающихся продуктами, может быть жизнеспособной альтернативой существующему эксплуататорскому и угнетающему экономическому режиму.

Такая мютюэлистская экономика также ударяет по сердцу заявлений Мизеса, что социализм «невозможен». Учитывая, что он признавал, что могут существовать

рынки при социализме, и поэтому рыночные цены на товары в социалистической экономике, его утверждения о невозможности социализма кажутся необоснованными.

Для Мизеса, проблема социализма была в том, что «потому что товары для производства никогда не станут предметами обмена, будет невозможно определить их монетарную стоимость». [Op. Cit., с. 92] Недостаток в его аргументе очевиден. Возьмем, например, уголь, мы увидим, что это одновременно средство производства и потребления. Если рынок для потребительских товаров возможен в социалистической системе, тогда соревновательные цены для товаров для производства также возможны, потому что синдикаты, производящие товары для производства также будут продавать свои продукты своего труда другим синдикатам или коммунам. Как признал Мизес, когда обсуждал одну схему цехового социализма, «ассоциации и под-ассоциации сохраняют взаимные обменные отношения; они получают и дают как если бы они были владельцами. Таким образом, формируются рынок и рыночные цены». Таким образом, решая о новом рабочем месте, железной дороге или доме, принимающие решение имеют доступ к конкурентным ценам, с помощью которых примут решение. Аргумент Мизеса не работает против комунного владения в такой системе, потому что коммуна будет покупать продукты у синдикатов таким же образом, как одна часть компании может покупать продукты у другой части той же компании при капитализме. То, что товары, произведенные самоуправляющимися синдикатами имеют рыночные цены, не означает капитализма, потому что они отменяют наемный труд и основаны на свободном доступе (социализации), это форма социализма (как его определяют социалисты, протесты Мизеса, что «это несовместимо с социализмом» противоречат фактам). [Socialism, p. 518]

Мюррей Ротбард предполагал, что самоуправляющаяся система развалится, и система «составленная исключительно из самоуправляющихся предприятий невозможна, и приведет... к калькуляционному хаосу и полному разрушению». Когда «каждая фирма находится в совместном владении всех собственников», тогда «нет разделения между рабочими, владельцами земли, капиталистами, и предпринимателями. Не будет способа разделить доходы от заработной платы от доходов по кредитам или доходы от аренды от прибыли. И сейчас мы в конце концов приходим к настоящей причине, почему экономика не может состоять полностью из таких фирм (называемые производственными кооперативами). Потому что без внешнего рынка для зарплат, аренды и процентной ставки, не будет рационального способа для предпринимателей размещать средства в соответствии с желаниями потребителей. Никто не будет знать, как он будет использовать свою землю или труд, чтобы получить максимальную прибыль. Предприниматели не будут знать, как распределить средства самым эффективным образом и получить максимальную прибыль. Не может быть эффективности в производстве, потому что требуемое знание будет отсутствовать». (цитируется по David L. Prychitko, Markets, Planning and Democracy, с. 135 and с. 136)

Трудно воспринимать этот аргумент серьезно. Рассмотрим, например, докапиталистическое общество фермеров и ремесленников. Обе группы людей владеют своими средствами производства (землей и инструментами, которые они используют). Фермеры выращивают зерно для ремесленников, те, в свою очередь, предоставляет

фермерам инструменты. В соответствии с Ротбардом, фермеры не будут знать, что выращивать, и ремесленники не будут знать, какие инструменты покупать, чтобы удовлетворить потребности фермеров, и какие инструменты использовать, чтобы сократить рабочее время. Предположительно, ремесленники и фермеры не будут спать ночами, волнуясь, что произвести и желая, чтобы у них был лендлорд и босс, чтобы сказать им, как наилучшим образом использовать свои ресурсы и труд.

Давайте добавим класс лендлордов к этому обществу. Теперь лендлорд может сказать фермеру, что выращивать, потому что его доход от аренды показывает, как использовать землю наилучшим образом. Кроме того, конечно, это все еще фермеры решают, что производить. Зная, что им нужно платить аренду (для доступа к земле) они решат посвятить свою (арендованную) землю самому прибыльному использованию, чтобы платить аренду и иметь достаточно денег для жизни. Почему они не стремятся к самому выгодному использованию без нужды платить аренду, не выяснено Ротбардом. То же самое можно сказать про ремесленников, подчиняющихся боссу, потому что рабочий может оценить, является ли инвестиция в специфический новый инструмент приведет к большему доходу или понизит затраты труда или соответствует ли новый продукт потребностям потребителей. Двигаясь из до-капиталистического общества к пост-капиталистическому, ясно, что система самоуправляющихся кооперативов может принять те же самые решения без потребности в экономических хозяевах. Это неудивительно, учитывая, что Мизес утверждал, что босс «конечно имеет власть над рабочими», но «хозяином производства является потребитель». [Socialism, c. 443] В таком случае, босс не должен быть посредником между настоящим «хозяином» и теми, кто работает на производстве!

В общем, Ротбард подтверждает комментарии Кропоткина, что экономика («эта псевдо-наука буржуазии») «не прекращает всеми путями восхвалять выгоды индивидуальной собственности» в то время как «экономисты не заключают, что 'земля для тех, кто обрабатывает ее'. Наоборот, они спешат сделать вывод из ситуации, что 'Земля принадлежит лорду, который обрабатывает ее наемным работникам!'» [Words of a rebel, c. 209-10] В дополнение, Ротбард имплицитно помещает «эффективность» выше свободы, предпочитая выгоды сомнительной «эффективности» выгодам свободы, которые принесет отмена автократии на рабочем месте. Выбирая между свободой и «эффективностью», настоящий анархист выберет свободу. К счастью, свобода на работе повысит эффективность, поэтому решение Ротбарда неправильное. Также нужно заметить, что позиция Ротбарда (как это обычно бывает) прямо противоположна позиции Прудона, кто считал «неизбежным», что в свободном обществе «две функции Наемного Работника и Владельца-Капиталиста-Предпринимателя, станут равными и неотделимыми в личности каждого работника». Это было «первым принципом новой экономики, принцип полный надежды и утешения для рабочего без капитала, но принцип полный страха для паразита и для инструментов паразитизма, которые видят свою излюбленную формулу 'Капитал, труд, талант!', низведенной до нуля. [**Property is Theft!**, c. 535, c. 289]

И кажется странным совпадением, что кто-то, рожденный в капиталистической экономике, идеологически поддерживает ее со страстью и стремится оправдать ее классовую систему, делает вывод из данного набора аксиом, что землевладельцы и капиталисты играют важную роль в экономике! Не займет много времени

определить, придет ли к такому логическому выводу о насущной экономической необходимости классов, из тех же аксиом, человек в обществе без землевладельцев или капиталистов. Не нужно долго думать, почему греческие философы, как Аристотель, заключили, что рабство это естественно. Кажется странным, что века принуждения, власти, статизма, классов и иерархий не имели никакого влияния на то, как общество развивается, как конечный продукт настоящей истории (капиталистическая экономика) случился таким же, как предсказывал Ротбард, исходя из нескольких предположений. Неудивительно, что «австрийская» экономика больше похожа на рационализацию для идеологически желаемого результата, чем на серьезный экономический анализ.

Даже некоторые диссидентствующие «австрийские» экономисты признают слабость позиции Ротбарда. Так, «Ротбард очевидно неправильно понимает главный принцип кооперативов производителей и самоуправления в общем». В реальности, «демократический метод организации предприятия, самоуправление рабочих в принципе полностью совместимо с рыночной системой» и поэтому «рыночная экономика, состоящая из самоуправляемых предприятий согласуется с австрийской экономической теорией... Это система, основанная на рынке... которая не сталкивается с эпистемологическим препятствиями... которые запрещают рациональные экономические расчеты» при государственном социализме. К сожалению, социализм до сих пор приравнивается к центральному планированию, такая система «определенно не социализм. И это, однако, не капитализм в обычном понимании слова». На самом деле, это не капитализм вовсе и если мы предположим, что свободный доступ к таким ресурсам, как рабочие места и кредит, тогда это точно социализм («Законное владение это не главный вопрос в определении рабочего самоуправления – это менеджмент. Рабочие-менеджеры, не обязательно законные владельцы всех факторов производства в фирме, свободны экспериментировать и устанавливать политику предприятия, как они хотят».) [David L. Prychitko, **Op. Cit.**, с. 136, с. 135, с. 4-5, с. 4 и с. 135] Это предполагает, что нетрудовые средства производства могут быть куплены у других кооперативов, кредиты могут быть предоставлены мутуалистскими банками (кредитные кооперативы) и так далее. Мутуалистская система полностью осуществима.

Таким образом, экономические вычисления, основанные на соревновательных рыночных ценах возможны при социалистической системе. На самом деле, мы видим примеры этого даже при капитализме. Например, Мондрагонская Кооперативная Корпорация в Стране Басков показывает, что либертарная социалистическая экономика может существовать и процветать. Возможно, будет предполагаться, что экономика нуждается в фондовом рынке, чтобы оценивать компании, как это сделал Мизес. Таким образом инвестиции «не дело менеджеров компаний на бирже, это в сущности дело капиталистов» в «обмене акциями». Инвестиции, он утверждал, были «не вопросом зарплат» менеджеров, но «капиталистов, которые покупают и продают акции, которые дают деньги в долг и выплачивают их, которые открывают депозиты в банках». [**Socialism**, p. 139]

Будет грубо заметить, что члены кооператива при капитализме, как большинство людей рабочего класса, более чем способны открывать депозиты в банках и распоряжаться долгами. В мутуалистской экономике, рабочие не потеряют эту способность,

только потому что банки сами являются кооперативами. Похожим образом, будет одинаковым образом грубо, но важно заметить, что фондовый рынок едва ли способ, которым приобретается капитал при капитализме. Как указывает Двад Энглер, «сторонники системы… утверждают, что фондовый рынок мобилизует капиталы для бизнеса. Так ли это? Когда люди покупают и продают акции, 'инвестиции не идут в запасники компании… Акции просто меняют хозяев денег в бесконечном цикле'. Компания получает финансирование только от выпуска новых обыкновенных акций. Они оценивались в среднем в 0,5 % акций, торгующихся в США в 1980-ых.» [**Apostles of Greed**, с. 157-158] Это повторяет Давид Эллерман:

«Несмотря на большую символическую ценность фондового рынка, известно, что он имеет относительно малую связь с производством товаров и услуг в экономике (как и азартные игры). Ошеломляющий размер транзакций на фондовом рынке приходится на акции вторичных трейдеров, так что капитал, оплаченный за акции, отправляется к другим трейдерам, а не к производящим предпринимателям, выпускающим новые акции». [**TheDemocratic Worker-Owned Firm**, с. 199]

Это предполагает, что «эффективное распределение капитала в производстве не требует фондового рынка (этому свидетель сектор малого бизнеса [при капитализме])». «Социалистические фирмы», замечает он, «обычно атакуются как от природы неэффективные, потому что они не размещают обыкновенные акции для рыночной оценки. Если бы этот аргумент был годным, он бы предполагал, что целый сектор некотирующихся малых и средних фирм на Западе были 'по природе неэффективны' — вывод, который нужно рассматривать с некоторым скептицизмом. На самом деле, по сравнению с большими корпорациями с публично торгующимися акциями, малые фирмы возможно более эффективные пользователи капитала». [**Op. Cit.**, с. 200 и с. 199]

В терминах влияния фондового рынка на экономику есть хорошая причина думать, что он мешает экономической эффективности, генерируя извращенный набор стимулов и потоки неправильной информации и поэтому их отмена на самом деле поможет производству и производственной эффективности).

Рассматривая первый вопрос, существование фондового рынка имеет серьезные (негативные) эффекты на инвестирование. Как замечает Дуг Хенуд, есть «серьезные проблемы в коммуникации между менеджерами и акционерами». Так происходит, потому что «даже если участники знают о предвзятости в оценке доходов (компании), и даже если они корректны, менеджеры все еще имеют стимулы попытаться обмануть рынок. Если вы скажете правду, ваша точная оценка будет снижена скептическим рынком. Поэтому, полностью рационально для менеджеров повышать доходы в коротком периоде, или через фокусы с бухгалтерией или делая инвестиций с быстрым возвратом». Менеджеры «сталкиваются с рынком, (фондовый рынок) который известен своим предпочтением к быстрому доходу сегодня, чем к терпеливому долгому росту, не имеют выбора и должны выполнять требования рынка. В противном случае, их акции понизятся в цене, и фирма готова к захвату». В то время как «фирмы и экономики не могут стать богаче, моря себя голодом», инвесторы на фондовом рынке «могут стать богаче, когда компании, которыми они владеют, становятся голодными – хотя бы в короткой перспективе. Что касается долгосрочной

перспективы, что же, это чужая проблема после следующей недели». [**Wall Street**, с. 171]

Иронически, эта ситуация имеет параллели со сталинистским центральным планированием. При такой системе менеджеры государственных предприятий имели стимулы врать о своей производительности планирующей бюрократии. Планировщик, в свою очередь, предполагал более высокую производительность, вредя честным менеджерам и побуждая их врать. Это, конечно, имело серьезное плохое влияние на экономику. Неудивительно, похожие эффекты производятся рынками капитала на экономики, подчиняющиеся им, такие же плохие и принижают долгосрочные проблемы и инвестиции. В дополнение, нужно заметить, что фондовые рынки регулярно испытывают пузыри и последующие падения. Фондовые рынки могут отражать коллективные суждения инвесторов, но они мало говорят о качестве этих суждений. Какая польза от цен на акции, если они просто отражают психологию стада, иллюзии людей, невежественных о настоящей экономике или тех, кто не смог увидеть пузырь? В особенности, когда происходит влияние на реальный мир, когда такие пузыри лопаются, могут иметь разрушающие последствия на тех, кто не задействован в фондовом рынке.

Вкратце, фирмы «в подавляющем большинстве финансируют сами себя – то есть, большая часть их затрат на инвестиции финансируется из прибыли (приблизительно 90%, в среднем за долгий срок)». Фондовый рынок предоставляет «только малую часть инвестиционных фондов». Есть, конечно, некоторые «периоды, как 1990-ые, во время которых фондовый рынок служит каналом для сбора большого количества денег в спекулятивные схемы, большинство из которых испарились… Многие, может быть большинство, из тех, кто получали финансирование в 1990-ых не заслуживали денег». Такие подъемы не длятся вечность и «не являются рекламой для эффективности наших рынков капитала». [Henwood, **After the New Economy**, с. 187 и с. 188]

Таким образом, есть существенная причина ставить под вопрос предположение, что фондовый рынок необходим для эффективного распределения капитала. Нет нужды в рынках капитала в системе, основанной на мутуалистских банках и сетях кооперации. Хенуд приходит к выводу, что «сигналы, испускаемые фондовым рынком не имеют значения или вредны для реальной экономической активности, и что фондовый рынок сам по себе предоставляет маленький источник финансов. Акционеры… не приносят пользы». [**Wall Street**, с. 292]

Существует ирония в утверждении Ротбарда о том, что самоуправление приведет к тому, что «не может быть эффективности в производстве, потому что отсутствует необходимое знание». Потому что капиталистические фирмы это иерархии, основанные на центральном планировании сверху вниз, и это мешает свободному потоку знаний и информации. Как в случае со сталинизмом, в капиталистической фирме информация проходит организационную иерархию и становится очень упрощенной и важное локальное знание и детали теряются (когда не фальсифицируются сознательно, чтобы обеспечить продолжительную занятость, скрывая плохие новости). Топ-менеджмент принимает решения, основываясь на собранной информации, качество которой трудно узнать. Менеджмент страдает от недостатка информации и знаний, в то время как рабочим внизу иерархии не хватает автономии, чтобы испра-

вить недостаток информации и стимулов для предоставления точной информации и улучшения производственного процесса. Как справедливо заметил Корнелиус Касториадис:

«Бюрократическое планирование это не что иное, как распространение на экономику, как целое, методов, созданных и применяемых капитализмом в 'рациональном' управлении больших производственных единиц.

I.3 Как могла бы выглядеть экономическая структура анархического общества?

В этом разделе мы рассмотрим вопрос о возможных формах либертарно-социалистической экономики. Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет именно о **формах**, а не об одной определенной форме, так как по всей вероятности любое анархическое общество будет характеризоваться сосуществованием ряда экономических систем на различных территориях, в зависимости от предпочтений населения того или иного региона. *«В каждой местности*, – утверждал Диего Абад де Сантильян, – *степень соответствия экономических отношений модели мютюэлизма, коллективизма или коммунизма будет зависеть от господствующих там условий. Зачем предрешать будущее? Мы, объявляющие своей целью Свободу, не можем отрицать ее в экономической сфере. Поэтому необходимо обеспечить свободу экономического экспериментирования, свободу проявления инициативы и выдвижения различных предложений в этой отрасли, а также свободу экономической организации».*

Принципы анархизма *«могут быть реализованы в форме различных экономических систем, как основывающихся на приоритете индивида, так и коллективистских. Прудон был сторонником мютюэлизма; Бакунин – коллективизма; Кропоткин – коммунизма. Малатеста предполагал возможность синтеза указанных выше подходов, в особенности в первоначальный период».*[**After the Revolution**, с. 97 и с. 96]

В этом разделе мы попытаемся рассмотреть и обсудить идеи четырех основных школ анархистской экономической мысли: индивидуалистического анархизма, мютюэлизма, анархо-коллективизма и анархо-коммунизма. Мы предоставляем читателю самому(-ой) сделать вывод о том, какое из рассмотренных здесь теоретических течений анархизма наиболее полно достигло цели соединения идей личной свободы и общественного блага (как в свое время точно заметил индивидуальный анархист Жозеф Лабадье, *«анархизм не стремится навязать обществу какую-либо формальную совокупность правил; он открывает перед членами общества возможность осуществления своих идей по увеличению собственного счастья»* [**The Individualist Anarchists**, с. 260-261]). *«Ничто так не противоречит подлинному духу Анархии, как единообразие и нетерпимость»*, – указывал Кропоткин. *«Свободное развитие предполагает разносторонность, и потому различие убеждений и действий»*. Поэтому именно конкретный опыт является «лучшим учителем, а необходимый опыт может быть получен лишь при условии полной свободы действий» [Цит. по Ruth Kinna, «Fields of Vision: Kropotkin and Revolutionary Change», pp. 67-86, SubStance, Vol. 36, No. 2, p. 81]. Конечно же, можно предположить и другие типы экономических отношений, но многие из них могут не быть либертарными. По словам Малатесты:

«Исходя из основного принципа анархизма, который состоит в том, что никто не должен стремиться или иметь возможность подчинять себе других членов общества и принуждать их к труду на себя, становится очевидным, что лишь те способы организации общественной жизни, которые исходят из уважения к свободе и признания того, что каждый индивидуум имеет право на равный доступ к средствам производства и полное распоряжение продуктом своего труда, имеют что-либо общее с анархизмом». [Errico Malatesta: His Life and Ideas, с. 33]

К тому же, следует принять во внимание, что на практике резкое отделение экономической жизни общества от его социально-политической структуры невозможно, так как между ними существуют многочисленные взаимосвязи: такие анархистские мыслители, как Бакунин, полагали, что «политические» учреждения будущего свободного общества должны основываться на системе производственных ассоциаций. В то же время Кропоткин считал основной единицей будущего анархокоммунистического общества и экономики территориальную коммуну производителей и потребителей. Таким образом, в анархистской теории отсутствует представление о резкой грани между экономической и социально-политической организацией будущего общества – что вполне естественно, так как общество в целом не сводится к своей экономической структуре, но и не существует в изоляции от последней. Для существования анархического общества необходимо объединение социально-политической и экономической жизни, «встраивание» последней в первую, дабы избежать негативного влияния экономических факторов внешнего порядка на общество в целом. Как указал в свое время Карл Поланьи, капитализм означает «ни более ни менее как превращение общества в придаток рынка. Теперь уже не экономика 'встраивается' в систему социальных связей, а социальные связи – в экономическую систему». [The Great Transformation, с. 57] Учитывая отрицательные последствия такого положения дел, не удивительно, что анархизм стремится изменить его.

Также необходимо отметить, что обсуждая экономические вопросы, мы не подразумеваем того, что преодоление собственно экономических структур господства или эксплуатации является более важным, чем борьба против остальных сторон всеобщей системы господства, т.е. социальной иерархии, патриархата, расизма и т.д. В данном случае мы начинаем с изложения вопросов экономики исходя из необходимости последовательного рассмотрения вопросов устройства анархического общества, но с таким же успехом можно бы было начать с рассмотрения будущей социально-политической структуры.

Однако, как кажется, Рудольф Рокер был прав, заявляя о неотъемлемой связи между экономическими преобразованиями и социальной революции в целом:

«Развитие общества в этом направлении [т.е. в направлении к безгосударственному обществу] было невозможным без коренных преобразований в существующей системе экономических отношений, ибо политическая тирания и экономическая эксплуатация вырастают из одного корня и соединены между собой нерушимыми связями. Свобода личности будет нерушимой только при условии экономического и социального благосостояния для всех членов общества… Отдельная личность тем выше, чем более она связана с общностью, являющейся прочнейшей основой моральной силы индивидов. Только в состоянии свободы человек способен осознать ответственность за свои действия и проявить заботу о правах других; только в

состоянии свободы возможно полное развитие того драгоценного социального инстинкта, заключающегося в способности человека к сопереживанию радостей и бед других людей и исходящем из нее стремлении к взаимопомощи, которые являются основой всех этических норм общества, всех идей общественной справедливости». [Nationalism and Culture, с. 147-148]

Целью существования любого анархического общества должно быть максимальное расширение свободы и потому – сферы творческой деятельности:

«Если, как я полагаю, является истиной, что в основе природы человека лежит потребность в творческой деятельности или творческом исследовании, свободных от произвольных ограничений со стороны авторитарных общественных институтов, тогда, разумеется, следует заключить, что справедливое общество должно стремиться к максимальному расширению возможностей осуществления этой человеческой черты. Итак, под анархо-синдикализмом я подразумеваю объединенную на федеративных началах, децентрализованную систему свободных ассоциаций, охватывающих как экономические, так и социально-политические стороны жизни общества. И мне кажется, что именно такая форма организации была бы оптимальной для технологически развитого общества, в котором человеческие существа не были бы сведены до положения живых орудий или винтиков в машине». [Noam Chomsky, Manufacturing Consent: Noam Chomsky and the Media, p. 31]

Итак, как можно было бы ожидать, поскольку в основе анархизма лежит отрицание властных иерархий, анархисты коренным образом не согласны с современной экономической организацией общества. Их негативное отношение к ней обусловлено тем, что в современном обществе власть в экономической сфере воплощена в централизованной, иерархической организации производства, обеспечивающей правящему классу (капиталистам) абсолютный контроль над находящимися в частной собственности средствами производства и низводящей большинство трудящегося населения до положения простых исполнителей воли капитала (наемных рабов). В противовес этому, либертарно-социалистическая экономика будет основываться на децентрализованных, эгалитарных формах организации производства, при которых сами работники будут осуществлять демократическое самоуправление своей производственной деятельностью при общественной собственности на средства производства.

В число основных принципов либертарного социализма входят децентрализация, самоуправление, социализация средств производства, добровольная ассоциация и свободная федерация производственных единиц. Эти принципы определяют как форму, так и функциональный характер будущих экономической и политической систем. Бакунин дал превосходное изложение возможной либертарно-социалистической экономики, утверждая, что в свободном обществе «земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками – земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда работникам принадлежат – рабочим ассоциациям». Такие ассоциации часто называют «кооперативами» или «синдикатами» (см. раздел I.3.1). Подобное устройство является следствием принципа «рабочего самоуправления», принятого либертарными социалистами. Это понятие подразумевает управление производственными процессами со стороны тех, кто их осуществляет, причем земельные угодья и промышленные предприятия «находятся во владении и под

управлением самих работников: посредством их свободно организованных ассоциаций – как индустриальных, так и земледельческих рабочих» (см. раздел I.3.2). Для большинства анархистов «социализация» является необходимой предпосылкой образования либертарного общества, так как только она может обеспечить всеобщее самоуправление путем предоставления свободного доступа к средствам производства (см. раздел I.3.3). Поэтому образование анархической экономики тесным образом связано с «переходом» «земли, орудий производства и прочих капиталов» в «коллективную собственность всего общества, управляемую одними лишь работниками, то есть их земледельческими и фабричными ассоциациями» [Bakunin on Anarchy, p. 247, p. 400 and p. 427].

Как подытожил Александр Беркман, «Революция ликвидирует частную собственность на средства производства и распределения, а с ней и капиталистическое предпринимательство. Сохранится лишь личное владение потребительскими благами. Например, Ваши часы останутся Вашими, но часовая фабрика будет принадлежать народу. Земля, машины, и все другие предметы общественного пользования будут находиться в общественной собственности, их нельзя будет продать или купить. Основанием не собственности, но владения [при коммунистическом анархизме] будет лишь фактическое пользование. Например, организация горняков будет управлять угольными копями – не в качестве полновластных хозяев, а как действующая организация производственного самоуправления. Таким же образом профессиональные союзы железнодорожников будут управлять железными дорогами, и т.д. Коллективное владение, управляемое совместно в интересах общества в целом, придет на смену праву частной собственности, осуществляемому ради прибыли». [What is Anarchism?, с. 217]

Итак, социальные анархисты предлагают общественную собственность на средства производства и распределения в качестве решения экономических проблем, причем каждое производство должно находиться под совместным управлением своих работников. Однако ни одно предприятие не может существовать в полной изоляции и естественным образом стремится к сотрудничеству с другими производственными единицами в целях получения сырья для производства и реализации своих продуктов. Подобные связи будут основаны на анархических принципах свободного соглашения и добровольной федерации (см. раздел I.3.4). По мнению социальных анархистов, прямые экономические связи между предприятиями должны быть дополнены конфедеративными органами или координационными советами на двух уровнях: прежде всего, на уровне отрасли, к которой принадлежат те или иные предприятия; и, во-вторых, на межотраслевом уровне (включая сельское хозяйство), согласно интересам общества в целом (раздел I.3.5). В моделях некоторых экономических школ анархизма предполагается, что в такие федерации могут входить общественные кредитные учреждения.

В то время как некоторым анархо-синдикалистам подобная форма экономической организации кажется достаточной, большинство анархистов-коммунистов полагают, что экономическая организация общества должна быть подчинена обществу в целом (то есть, экономика должна быть коммунизирована). Это объясняется тем, что не все члены общества могут непосредственно участвовать в производственном труде (например, дети, старики, больные), и не все из трудящихся предпочтут при-

надлежать к синдикату (например, самозанятые работники). Но так как на жизнь всех из них окажут влияние решения, принятые органами экономического самоуправления, они должны иметь право голоса при принятии таких решений. Другими словами, при общественном строе, основывающемся на идеях коммунистического анархизма, работники будут принимать решения по текущим вопросам организации труда и управления производством, но критерии принятия этих решений будут определяться всеми членами общества.

Либертарное общество будет основываться на принципах свободного доступа и контроля над общественными ресурсами со стороны тех, кто ими пользуется. Оно будет представлять собой децентрализованную структуру, предполагающую прямое участие всех его членов в принятии решений по вопросам общественной жизни и самоуправлении, причем вся полнота политической власти и общественной инициативы будет исходить «снизу» и осуществляться массами. Такое общество будет объединять в себе свободную ассоциацию, федерализм и самоуправление с обобществленной собственностью. Свобода трудящихся – его основа, и социализация осуществляется в целях ее поддержания и защиты. Описанная здесь экономическая федерация в масштабах всего общества радикальным образом отличается от централизации экономики, существующей в условиях огосударствления, или национализации.

Представления различных течений анархизма о точной динамике развития будущей социализированной экономики самоуправления различаются. Наиболее явными являются разногласия по вопросу о конкуренции между отдельными предприятиями: как подробно объясняется в разделе I.3.6, в то время как индивидуалисты не считают такую конкуренцию чем-либо проблематичным, а мютюэлисты признают ее отрицательные стороны, но признают конкуренцию необходимой, анархисты-коллективисты и анархисты-коммунисты отрицают необходимость конкуренции и полагают, что либертарное общество может существовать и при ее отсутствии. К тому же, социализацию не следует смешивать с принудительной коллективизацией – индивиды и группы будут иметь возможность отказаться от участия в синдикальной организации и экспериментировать с другими экономическими формами (см. раздел I.3.7).

Наконец, анархисты считают, что либертарные принципы применимы ко всем формам организации экономики, невзирая на их масштаб и уровень развития, и стремятся достичь экономического устройства, основанного на подходящей технологической организации (несмотря на возражения марксистов – см. I.3.8).

Независимо от предполагаемой модели устройства либертарного общества, все анархисты согласны относительно важности децентрализации, свободного соглашения и свободной ассоциации. Предложенное Кропоткиным в статье «Анархизм» для «Британской энциклопедии» (1905 г.) определение анархизма представляет собой превосходный очерк общественного строя, к которому стремятся анархисты:

«Гармония в таком обществе достигается не подчинением законам или покорностью властям, а посредством соглашения, заключенного между различными территориальными и профессиональными группами, общинами, свободно учреждаемыми как для производства и потребления, так и для удовлетворения бесконечного многообразия нужд и стремлений цивилизованного человека».

«В обществе, основанном на этих началах,... добровольные объединения... сетью покрывающие друг друга, дали бы возможность удовлетворять всем общественным потребностям: потребления, производства и обмена, путей сообщения, санитарных мероприятий, воспитания, взаимной защиты от нападений, взаимопомощи, защиты территории; наконец — удовлетворения потребностей художественных, литературных, театральных, а также потребностей в развлечениях и т. п.».

«Более того, такое общество ни в коей мере не будет представлять собой чего-либо раз и навсегда данного, неизменного. Напротив, – как это можно увидеть на примере органической жизни в целом, – общественная гармония будет (как утверждают) поддерживаться вследствие постоянных изменений и переходов равновесия множества сил и влияний, и такие изменения будут более достижимы, чем прежде, так как ни одна из общественных сил не сможет прибегнуть к особой поддержке со стороны Государства». [Anarchism, с. 284]

Хотя такая система может показаться «утопической», следует упомянуть, что нечто подобное было осуществлено в реальности и показало довольно неплохие результаты в условиях коллективистской экономики, организованной в ходе Испанской революции 1936 г., несмотря на огромные препятствия, вызванные начавшейся гражданской войной и постоянные (и в конечном итоге успешные) усилия республиканцев, сталинистов и фашистов по ее уничтожению (см. раздел I.8 для введения в вопрос).

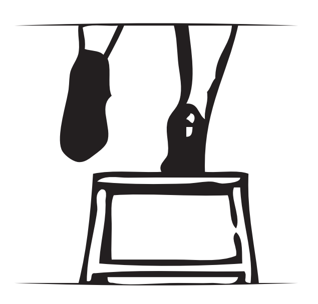
Кроме этого (и многих других) примеров «анархии в действии», существуют и альтернативные теоретические модели либертарно-социалистической экономики. Для всех них характерны общие черты: признание важности рабочего самоуправления, кооперации и т.д., описанные здесь и в разделе I.4. К произведениям на эту тему принадлежат «Синдикализм» Т. Брауна (Syndicalism by Tom Brown), «Программа анархо-синдикализма» Г.П. Максимова (The Program of Anarcho-Syndicalism by G.P. Maximoff), «Новое обоснование гильдейского социализма» и «Самоуправление в промышленности» Г.Д.Х. Коула (Guild Socialism Restated and Self-Government in Industry by G.D.H. Cole), «После революции» Диего Абада де Сантильяна (After the Revolution by Diego Abad de Santillan), «Экономическая теория анархизма» и «Принципы либертарной экономики» Абрахама Гайлена (Anarchist Economics and Principles of Libertarian Economy by Abraham Guillen), «Рабочие советы и экономическая теория общества самоуправления» Корнелиуса Касториадиса (Workers Councils and the Economics of a Self-Managed Society by Cornelius Castoriadis), и другие. Краткое изложение взглядов испанских анархистов на будущее либертарное общество можно найти в главе 3 книги Роберта Александера «Анархисты во время Гражданской войны в Испании» (The Anarchists in the Spanish Civil War) (т.1).

Некоторые анархисты поддерживают идеи так называемой «партисипативной экономики» (краткое обозначение – парэкон), хорошее краткое изложение которых можно найти в работах «Политическая экономия партисипативной экономики» (The Political Economy of Participatory Economics) и «Обращая взор вперед: Партисипативная экономика для XXI столетия» (Looking Forward: Participatory Economics for the Twenty First Century) под авторством Майкла Альберта и Робина Хэнела.

В художественной литературе образы либертарного социально-экономического строя можно найти в таких произведениях, как «Вести из ниоткуда» Уильяма Морри-

са, прекрасном романе Урсулы Ле Гуин «Обездоленный», «Женщины в конце времен» (Women on the Edge of Time) Мардж Пирси , и в повести «Последний капиталист» (The Last Capitalist) Стива Каллена. Цикл романов «Культура», написанный Иэном Бэнксом, посвящен описанию вымышленного анархо-коммунистического общества, но так как описанный в них мир находится на крайне высокой ступени научно-технического развития, то эти произведения могут рассматриваться в качестве лишь предварительного описания целей либертарного социализма и сознания людей, живущих в либертарном обществе (романы «Последнее слово техники» и «The Player of Games» построены на противопоставлении Культуры и иерархических обществ, в первом случае – Земли 1977 г.).

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Йен МакКей
Часто задаваемые вопросы анархизма

Перевели: аноним, Дана Бейсалиева, kiev_communard в жж.
Редакторы перевода: Дана Бейсалиева, Андрей Наполов.
Оригинал: http://infoshop.org/AnAnarchistFAQ

ru.theanarchistlibrary.org